

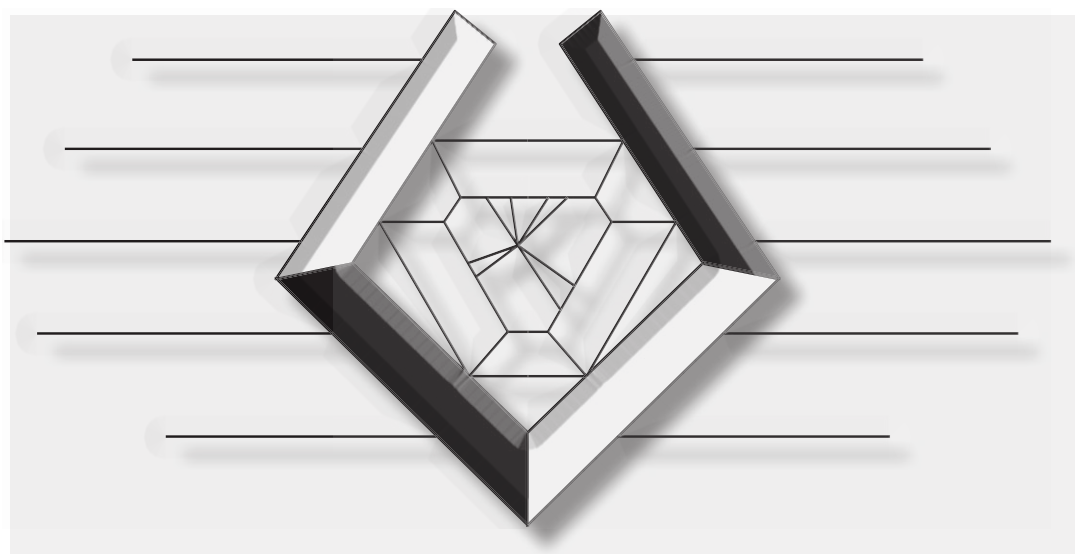
УНИВЕРСИТЕТ ИТМО

НАШИ ВЕТЕРАНЫ:

**ОНИ ТРУДИЛИСЬ
В НАШЕМ ВУЗЕ**

УНИВЕРСИТЕТ ИТМО: ГОДЫ И ЛЮДИ

*Серия книг по истории создания и развития
Санкт-Петербургского национального исследовательского университета
информационных технологий, механики и оптики
(бывшего Ленинградского института точной механики и оптики)*

Выпуск 8

Основана в 2000 году по решению Ученого совета Университета
в ознаменование 100-летия со дня создания
в составе Ремесленного училища цесаревича Николая
Механико-оптического и часового отделения,
превращенного трудами нескольких
поколений профессоров, преподавателей и ученых
в один из ведущих
университетов России —
Национальный исследовательский университет

*Редакционная коллегия серии:
Член-корреспондент РАН В.Н. Васильев (председатель),
профессор Ю.Л. Колесников, профессор Г.И. Новиков,
доцент Н.К. Мальцева (ученый секретарь)*

70-летию Великой Победы посвящается

НАШИ ВЕТЕРАНЫ:
они трудились в нашем вузе
(под редакцией доцента Н.К. Мальцевой)

УДК 383.095(09)

ББК Ч30/49

74.58 ф

М 36

М36 Наши ветераны: они трудились в нашем вузе. / Под редакцией доцента Н.К. Мальцевой. – СПб: Университет ИТМО, 2015. – 460 с. – Серия книг «Университет ИТМО: Годы и люди», часть восьмая.

Составитель Н.К. Мальцева

В составлении приняли участие: Т.В. Афанасьева, Н.М. Данилова, М.А. Иванова, Ю.Л. Колесников, Л.Г. Муханин, Н.Г. Незнайко, Б.Л. Тентлер, И.Ю. Щербакова, Р.А. Юрьева

Монография посвящена ветеранам Великой Отечественной войны, в разные годы работавшим в ЛИТМО - Университете ИТМО в послевоенное время после 1945 года, и содержит их биографии и воспоминания тех лет.

Материал богато иллюстрирован большим количеством фотографий и документов, стихов.

Для научных работников, преподавателей вузов, исследователей истории развития высшей школы, студентов и аспирантов.

Our Veterans: They Worked in Our Higher School. / Editor Assoc. Prof. Nadezhda K. Maltseva. – SPb.: ITMO University, 2015. – 460 p. – Series «ITMO University: People and Years», Vol. 8.

This edition is devoted to World War II Veterans who were employed at LIFMO – ITMO University during the years after 1945 and contains their memorial stories, poems.

The material is richly illustrated by photos and documents.

Issued for historians, researches, higher school students and educators.

ISBN

© Санкт-Петербургский национальный
исследовательский университет информационных
технологий, механики и оптики, 2015

© Н.К. Мальцева, редакция, 2015

70 лет тому назад закончилась Великая Отечественная война. Свыше 20 миллионов жизней отдали наши соотечественники во имя Родины, во имя Великой Победы. Время бессильно изгладить из памяти величия духа, мужество и героизм советских людей.

Иногда задумываешься: кто же эти люди, которые сделали всё возможное и невозможное, чтобы наступил этот светлый и радостный праздник Победы? Мы сегодня редко с кем-то из них встречаемся, слушаем их лекции, беседуем, стараемся узнать как можно больше об их героическом прошлом.

Ветераны войны нашего вуза сражались на разных фронтах, участвовали в битвах, которые определяли исход войны. Среди них те, кто прошли все 1418 дней боевым путем, и те, кто, будучи совсем мальчишками, воевали лишь в последние месяцы перед победой.

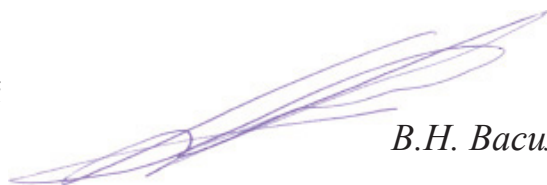
Около половины наших ветеранов защищали родной Ленинград. Документы, исторические труды, произведения литературы и искусства рассказывают нам об этой героической эпопее, о 900-дневной блокаде, но нет более убедительного и яркого свидетельства, чем рассказы об этих днях самих очевидцев - участников обороны Ленинграда. Именно эти воспоминания и публикуются в этой книге.

В Университете ИТМО в разные годы после 1945 года учились, преподавали и работали более восьмисот человек, принимавших непосредственное участие в боевых действиях в период Великой Отечественной войны.

Почти 500 ветеранов труда войны и жителей блокадного Ленинграда были сотрудниками вуза во второй половине прошлого века. Некоторые до сих пор работают в университете или, будучи на заслуженном отдыхе, не теряют с нами связь.

*С праздником Великой Победы – 70-летним юбилеем!
Счастья, здоровья и мирного неба, дорогие ветераны!*

*Ректор Университета ИТМО,
член-корреспондент Российской
академии наук*

В.Н. Васильев

УКАЗ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

ОБ ОБЪЯВЛЕНИИ 9 МАЯ ПРАЗДНИКОМ ПОБЕДЫ

В ознаменование победоносного завершения Великой Отечественной войны советского народа против немецко-фашистских захватчиков и одержанных исторических побед Красной Армии, увенчавшихся полным разгромом гитлеровской Германии, заявившей о безоговорочной капитуляции, установить, что 9 мая является днем всенародного торжества — ПРАЗДНИКОМ ПОБЕДЫ.

9 мая считать нерабочим днем.

***Председатель Президиума Верховного Совета СССР
М. КАЛИНИН***

***Секретарь Президиума Верховного Совета СССР
А. ГОРКИН***

Москва, Кремль. 8 мая 1945 года

В СОВНАРКОМЕ СССР

В соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР об объявлении 9 мая ПРАЗДНИКОМ ПОБЕДЫ Совнарком СССР постановил считать 9 мая 1945 года нерабочим днем.

Совет Народных Комиссаров СССР предложил всем советским государственным учреждениям 9 мая с. г. в день всенародного торжества—ПРАЗДНИК ПОБЕДЫ—поднять на своих зданиях Государственный Флаг Союза Советских Социалистических Республик.

ПРЕДИСЛОВИЕ

ВО ИМЯ РОДИНЫ

Участники боевых действий Великой Отечественной войны, труженики тыла, жители блокадного Ленинграда ...

Сегодня мы называем всех этих самоотверженных людей ветеранами Великой Отечественной, а тогда, в годы войны, многие из них были не старше нынешнего поколения студентов университета. На их долю выпал тяжёлый экзамен, и они с честью выдержали его, пережив горечь первых поражений, смерть товарищей...

Незабываемой радостью для них стала дата 9 мая 1945 года - День Победы, ради которой на протяжении четырех лет они отдавали все свои силы. Государство высоко оценило их боевые и трудовые заслуги, наградив орденами и медалями.

Для нас, россиян XXI века, великим долгом становится память – память о тех, кто сделал мир уже в течение 70 лет реальностью, о тех, кто не дожил до этой знаменательной даты.

В одной книге невозможно, к сожалению, рассказать обо всех наших ветеранах Великой Отечественной войны, работавших в стенах ЛИТМО-Университета ИТМО, но мы постарались донести их прижизненные личные воспоминания о четырех 1941-45 «очень длинных» годах, написанные и опубликованные в изданиях вуза в разное время.

Отдавая дань подвигу этих людей, все мы – живущие в послевоенное мирное время, с чувством глубокого уважения и благодарности помним о них.

Сегодня среди наших ветеранов, кто отдает себя до конца благородному делу – обучению и воспитанию молодёжи, остался лишь один – Лоргус Эдуард Владимирович. Он не мыслит себя вне профессионального труда и вне общественной работы в университете.

Не теряют связь с нашим вузом участники боевых действий ВОВ Василий Иванович Решёткин, Анатолий Федорович Жаров, участники обороны Ленинграда и труженики тыла Елена Марковна Федорова, Лидия Тимофеевна Никифорова, Нина Дмитриевна Худякова и другие ветераны.

Пожелаем всем нашим ветеранам в этот славный юбилей Великой Победы здоровья и счастья, долгих лет жизни и мирного неба над готовой!

ОЛЕГ БОРИН
студент

ПОРТРЕТ

*Памяти деда – Л.Л. Борина, политрука
184 стрелковой дивизии, погибшего в
декабре 1941 года под Колпино.*

Не видел никогда его я,
Лишь фото тех далеких лет,
Лишь только фото фронтовое –
Передо мной стоит мой дед.
 Не молод – сорок лет примерно
 Глядит сурово пред собой.
 Таким он был.
 Таким, наверно, он уходил в последний бой.
Война лишь только начиналась,
Шел грозный сорок первый год.
Немного жить ему осталось,
Но дед не знал, он шел вперед.
 Я не видел, как это было,
 Но представляю наяву:
 Земля рвалась, железо выло,
 И пепел сыпал листву,
Стояли насмерть. Спин не гнул
Перед свинцом, несущим смерть.
А пули пели, ныли пули,
Была такая круговерть!
 Дед на задымленной поляне,
 Раскинув руки широко,
 Упал, ворчали грозно танки,
 И небо плыло высоко.
А он как будто бы рукою
Хотел всю землю охватить...
А небо плыло голубое...
Он так надеялся дожить...
 Я не видал его ни разу,
 Я только разглядел портрет,
 Каким он был, я понял сразу –
 Он Человеком был, мой дед.

*Впервые опубликовано в газете «Кадры приборостроению»
№30 (1124), 29 ноября 1982 года*

*Александр ШЕВЕЛЕВ
выпускник ЛИТМО 1961 года*

НА ПОЛЕ СЛАВЫ

*Крутые годы
Отошли,
Войной наполненные,
Горем,
И обелиск стоит вдали,
И возвышается
Над полем.
Окопы,
Дзоты,
Блиндажи,
Траншеи узкие,
Косые –
Бессмертной славы
Рубежи...
И имя подвига-
Россия.*

*Впервые опубликовано в газете «Кадры приборостроению»
№3(1318), 6 февраля 1987 года.*

ГЛАВА 1

СОВЕТЫ ВЕТЕРАНОВ В ЛИТМО- УНИВЕРСИТЕТЕ ИТМО

140

ПРИКАЗ № 204

Директора Ленинградского института точной
механики и оптики

от 21/VI-41 г.

Предлагаю моему пом. по АХЧ т.ФРОЛОВИЧУ А.С.,
технику ВЕСЕЛОВУ, А.В. и прорабу ФЕДОРОВУ привести в
годное состояние помещение для бомбозубежца к 8-ми
часам утра 23-го Июня с.г. как то: очистить помещение
от всех предметов и материалов, проверить электропро-
водку, обеспечить помещение всем необходимым обо-
рудованием и сдать указанное помещение 23/VI в состоя-
нии, годным для эксплуатации.

В случае невыполнения моего распоряжения,
вышеназванные лица 23-го Июня с.г. будут отданы мною
под суд.

Директор Института /Шиканов С.А./

т.в. Фроловичу

Шиканов

Веселов

Федоров

4/12

Последний «мирный» приказ директора ЛИТМО
Сергея Александровича Шиканова

ВЕТЕРАНЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ (40-летию Великой Победы посвящается)

Вступила в свои права весна, похожая на все другие весны и в то же время необычайная, неповторимая. Весна 40-летия нашей Великой Победы.

Праздник победы – общенародный, но с особым чувством вглядываемся мы сегодня в лицах тех, у кого на груди разноцветные планки боевых наград, знак участника Великой Отечественной войны. Впрочем, и без этих отличий, пожалуй, сразу выделишь среди окружающих тебя людей наших славных ветеранов. Столько прожито ими, столько пережито... Неистребимо живет в их сердцах и умах гордая и горькая память тех лет – память жарких боев и до боли волнующих утрат товарищей по ратному подвигу, не доживших до Победы. Живет сознание величайшей ответственности за эту память, ответственности, питающей стремление быть всегда и во всем на высоте почетного звания защитника Родины.

В настоящее время, в год 40-летия Победы, в Ленинградском ордена Трудового Красного Знамени институте точной механики и оптики плодотворно трудятся 88 ветеранов Великой Отечественной войны. Большинство из них – это профессора и преподаватели, научные работники и учебный персонал кафедр, то есть те, кто непосредственно обучает и воспитывает молодежь. У них за плечами огромный жизненный, трудовой и боевой опыт, им есть что передать нашим студентам.

По-разному складывалась боевая биография наших ветеранов в годы войны, поистине великими, трудными и долгими были их фронтовые дороги. Но где бы они ни сражались, везде было одно – тяжелый ратный труд, горький, пропахший порохом солдатский хлеб.

На севере нашей Родины, в скалистых горах Заполярья с их суровым климатом, в лесах и болотах Карелии, возможно, и не решались крупнейшие стратегические задачи войны, зато воевать здесь было очень трудно. В кровопролитных боях за Петсамо и Киркинес был ранен сержант **Аркадий Михайлович Богданов**, учебный мастер кафедры теории механизмов и деталей приборов. Ему довелось воевать и на Дальнем Востоке против империалистической Японии. Уже после боев в составе морской пехоты на Южном фронте, где он получил ранение, выполнял боевые задачи на кораблях Северного флота **Анатолий Петрович Руднов**, преподаватель гражданской обороны.

НАШИ ВЕТЕРАНЫ: они трудились в нашем вузе

Вечер, посвященный 40-летию Великой Победы и вручению юбилейных медалей
Ветеранам Великой Отечественной войны: приветствие студентов строительных отрядов.
ЛИТМО. 1985 год

Сражался в Заполярье и в Северной Норвегии дважды раненный в боях пограничник **Петр Павлович Сенаторов**, старший инженер учебного отдела. В бригаде морской пехоты здесь воевал командир отделения **Руф Анатолевич Симовский**, ассистент кафедры охраны труда и охраны окружающей среды. Полковым разведчиком на Карельском фронте был **Игорь Николаевич Соколов**, рабочий кафедры теплофизики. Здесь же воевал ефрейтор **Яков Соломонович Фельдман**, старший преподаватель кафедры высшей математики. Все они проявили себя достойно, сражались мужественно и за свой ратный труд награждены орденами и медалями.

Самая большая группа наших ветеранов – участники битвы за Ленинград. На их долю выпали невероятные испытания блокады, голода, ограниченного боевого обеспечения, а также величайшая ответственность за судьбу города. Здесь никто себя не щадил, никто себя не жалел и отдавал все силы и даже сверх того, что мог, чтобы выстоять и победить.

Рядовым частей, защищавших ленинградское небо, начал войну **Павел Константинович Блоков**, старший преподаватель кафедры технологии приборостроения. Форсировал Неву и прорывал блокаду четырежды раненный в боях пулеметчик **Алексей Михайлович Быстров**, тренер кафедры физического воспитания и спорта. В частях НКВД, направлявшихся на самые трудные

участки фронта, воевал проректор **Евгений Сергеевич Васинев**. Рядовыми стрелками на Ленинградском фронте были **Лев Аристидович Гаваллас**, старший преподаватель кафедры физики; **Георгий Рафаилович Гольдберг**, ведущий конструктор; трижды раненный снайпер **Петр Федорович Гусев**, рабочий отдела главного энергетика.

За бои на Ленинградском и других фронтах четырьмя боевыми орденами награждены доцент кафедры истории КПСС **Иван Ильич Ильин**, получивший ранение, и профессор этой кафедры **Алексей Александрович Карасев**.

Учебный мастер кафедры технологии приборостроения **Михаил Константинович Кириков** дрался за Ленинград на Карельском перешейке, громил курляндскую группировку фашистов, а закончил войну в Праге. Оборонял Ленинград и освобождал Прибалтику раненный в боях помкомвзвода **Август Николаевич Киселев**, учебный мастер военной кафедры.

Защищали Ленинград и были ранены в боях командиры батарей **Степан Ануфриевич Корсун**, доцент военной кафедры, и **Петр Николаевич Макеев**, старший научный сотрудник кафедры теории оптических приборов, ставший инвалидом войны. В артиллеристских частях сражались также наводчик орудия **Василий Иванович Решеткин**, доцент кафедры оптических приборов, и зенитчик **Николай Михайлович Фунтов**, доцент кафедры квантовой электроники. В боях за Ленинград участвовали начальник химслужбы **Георгий Иванович Шелинский**, профессор кафедры химии; пулеметчик **Григорий Федорович Шibaев**, рабочий отдела капитального ремонта; рядовой **Семен Аркадьевич Шухман**, рабочий кафедры физического воспитания и спорта.

Длинной была дорога у гвардии сержанта **Сергея Викторовича Сперанского**. Он оборонял Ханко, Ленинград, сражался в Прибалтике, штурмовал Будапешт и Вену, освобождал Прагу. Не менее долгим был ратный путь и у трижды раненного командира стрелкового взвода **Василия Филипповича Наливайко**, начальника отдела. Ему довелось начать войну еще на границе, а закончить её в Силезии.

Сражался на «Невском пятачке», форсировал Неву в самое трудное время дважды раненный политбоец **Борис Иваночич Цирухин**, рабочий отдела снабжения. На тысячи верст протянулись военные дороги у также получившего два ранения шофера **Николая Георгиевича Павлова**, сотрудника охраны. Он участвовал в боях на Халхин-Голе и с белофиннами, оборонял Ленинград и освобождал Прагу.

Участниками обороны Ленинграда были шофер **Михаил Иванович**

НАШИ ВЕТЕРАНЫ:
они трудились в нашем вузе

Кузьмин, доцент кафедры физики **Виктор Кириллович Кобушкин**, рабочий отдела капитального ремонта **Иван Осипович Михайлов**, рабочие экспериментально-опытного завода **Василий Дмитриевич Сажин** и **Константин Федорович Усанов**, доцент кафедры теории оптических приборов **Владимир Васильевич Хваловский**.

Ветераны войны **ЛИТМО Александр Андреевич Дроздов**, раненный в боях, и **Виктор Сергеевич Дубровский** обороняли Москву. Сражались на Западном и Белорусском фронтах доцент кафедры технологий приборостроения **Илья Абрамович Высокодворский** и рабочий экспериментально-опытного завода **Иван Семенович Шишков**. В этих краях был ранен командир танкового взвода **Владимир Иванович Цунский**, сотрудник охраны.

Немало наших ветеранов сражалось на юге страны, участвовали в боях за Сталинград, Кавказ, Украину, воевали на Курской дуге. В этих местах воевал командир минометной роты **Александр Александрович Догадкин**, рабочий экспериментально-опытного завода. Позже он штурмовал Будапешт и брал Вену.

Обороняли Сталинград дважды раненный **Михаил Андреевич Кирст**, доцент кафедры бортовых приборов управления, и **Иван Захарович Захаров**, заведующий кафедрой истории. В этих боях был ранен сотрудник охраны **Иван Александрович Челноков**.

В битве за Кавказ принимали участие доцент кафедры конструирования и производства электронно-вычислительной аппаратуры **Николай Владимирович Ефимов**, дошедший с боями до Берлина, получивший три ранения доцент кафедры электроники **Борис Федорович Тархов** и доцент кафедры физики **Юрий Дмитриевич Корнюшкин**.

Сражались за советскую Украину, а затем принимали участие в освобождении народов Европы от гитлеровской тирании старший преподаватель кафедры физического воспитания и спорта **Эдуард Владимирович Лоргус**, рабочий этой же кафедры **Николай Васильевич Котов**, мастер экспериментально-опытного завода **Николай Петрович Перепелкин**, начальник штаба гражданской обороны **Александр Григорьевич Петров**, старший преподаватель кафедры автоматики и телемеханики **Николай Маркович Перевозчиков**, сотрудник охраны **Николай Николаевич Цветков**.

Яркая военная биография у доцента кафедры теории оптических приборов **Виктора Ивановича Целищева**. В своем танке он сражался на Западном, Южном, Белорусском и Украинском фронтах. Оборонял Москву, освобождал Донбасс, штурмовал Кенигсберг и закончил войну в Праге. Горел в боевой

машине, трижды был ранен в боях, награжден многими боевыми орденами и медалями.

Сражались наши ветераны на разных фронтах и в составе Военно-Воздушных Сил. Среди них доцент военной кафедры **Анатолий Васильевич Алексеев**, рабочий отдела капитального ремонта **Евгений Сергеевич Золотов**, доцент кафедры оптико-электронных приборов **Геннадий Иванович Лешев**, заведующий кафедрой экономики промышленности и организации производства **Леонид Иванович Путинцев** и доцент этой кафедры **Георгий Иванович Медведев**, заведующий кафедрой оптико-электронных приборов **Леонид Федорович Порфирьев**, доцент кафедры высшей математики **Александр Михайлович Медведев**, лаборант кафедры бортовых приборов управления **Иван Иванович Зимин**, мастер экспериментально-опытного завода **Алексей Иванович Лапин**, рабочий административно-хозяйственной части инвалид войны **Василий Павлович Голубев**, главный инженер института **Виктор Васильевич Левашов**, доцент военной кафедры **Николай Иванович Мирошниченко**. Хотелось бы особенно отметить летчика-штурмовика **Павла Даниловича Ковалева**, оператора отдела главного механика. Он был неоднократно ранен в боях, а будучи сбитым над территорией, занятой противником, сражался в партизанском отряде.

Ветераны войны, работающие сегодня в ЛИТМО, несли службу и в нашем доблестном Военно-морском Флоте. На севере воевали старший научный сотрудник кафедры электротехники **Юрий Алексеевич Климов** и преподаватель военной кафедры **Анатолий Константинович Серов**. В частях Балтийского флота обороняли Ленинград оптик-механик ЭОЗ **Борис Константинович Тарасов**, старший инженер экспериментально опытного завода **Евгений Владимирович Сергеев**, учебный мастер военной кафедры **Михаил Николаевич Виноградов**, старший инженер НИЧ **Борис Константинович Мокин**, старший научный сотрудник кафедры экономики промышленности и организации производства **Владимир Дмитриевич Филиппов**, сотрудник охраны **Сергей Ефимович Шараров**. На Тихом океане в войне против империалистической Японии принимали участие рабочий экспериментально-опытного завода **Александр Васильевич Веселов** и заведующий лабораторией кафедры конструирования и производства электронно-вычислительной аппаратуры **Вячеслав Михайлович Лакунин**.

В заключение с особой теплотой и нежностью в день 40-летия Великой Победы хотелось бы отметить наших фронтовых друзей.

Низкий поклон нашим дорогим ефрейтору **Евгению Тимофеевне**

НАШИ ВЕТЕРАНЫ:
они трудились в нашем вузе

Батуновой, вольнонаемной Ирине Михайловне Галкиной, партизанке Розе Семеновне Гуревич, рядовой Антонине Александровне Горшковой, сержанту Валентине Михайловне Дубняк, вольнонаемной Валентине Александровне Логачевой, ефрейтору Прасковье Павловне Кононовой, ефрейтору Наталье Петровне Пиманенко, рядовой Агафье Федоровне Панкратьевой, старшему сержанту Антонине Васильевне Сафроновой, вольнонаемной Марии Венедиктовне Смирновой, ефрейтору Марии Яковлевне Степановой, вольнонаемной Антонине Ивановне Федотовой, рядовой Марии Максимовне Шугалей!

С праздником вас, дорогие фронтовики! С весенним праздником 40-летия Великой Победы!

Опубликовано в газете «Кадры приборостроению» №15 (1215), 7 мая 1985 года

Ветераны Великой Отечественной войны (слева-направо) сидят: В.Ф. Наливайко, И.И. Зимин, А.Г. Петров, А.В. Алексеев,
стоят: А.П. Руднов, И.Н. Мирошниченко, Г.И. Шелинский. ЛИТМО, 1985 год

ЖАРОВ АНАТОЛИЙ ФЕДОРОВИЧ

ОСМЫСЛЯЯ ПРОЙДЕННЫЙ ПУТЬ

(Интервью Светланы Игнатенковой с Председателем институтского совета ветеранов войны и труда А. Ф. Жаровым)

- Анатолий Федорович, в каких формах ведется работа с ветеранами войны и труда в нашем институте?

- В начале 1987 года на общем собрании ветеранов войны и труда ЛИТМО была создана наша институтская организация. Ее работу возглавил совет ветеранов, который состоит из трех секций – ветеранов войны, ветеранов блокады Ленинграда и ветеранов труда. На сегодняшний день наша организация объединяет 397 человек. Из них 62 ветерана войны, 18 ветеранов Вооруженных Сил, 197 ветеранов блокады и 120 ветеранов труда.

- Какие задачи ставит перед собой организация?

- Мы ведем свою работу по двум главным направлениям. Во-первых, проявляем заботу об удовлетворении материально-бытовых и культурных запросов ветеранов, оказываем им содействие в получении всех предусмотренных льгот.

Во-вторых, привлекаем ветеранов к идеологическому военно-патриотическому, трудовому воспитанию молодежи.

- Что уже сделано?

- Показательна деятельность секции ветеранов блокады Ленинграда. За сравнительно короткий срок секция помогла получить ряду сотрудников института положенные им медали «За оборону Ленинграда» и удостоверения участника Великой Отечественной войны. 28 человек по ходатайству секции были награждены медалью «Ветеран труда». Институтский совет ветеранов принимает участие в юбилейных чествованиях. Так, недавно было отмечено 80-летие ветерана войны и труда А. М. Быстрова, а несколько ранее – юбилейные даты И. И. Зимина, Л. С. Смирновой, А. С. Бургонского. При подведении итогов месячника оборонно-массовой работы активисты совета В. Ф. Наливайко, В. Г. Мотов, И. В. Павлова были награждены ценными подарками.

- С какими общественными организациями сотрудничает наш совет?

- Совет ветеранов института строит свою работу на основе творческой инициативы и самостоятельности своих членов под руководством парткома ЛИТМО. Мы работаем в тесном контакте с советом по военно-патриотическому воспитанию, комитетом ДОСААФ, профсоюзной организацией. Лучшего оставляют желать наши контакты с комсомолом.

- Анатолий Федорович, приближается День Победы. Как встречают его наши ветераны войны?

- Об их участии в боевых действиях неоднократно рассказывалось на страницах институтской газеты. Писалось и о том, как они трудятся сегодня. Отрадно, что многие из них самым активным образом проявляют себя в работе нашего совета, ведут постоянную работу с молодежью. Это, прежде всего, В. Ф. Наливайко, А. М. Быстров, А. А. Дроздов, С. В. Сперанский, И. И. Зимин, Г. И. Шелинский, А. Г. Петров, Г. Е. Курковский, В. В. Левашов, Л. В. Гаваллас.

- Какие формы наиболее эффективны в воспитании подрастающего поколения?

- В высшем учебном заведении такая работа должна, на наш взгляд, вестись прежде всего через предмет. Примером тому - педагогическая деятельность таких ветеранов войны и труда, как А. В. Алексеев, И. Н. Мирошниченко, С. А. Корсун, А. П. Руднов. Все они в процессе преподавания используют свой богатый жизненный опыт. Проводит совет и встречи с молодежью. Например, большой интерес вызвала беседа профессора С. П. Митрофанова, поделившие-

гося своими воспоминаниями о героических днях блокады Ленинграда.

- В стране широким фронтом идет перестройка. Как она отражается на вашей работе?

- Демократизация жизни советского общества, расширение гласности пробудили у молодежи интерес к истории и осмыслению опыта старших. Передача молодежи традиций старшего поколения стала главным долгом ветеранов, Пора от нравоучений в форме монолога перейти к откровенным разговорам, диалогу, ответам на самые острые вопросы, беседам за «круглым столом».

Впервые опубликовано в газете «Кадры приборостроению» № 15 (1366), 6 мая 1988 года

Ректор ЛИТМО профессор Г.Н. Новиков беседует
с председателем Совета ветеранов А.Ф. Жаровым

БЛОКАДНОЕ БРАТСТВО

27 января наш город отметил очередную годовщину полного снятия блокады Ленинграда, которой окружили его фашисты во время Великой Отечественной Войны 1941-45 гг. А 25 февраля этого года исполнилось 15 лет со дня создания в нашем вузе Совета блокадников.

О сегодняшних днях Совета рассказывает инициатор его создания Владимир Григорьевич Мотов, долго время работавший в ИТМО старшим юристом.

Блокаду Ленинграда моя мать и я, тогда еще подросток, переживали крайне тяжело. И причиной тому были не столько бомбежки и обстрелы, холод и отсутствие воды, сколько самый элементарный голод и, как следствие, дистрофия. Весной 1942 года я уже почти не вставал с кровати и от голода умирал.

Президиум торжественного вечера, посвященного 40-летию полного снятия блокады Ленинграда: (справа-налево) В.И. Иванова, Н.А. Ярышев, Е.С. Высинеv, М.М. Русинов, В.Л. Рудин, Е.В. Дьяченко, В.Ф. Наливайко, В.М. Семьянинов, А.В. Сечкарев.
ЛИТМО, 1984 год.

Матери удалось сохранить мне жизнь кормежкой травой. Затем еще в войну я ушел юнгой на флот и дослужился до воинского звания капитана.

В послевоенные годы память о погибших в блокаду близких, соседях по квартире, товарищах по школе и дому, привитая на флоте привычка дружбы с людьми подсказали мне идею объединения блокадников. В начале 70-х годов я начал обращаться в административные и партийные органы с предложением об объединении блокадников и предоставлении им некоторых льгот. Реакция отовсюду была отрицательной: власти по-прежнему опасались возможности антисоветских заговоров. Обзвонив по телефону ряд крупнейших предприятий и учреждений, я убедился, что нигде содружеств блокадников нет. В городе действовал лишь Союз «Юные участники обороны Ленинграда», притом он состоял... при Обкоме комсомола.

Я решил попробовать блокадное братство самостоятельно. Своим планом я не делился ни с кем из сослуживцев достаточно долго. Как юрист я хорошо понимал, что партийные органы могут выразить свое крайнее отрицательное отношение к моей самодеятельности, меня могут пригласить в КГБ, а если об организации братства будут знать еще несколько человек, то могут обвинить и в групповом преступлении. Тогда я подведу людей: в то время, шел еще 1983 год, КПСС была всесильна...

Подготовив и вывесив в обоих зданиях института плакатные объявления, 25 февраля я организовал первое собрание блокадников. На нем я рассказал о целях и задачах братства. Присутствовавшие поддержали меня – так родилось первое в городе блокадное братство.

Осложнений, к счастью, не последовало, и Совет (так мы называли содружество) начал действовать. Избрали бюро из пяти человек, его председателем стала Л.С. Смирнова, а я был избран его заместителем. От председательства в Совете, хотя мне было предложено на собрании, я отказался, пояснив, что уже ряд лет работаю председателем Совета юрисконсультов вузов города при Управлении юстиции и вести два председательства было бы неразумно.

По письменным заявлениям блокадников и после проверки данных в отделе кадров стали составлять список членов Совета. В нем оказалось 250 человек. Распределили обязанности. Ушли от традиционного советского бюрократизма: любой член Совета в любое время мог обратиться к любому члену бюро с письменным или устным заявлением.

Бюро собиралось раз в неделю и (обычно в присутствии заявителя) рассматривало поступающие заявления. Мы просили оказать содействие в улучшении жилищных условий, получении путевок в санатории, представлении к награде

НАШИ ВЕТЕРАНЫ: они трудились в нашем вузе

медалью «За оборону Ленинграда», иногда приходилось защищать блокадников от несправедливого к ним отношения.

Среди блокадников было и есть много преподавателей, доцентов, профессоров, научных сотрудников. Они рассказывали студентам о том страшном периоде в истории нашего города и о его героических жителях. В дни, когда отмечалась очередная годовщина снятия блокады, мы приглашали на торжественные вечера студентов, организовывали экскурсии на «дорогу жизни», посещали Серафимовское кладбище. В многотиражной газете ЛИТМО «Кадры приборостроению» были опубликованы десятки воспоминаний ветеранов блокады.

Когда было создано общество «Жители блокадного Ленинграда», мы вошли в него коллективным членом. К началу 90-х годов блокадные содружества образовались еще примерно в 40 организациях.

В нашем Совете не собирают членских взносов. В Уставе Совета отмечено, что члены его бюро работают бескорыстно. Конечно, деньги нам бывают периодически нужны, например, для проведения творческих встреч. Первые 10 лет их выделяли нам ректорат и профком. В последние годы финансируют праздничные встречи наши спонсоры. После праздничных собраний мы

Ветераны блокады, (слева-направо) сидят: З.П. Герасимова, И.И. Ардова, Г.Д. Абатурова, З.И. Крылова, Г.И. Зайцева; стоят: Т.В. Рубахина, В.А. Малиновская, Г.В. Погарев, Е.А. Константинов, Л.Н. Кручинская, Г.М. Воронцова, Ю.С. Андреев

СОВЕТЫ ВЕТЕРАНОВ В ЛИТМО - УНИВЕРСИТЕТЕ ИТМО

обычно собираемся в столовой института, где для нас накрывают столы заботливые сотрудницы нашего института – члены женсовета. Огромное спасибо им за это.

К сожалению, за последние 10-15 лет много ветеранов, которым пришлось в блокаду пережить страшнейший голод, а затем перенести болезни, вышли на пенсию, инвалидность, некоторые ушли из жизни. Правда есть и те, кто в свои 70-75 лет на здоровье не жалуются и продолжают работать. Но активность многих, конечно, снизилась: возраст берет свое. По-прежнему трудится на основной работе и ведет большую общественную работу наш председатель – доцент **Прянишников В.А.** Вышла на пенсию, но выполняет работу секретаря и заместителя председателя Совета бывший «блокадный ребенок» **Воронцова Г.М.** В мои обязанности всегда входила внешняя деятельность Совета, связь с другими организациями и административными органами.

25 февраля (1998 года – ред.) Совету исполнилось 15 лет. Живет и действует блокадное братство! Оно прекратит свою деятельность, как записано в Уставе, только при последнем члене Совета.

Опубликовано в газете «Технический Университет ИТМО» №2 (1507) март 1998 года

Фотография на память, ветераны в год 60-летия Великой Победы (слева-направо), сидят: Ю.А. Климов, И.Н. Мирошниченко, А.М. Быстров, Л.С. Смирнова, А.Ф. Жаров; стоят: Э.В. Лоргус, С.А. Шухман, Р.А. Симовский, В.М. Лакунин, Ю.Д. Корнюшкин, А.А. Дроздов, А.Г. Петров. 9 мая 2000 года

А. ШЕВЕЛЕВ
выпускник ЛИТМО

НА ПИСКАРЕВСКОМ КЛАДБИЩЕ

На Пискарёвском - тишина.
Я ухожу к автобусной стоянке.
Лежат погибшие.
И вечная, одна,
Застыла мать с лицом славянки.
И все, столпившись, на нее глядят,
Прищурившись от солнечного света...
Медлительна минута эта,
И птицы через кладбище летят.

*Впервые опубликовано в газете «Кадры приборостроению»
№ 31 (1159), 22 ноября 1983 года*

ГЛАВА 2

ВОСПОМИНАНИЯ УЧАСТНИКОВ БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

СЕРГЕЙ ШАРЛАЙ

БОЛЬ ПРОШЕДШЕЙ ВОЙНЫ

*Посвящается моему поколению,
детство которого прошло
в годы Великой Отечественной войны.*

Война крошила нас. Военных лет
ребята,
Мы боль войны всю жизнь в себе
несем.
И так же, как бывалые солдаты,
Мы с памятью о той войне умрем.
И через сорок лет после победы
Нам эту боль не заглушить.
Нам до сих пор не осознать все беды,
Которых без войны могло не быть.
И те из нас, что умерли когда-то,
Так не дожив до светлых мирных дней,
У статуй Неизвестному солдату
Бессмертно служат Родине своей.
Огонь в четь Неизвестного солдата –
Дань уваженья вынесшим войну.
Пусть будут жизнерадостны ребята,
Но помнят сорок первого войну.
А те, кто выжил, пережив все беды,
В душе и теле боль войны хранят.

ЛОРГУС ЭДУАРД ВЛАДИМИРОВИЧ

Родился в 1925 году в Ленинграде. В 1943-1944 годах - курсант Смоленского артиллерийского училища.

В 1944-1946 годах – командир взвода 1258 гаубичного артиллерийского полка 25 артиллерийской дивизии. Воевал на 1-ом Украинском фронте, служил в Центральной группе войск на территории Германии. Ветеран Великой Отечественной войны. Награжден медалями «За взятие Берлина», «За Победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.».

В 1946 году поступил и в 1950 году окончил Ленинградский институт физической культуры имени Лесгафта. С 1957 по 1967 год, а затем с 1972 года работал в должности старшего преподавателя кафедры Физвоспитания ЛИТМО. Внес значительный вклад в дело физического воспитания студентов. Проявил себя исключительно добросовестным, исполнительным и инициативным работником. Э.В.Лоргус, начиная с 1958 года, внес существенный вклад в создание и дальнейшее развитие спортивно-оздоровительного лагеря вуза в поселке Ягодное Ленинградской области. На протяжении многих лет являлся начальником этого лагеря, проявив себя незаурядным организатором и воспитателем молодежи на протяжении многих поколений студентов.

С 1985 года – на пенсии, но по настоящее время продолжает активно работать в Ягодном, теперь уже в Учебно-спортивно-оздоровительном центре «Ягодное».

НАШИ ВЕТЕРАНЫ:
они трудились в нашем вузе

В гостях у Э.В. Лоргуса
профессор М.М. Русинов.
Ленинградская область, 1989 год

Ветерана Великой Отечественной войны Э.В. Лоргуса не испугал
незванный «гость». Ягодное, Ленинградская область

В КОНЦЕ АПРЕЛЯ 1945 ГОДА...

В конце апреля 1945 года наша артиллерийская бригада, входящая в состав 25 артиллерийской дивизии прорыва, вела интенсивный огонь по Юго-Западному предместью Берлина, часто меняя огневые позиции, продвигаясь всё ближе к городу.

Бригада состояла из двух дивизионов по 2 батареи в каждом, в батарее — по 4 гаубицы. Стрельба велась дивизионом — 8 орудий. Командир дивизиона вместе с командирами батарей, находясь на наблюдательном пункте (НП), вёл стрельбу. Начальник штаба дивизиона с командирами огневых взводов (как и автор этих строк) были

там же, обеспечивали огонь на огневой позиции.

1 мая огонь вёлся особенно сильно. После очередного изменения исходных данных (прицел, угломер, состав заряда) последовала команда: «Заряжай!». 8 орудий заряжены, ждем команды: «Огонь». Ждем 10 - 15 минут, командира нет. Начальник штаба по проводной связи (рации у нас не было) спрашивает НП: «Что случилось?». В ответ: «Ждите». Ждем ещё минут 10 и повторный запрос. С НП поступила команда — «Орудия разрядить!».

Оказывается к этому времени фронта Жукова и Конева соедини-

Карта Германии 1940-х годов

лись, сомкнув кольцо вокруг Берлина, и стрелять было уже некуда. По артиллерийскому уставу разрядка орудия, как правило, производится выстрелом, и только в исключительных случаях разрядником.

Разрядник - это специальный шест, в 2 раза длиннее ствола орудия, с особым наконечником, чтобы не повредить взрыватель при выталкивании орудийным расчетом снаряда. Известны случаи, когда при неосторожных действиях происходили взрывы, гибли люди.

Разрядить 8 орудий в такой обстановке было нереально. Начальник штаба созвал командиров огневых взводов на совет. Попытались связаться с разведкой дивизии – не получилось. Начальник штаба развернул карту Берлина. Кстати, карты Германии, благодаря усилиям ленинградских картографов, были вполне современны, мы, в основном, пользо-

вались картами масштаба 1:50000.

Изучение карты не прояснили оперативной обстановки. Тогда кто-то из командиров взвода и предложил - стадион. Быстро подготовили данные, ввели поправки, 8 снарядов ушли на цель. А потом выяснилось, что на этом стадионе в 1936 году проводились Олимпийские игры.

Командиру дивизиона было доложено: *«Орудия разряжены»*. *Последовала команда: «Отбой!»*, а ещё через пару часов новая команда: *«Построится в походную колонну»*.

В походные порядки построилась и вся 25 артиллерийская дивизия порыва.

К концу дня 1 мая вся эта механизированная громада, вместе с танками Рыбалко, с максимально возможной скоростью, двинулась освобождать Прагу. Но это уже другая история.

22.02.05

РЕШЕТКИН ВАСИЛИЙ ИВАНОВИЧ

Решеткин Василий Иванович родился 26 мая 1926 года.

Кандидат технических наук (1967). Доцент кафедры оптических приборов, исполнял обязанности заведующего этой кафедрой (1979-1981). Автор 10 авторских свидетельств на изобретения созданных им приборов и устройств. В 1968 году работы лаборатории высокоскоростной киносъемки, где с 1953 года работал В.И. Решеткин, подавались на соискание Государственной премии. Многократно участвовал во всесоюзных и международных конференциях и выставках. Созданные при его участии высокоскоростные кинокамеры, экспонировавшиеся на Всесоюзной выставке народного хозяйства, получили «Диплом почета ВДНХ», две серебряные и бронзовую медали.

Список научных и методических работ В.И. Решеткина включает более 50 наименований.

Во время Великой Отечественной войны сражался в артиллеристском полку наводчиком орудия. Участник боев за освобождение Пскова, боев за освобождение Прибалтики (ликвидации Курляндского котла).

Награжден Орденом Отечественной войны I степени, медалями «ЗА ОТВАГУ», «За Победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.» и другими правительственными наградами.

СТРАНИЦЫ МОЕЙ ЖИЗНИ

В 1943 году семнадцатилетним подростком я был призван в Советскую армию и проходил обучение в 68-ом запасном стрелковом полку в качестве солдата-автоматчика (лыжный батальон). Обучение проходило в тяжелых условиях военного времени с большими физическими и моральными нагрузками при плохом питании и обмундировании. Мы стремились скорее попасть на фронт.

В апреле 1944 года я был направлен на фронт и зачислен как солдат в 14-ый пехотный полк 85-ой Краснознаменной Стрелковой Павловской дивизии, которая формировалась в 1941 году как вторая Дивизия народного ополчения в Московском районе Ленинграда. Дивизия обороняла Ленинград во время блокады, затем наступала в направлении Павловска, за что и получила название Павловской.

В июне 1944 года после ранения я находился на излечении в медицинском батальоне этой же дивизии, откуда по выздоровлении был направлен в 167-ой Артиллерийский полк. Дивизия наступала, освобождая город Псков, форсировала реку Великую, затем участвовала в освобождении Эстонии, Латвии. Участвовала в тяжелых боях по освобождению города Риги. Там дивизия форсировала реку и попала в мешок: справа бьют, слева бьют, спереди бьют и только сзади есть выход через речку. И дивизия понесла очень большие потери. В артиллерийском расчете противотанковой пушки ЗИС-3 был и я. Именно под Ригой, закопанным в землю (т.е. замаскированным) танком наша пушка была разбита.

После «гибели» пушки меня направили связным для осуществления связи с командованием полка и другими подразделениями дивизии. Кстати, связист – это очень неприятная должность. В расчете можно спрятаться, окопаться, а здесь – есть задание, и надо добираться, куда приказано. Мне давали пакет: «Доставь такому-то!» И нужно было выполнять при любых условиях. Здесь мне пригодились навыки пехотного солдата: делать короткие перебежки, ползти по-пластунски.

Перед наступлением дивизии в Прибалтику в подразделениях проводи-

ВОСПОМИНАНИЯ УЧАСТНИКОВ БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

лась политическая работа: ни в коем случае не обижать местное население, не трогать женщин, ни в коем случае не заниматься мародерством и воровством. За нарушения - вплоть до расстрела.

Когда приходилось общаться с населением, то часто задавали вопрос: «Будут ли у нас создавать колхозы?» И когда мы отвечали, что будут, то была очень отрицательная реакция. Их можно было понять, так как в Эстонии и Латвии было развито хуторное сельское хозяйство, а там часто работали русские крестьяне, которых немцы угнали из разных областей России.

В полосе наступления дивизии под городом Ригой в лесу было место захоронения узников из лагеря «Саласпилс». На поляне в лесу были вырыты три глубокие длинные траншеи и заполнены трупами. Перед отступлением немцы или их латышские пособники пытались трупы сжечь. На поляне были видны пустые бочки из-под горючего, но многих сжечь не смогли. Среди трупов были наши солдаты, гражданские и часто люди, с пришитыми к одежде треугольниками с надписью «юда» (евреи).

После освобождения Риги, по приказу командования, дивизия находилась в гарнизоне, так как ждали новое пополнение личного состава. Город в результате наступления мало пострадал, на улицах даже можно было видеть голубей.

7 ноября 1944 года в Риге был проведен парад войск, освободивших город, в котором участвовала и латышская дивизия, а вечером этого дня был произведен салют с участием и нашего полка.

В конце ноября после пополнения дивизия была направлена на уничтожение курляндской группировки, где вместе с немецкими частями были и воинские части Власовцев. Отношение населения к нам, военным, было разным. Однажды, когда я шел в одно из подразделений с пакетом, меня догнал едущий на велосипеде латыш, пригласил меня сесть на багажник и вез километра два в нужную мне сторону.

Но был и другой случай. Старшина послал отвезти верхом на коне банку с керосином для командующего артиллерией дивизии. Я привез горючее, и его жена пригласила меня попить чаю, беседовала со мной. Я поехал обратно, когда стало темнеть. Когда ехал мимо леса, почувствовал беспокойное поведение коня. Я ударил его, он прыгнул и пошел в галоп. В этот момент по мне были произведены два выстрела. Кто стрелял?

В 1945 году меня направили учиться в Ленинградское Артиллерийское техническое училище, которое находилось по адресу Литейный проспект, дом 3, напротив «серого» дома. Там я получил специальность техника-артиллериста по ремонту пушек и приборов и служил до 1950 года. Семь лет службы в

армии во время войны и трудные послевоенные годы наложили отпечаток на всю последующую жизнь.

В 1949 году, будучи военным, поступил в ЛИТМО на вечерний факультет. Была только одна группа, в нее могли попасть отличники, окончившие техникум, и участники войны, поступающие вне конкурса. Директором института был Сергей Александрович Шиканов, деканом – Софья Михайловна Загс.

В марте 1950 года я демобилизовался из армии и поступил работать в качестве механика 5-го разряда в ЛИТМО на кафедру оптических приборов, когда заведующим кафедры был д.т.н., член-корреспондент артиллерийских наук, профессор А.Н. Захарьевский. Захарьевскому я понравился как специалист, знающий артиллерийские приборы.

С 1952 года кафедру оптико-механических приборов (ОМП) возглавил д.т.н. профессор М.М. Русинов, и я продолжал работать уже под его руководством. В мои обязанности входило производить ремонт всего лабораторного оборудования кафедры и производить настройку и испытания приборов и устройств, разрабатываемых преподавателями по договору с различными предприятиями. Однажды я выполнил одну из работ, которая проводилась по договору с ЛОМО, так я познакомился с к.т.н. И.И. Крыжановским. В 1953 году, после окончания 4-го курса, меня по просьбе И.И. Крыжановского перевели на должность и.о. инженера-конструктора в создающуюся им лабораторию Высокоскоростной киносъемки (ЛВК). В начале нас было только 4 человека: И.И. Крыжановский, И.Н. Белявина, Ю.П. Баранова и я. Я невольно был вторым после Крыжановского, так как имел хороший практический опыт работы с приборами.

С увеличением роста тематики увеличивалось и число сотрудников лаборатории. По темам ЛВК по совместительству работали некоторые преподаватели кафедры автоматики и телемеханики (Е.А. Танский, В.Г. Никовиков). Они разрабатывали первые схемы управления камер.

С кафедры теории оптических приборов с нами работала Л.В. Романова, и Г.И. Цуканова, с кафедры оптико-механических приборов - Г.В. Сурodeйкин и Л.Е. Попов. По темам ЛВК выполнялись многие практические, курсовые и дипломные проекты со студентами института.

Работая в ЛВК в НИСе при кафедре оптико-механических приборов, я занимал должности инженера, старшего инженера, ведущего инженера. В 1967 году защитил диссертацию на степень кандидата технических наук на тему «Исследование некоторых погрешностей и методов юстировки высокоскоростных киносъемочных камер» и в 1970 году получил звание старшего

научного сотрудника.

Одновременно с конструкторской работой в ЛВК с 1968 года я стал работать по совместительству преподавателем кафедры оптико-механических приборов, где вел курс «Сборка и юстировка оптических приборов».

В 1970-1971 годах я проходил научную стажировку в Германской Демократической Республике в Высшей технической школе (ВТШ) города Ильменау (10 месяцев). Во время стажировки посетил фирму Цейс в городе Иена, киностудию «Дефа» в городе Потсдам, в городе Дрездене завод «Пентакон», где ознакомился с производством фотоаппаратуры, в городе Вольфене на фабрике «Орвофильм», где изучал производство фотопленок.

В 1969 году по совокупности работ ЛВК защитил диссертацию и получил степень доктора технических наук И.И. Крыжановский и стал профессором кафедры ОМП.

В 1971 году кафедра ОМП разделилась на три кафедры: теории оптических приборов (зав. каф. М.М. Русинов), сборки и юстировки оптических приборов (зав. каф. Г.В. Погарев) и оптических приборов (зав. каф. И.И. Крыжановский). Я, вместе с ЛВК, стал работать на кафедре оптических приборов в должности доцента, где была организована специализация «Оптико-фотографические приборы». Для этой специализации я подготовил на основе материалов, собранных во время стажировок в ГДР и на ЛОМО им. Ленина, два курса: «Основы фотографических процессов и фототехника» и «Приборы любительской кинотехники». Одновременно с преподавательской работой я непрерывно работал в ЛВК конструктором и был заместителем заведующего кафедрой. В 1979 году умер И.И.Крыжановский, и я в течение двух лет исполнял обязанности заведующего кафедрой оптических приборов.

В ЛВК было создано с моим участием 14 высокоскоростных киносъемочных камеры разного назначения и с разными характеристиками. Из них - 6 камер ждущего типа (когда запускается камера и ждет срабатывания снимаемого процесса), необходимых для съемки процессов с разбросом времени срабатывания. Одна из камер экспонировалась на международной выставке в городе Генуя, в Италии.

Изготовление высокоскоростных камер производилось на экспериментально-опытном заводе в ЛИТМО. Но изготовление отливок, обработка корпусов и обработка деталей с большими радиусами кривизны (до 2-х метров) осуществлялись по кооперации с другими предприятиями, имеющими соответствующее оборудование. Юстировку и испытание всех камер приходилось производить мне, так как я имел опыт конструкторской работы и квалификацию механика

НАШИ ВЕТЕРАНЫ: они трудились в нашем вузе

высокого разряда. Разработку схем управления и отладку приборов управления производил Н.Ф. Дьяков. Комплексные испытания камер производились чаще всего в условиях заказчиков, часто на полигонах предприятий.

Наша лаборатория работала на полном хозрасчете, и зарплату сотрудники получали только тогда, когда было финансирование по научно-исследовательской работе. Поэтому необходимо было всегда иметь две и более НИР, выполнявшиеся с перекрытием во времени.

В 1993 году по договору с Арзамас-16 была разработана и изготовлена высокоскоростная киносъемочная камера ВКШ-14. Съемка этой камерой производится по принципу оптической компенсации. Пленка в этой камере устанавливается внутри вращающегося барабана.

К сожалению, в связи с углублением процессов перестройки в стране и сворачиванием научно-исследовательской работы в области скоростной киносъемки в 90-ые годы, это была последняя камера, разработанная лабораторией.

В дальнейшем работы велись по другой тематике.

Конечно, я бы мог ещё много рассказать о работе лаборатории, её сотрудниках, научных проблемах, которые мы решали, но – это тема другой статьи.

Ветеран Великой Отечественной войны В.И. Решеткин
в Музее истории Университета ИТМО, апрель 2015 года

МОКИН БОРИС КОНСТАНТИНОВИЧ

Родился в 1916 году в семье служащего в селе Палех Шуйского района Ивановской области.

Трудовую деятельность он начал с 1933 года. С 1937 года по 1961 год служил в рядах Военно-морского флота. Участник Великой Отечественной войны, капитан 2 ранга в отставке.

В 1941 году окончил высшее военно-морское училище имени М.В. Фрунзе, в 1949 году – Военную академию Вооруженных Сил Союза ССР.

В ЛИТМО работал преподавателем спецкафедры (кафедры военно-морской подготовки) с 1952 года, с 1964 года - начальником учебной части института, референтом ректора до 1987 года. Обладал хорошими преподавательскими качествами, уделял много внимания организации учебного процесса и научно-методической работе.

Неоднократно избирался заместителем секретаря партбюро института и секретарем парткома ЛИТМО. В 1965-68 годах – депутат Октябрьского районного Совета города Ленинграда.

Награжден орденом Отечественной войны I-ой степени, орденом Красной Звезды и десятью медалями.

Б. МОКИН

ТОРПЕДНАЯ АТАКА

ШЕЛ ТРЕТИЙ ГОД войны. Приписанный к Батумскому порту теплоход «Мария Ульянова», на котором я служил помощником капитана, совершал регулярно рейсы в Турцию в город Трабзон. Обстановка на Черном море была напряженной. Кроме фашистской авиации, в море действовали несколько немецких подводных лодок. Поэтому теплоход всегда сопровождали наши катера-охотники до четырехмильной зоны от берегов Турции, куда по международной конвенции вход военных кораблей был запрещен. По выходе из Трабзона, на границе зоны, нас снова встречали катера-охотники и сопровождали до Батуми.

Во время одного из таких рейсов нами была оговорена точка «Рандеву», то есть место встречи. Выйдя на рассвете в указанную точку на границе четырехмильной зоны, мы не обнаружили нашей охраны. Идти дальше было опасно, капитан застопорил

машины, и мы стали ждать. На ходовом мостике нас было двое – капитан и я.

Вдруг невдалеке показались два параллельных белесых следа, направившихся к кораблю. Это могли быть только торпеды, ведь они в те времена были парогазовыми и оставляли после себя именно такой след.

Уклониться было невозможно, так как машины были остановлены. Казалось, судьба корабля решена. Но случилось невероятное. При подходе к кораблю оба следа разошлись... в разные стороны. Это были дельфины!

Дело в том, что в Черном море, особенно осенью, вода фосфоресцирует, чем и объяснялось поведение следов. Но вот вдали показались катера-охотники. Рейс завершился благополучно.

*Впервые опубликовано в газете «Кадры
приборостроению» №17 (1074),
9 мая 1981 года*

ПОРФИРЬЕВ ЛЕОНИД ФЕДОРОВИЧ

Профессор Л.Ф. Порфирьев – видный специалист в области оптико-электронных навигационных систем и приборного оборудования летательных аппаратов.

Свою трудовую деятельность начал токарем на Балтийском заводе в 1936 году. В 1940 году окончил Ленинградское военное авиационно-техническое училище, получил офицерское звание воентехник 2-го ранга и был направлен в авиационный бомбардировочный полк ВВС страны на должность техника самолета.

Участник боевых действий на фронтах Великой Отечественной войны с 22 июня 1941 года по май 1945 года. За участие в десантной операции по помощи словацкому национальному восстанию награжден орденом «Красная Звезда» и медалью от президента Чехословацкой республики «За участие в словацком национальном восстании». Был награжден орденом «Отечественная война» 2 степени и 12 медалями (в том числе «За боевые заслуги», «За оборону Сталинграда», «За победу над Германией», «За воинскую доблесть»).

Учился на инженерно-физическом факультете ЛИТМО в 1949–1951 годах. Выпускник Ленинградской военной инженерной краснознаменной академии (ЛВИКА) (1956), где работал до 1971 года в должностях: начальник научно-исследовательской лаборатории и заместитель начальника кафедры автоматики. В академии защитил кандидатскую диссертацию (1959), докторскую диссертацию (1965) и получил звание профессора (1967). Уволен из академии в

НАШИ ВЕТЕРАНЫ: они трудились в нашем вузе

звании полковника.

С 1971 года работал в нашем вузе: профессор, заведующий кафедрой оптико-электронных приборов (1972-1992), с 1992 года - профессор кафедры оптико-электронных приборов и систем. В 1974–1980 гг. — проректор по учебной работе ЛИТМО. С 1981 года — главный редактор журнала «Известия вузов — Приборостроение».

Результаты его научной работы нашли отражение более чем в ста опубликованных печатных статьях и изобретениях. За свою многолетнюю педагогическую деятельность в высших учебных заведениях Леонид Федорович подготовил большой отряд инженеров и научных работников. Будучи долгое время проректором ЛИТМО по учебной работе, внес большой вклад в организацию

учебно-воспитательного процесса в институте. Долгие годы был главным редактором журнала «Известия вузов. Приборостроение»

Основоположник научно-педагогической школы университета «Оптико-электронное приборостроение». Являлся членом экспертного совета по ракетной и космической технике.

Заслуженный деятель науки и техники РСФСР. Автор более 150 научных работ (в том числе 19 учебников, учебных пособий и монографий, 18 изобретений). Подготовил 32 кандидатов наук, из которых 7 впоследствии защитили докторские диссертации.

Леонида Федоровича отличали исключительная скромность, отзывчивость, огромная трудоспособность, безграничная любовь к науке.

Профессор Л.Ф. Порфирьев трагически погиб 29 октября 2008 года на 89-ом году жизни.

МОЙ ПУТЬ НА ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

Для меня война началась 22 июня 1941 года в 4 часа 30 минут утра. В то время я служил в авиационном бомбардировочном полку в должности техника самолёта, имея воинское звание военного техника II ранга (равнозначно современному званию техника-лейтенанта). Полк стоял на летнем аэродроме в 30 км южнее города Тернополя и в 80 км от западной границы в районе Львова.

Основной состав полка был отпущен в город базирования в 15 км от аэродрома. Я с частью техников и механиков ночевал в палаточном городке вблизи (1 км) от аэродрома. В 4:00 22 июня 1941 г. была объявлена тревога.

Все, кто находился в палаточном городке, побежали к своим самолётам, стоявшим на местах постоянной стоянки в два ряда (50 м между крыльями в ряду). Всего на аэродроме находилось 82 двухмоторных бомбардировщика. Прибежав к стоянкам своих самолётов, лётчики (их было не более 10 человек), техники и механики первым делом запустили моторы и вырулили самолёты на заранее специально подготовленные стоянки на границах аэродрома, так что расстояние между самолётами стало не меньше 200 метров. Затем они начали подвешивать бомбы и заправляться топливом.

На все эти дела от момента объявления тревоги было затрачено примерно 40 минут. У запасных стоянок были заблаговременно вырыты щели для укрепления при бомбёжках.

Закончив все дела, мы вместе с механиком (наш лётный состав ночевал в городке) сели около щели и стали наблюдать за небом, на котором к этому времени начали появляться отдельные самолёты.

Сначала на высоте 800-1000 м пролетел одномоторный самолёт, который был, по-видимому, немецким разведчиком. Потом на бреющем полёте к аэродрому прилетел наш истребитель типа И-153, сразу же совершил посадку и поручил к командному пункту. В это же время на бреющем полёте на высоте 20-25 м с запада стала приближаться девятка двухмоторных самолётов. Не долетев до аэродрома, девятка разделилась на три звена по три самолёта, для того чтобы выйти на ряды, где самолёты обычно стояли на постоянных стоянках (к счастью, все самолёты к этому времени были рассредоточены на временные стоянки на границах аэродрома).

Когда эти звенья вошли в зону аэродрома, они открыли кассеты с бомбами (каждая весом около 2 кг), и начались

НАШИ ВЕТЕРАНЫ:
они трудились в нашем вузе

разрывы бомб. Одновременно с этих самолётов был открыт огонь из имевшихся на борту пулемётов. Вокруг нас засвистели пули, и мы с механиком прыгнули в щель. Когда разрывы бомб кончились (немцы пошли на второй круг), все, кто был у самолётов на аэродроме, бросились к расположенным на наших самолётах турелям с бортовыми пулемётами, и когда немцы приблизились к аэродрому при заходе на второй круг, открыли по ним огонь.

В результате этого было сбито два немецких бомбардировщика, упавших в ближайшие овраги (аэродром находился на возвышенности). Но с нашей

стороны было выведено из строя 26 самолётов, часть из которых была разнесена в прах разрывами бензобаков и собственных подвешенных по тревоге бомб.

С этого началось для меня участие в боях на фронтах Отечественной войны. К 16 июля 1941 года наш полк перебрался на аэродром у города Нежин, имея всего 12 самолётов. Часть этих самолётов вместе с экипажами была передана на Центральный фронт, где немцы рвались к Москве. Остальной лётный и инженерно-механический состав полка был отведён в тыл (город Буденовск) для переучивания на новые самолёты – пикирующие бомбардировщики «Петляков-2».

После переучивания и получения новых самолётов с 16 августа 1942 года по март 1943-го полк участвовал в боях под Сталинградом, освобождал Донбасс и юг Украины (1943), Крым (1944).

После Крыма я был переведён во вторую гвардейскую воздушно-десантную дивизию и участвовал в боях на территории Венгрии, Польши и Чехословакии. Боевые действия для меня закончились 9 мая 1945 года в 130 км от Праги.

*Впервые опубликовано в газете
«Технический университет ИТМО» за
май 2003 года*

1943
2008

ПОРФИРЬЕВ ЛЕОНИД ФЕДОРОВИЧ
ПРОСПЕКТ КОСМОНАВТОВ
д. 29-2, кв. 52
Г. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
196211

3_078_0077_0615

Уважаемый
Леонид Федорович!

Примите искренние поздравления со знаменательной датой - юбилеем Сталинградской битвы.

65 лет назад на волжской земле, политой кровью сотен тысяч наших солдат, решалась судьба Отечества, будущее всего мира. Эта поистине великая битва положила начало коренному перелому в ходе Великой Отечественной войны, предопределила крах нацистской тираннии. Отсюда, с берегов Волги, начался долгий путь к Берлину, к Победе.

Сталинград - наша слава, наша гордость! Прошли годы, минули десятилетия, но сколько бы лет ни прошло - Сталинградское сражение навсегда останется в памяти людей как символ беспримерного мужества и силы духа нашего народа.

Спасибо Вам за отвагу и стойкость! От души желаю доброго здоровья, бодрости духа и всего наилучшего.

ПРЕЗИДЕНТ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В.В.ПУТИН

Профессорско-преподавательский состав и сотрудники кафедры оптоэлектронных приборов.
 В первом ряду (слева-направо): профессор Г.Н. Грязин, С.П. Авдеев, С.Т. Цуккерман, Л.Ф. Порфирьев (заведующий
 кафедрой), доценты Г.Г. Ишанин, Е.Г. Лебедько, Э.Д. Панков и В.И. Калинин.
 ЛИТМО. 1980 год

АВДЕЕВ СЕРГЕЙ ПАВЛОВИЧ

Родился в 1923 году. В 1942 году окончил школу младших специалистов спецслужб ВВС и был направлен в Государственный Краснознаменный НИИ ВВС в качестве техника-испытателя, где занимался испытаниями новых образцов авиационной инфракрасной (ИК) техники. Это были оптико-электронные приборы (ОЭП) ночного видения, которыми обеспечивались экипажи ночных бомбардировщиков.

Участвовал в лабораторных, летных и, наконец, во фронтовых испытаниях системы, состоящей из ОЭП ночного видения и системы ИК-маяков обозначавших линию фронта. Такая система была необходима для избегания ночного бомбометания по своим передовым позициям в условиях частого изменения линии фронта. Участвовал во фронтовых испытаниях, в ходе которых в 1943 году авиация I-ой воздушной армии осуществляла ночную бомбардировку передовых частей противника на Брянском фронте. Участвовал в испытаниях комплекса аэродромного оборудования и экипировки экипажей при тренировке выполнения операций слепой посадки.

По окончании ЛВИКА им. А.Ф. Можайского (1953) участвовал в разработке оптико-электронной системы самолетного прицеливания. В 1958 году сформировал в ЛВИКА им. А.Ф. Можайского кафедру ОЭП и научно-исследовательскую лабораторию этого профиля, которыми руководил до окончания военной службы (1974). Осуществлял научное руководство научно-исследовательскими и опытно-конструкторскими работами по разработке ОЭП

НАШИ ВЕТЕРАНЫ: они трудились в нашем вузе

и систем космических аппаратов. Среди разработок можно отметить первый экспериментальный образец космического тепловизора. По обобщениям научных и практических результатов этих работ в 1964 году С.П. Авдеев защитил докторскую диссертацию.

На кафедре, руководимой С.П. Авдеевым, впервые сформировались учебные планы по специальности ОЭП, разрабатывалась и создавались учебная и учебно-методическая литература, функционировала адъюнктура.

Награжден орденом «Отечественная война» II степени и 18 медалями (в том числе «За боевые заслуги», «За победу над Германией», «За трудовое отличие», «Ветеран вооруженных сил»).

Уволился в запас в 1974 года в звании полковника.

С 1975 по 1996 г. работал на кафедре оптико-электронных приборов ЛИТМО в должности профессора. С 1977 по 1990 года был членом методической комиссии инженерно-физического факультета. Поставил и читал учебные дисциплины «Оптико-электронные приборы», «Оптико-электронные системы управления», «Оптико-электронные приборы для научных исследований».

Подготовил свыше 20 кандидатов технических наук, из которых трое впоследствии защитили докторские диссертации и научным консультантом которых был Сергей Павлович.

Автор более 200 научных работ (в том числе. 4 монографий, 16 изобретений и 3 учебника).

О.П. ТИМОФЕЕВ

НА ПЕРЕДОВЫХ РУБЕЖАХ

На кафедре оптико-электронных приборов трудится немало участников Великой Отечественной войны и ветеранов Вооруженных Сил СССР. Среди них - заведующий кафедрой профессор Леонид Федорович Порфирьев, профессор Сергей Павлович Авдеев, доцент Геннадий Иванович Лешев – все трое имеют одинаковое воинское звание – полковник-инженер запаса. Большой и славный жизненный путь прошли они и всегда с большим волнением вспоминают суровые годы войны.

Испытанием боевой техники для военно-воздушных сил занимался в годы войны старший техник-испытатель Сергей Авдеев. Сразу с тыловых полигонов образцы техники посылались на доработку в боевые условия действующей армии. Нередко испытателям приходилось доставлять технику по фронтовым дорогам к местам боев практически на себе, своими силами обеспечивать охрану образцов и скрытность их доставки. В те годы и свела судьба Сергея Павловича с оптико-электроникой, которой он остался верен на всю жизнь. Сейчас С.П. Авдеев – профессор кафедры ОЭП, доктор технических наук.

В заключительной стадии войны

принимал участие молодой штурман авиации Тихоокеанского флота Геннадий Лешев. Он громил врага на Дальнем Востоке в составе 49-го минно-торпедного авиационного полка, приближая своим ратным трудом победу над империалистической Японией.

Как и в годы войны, в мирное время самоотверженно трудятся наши славные ветераны. Как и в битве с врагом, они на передовых рубежах – рубежах советской науки.

Г.И. Лешев

*Впервые опубликовано в газете
«Кадры Приборостроению» №17(1074),
8 мая 1981 года*

**НАШИ ВЕТЕРАНЫ:
они трудились в нашем вузе**

С.П. Авдеев (слева) с боевыми друзьями. Июнь 1946 года

Профессор С.П. Авдеев для многих студентов кафедры оптико-электронных приборов оставался «Учителем» и после окончания института. Фотография, сделанная на юбилейной встрече выпускников 1978-го года. Ленинград, ЛИТМО. 1988 год

ЗАХАРОВ ИВАН ЗАХАРОВИЧ

Родился 15 января 1918 года в Петрограде. Участник Великой Отечественной войны.

В 1947 году окончил исторический факультет Ленинградского государственного университета (ЛГУ) имени А.А. Жданова. Там же в 1952 году защитил диссертацию на степень кандидата исторических наук. В 1961 году ему присвоено ученое звание доцента по кафедре марксизма-ленинизма.

С 1948 года по 1970 год работал преподавателем и старшим преподавателем в военных высших учебных заведениях, читал полный курс лекций и проводил семинарские занятия по истории КПСС.

В сентябре 1970 года И.З. Захаров был уволен в запас по выслуге лет и по конкурсу был зачислен на должность ученого секретаря Проблемного Совета МВ и ССО РСФСР при кафедре истории Ленинградского государственного университета (ЛГУ) по проблеме: «Коммунистическая партия – вдохновитель и организатор победы Советского народа в Великой Отечественной войне». Со своими обязанностями успешно справлялся. Одновременно читал курс лекций в ЛГУ. К преподавательской работе относился с любовью, занятия проводил на высоком профессиональном уровне. С сентября 1972 года работал в должности доцента кафедры истории ЛГУ.

Из характеристики И.З. Захарова: *«Тов. Захаров И.З. постоянно совершенствует свои знания, работает над исследованием политики в национальном вопросе. В 1970 году опубликовал монографию*

НАШИ ВЕТЕРАНЫ:
они трудились в нашем вузе

«Дружба, закаленная в боях», является автором 56 научных работ. Докторская диссертация Захарова И.З. «Деятельность Коммунистической партии по укреплению дружбы народов СССР в годы Великой Отечественной войны» была успешно защищена в июне 1971 года. В мае 1973 года Захаров И.З. был переведен на должность профессора кафедры Истории КПСС ЛГУ».

Доктор исторических наук (1972), профессор (1976).

В 1974 году Ученым советом ЛИТМО был избран по конкурсу на должность заведующего кафедрой истории КПСС, а приказом министра Высшего и среднего специального образования СССР был утвержден в этой должности, и проработал до 1987 года.

Президиум праздника «День знаний»: (справа-налево) заведующие кафедрами, профессора И.З. Захаров, М.М. Русинов и С.П. Митрофанов, секретарь парткома доцент В.Л. Рудин, секретарь комитета Комсомола Константин Заикин, профессора ректор Г.Н. Дульнев и проректор С.А. Майоров. ЛИТМО, 1982 год

ИГОРЬ СВИРИДОВ

студент инженерно-физического факультета

ТАК РЕШАЛИСЬ СУДЬБЫ СРАЖЕНИЙ

ПОРОЮ ЛЮДИ, с которыми мы встречаемся каждый день в коридорах, на лекциях, на лабораторных занятиях, оказываются людьми сложной, неожиданной судьбы.

Недавно во всех потоках первого курса прошли лекции по теме «Великая Отечественная война». В двух потоках ИФФ лекцию прочитал профессор Иван Захарович Захаров. В этот день Иван Захарович надел военную форму, и мы были поражены, увидев, скольких боевых наград он удостоен. После занятий профессор провел дополнительную беседу с нами, во время которой рассказал о боевых подвигах своих товарищей. И, по-моему, такое общение с человеком, лично все это пережившим, для нас, представляющих войну как нечто отвлеченное и очень далекое, важно и просто необходимо.

- 1944 год. Безмолвная июльская ночь на фронте. И в этой тишине неожиданный писк немецкой морзянки: дивизионный радист пытается вызвать штаб. Но тот молчит – отказал передатчик. И немец передает наудачу радиограмму, в которой сообщает, что дивизия понесла тяжелые потери, и просит помощи. Донесение было перехвачено советской радисткой Машей Шульгиновой. Тотчас о перехваченной

радиограмме было сообщено командующему фронтом маршалу Жукову. Советские части немедленно перешли в наступление, и к утру фронт на этом участке был прорван. Радистка была награждена орденом.

Притихли первокурсники, внимательно слушают о боевых делах 394-го отдельного радиодивизиона особого назначения. А Иван Захарович продолжает рассказывать:

- Однажды маршал Рокоссовский вызвал командира нашего дивизиона и попросил найти радиста для переброски в тыл к немцам. Отбор производился очень тщательно. Были забракованы пять парней. В конце концов выбор пал на 17-летнюю девушку Машу, которая несмотря на молодость была опытным радистом. Специально для Маши была написана легенда, по которой Маша должна была выдать себя за дочь белорусского кулака, репрессированного советской властью и сосланного на Север. Радистка была успешно переброшена в тыл, где она устроилась работать в немецкой столовой. Девять месяцев передавала Маша ценные сведения советскому командованию.

Лекции Ивана Захаровича – всегда увлекательны, в них факты, известные нам с детских лет, органично переплетаются с событиями из жизни

НАШИ ВЕТЕРАНЫ: они трудились в нашем вузе

самого рассказчика и раскрываются совершенно по-новому. Наверное, именно поэтому так ждут студенты эти лекции. Сегодня трудно представить, что наш Иван Захарович в годы войны был первоклассным радистом, принимавшим в минуту 130 знаков письменного текста. Кстати, за радиограммы, перехваченные во время Сталинградской битвы, дивизион, где служил Иван Захарович, был награжден Красным знаменем, а весь личный состав получил ордена и медали. Ведь часто перехваченные радиограммы круто меняли ход сражений!

- Апрель 1945 года. Советские власти начинают битву под Берлином. Бойцы 1-го Белорусского фронта, сражающиеся на левом фланге, переходят в наступление. Чтобы остановить его, Гитлер снимает

500 танков с другого, правого фланга. Об этом из перехваченной радиограммы узнает советское командование. В наступление переходит первый Украинский фронт, находящийся на правом фланге, и, смяв противника, советские войска врываются в Берлин. А через несколько дней над рейхстагом взвилось знамя Победы.

Подходит к концу рассказ Ивана Захаровича. Но первокурсники не спешат уйти. Обступив преподавателя, они просят уточнить подробности, заинтересовавшей их операции. И посевший в боях ветеран вспоминает снова и снова.

*Впервые опубликовано в газете
«Кадры приборостроению» №17 (1074),
8 мая 1981 года*

Лекцию профессора И.З. Захарова студенты слушают с большим вниманием.

ЛИТМО, 1981 год

ВСЕ 1418 ДНЕЙ НА ФРОНТЕ

Войну я встретил сержантом срочной службы, закончил старшим лейтенантом, а вышел в запас и отставку – полковником.

Все 1418 дней я был на фронтах Великой Отечественной войны. Мои однополчане и я вели разведку фашистских войск. За образцовое выполнение заданий командования в Сталинградской битве наша часть была награждена орденом Красного Знамени, а весь личный состав от красноармейцев до командиров подразделений и части удостоился правительственных наград.

Сталинградцами – победителями в феврале 1943 года мы прибыли в район Курской дуги и тщательно готовились к летним сражениям, разгадывая замыслы фашистских оккупантов. Все красноармейцы, сержанты, старшины и офицеры совершенствовали свое боевое мастерство, познавали тактику и оружие врага. А когда 5 июля началось сражение, разведывательные группы наших подразделений помогли разгадать замыслы гитлеровского командования.

В Курской битве личный состав части достойно выполнил боевые задания, многие бойцы и командиры

были награждены орденами, медалями и знаком «Отличный разведчик».

Велик был наступательный порыв Советских войск в дни битвы за Днепр, в боях за освобождение Белоруссии и Украины от гитлеровских оккупантов. Население городов и сел этих республик встречало нас со слезами радости на глазах.

В 1944 году мы участвовали в освобождении многострадальной Польши. Верховный главнокомандующий высоко оценил подвиги нашей части и присвоил ей почетное звание «Варшавской».

С честью выполнили мы свой интернациональный долг и на немецкой земле. За образцовое выполнение разведзаданий командования в битве за Берлин к знамени части был прикреплен орден Александра Невского, а весь личный состав был награжден орденами и медалями.

В солнечный день Великой Победы 9 мая 1945 состоялся митинг личного состава части.

*Впервые опубликовано в газете
«Кадры приборостроению» №14
1983 года*

ПОБЕДА БРАТСКОЙ ДРУЖБЫ НАРОДОВ

В НАСТУПАТЕЛЬНЫХ операциях наших войск на заключительном этапе Великой Отечественной войны ярко проявилось возросшая сила дружбы и интернационализма народов Советского Союза – одного из главнейших источников Великой победы.

1944 год начался мощным наступлением советских войск под Ленинградом. Наступление повели с Приморского плацдарма часть 2-й ударной армии под командованием генерал-лейтенанта И.И. Федюнинского и с Пулковских высот части 42-й армии под командованием генерал-полковника И.И. Масленникова. Их наступление было поддержано артиллерией и авиацией Ленинградского фронта и Краснознаменного Балтийского флота. Прервав долговременную оборону врага, передовые части двух армий соединились в районе населенного пункта Русско-Высоцкое. 20 января был положен конец Петергофско-Стрельнинской группировки гитлеровцев.

Начавшие 15 января наступление части 59-й армии под командованием генерал-лейтенанта И.Т. Коровникова прорвали вражескую оборону под Новгородом и овладели городом. К 20 января войска Ленинградского и Волховского фронтов продвину-

лись вперед на 20-25 километров и освободили от врага Петергоф (ныне Петродворец), Стрельну, Красное Село, Ропшу. Тем самым были созданы условия для наступления на огромном протяжении – от Финского залива до озера Ильмень.

Велик был наступательный порыв наших войск. Их продвижение вперед развивалось успешно. За время январско-февральских боев они отбросили Гитлеровцев на 220-280 километров от города Ленина, освободили от них почти всю Ленинградскую область, часть районов Калининской области и Эстонии.

ПЛЕЧОМ К ПЛЕЧУ в наступательных боях участвовали воины всех национальностей. Среди личного состава 43-й Краснознаменной стрелковой дивизии были бойцы и командиры более тридцати национальностей. Дивизия отличилась в боях за освобождение Ропши, Елизаветина, а также при форсировании рек Луги и Плюссы, в боях на реке Нарва. Настроение наступавших хорошо выразил командир роты автоматчиков 147-го стрелкового полка капитан Князев. «Немало, - говорил он, - пришлось вести мне боев на Ленинградском фронте, но никогда я не был преисполнен такой радости и уверенности в успехе, как теперь. Эту

ВОСПОМИНАНИЯ УЧАСТНИКОВ БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

уверенность я чувствую и в сердцах своих бойцов».

Пример отваги показывали коммунисты. Член партии, командир орудия Заверзаев под ураганным обстрелом выдвинул свое орудие на прямую наводку и вел из него прицельный огонь. Его тяжело ранило. Истекая кровью, артиллерист продолжал стрелять, пока не были подавлены огневые точки врага. Коммунист умер как герой. «Этот славный подвиг, - говорилось в политдонесении, - воодушевил личный состав и способствовал стремительному продвижению вперед».

Десантный отряд дивизии 2 суток вел бой на берегу Нарвы. За это время было отбито 12 контратак врага. К исходу первого дня в десанте осталось семь человек во главе с командиром Сютиним и сержантом Зайдом. Они поклялись держаться до последнего. Клятву сдержали, продержались до прихода подкрепления.

ЗА УЧАСТИЕ в освобождение Гатчины 201-я стрелковая дивизия, имевшая в своем составе воинов 26-ти национальностей, удостоилось присвоения почетного наименования Гатчинской. Вдохновленный такой наградой, личный состав дивизии под командованием полковника В. П. Якутовича успешно продолжал наступление и отличился в боях за освобождение Луги. За этот подвиг дивизия была награждена орденом Красного Знамени.

На левом фланге наших войск, наступавших под Ленинградом, решительными действиями 43-ая гвардейская латышская стрелковая дивизия, в составе которой были воины 27 национальностей, прорвала оборону врага в районе Федорухново южнее реки Смердель. Командир дивизии гвардии генерал-майор Д.К. Броткалн направил в прорыв отряд лыжников, укомплектованный личным составом 43-ей и 33-ей дивизии.

Командовал отрядом заместитель командира дивизии латыш подполковник Я.Л. Райнберг. Совершив стремительный рейд, лыжники заняли деревню Моноков и перерезали железную дорогу Новоскольниковы – Дно. Все они действовали отважно. Батальон, которым командовал украинец капитан Г.Т. Пономаренко, разгромил в Монокове штаб саперного батальона, захватил его знамя и 26 пленных. В то же время взвод гвардии лейтенанта русского А.И. Елагина уничтожил около 40 гитлеровцев, два ручных пулемета, одно противотанковое орудие.

Не сразу опомнились гитлеровцы. А когда пришли в себя, подтянули танки, артиллерию и свыше полка пехоты. Численное превосходство было на их стороне. К тому же у наших лыжников вышли из строя противотанковые ружья, да и запас гранат был ограничен. Расходовали их экономно. Батальон Г.Т. Пономаренко

НАШИ ВЕТЕРАНЫ: они трудились в нашем вузе

вместе с батальоном И.М. Боборыкина в течение 12 часов отбил 8 танковых и 11 пехотных атак врага. Враг потерял более трех батальонов пехоты и 9 танков.

Многие лыжники получили ранения. Но продолжали отбивать яростные атаки врагов. Немало рядовых бойцов, младших командиров и офицеров пали смертью храбрых. Отдал свою жизнь за русскую деревню и бесстрашный сын латышского народа Я.Л. Райнберг. Президиум Верховного Совета СССР посмертно присвоило ему звание Героя Советского Союза. Ценою отваги, храбрости и самопожертвования герои-лыжники удержали завоеванные позиции до прихода подкрепления. Этим было обеспечено наступление наших войск на этом участке фронта.

В ДНИ ОБОРОНЫ Ленинграда и разгрома гитлеровцев у его стен сильные удары по врагу наносили летчики истребители, ведомые в бой крылатым богатырем украинского народа П.А. Покрышевым. За подвиги в небе Ленинграда ему было присво-

ено звание дважды Героя Советского Союза. Сам П.А. Покрышев участвовал в 60 воздушных боях, лично сбил 38 самолетов врага и ещё 9 - вместе с товарищами.

За подвиги, совершенные в боях под Ленинградом и в Прибалтике, второй медали Героя Советского Союза были удостоены летчики морской авиации русский В.И. Раков, украинец А.Е. Мазуренко, армянин Н.Г. Степанян.

Ленинградская победа еще больше возвеличила силу дружбы народов Советского Союза, величие духов ленинградцев. Народы страны называли Ленинград городом-героем. За мужество и героизм, дисциплину и стойкость, проявленные в боях с фашистскими захватчиками, город был награжден орденом Ленина и медалью «Золотая Звезда».

*Впервые опубликовано в газете
«Кадры приборостроению» № 7 (1207)
7 марта 1985 года*

МИТРОФАНОВ СЕРГЕЙ ПЕТРОВИЧ

Крупный ученый в области технологии и организации производства, крупный организатор науки. Заслуженный деятель науки и техники РСФСР.

Родился 25 сентября 1915 года. Окончил техникум точной механики и оптики (1933), а затем ЛИТМО по специальности Точная механика (1939).

После окончания учебы работал на Государственном оптико-механическом заводе (ныне — ОАО «ЛОМО»): инженер, начальник технологического бюро, начальник производства, главный технолог.

Находился на партийной работе (1951–1961): первый секретарь Калининского райкома КПСС, секретарь Ленинградского обкома КПСС по промышленности и науке (1954–61). Участвовал в организации и реконструкции многих предприятий и НИИ города.

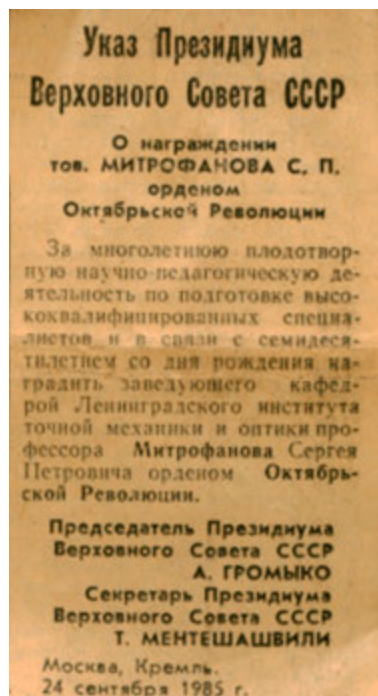
Работал в университете (с 1961 по 2003 год): директор (впоследствии ректор) (1961–74), заведующий кафедрой технологии приборостроения (1961–89), профессор кафедры технологии приборостроения (1989–2003).

Кандидат технических наук (1953), доктор технических наук (1961), профессор по кафедре технологии приборостроения (1962).

Основоположник и руководитель научно-педагогической школы университета «Научные основы групповой технологии и организации группового производства». Являлся талантливым и доброжелательным педагогом.

Одним из первых применил ЭВМ для решения конструкторско-технологических задач. Разработал метод групповой технологии и организации группового

НАШИ ВЕТЕРАНЫ: они трудились в нашем вузе

производства, основал научную и инженерную школу в этом направлении. Оказал содействие во внедрении метода групповой технологии в производство в ГДР, Чехословакии, США, Японии и др. странах. Главный научный консультант Министерства оборонной промышленности СССР (с 1962 года).

Активный деятель общественных научно-технических организаций. Почетный академик Санкт-Петербургской инженерной академии (1992). Член совета Дома ученых и председатель секции «Технология машиностроения».

Автор более 20 монографий, более 200 научных трудов и методических пособий. Являлся членом специализированных советов по защите докторских и кандидатских диссертаций, вел дипломное проектирование и осуществлял руководство аспирантами.

Награжден орденами Ленина (1957), Знак Почета (1967), двумя золотыми медалями ВДНХ СССР (1969, 1970). Лауреат Ленинской премии за разработку и внедрение метода групповой технологии (1959). Был награжден орденом Почета (2000).

Профессор С.П. Митрофанов умер 24 октября 2003 года.

ВОСПОМИНАНИЯ УЧАСТНИКОВ БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Торжественное заседание во Дворце молодежи, посвященное вручению ЛИТМО
Ордена Трудового Красного Знамени. Слева на право: секретарь парткома доцент
В.Л. Рудин, ректор профессор Г.Н. Дульнев, заведующий кафедрой технологии приборо-
строения, лауреат Ленинской премии профессор С.П. Митрофанов, заведующий кафедрой
теории оптических приборов, лауреат Государственной премии профессор М.М. Русинов.
Ленинград, 1981 год

С. МИТРОФАНОВ

ВЫСТОЯЛИ, ПОБЕДИЛИ

В памяти тех, кто пережил блокаду Ленинграда, сохранился каждый из ее девятисот дней. И все же среди них есть особые, я бы сказал, символические дни.

Помню наш дом, печку «буржуйку». Уже сожжено всё, что может гореть. Холодина непередаваемая. Беру свои прыжковые лыжи (гоночные ленинградцы сдали на нужды фронта), отпиливаю кусок и развожу огонь. Греемся больше от сознания того, что должно быть теплом. Разве что руки, прижатые к металлу, легко оттаивают. Я вместе с двумя молодыми горнолыжниками собирался летом 1941-го спуститься на лыжах с Эльбруса. До войны сборная Ленинграда по слалому входил, хотя увлекался многими видами, начиная с водного поло. И вот сгорают в печурке не просто лыжи, а счастливая пора молодости. И крепнет стремление выстоять, сделать все для обороны Ленинграда.

Я в это время работал на заводе. Выполняли мы, естественно, оборонные заказы, и на фронт, как не просился, не отпускали. Жили в ту пору на казарменном положении, домой попадал редко, а тот эпизод – с горящими лыжами – особо запомнился.

Встречаясь с молодежью, не устаю повторять, что пережил блокаду только благодаря воле и закалке, приобретен-

ным до войны. Ведь какой был паек? Кроме мизерной нормы хлеба, на десять дней, вывали селедку, 100 граммов сахарного песку и 100 граммов фиников. Я все делил на десять дневным порций. Было это сорок вторым, самом голодном году. Весил я тогда 48 килограммов, а обычный мой вес был 70 килограммов. Умираешь от голода, но прикоснуться к тому, что отложено на другие дни, себе не позволяешь. За счет воли и держался.

У меня дома хранится кусочек блокадного хлеба. Нет, не того, из 1942 года, - я тогда до крошки все съедал, а выпеченного по блокадному рецепту к одной из годовщин Победы. Он лежит в миниатюрном семейном мемориале, в котором помещены осколок снаряда, влетевший в окно квартиры, зажигалка из гильзы, брошюра полковника Н. Петрова «Как уничтожить врага, ворвавшегося в город», изданная в Ленинграде 1941 году. А на плите выгравирована надпись: «Никто не забыт, и ничто не забыто». Есть в этом мемориале и маленькая колонна из розового мрамора со скульптурой Победы, строки из

стихотворения Ольги Берггольц: «И если завтра будут баррикады, мы не покинем наших баррикад». Внукам своим сказал: «Храните этот мемориал вечно!». А у нас в семье три внука, две внучки и правнук даже, так что есть кому сохранять эту память сердец...

А помнится многое, но ярче – торжество силы и духа нашего народа, нашего поколения. Огромную роль в становлении этого нестигаемого духа сыграли спортивная закалка, влияние физкультурно-массовой работы на молодежь, гордившуюся знаками ГТО и «Ворошиловский стрелок» как спортивными орденами. Об этой работе ленинградская партийная организация не забывала и в тяжелую пору войны. Помню, как в 1943 году проходили военизированные эстафеты, соревновались бойцы Всеобуча. А зимой 1943-1944 годов к нам на завод пришло распоряжение: сформировать команду для выступления в лыжных соревнованиях.

Вспомнили о бывших спортсменах, попал в их число и я, работавший тогда начальником технологического бюро. Лыж у нас не было, их выдавали прямо у стадиона имени В.И. Ленина. Мужчины бежали (точнее шли – бежать не было сил) пять километров, женщины – три. Вернувшись на завод, мы доложили, что выполнили задание. Выступили хорошо. Через

несколько дней меня вызвал к себе парторг ЦК на заводе: «Сережа, соберайся, на соревнования по лыжам в Ижевск. Туда решено отправить нашу заводскую команду – трех мужчин и двух женщин. Пусть все знают, Ленинград живет, борется, трудится и даже участвует в спортивных состязаниях». Это было невероятно! Поехали Л. Куликова, З. Фельдман, В. Васин, П. Островский и я. Шел январь 1944 года.

В Ижевске, куда съехались команды из Москвы, Новосибирска, Горьковского, Свердловска и других городов, нас встретили восторженно. Когда объявили, что стартуют ленинградцы, это сообщение все встретили «Ура!». А мы волновались: пройдем ли дистанцию? Но сойти не имели права. В итоге у нас оказалась седьмое место. Затем мы много выступали в различных коллективах, рассказывали о ленинградцах и Ленинграде. Нам предлагали: оставайтесь, побудьте в доме отдыха, наберётесь сил. А мы не могли этого сделать: нас ждали товарищи. Мы торопились в город – фронт, да и хотелось привезти родным те продукты, которыми нас снабдили гостеприимные хозяева.

*Впервые опубликовано в газете
«Кадры приборостроению» № 3 (1354),
3 февраля 1988 года*

900 ДНЕЙ И НОЧЕЙ

ДА, 900 ДНЕЙ И 900 НОЧЕЙ! О блокаде Ленинграда написано много книг, созданы документальные и художественные фильмы, но разве можно передать то что пришлось пережить жителям нашего великого города.

Вот и я, уже старый человек, хотя прошло сорок лет со дня снятия блокады, не могу без большого волнения и буквально «с комком в горле» смотреть фильмы, читать книги или вспоминать эти героические, полные жизненного оптимизма, но трагические дни.

У каждого, кто пережил блокаду, есть свои личные воспоминания. Дни и факты, которые нельзя забыть. У каждого была своя судьба, но у всех ленинградцев было и общее – борьба за победу, борьба за жизнь. Город жил, город воевал! Город стоял насмерть и выстоял!

ШЕЛ 1941 ГОД.

Мы, трое спортсменов – горнолыжников, задумали сделать скоростной спуск на лыжах с Эльбруса. Но грозное, злое слово «война» перекинула все наши мечты и планы.

С первого же дня Великой Отечественной весь народ готов был встать на защиту Родины. Мне не повезло: ни в народные ополчения, ни в истребительный батальон, ни в группу, забрасываемую на

самолете в тыл врага, меня не зачислили. Необходимо было работать на заводе, чтобы обеспечить выпуск новой продукции и быстро провести эвакуацию оборудования и людей на восток страны. Работали, не считаясь со временем. Строили оборонительные сооружения. В августе с нашего предприятия ушел последний девятый эшелон. Мы, сравнительно небольшой коллектив, остались уже в блокадном Ленинграде, продолжая выпускать столь необходимое для фронта оружие.

Помню свое боевое крещение. Было это 8 сентября 1941 года, в день рождения моей матери. Собрались, чтобы отметить эту дату. Случилось так, что именно в этот день начались интенсивные бомбежки города, были разбиты и горели Бадаевские склады.

Мы сидели за скромным праздничным столом, как вдруг раздался сигнал: «Воздушная тревога». Отнеслись к этому спокойно, но через несколько минут нам было уже не до праздника. Тяжелая фугасная бомба ударилась в соседний дом и «вынесла» целый корпус на набережную Невы. Следующие бомбы разорвались на Марсовом поле и где-то дальше. Мы бросились на улицу чтобы оказать помощь людям, засыпанным обломками разрушенного дома. Увы, почти

НАШИ ВЕТЕРАНЫ: они трудились в нашем вузе

все, кто в это время находился в квартирах, погибли.

НАСТУПИЛИ ТЯЖЕЛЫЕ дни блокады. Ленинградцы работали, не покладая рук. Даже во время воздушных тревог, когда над головой гудели моторы фашистских самолетов, а с крыши нашего завода била противоздушная батарея, люди отказывались спускаться в бомбоубежище. Никто не думал о своей жизни.

Никогда не забуду такой эпизод. Был прекрасный воскресный осенний день. Мне, как начальнику участка, разрешили отпустить домой несколько человек, чтобы они могли хоть немного отдохнуть. Ведь большинство были женщины. Особенно самоотверженно работавшей девушке — Наде

Редькиной, которой не было и семнадцати лет, я предложил уйти домой в первую очередь. Она отказалась, через полчаса я опять посоветовал ей отдохнуть. Девушка снова категорически отказалась. Через некоторое время начался артиллерийский обстрел. Один из снарядов разорвался на территории заводов и осколок размозжил Наде лицо. До сих пор думаю, уйди она домой — этой трагедии не случилось бы.

Сколько прекрасных людей погибло тогда на глазах, и ни чем нельзя было им помочь. А нужен был только хлеб... Это было в самые тяжелые месяцы конца 41-го и первой половины 42-го года.

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

НА НИХ СМОТРЕЛИ КАК НА ЧУДО

В одной петербургской квартире есть уникальный домашний музей, своего рода мемориал в миниатюре. На черном стекле — осколок снаряда, некогда влетевший в квартиру, и кусочек жмыха. Справа — плита с выгравированной надписью: "Никто не забыт, и ничто не забыто". Слева — медаль с изображением Пискаревского кладбища, а рядом — из розового мрамора маленькая колонна, которую венчает скульптура "Победа". По бокам, как два часовых, — крупнокалиберные пулеметные патроны.

Хозяин квартиры, любовно соорудивший мемориал, очень интересный человек. В блокаду и после войны Сергей Митрофанов работал на заводе ЛОМО (ныне ЛОМО). Затем — головокружительная партийная карьера: с 1954 по 1961 год был секретарем Ленинградского обкома КПСС по промышленности и науке. Потом Сергей Петрович был ректором ЛИИО, возглавлял одну из кафедр института. За внедрение методов групповой технологии в 1959 году удостоен Ленинской премии. Митрофанов — заслуженный деятель науки и техники, доктор технических наук, профессор, автор более 150 научных трудов. И кроме того, был неплохим спортсменом, которому 60 лет назад, сразу после прорыва блокады Ленинграда, посчастливилось принять участие во всесоюзном соревновании, вошедшем в историю как символ неистощимого мужества ленинградцев. Предположим его воспоминания об этом событии.

— Летом 1941 года я собирался сплутиться на лыжах с Эльбруса. Но зловещее слово "война" перечеркнуло все планы. И вот я сижу перед "буржуйкой" и, ежась от декабрьского холода, смотрю, как доругают в пеленке мои лыжи, а с ними и счастливая пора моей молодости.

Меня не взяли на фронт, сказали, что необходимо обеспечить выпуск новой военной продукции. И мы — обеспечивали, не покидая завод даже во время воздушных тревог. Помню, мне, начальнику участка, разрешили отпустить домой несколько человек, чтобы они могли хоть немного отдохнуть.

Никто не ушел, в том числе и 17-летняя девушка Надя Редькина, уставшая больше всех. А через некоторое время начался артиллерийский обстрел, и один из осколков разорвавшегося в цехе снаряда размозжил Наде лицо. До сих пор думаю: настоял бы я на своем — осталось бы она жива.

О блокаде написано много, не хочу повторяться. Это надо пережить. Со мной был такой случай. Возвращаясь по нескладу к работе, я обессиленный подошел к спуску, чтобы подняться на набережную, но, сделав несколько шагов, понял, что подним — не под силу. За день каждый, кто брал воду из проруби, выплеснул на спуск хотя бы несколько капель, и спуск превратился в коток. Был уже поздний вечер, вокруг ни души. Стало ясно, что замерзну. От сознания полного бессилия я залпал: мне, горюльничку, спускавшемуся с гор Кавказа с самим Виталием Абаляковым, такая смерть казалась особенно бессмысленной. "Смотри, замерзает", — раздался рядом голос, и крепкие руки прохладивших меня моряков вывели меня на набережную, как раз напротив Дома ученых. Когда теперь бываю здесь, всегда вспоминаю тот вечер...

Радость от прорыва блокады была неопределимой. А потом произошло невероятное: меня вызвал к себе портрет ЦК КПСС (была на заводах такая должность) Петр Тимофеевич Максимовский и сказал: "Сергея, собирайся на соревнование по лыжам". — "Какие соревнования? Где?" Он ответил, что поручено отправить в Ижевск на всесо-

Ленинград. Январь 1942 года

юзные соревнования команды Ленинграда: "Пусть все знают, что блокада не сломала ленинградцев: они живут, трудятся и даже участвуют в спортивных состязаниях".

В Ижевске нас встретили восторженно. Воду, где бы мы ни появлялись, люди смотрели только на нас, слушали наши рассказы, затаив дыхание, а провожали оглушительными аплодисментами. Перед соревнованиями подвергли осмотру специально созданной медицинской комиссии, которая дала добро, правда посоветовала не переусердывать и не слишком торопиться к финишу.

И вот — старт. Дистанция для женщин — 5 километров, мужчины бежали "дескту".

К финишу пришли все, я — один из последних. Дело в том, что на дистанции мне вдруг очень захотелось есть. Увидел чуть в стороне домик, подбежал, постучался. Какой-

то дедушка вынес хлеба, кружку молока. Пока я перекусывал, все ушли далеко вперед.

Пять человек было в той нашей команде: две девушки, трое парней. Из девушек хорошо помню оптику с нашего завода Люсю Куликову. После ижевского старта она пристроилась к спорту, тренировалась в легкоатлетической школе Виктора Алексеева. Там и с будущим супругом познакомилась — Георгием Лукьяновым, после войны чемпион страны по метанию копья.

60 лет прошло с того памятного пробега. Но до сих пор помню, какими гордыми и счастливыми возвращались в родной город члены нашей маленькой команды. Мы лишний раз доказали, что Ленинград — непобедим.

Записал Георгий КОРХОВ

Я и сам-то еле ходил, но ни на один день не оставлял работу. Когда не было электроэнергии и в цехах завода замирало замерзшее оборудование, мы все равно выполняли необходимые для фронт заказы. Ни голод, ни холод, ни бомбежки и артобстрелы не могли сломить волю защитников Ленинграда! Самое страшное – это голод. А во всех остальных случаях ты мог рассчитывать, что эта бомба или снаряд не для тебя. Но голод – совсем другое дело. Ты чувствуешь, как в прошлом сильный и здоровый человек, медленно и неизбежно угасает. Становится трудно двигаться, работать, думать. Тебе снится кусок хлеба и мечтаешь о куске жмыха. Выдаваемый скудный паек делишь на несколько частей, и нужно напрячь волю, чтобы, умирая от истощения, не съесть то, что предназначено на завтра.

НО КАКИЕ БЫЛИ в нашем городе люди! Мы ни на минуту не сомневались, что победим, хотя фашистские листовки предлагали нам сдаться, и немцы были уверены, что Ленинград будет задушен блокадой. В «Блокадной книге» А. Адамовича и Д. Гранина упоминается фашистский профессор Цигельмайер, один из ведущих ученых в области питания. Во время войны он давал советы гитлеровскому генеральному штабу, как уморить голодом Ленинград. Фашисты знали, сколько в городе осталось продоволь-

ствия, и делали расчеты, в какие сроки все вымрут.

Случилось так, что после войны Цигельмайеру довелось встретиться с нашими специалистами. Он изумился: «Как вы выдержали? Это совершенно невозможно. Я писал справку, что люди на таком пайке не могут жить, а поэтому, не следует рисковать жизнью немецких солдат. Ленинградцы сами умрут... Я не понимаю, что за чудо у вас там произошло?»

Да, по расчетам фашистов, жители нашего города должны, обязаны были умереть, а они, вопреки всему, продолжали жить, они работали, защищали свой город, проводили спортивные соревнования, слушали музыку и смотрели пьесы.

Помню один трагический случай. Возвращаясь по невскому льду с работы, обессиленный, я подошел к спуску, чтобы подняться на набережную Невы, но сделав несколько попыток, понял, что мне этот скользкий подъем не преодолеть. За день, каждый, кто брал воду из проруби, выплеснул на спуск хотя бы несколько капель.

Я выбился из сил. Кругом не души. Стало ясно, скорее всего я замерзну. Был прекрасный мартовский вечер. Заходящее солнце багровым цветом освещало Неву и Петропавловскую крепость, мороз был около тридцати градусов. Мне, альпинисту, горнолыжнику, спускавшемуся до

войны с гор Кавказа вместе с Виталием Абалаковым, эта смерть казалась особенно бессмысленной. От полного бессилия выступили слезы.

И мне повезло. Через некоторое время, проходящие по льду Невы моряки на руках вынесли меня на набережную, напротив входа в Дом ученых имени Горького. Сейчас, когда мне приходится бывать в доме ученых, я всегда вспоминаю этот роковой вечер.

НАСТУПИЛ 1943 ГОД.

Прибавили пайки. Народ ожил. Ждали прорыва блокады. И вот наступил незабываемый день – 18 января 1943 года. Прорыв блокады открывал нам надежную дорогу на большую землю. Он, если говорить чисто по-человечески, окончательно укрепил нашу уверенность в том, что победим.

Прибавили хлеба. Лучше стали отваривать карточки. Мы, ленинградцы, старались отдать все свои силы и время для выполнения заказов фронта. Кроме основной работы, у нас были и другие обязанности.

В 1942 году были созданы рабочие батальоны внутренней обороны города. И на ГОМЗе (ныне ЛОМО) был сформирован 22-й рабочий батальон. Я был назначен командиром первой роты. Поле работы проходило военное обучение. На случай штурма Ленинграда был подготовлен рубеж обороны в районе Мечниковской

больницы. Здесь были созданы укрепленные точки, а окна зданий превращены в амбразуры.

Да, тяжелое было время. Помню, смотрю на себя и на бойцов роты, людей истощенных и уже обессиленных, но веры не теряю, твердо знаю, что мы сделаем все, что сможем. Если придется, то все погибнем, но назад не будет сделано не шага. Как права была Ольга Берггольц, а ее стихи знали не только ленинградцы, но и вся страна.

Я говорю, нас, граждан
Ленинграда,
Не поколеблет грохот
Канонад.
И если завтра будут
Баррикады,
Мы не покинем
Наших баррикад...

Шло время, фашистские орды несли поражение за поражением. Ленинградцы, как и все советские люди, ликовали! Приблизился 1944 год. В один из январских дней 1944 года меня вызвал к себе парторг ЦК КПСС Петр Трофимович Максимовский и сказал: «Сережа, собирайся на соревнования по лыжам, ты ведь у нас спортсмен-разрядник, не раз отстаивал честь завода на первенствах города». – «Какие соревнования? Где?» – Удивился я. Он мне ответил, что получено предложение отправить в город Ижевск на

всесоюзные соревнования по лыжам команду в составе трех мужчин и двух девушек. Пусть все знают, что Ленинград живет, борется, трудится и даже участвует в спортивных состязаниях. Ехали мы в Ижевск одним из поездов, обеспечивающих регулярное сообщение осажденного города с Большой землей. Свет в нем не зажигали – война ещё не окончилась. В соседнем купе с нами ехал начальник политотдела Казанской железной дороги. Он был потрясен всем, что видел и что слышал о Ленинграде. Всю дорогу шли разговоры только о блокаде. Его интересовало все. Тогда я припомнил еще один эпизод.

Это было 14 февраля 1943 года. Начался очередной обстрел завода. Была подана команда спускаться в бомбоубежище. Но в нашем помещении так хорошо топились «буржуйка» и поджаривался блокадный хлеб, что решили остаться на местах и продолжать работу. Один из снарядов разорвался совсем близко, полетели стекла. Тут же рухнула часть потолка, и мы увидели, как он прогибается, как лопаются лучинки, державшие штукатурку. Получив в институте артиллерийское образование, я понял, что это снаряд затяжного действия. Значит через несколько секунд он взорвется. Конец... Но взрыва не последовало, оказалось, что не сработал взрыватель. Сегодня этот 306-миллиметровый артилле-

рийский снаряд находится в Музее истории Ленинграда.

Поезд шел, а мы все говорили. Вспоминали не только тяготы и лишения, но и события жизни, которые в Ленинграде не прерывались в самое тяжелое время. Как забыть исполнение в филармонии 7-й симфонии Д.Д. Шостаковича, работу театров и домов культуры, где шли пьесы «Нашествие», «Гусарская баллада», устраивались концерты К.И. Шульженко. Правда, не редко из-за обстрелов и бомбежек приходилось прерывать выступления.

В ИЖЕВСКЕ, куда съехались команды Москвы, Новосибирска, Горького, Свердловска и других городов, нас встретили восторженно, но подвергли обследованию специально созданной медицинской комиссии. И все-таки допустили: мужчин на 10 км, женщин на 5 км.

Перед соревнованиями на одной из вечерних тренировок мы пошли к лыжне, чтобы опробовать, какая должна быть мазь и хотя бы немного отработать технику бега. Вдруг ужасно захотелось есть. Неподалеку увидели домик со светящимся окном. Решили свернуть и попытаться купить что-либо съестное. Дверь, когда мы постучали, довольно не приветливо открыл седой дед. Мы обратились со своей просьбой. Он чуть нас не выгнал, но когда моя попутчица сказала, что я из блокадного Ленинграда, старичок

НАШИ ВЕТЕРАНЫ:
они трудились в нашем вузе

буквально преобразился. Сначала он не поверил, что из фронтового города приехали на соревнования по лыжам. Потом он не знал, куда нас усадить. Принес крынку молока и отварную картошку. Извинялся, что мало хлеба. Предложенные за еду деньги воспринял как оскорбление. Поэтому факту можно судить, как переживала вся страна за судьбу Ленинграда.

Настал день соревнований. Когда диктор объявил: «На старт выходит команда Ленинграда», масса людей, присутствовавших при этом – и зрителей и участников соревнований,-

встретили это сообщение криками «Ура!». Все волновались, пройдем ли мы дистанцию? Все кончилось благополучно: сойти мы не имели права. В итоге мы заняли седьмое место.

Во время пребывания в Ижевске пришлось много выступать – на заводах, в Доме культуры, по радио. Все хотели услышать о блокаде, о героизме Ленинграда от непосредственных участников этих исторических событий. Здесь мы на личном опыте убедились, что такое сила и сплоченность советского народа!

ТЯЖЕЛО ПОГРУЖАТЬСЯ В

Встреча ветеранов блокады: в первом ряду слева - С.П. Митрофанов,
рядом - сотрудницы библиотеки Маргарита Георгиевна Богданова,
Жанна Павловна Кирсанова, Мария Яковлевна Коваленок.

ЛИТМО, 1979 год

ВОСПОМИНАНИЯ УЧАСТНИКОВ БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

воспоминания о прошлом, особенно о трудных блокадных годах. Но они постоянно напоминают о себе. Вот и сейчас, у меня дома, на самом видном месте - сделанный мной в миниатюре мемориал. На черном стекле лужа алой крови, и на ней осколок блокадного снаряда и кусочек жмыха. Справа плита с выгравированной золотой надписью: «Никто не забыт, и ничто не забыло». Медаль с изображением Пискаревского кладбища. Из розового мрамора колонна, на ней скульптура «Победа», по бокам, как два часовых, крупнокалиберные пулеметные патроны. Рядом с надписью «900 дней блокады Ленинграда» - выше приведенный отрывок из стихотворения О. Ф. Берггольц. Тут же красный цветок. На стене – брошюра полковника Н. Петрова «Как уничтожить врага, ворвавшегося в город», изданная в Ленинграде в 1941 году.

Меня спрашивают: зачем это вам? И я отвечаю: нельзя забыть то героическое время! Его не забудут не

только ленинградцы-блокадники, но и все, кто перенес тяготы в военных точках. Наша Родина понесла самые большие материальные и людские потери из всех воюющих стран. Из 20 миллионов советских людей, погибших во Второй мировой войны на долю Ленинграда приходится почти миллион.

Вот почему ленинградцы заявляют решительное «нет!». Зловещим замыслом империалистов наш народ полон решимости сделать все, чтобы отвести угрозу войны, сохранить мир для будущих и грядущих поколений.

Дорогая молодежь! В дни 40-летия освобождения Ленинграда от вражеской блокады пойдите к памятникам погибших, склоните головы, и почтите минутой молчания о тех, кто отдал свою жизнь за победу, за ваше счастье.

Там лежат настоящие герои!

*Впервые опубликовано в газете
«Кадры приборостроению» № 4 (1169),
1 февраля 1984 года*

СПЕРАНСКИЙ СЕРГЕЙ ВИТАЛЬЕВИЧ

Перед войной служил в траловом флоте. Начало войны застало его в Таллине, откуда после мобилизации он был направлен на остров Ханко в бригаду торпедных катеров. Затем в 1942 году служил в бригаде морских охотников Ладужской военной флотилии.

Работал в ЛИТМО старшим лаборантом кафедры физики сразу после демобилизации из армии с 1946 года.

Во время войны за его спиной были героическая оборона Ханко, «Дорога жизни», прорыв блокады, освобождение Прибалтики, штурм Будапешта и Вены, освобождение Прагу.

Был награжден 25-тью правительственными наградами.

ДОРОГАМИ СОЛДАТСКОЙ СЛАВЫ

Впервые краснофлотец Сергей Сперанский попал на Ханко в конце лета 1940 года. Кончилась финская кампания. Советские моряки осваивали новую военно-морскую базу, ключ к финскому заливу. Подступы к базе были сильно заминированы. Нужно было очищать воды от мин. Эту нелёгкую работу выполнила бригада тральщиков, в которой служил тогда Сперанский.

«Вспоминается случай, - рассказывает Сергей Витальевич, - когда наш тральщик выполнял свою обычную работу – обезвреживал мины недалеко от города. Когда работа была окончена и стали скручивать трал, внезапно заметили у самой кормы прыгающий на волнах шар немецкой мины. Чуть сильнее волна – и корабль взлетит на воздух. Но командир не растерялся, стал разматывать трал и одновре-

менно дал полный ход. Тральщик был спасён».

В ноябре 1940 года Сперанский был демобилизован. Но недолго длилась мирная жизнь. Враг вероломно напал на нашу Родину. Началась Великая Отечественная война. Сергей Витальевич был мобилизован одним из первых. Уже 22 июня он был отправлен в Таллин. А 30 июня в составе 2-ой бригады торпедных катеров прибыл на Ханко. Так началось его участие в героической обороне полуострова.

«Плавсостав скоро был отведён в Кронштадт, а нас - на оборону порта. Скоро мы стали познавать суровую азбуку войны, научились укрываться в базальтовых скалах от вражеских снарядов, ловили сигнальщиков-диверсантов среди прибрежных камней, были всегда готовы к встрече с вражеским десантом.

Город и порт были прикрыты с моря мощной артиллерией, а перешеек надёжно обороняли сухопутные части Симоняка. Мы чувствовали себя уверенно и были готовы держаться сколько потребуется.

В те дни у нас на Ханко прославился своими подвигами и беззаветной отвагой капитан Гранин. Это был человек огромной силы воли, мужества, истинный виртуоз десантных операций. Небольшими силами моряков-десантников он отбил врага, ряд

ВОСПОМИНАНИЯ УЧАСТНИКОВ БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

островов на подступах к базе, чем ещё больше укрепил её безопасность со стороны моря. Его операции – это сочетание строгого расчёта с матросской удалью и бесстрашием. Моряки в чёрных бушлатах вихрем налетали на врага, буквально сметая всё на своём пути. Капитан Гранин пользовался огромным авторитетом среди защитников Ханко».

К концу ноября положения на фронтах становилось всё труднее. Опасность нависла над колыбелью революции – Ленинградом. Командование приняло решение об эвакуации с Ханко. 21 ноября 1941 года на небольших катерах с предпоследней партией защитников полуострова покидал Ханко и Сергей Витальевич Сперанский.

Защитники Ханко становятся защитниками Ладоги. Рядовой Сперанский служил радистом на морском охотнике. Тут не было тихих

дней. Разгром вражеского десанта, который пытался перерезать «Дорогу жизни», рискованные подходы через пролив через пролив у острова Валаам под огнём противника в тыл врага...

«Тут, на Ладого, в непрерывных боях, я дождался прорыва блокады». А потом были все фронты – от Балтики до Чёрного моря, путь Сперанского лежал через Ригу, Будапешт, Вену и Прагу. Под Прагой и застал его светлый день Победы.

ПОДВИГ – это не только атаки с винтовкой наперевес. Подвиг – в незаметном, упорном, нелёгком и долгом трудовом, её буднях. Подвигом представляется нам эта простая солдатская судьба – судьба одного из миллионов воинов Великой Отечественной.

*Впервые опубликовано в газете
«Кадры приборостроению» №15,
7 мая 1973 года*

Ю. Д. КОРНЮШКИН

«ОХОТА» НА ЛАДОГЕ

Сергей Витальевич вспоминает, как однажды их катер должен был доставить нашего разведчика в логово врага. Темной ночью катер вышел из бухты Осиновец и направился через Ладогу. Все металлические части катера были тщательно покрашены. Катеру предстояло пройти через так называемые «ворота смерти» – узкий пролив между берегом и островом Валаам.

Двигатели катер заглушить не могли, чтобы направить врага по ложному следу, над катером летал самолет. Враг открыл огонь по воздушной цели, и катер благополучно миновал опасный участок. У берега наши моряки заглушили моторы, высадили разведчика и, когда убедились, что он благополучно добрался до суши, отправились в обратный путь. В это время на небе появилась луна, что еще более усложнило возвращение на базу. Но морской охотник и на этот раз сумел проскочить опасную зону. Сергей Витальевич был на этом катере радистом.

*Впервые опубликовано в газете
«Кадры приборостроению» №17 (1074),
9 мая 1981 года*

РУДНОВ АНАТОЛИЙ ПЕТРОВИЧ

Ветеран Великой Отечественной войны, капитан первого ранга. Преподавал курс гражданской обороны в ЛИТМО.

Награжден медалью «За отвагу».

Сотрудники кафедры приборов точной механики (слева) Л.Г. Муханин и А.В. Злобин в гостях на военно-морской кафедре накануне 40-летия Великой Победы.

Преподаватели ВМК (справа-налево): капитаны первого ранга А.В. Алексеев, А.П. Руднов и В.Н. Семьянинов (заведующий кафедрой).

ЛИТМО, 1985 год

АНДРЕЙ ФУРМЕНКОВ
студент

ДЫХАНИЕ ВОЙНЫ

Все больше и больше времени отделяет нас от яркого и радостного дня 9 мая 1945 года, которого ждали миллионы людей. Все меньше остается рядом с нами участников войны. И поэтому нас, молодых, так волнуют воспоминания ветеранов Великой Отечественной. С одним из них, Анатолием Петровичем Рудновым, мне посчастливилось встретиться.

Разразившаяся внезапно война не дала совсем еще юному Анатолию Руднову закончить военное училище. Направленный на летнюю практику, он попал в самое пекло боев. Боевое крещение Руднов получил в знаменитой Особой бригаде морской пехоты, которую враги прозвали «черными дьяволами». И действительно, одетые во все черное: бушлат, и брюки, и бескозырка, - моряки наводили ужас на фашистов. Отбирали в бригаду самых крепких и выносливых, отчаянных и хладнокровных бойцов.

Больше всего Анатолию Петровичу запомнился эпизод, когда он участвовал в захвате «языка». Дело было в Приазовье. Нужно было узнать планы операций врага на важнейшем участке фронта. Разведчикам требовалось захватить и доставить в распоряжение нашей части живого фашиста.

Руднов был назначен в группу наблюдения, которой предстояло

корректировать действия группы захвата. Досадная случайность помешала проведению операции. Группа захвата в темноте наткнулась на своих; первоначальный план нарушился, и пришлось Анатолию отправиться во вражеские окопы.

Переправившись через реку Миус, разведчики бесшумно проделали проход среди минных заграждений врага и наткнулись на гражданский дзот, из которого методически обстреливал местность пулеметчик.

Вот летит граната. Взрыв. Ворвавшиеся в дзот разведчики видят здорового и почти невредимого фашиста. Не растерялся командир группы, бросившийся на врага. Короткая схватка, и фашист скручен. Разведчики привязали его к двум бревнам и благополучно переправили через реку. За участие в этой операции Руднов был награжден медалью «За отвагу».

Заканчивал войну Анатолий Петрович на Дальнем Востоке. Здесь он служил мичманом на тральщике, очищавшем от мин море вдоль побережья Северной Кореи. Эти минные поля были специально установлены американцами, чтобы затруднить продвижение советских войск.

Впервые опубликовано в газете «Кадры приборостроению» 14 октября 1985 года.

ТЕМИЧЕВ АЛЕКСЕЙ СЕМЕНОВИЧ

Родился в 1923 году. Окончил Севастопольское военно-морское училище (1942), после чего в самый суровый период Великой Отечественной войны участвовал в легендарной Севастопольской обороне. Его боевой путь продолжался на самой северной точке фронта – на рубежах отечественного заполярья. Здесь же, на севере, он служил в послевоенные годы. Командир огневого взвода Северного флота (СФ) (1942-46). В послевоенные годы: командир а/м «Осмотрительный» СФ (1946-51).

Окончив в 1956 году Военно-морскую академию, начал работу по подготовке высококвалифицированных офицерских кадров, сочетая преподавательскую и научную деятельность. Старший преподаватель Балтийского высшего военно-морского училища (город Калининград) (1956-57), старший преподаватель Рижского военно-морского училища береговой охраны (1957-58), старший преподаватель (1958-66), доцент (1966-67) Военно-морской кафедры Ленинградского механического института. Почти 32 года посвятил Алексей Семенович службе в Вооруженных Силах СССР.

Кандидат технических наук (1965), доцент (1967). Инженер-капитан 1-го ранга. Работал в ЛИТМО: начальник Военно-морской кафедры (1967-78).

В 2003 году был удостоен Благодарности Верховного главнокомандующего — Президента Российской Федерации за многолетнюю воинскую службу и подготовку высококвалифицированных кадров ВМФ.

Автор более 10 научных трудов. Награжден орденами и медалями СССР.

В НАЧАЛЕ ВОЙНЫ

Я, Темичев А.С., в ночь на 22 июня 1941 года находился в городе Севастополе на борту крейсера «Коминтерн» после окончания первого курса Военно-морского училища им. ЛКСМУ, выполняя обязанности практиканта по артиллерийской специальности. Для сна мне дали подвесную койку на верхней палубе. В течение последней недели на кораблях была объявлена повышенная боевая готовность. Международная обстановка была довольно тревожная, однако политработники выступали с успокоительными речами, город в ночное время был освещен, как в мирное время.

Около трех часов ночи слышался гул от самолетов. Самолеты начали сбрасывать бомбы. Освещение города отключается. Несколько низколетящих самолетов попало в перекрестие прожекторов, и по ним открыли интенсивный огонь. Самолеты противника, сбросив бомбы, покинули зону города, но заминировали фарватер.

Зенитная установка, где я был закреплен, по расписанию вела огонь трассирующими снарядами; эффект от стрельбы был незначителен из-за предельной высоты полета самолетов, хотя трасса снарядов и сбивала самолет с боевого курса.

В июле последовало новое пору-

чение моему отделению: в ночное время с патрульного катера вести наблюдение за источниками сигналов, подаваемых самолетам о месте стоянки кораблей. В случае обнаружения таких источников катера вели стрельбу на уничтожение. В течение недели задача по уничтожению сигнальщиков была выполнена.

В конце октября обстановка на Южном фронте резко ухудшилась, немцы перешли в наступление по всему крымскому фронту, основной рубеж защиты – Перекоп – был прорван.

Возникла угроза захвата Севастополя. В городе было введено осадное положение, Военный совет флота принял экстренные меры по подготовке города к обороне. Из моряков кораблей и береговых частей были сформированы отдельные отряды и батальоны, которые были направлены на дальние подступы города. Было сформировано 15 батальонов и около десяти отрядов.

Личный состав училища был направлен на фронт с задачей задерживать противника в районе Бахчисарая до прихода Приморской армии генерала И. Е. Петрова. Ночью курсантский батальон пешком двинулся к Бахчисарая, неся на себе боеприпасы и вооружение: пулеметы и минометы.

ВОСПОМИНАНИЯ УЧАСТНИКОВ БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Преодолев 35 километровый маршрут, батальон занял рубеж южнее Бахчисарая вдоль дороги Симферополь–Севастополь. На следующий день фашисты предприняли решительные действия. Со 2 по 3 ноября батальон вел ожесточенные боевые действия с превосходящими силами противника. Курсантам приходилось отбивать несколько атак в день, не имея воздушного прикрытия, а иногда надеясь на штык и приклад винтовки. В некоторых чрезвычайных ситуациях подрывали и себя, и врага гранатой, как это сделал Александр Мальцев 2 ноября под Бахчисараем. Когда положение для него стало безвыходным, раненый Александр метнул противотанковую гранату в группу фашистов, не оставляя себе шанса выжить.

В дальнейшем немцы предприняли маневр с целью окружить батальон. Командование приняло решение вывести батальон в зону Мекензиевых гор, ближе к городу.

Поставленную задачу батальон

выполнил, но понес большие потери. В моем отделении в начале боевых действий было десять курсантов, а осталось только пять: три курсанта погибли в бою, два получили тяжелые ранения.

В связи с необходимостью пополнить новые части командным составом, имеющим опыт боевых действий, курсантам второго курса присвоили воинское звание «младший лейтенант» с последующим откомандированием на Северный Кавказ.

И вот я прибыл в Пятигорск в бригаду морской пехоты на должность командира взвода. Но в январе 1942 года пришел приказ откомандировать меня во вновь организованное учебное заведение в город Ленкорань в Азербайджане. Закончив учебу в июле 1942 года, получил назначение на Новую Землю во вновь сформированную военно-морскую базу Беломорской флотилии.

2005 год

НАШИ ВЕТЕРАНЫ:
они трудились в нашем вузе

В канун 60-летия Великой Победы - «почетный караул» ветеранов Великой Отечественной войны у Доски Памяти преподавателям, сотрудникам и студентам ЛИТМО, погибшим в 1941- 45 годах.

Слева-направо: в первом ряду - Ю.А. Климов, А.С. Темичев,
во втором ряду - А.П. Руднов. 2005 год

МОТОВА НИНА МИХАЙЛОВНА

Родилась в 1924 году. Выпускница ЛИТМО (1951).

Преподаватель кафедры технологии приборостроения.

Ветеран Великой Отечественной войны. Участница боев за оборону Ленинграда.

КОЛЛЕКТИВ КАФЕДРЫ

Технологии приборостроения

И ВЕЧНЫЙ БОЙ...

У Нины Михайловны Молотовой юбилей. Однако можно быть уверенным, что многие хорошо знающие ее по работе на кафедре, по общественной деятельности, по спортивным соревнованиям с удивлением узнают, что ей исполняется пятьдесят. И немудрено удивиться. При ее энтузиазме, зажигательном темпераменте, бьющей через край энергии...

Когда листаешь страницы биографии Нины Михайловны, невольно

приходишь к мысли, что перед тобой судьба человека, отразившая черты целого поколения. Поколения, которое само вершило историю нашей страны серпом, молотом и штыком.

Закончена школа, впереди «сто путей и сто дорог перед тобой открыты», как пелось в популярной тогда песенке. И все сразу закрыла черная туча войны. Ленинград, кольцо блокады, бомбежки, обстрелы и голод. Голод, источающий тело и затме-

Н.М. Мотова, 1970 год

вающий разум. Голод, под ударами которого первыми падали молодые, неокрепшие, юные. Только высокий накал борьбы с врагом, с голодом и холодом помогали выстоять этих нечеловеческих условиях.

Нина Михайловна выстояла. Весной 1942 года эвакуация из Ленинграда, работа в колхозе, яростная борьба за урожай, когда познавалась истинная ценность куска простого ржаного хлеба. Но все ее помыслы - в Ленинграде, где идет жестокий бой. Только желание лично участвовать в нем, лично мстить за все несчастья воодушевляет Нину Михайловну. И она добровольно идет на фронт, добивается отправки в Ленинград.

Это был 1943 год, год решительных боев по снятию блокады, год победы под Ленинградом. Целый год Нина Михайловна на передовой, но этот год стоит десятка. Ранение выводит ее из

строя. Наверное, на роду ей написано все испытать; не минула ее эта доля.

Как только закончилась война, Нина Михайловна торопится наверстать упущенное в мирных делах. Прежде всего - институт, конечно ЛИТМО. Активная, наполненная до краев трудом, радостями и планами студенческая пора жизни. Поколение, завоевавшее право на мирный счастливый труд, стремилось воплотить свои мечты. Для Нины Михайловны наступает пора работы на ведущем предприятии города ГОМЗ имени ОГПУ, как его называли в то время, или всемирно известное ныне объединение ЛОМО.

Легких путей не ищет Нина Михайловна. Начинать работу только в цехе, там познать все тонкости своей оптической специальности. Потом уже на крепко заложенной основе вырастает ведущий технолог, а затем и преподаватель кафедры технологии ЛИТМО.

Таковыми преподавателями силен наш институт. Только высокой пробы сплав науки и практики дает моральное право готовить новую инженерную смену. Недаром год за годом отмечается благодарностями работа Нины Михайловны в институте.

*Впервые опубликовано в газете
«Кадры приборостроению» №14 (814),
29 апреля 1974 года*

ЛАКУНИН ВЛАДИСЛАВ МИХАЙЛОВИЧ

Заведующий лабораторией кафедры проектирования компьютерных систем (1962-2008).

Юность Владислава Михайловича пришлась на суровую военную пору. Он ещё не окончил среднюю школу, когда началась война. В мае 1943 года в 17 лет Владислава призвали в армию солдатом, затем он был зачислен в военное артиллерийское училище. Принимал участие в боевых действиях в войне с Японией на Дальнем Востоке, на Курильских островах. Был артиллеристом, командиром огневого взвода, там же получил контузию. После войны остался кадровым военным: 5 лет служил на Украине и демобилизовался в 1956 году. Желая продолжить обучение, поступил в Ленинградский институт точной механики и оптики на дневное отделение, после окончания которого в 1961 году остался работать на кафедре радиолокационных приборов и устройств в должности лаборанта.

Очень скоро он был назначен заведующим лабораторией. 47 лет, в течение которых кафедра несколько раз меняла своё название и руководителей, Владислав Михайлович являлся неизменным завлабом, добросовестно выполняя не заметную на первый взгляд, но такую необходимую для всего коллектива работу.

В.М. ЛАКУНИН

В АВГУСТЕ 45-ГО

В.М. Лакунин, 1952 год

Все дальше отдалается в историю замечательное 9 мая 1945 года, все глубже и масштабнее осознается величие подвига, совершенного русским народом.

Сейчас даже убеленные сединой ветераны и те с содроганием вспоминают о той страшной войне. Впрочем, ведь только они об этом и вспоминают, для нынешнего поколения это уже история, которую «проходят» по учебникам. Конечно, и после войны еще долго заживали раны у нашего народа, а некоторые из них и до сих пор дают о себе знать.

Как-то трудно представить себе сейчас, что в течение почти четырех лет люди и на фронте, и в тылу в тяжелейших условиях, не зная ни выходных, ни праздничных дней,

отдавали все силы для победы над врагом.

Так получилось, что меня призвали в армию в день, когда мне исполнилось 17 лет, осенью 1943 года.

По просьбе нашего уважаемого редактора, я попытаюсь рассказать об одной малоизвестной операции самых последних дней 2-ой Мировой войны, в которой мне довелось участвовать в качестве командира огневого артиллерийского взвода.

На рассвете 18 августа 1945 года под покровом тумана с кораблей Петропавловской военно-морской базы началась высадка десанта на остров Шумшу, самый северный из группы Курильских островов. Остров был сильно укреплен дотами и дзотами, соединенными подземными галереями, гарнизон его по своей численности превосходил силы десанта, к тому же у японцев было на острове 60 танков, против которых мы могли выставить только четыре 45-мм пушки, противотанковые новые ружья и гранаты.

Мне с четырьмя расчетами бронебойщиков было приказано высаживаться в первом эшелоне главных сил десанта.

Из-за перегрузки и глубокой осадки десантные суда останавливались в 100 -150 м от берега на глубине

ВОСПОМИНАНИЯ УЧАСТНИКОВ БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

до 2 метров. Прыгали в ледяную воду ($t^{\circ}=+4^{\circ}\text{C}$, озеро Сива) с противотанковыми ружьями, под огнем противника. Не помню, как и когда обсохли, догонять передовой отряд сразу стало жарко. Японцы всеми силами пытались сбросить десант в океан. Дважды предпринимались танковые атаки, в результате которых у противника не осталось ни одного танка. В первый же день боевых действий все силы десанта были высажены и овладели плацдармом площадью более 20 км². Но еще пять суток продолжались жестокие, кровопролитные бои.

Господствующие высоты в 5 км от места высадки трижды переходили из рук в руки. Боевой порыв и самоотверженность советских бойцов были настолько велики, что японцы не выдержали и к исходу 23 августа капитулировали. 12 тысяч солдат и офицеров были взяты в плен (а силы десанта не превышали 9 тысяч).

Вот примеры, характеризующие напряженность боев, которые я могу подтвердить документально:

1) Своими телами закрыли амбразуры дотов старшина первой статьи Николай Вилков и матрос Петр Гельичев.

2) Обвязавшись гранатами, бросились под вражеские танки и погибли смертью героев техник лейтенант Водынин, сержант Рында, старшина второй статьи Бабич, матрос Власенко.

3) Спасая командиров от огня

противника, прикрыли их своими телами матрос Волченко, матрос Тюриков.

После капитуляции гарнизона, остров Шумшу и все остальные острова Курильской гряды были заняты морскими десантами без сопротивления.

Меня иногда спрашивали: *«А зачем все это надо было? Ведь война уже в основном кончилась, сброшены атомные бомбы, капитулировала Квантунская армия. И зачем вообще бросаться на доты?»*.

Трудно это сейчас объяснить. А в то время таких вопросов никто не задавал.

У меня есть племянник. Еще лет 12 назад он был нежным мальчиком, которого укачивало в лодке на реке, когда рыбу ловили. Недавно он вернулся из Афганистана в звании капитана с двумя орденами и двумя ранениями. Так вот он мне сказал, что он такого вопроса тоже бы не задавал, что он сам знает, как это получается.

Конечно, лучше, чтобы такого никогда не было, но если придется, то наш народ не посрамит своего оружия.

2000 год

Для справки:

В феврале-марте 1945 года для захвата острова Иводзима (площадь в 5-6 раз меньше острова Шумшу) с такой же системой обороны и

НАШИ ВЕТЕРАНЫ:
они трудились в нашем вузе

примерно с таким же гарнизоном американцы сосредоточили 111 308 солдат и офицеров с танками и артиллерией, 650 кораблей и 1527 самолетов. Высадке предшествовала многодневная артиллерийская и авиационная подготовка. Несмотря на это, борьба за остров продолжалась 27 суток и стоила американцам больших потерь: 20544 человек убитыми и ранеными, 2 корабля истопленными, 30 кораблей поврежденными и 168 самолетов погибшими.

Высадка десанта на остров Шумшу. Курильские острова, 1945 год

НАЛИВАЙКО ВАСИЛИЙ ФИЛИППОВИЧ

Начальника 2-го отдела, старший преподаватель. Полковник.

Начал войну на границе СССР, воевал в составе 1-го Украинского фронта, закончил - в Силезии командиром стрелкового взвода, получил пять ранений.

30 ЛЕТ В СТРОЮ

Как я стал профессиональным военным? Что привлекает в военной службе? Доволен ли я своей судьбой? Примерно такие вопросы часто приходится слышать от молодых людей, вступающих в самостоятельную жизнь и желающих найти в ней свое место.

Если говорить о себе, то в моем выборе профессии, как и очень многих моих сверстников в то время, решающее значение имел элемент случайности. Страна строилась, развивалась и укреплялась. Везде нужны были трудовые руки и горячие сердца. Призывы «Даешь Магнитку!», «Даешь Днепрогэс!», «Дадим стране 150 тысяч летчиков!», чаще всего и были ориентиром при выборе профессии. Я уверен, если бы в один из сентябрьских дней к нам в техникум пришел для беседы не представитель военного училища, а не представитель Донбасса, я бы, наверняка, стал шахтером, а не кадровым военным.

Тридцатые годы остались в памяти как время ни с чем не сравнимого энтузиазма и патриотизма молодежи, великого трудового подвига всего народа, сумевшего в короткий срок, в трудных условиях самопожертвования и самоограничения заложить основу индустриальной мощи страны.

Это было время, когда уже шла

Вторая Мировая война. Ввиду военной опасности разворачивались все новые соединения Красной армии, ощущался острый недостаток в командных кадрах. Вся мужская половина нашей группы ушла в военное училище. Я совсем не удивился, когда, проходя военно-врачебную комиссию, встретился со своим старшим братом, прибывшим также поступать в военное училище. Мы попросили командование зачислить нас в одно подразделение, и эта просьба была удовлетворена. В то время нередко можно было встретить в воинских частях семейные расчеты минометов, артиллерийских орудий, и экипажей танков.

Таким образом, я стал курсантом общевойскового командного училища. Программа этого военного учебного заведения была очень трудной. Жесткий ритм дня, высокая требовательность к вопросам дисциплины, бесконечные походы и учения, пятидесятикилометровые марши сочетались с преодолением водных преград, штыковым боем, боевой стрельбой, ночными занятиями и многими другими элементами боевой подготовки. За одно лето выходило из строя два комплекта одежды, протертые на тактических занятиях и сгоревшие от пота и соли. В общем,

ВОСПОМИНАНИЯ УЧАСТНИКОВ БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

тяжелый физический труд, требовавший полной отдачи сил, закалки воли, становления характера.

В это время я, конечно, не предполагал, что все это понадобится очень скоро и так понадобится в условиях ведения боевых действий. Я хочу лишь заметить, что и мне, и моим товарищам нравилось все это. Действительно мужское дело! Каждому из нас импонировало, что он, например, может запросто прошагать с боевой выкладкой десятки километров (из них десять километров в противогазе) за 6 часов 10 минут. Или, скажем, километров 20 с боевой стрельбой и преодолением вплавь стометрового водоёма - за 3 часа 40 минут, и ещё иметь силы после этого отправиться для несения службы в караул.

Отвечая на поставленный в начале статьи вопрос, хочу сказать: не знаю, получился бы из меня хороший шахтер, а военная служба, ставшая моей профессией, мне всегда нравилась. Может, поэтому так трудно было с ней расставаться, уходя на пенсию.

Что же привлекало меня в этой профессии? Прежде всего, большая общественная государственная значимость этого труда, его необходимость. Именно здесь черпаются силы, упорство терпение для преодоле-

ния трудностей и закалки характера. Немаловажное значение имеет и почетность этой профессии, закрепленная в законодательном порядке забота государства и всего народа о вооруженных силах. Кроме этого мне нравились твердо установленный порядок в деле, высокая организованность, четкость и дисциплина. С особым интересом я относился к работе с личным составом. Видеть, как безвольный, неорганизованный, физически недостаточно развитый молодой человек становился закаленным, дисциплинированным, нравственным и физически здоровым воином – по истине большая радость для офицера. Ради этого стоит преодолевать трудности.

Начинать военную службу в качестве офицера мне пришлось с первых дней Великой Отечественной войны. Из училища – в бой. Война стал суровым экзаменатором офицерской зрелости. Пришлось пережить и горечь поражений горечь побед, ленинградскую блокаду и ранение, но это не изменило моего отношения к профессии офицера. Я не ошибся в выборе своей профессии!

*Впервые опубликовано в газете
«Кадры приборостроению» №6 (733),
среда 23 февраля 1972 года*

ЭКЗАМЕН НА МУЖЕСТВО

В том далеком июне 1941 года великая беда вошла в каждый дом, в каждую семью. Первыми, лицом к лицу с ней встретились солдаты, прикрывавшие западную границу нашей Родины. Коварный враг напал внезапно, и многие из них погибли раньше, чем смогли оценить то, что произошло, или определить последствия развернувшихся кровопролитных боев.

Дни тогда казались бесконечными. Каждый из них приносил горькие известия, и было этого горя так много, что порой казалось – не вместить его сердцу.

Умирали друзья, погибали солдаты. Рушились города. Терялись семьи. Никли к земле срубленные снарядами рощи. Сама земля горела, и эти лысые, почерневшие и растрескавшиеся прогалины на порастрескавшихся прогалинах на полях, пораженные снарядами и бомбами, были страшны, как язвы проказы. Гнетущее впечатление производили трупы женщин, стариков, детей, разбитые повозки и тачки с нехитрым домашним скарбом. Тошнотворный чад бензина и горелого мяса стлался над мертвыми полями, и некуда было от него уйти.

Надо было свыкнуться со всем этим. Надо было отрешиться от нашего русского мягкосердечия и

добродушия, ожесточиться, сжиться с беспощадной правдой войны, приучиться безропотно переносить то, что вчера еще показалось бы невыносимым. Без этого не хватило бы ни сил, ни нервов, чтобы дойти до конца тяжелой военной дороги. Это был страшный экзамен на мужество, не выдержать который никто не имел права.

Так случилось, что первые часы войны я встретил на границе. Вспоминаю смятение нахлынувших чувств, растерянные лица солдат. Как непросто было начинать стрелять и убивать, видеть первых раненых и погибших...

Но растерянность длилась недолго. Неумолимая логика событий не оставляла места для рассуждений – надо было действовать. Разгорелся ожесточенный бой. Врагу не удалось заставить нас оставить свои позиции вблизи границы. Десять суток пограничники под командованием старшего политрука А.Д. Гарькавого и отдельные подразделения 462-го стрелкового полка дрались в полном окружении, а затем, презирая смерть, пошли на яростный штурм позиций врага и вырвались из котла. Только трое из 26 солдат моего взвода остались тогда в строю.

Мне, молодому лейтенанту, тогда,

ВОСПОМИНАНИЯ УЧАСТНИКОВ БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

в начале июля 1941 года, казалось, что самое худшее позади, что выдержал экзамен на звание солдата, а дальше все будет легче, по-другому. И где мне было знать, что впереди такая длинная дорога войны, а ее испытания только начинаются.

Эта дорога, в санитарном поезде, привела меня в Ленинград. И не успев опомниться после ранения, уже в горниле ожесточенных боев под Петергофом. Враг шел на штурм города. Сколько было этих яростных атак и контратак, подсчитать невозможно, так же, как невозможно их забыть даже сорок один год спустя.

Дорогой ценой нам удалось стабилизировать фронт, остановить врага на подступах к Ленинграду.

А разве можно забыть блокаду, муки голода, и снова бои, ранения и контузии – и так до Сандомирского плацдарма в Польше и форсирования Одера на Берлинском направлении.

Сегодня я пишу эти строки для

нашей молодежи. Мне хотелось бы показать, как отвратительна война. А еще больше напомнить о том, что господам, отсидевшимся за океаном и понесшим в Европе потери, не превышающие ежегодные жертвы автомобильных катастроф в Америке, - им снова нейдет. Они окружили нашу страну базами и ракетами и развернули оголтелую психологическую войну.

Все русские люди поддерживают и одобряют миролюбивую внешнюю политику нашей страны и многочисленные конкретные предложения нашего правительства по ограничению гонки вооружений, но у нас нет пока выбора, кроме как укреплять оборонную мощь страны и Вооруженных Сил. А в этом деле каждый должен принять свое участие.

*Впервые опубликовано в газете
«Кадры приборостроению» № 14 (1142),
4 мая 1983 года*

В. НАЛИВАЙКО

ЭКЗАМЕН НА МУЖЕСТВО

19 января 1945 года я находился на командном пункте 221-ой стрелковой Гатчинской Краснознаменной ордена Кутузова дивизии в районе Сандомирского плацдарма (Польша). В частях царил необычайный подъем. И даже сейчас, спустя 23 года, я не

могу без волнения вспомнить эти часы начала генерального наступления, в результате которого мы должны были вступить на территорию фашисткой германии.

... Десятки тысяч орудий на 14-километровом фронте «обрабаты -

вают» позиции врага. Земля стонет от взрыва снарядов. Разговаривать из-за сплошного грохота невозможно. Уши словно забиты ватой. Шапки – ушанки спущены, рты приоткрыты, чтобы не повредить слух. Орудия бьют целые полками залпом.

А перед самой атакой войск 1-го Украинского фронта дали залп многие десятки знаменитых «катюш». Небо прорезали огненные трассы, все перемешалось: и реактивных установок, и грохот тысяч танковых моторов, и десятки тысяч разрывов снарядов, и самое мощное, наше русское, солдатское «ура», которое приходилось слышать за всю войну. Казалось, что во всем этом и сила нашего гнева за поруганную землю, за муки и страдания наших людей, и жажда неистовой мести подлому и надменному врагу, и ожидание Великой Победы.

Это были незабываемые минуты. И надо было понять нас, солдат, испытывавших горечь потерь, отступления и поражений, переживших блокаду Ленинграда и оборону Москвы, видевших на путях наступления, как разорил враг наши города и села, сколько горя и слез он принес нашему народу.

Люди молчали, но лица их были сосредоточены. Все мы понимали друг друга без слов. Долго, нескончаемо долго мы ждали этого часа, но всегда верили, что он придет, не может не прийти.

И вот теперь, вспоминая прошлое, мне хочется сказать, что именно эта беспредельная вера в наш народ, в нашу партию, в наши силы, любовь к Родине были неисчерпаемым источником воодушевления в борьбе с врагом. И когда с позиций сегодняшнего дня мы изучаем историю начального периода Великой Отечественной войны, мы должны видеть не только наши неудачи, но и самые большие за всю войну по сводкам немецкого генерального штаба потери в людях гитлеровских войск в июле и августе 1941 года. Когда наступил час их поражения под Москвой, гитлеровские генералы, наконец, поняли, что война только начинается.

...И вот атака. Лавина танков и пехота обрушилась на оборону врага с такой неистовой силой, что она была сокрушена на всем фронте прорыва. А затем преследование. Я бы не сказал, что это можно назвать преследованием. Мы обходили узлы сопротивления врага и неудержимо рвались вперед. Суточные марши пехоты достигали 40-50 км. Танковая армия оторвалась от нас за несколько дней на 100-150 км. А по дорогам тянулись нескончаемые колонны пленных...

Это было счастье победы!

*Впервые опубликовано в газете
«Кадры приборостроению» № 6 (583),
21 февраля 1968 года*

ЧТО МЫ ЗНАЕМ ОБ ЭТОМ?

«Мы просто не умели воевать. Мы и закончили войну, не умея воевать. Мы залили своей кровью, завалили врагов своими трупами. Вы посмотрите на любую из карт 1941 и 1944 года: там обязательно девять красных сторон против 2-3 синих. Это 9 наших армий воюют против двух-трех армий противника. И так все время на протяжении всей войны». (В. Астафьев, «Литературная газета», 18 мая 1988 года).

Цитируя это высказывание, уже как самое «правдивое» слово о войне, журналист В. Шапошников идет еще дальше. *«Война, - пишет он, - везде и всюду отличалась неслыханной жестокостью. И «творцами» ее были, сколь не горько это признавать, не только враги, но не редко свои же командиры-самодуры, гнавшие людей на убой, тысячами безжалостно швырявшие их в мясорубку войны с тупой надеждой - «авось от самого «количества» мясорубка застопорится, остановится»* («Литературная газета», 22 июня 1988).

Смысл этих публикаций состоит в желании их авторов доказать, что победа в Великой Отечественной войне была достигнута не героизмом и самоотверженностью нашего народа и вооруженных сил в борьбе с врагами, не их величайшим патриотизмом

(это называется «мифом» и «легендами»), а только с помощью численного превосходства войск, их огромными и бессмысленными потерями в живой силе. Для подтверждения такого вывода делается ссылка на то, что потери фашистской Германии во второй мировой войне оцениваются вдвое меньше наших.

Вопрос поднимается непростой. Естественно, что и однозначного ответа на него, видимо, нет. А что касается аргументов упомянутых авторов, то они не выдерживают критики. Умение воевать определяется уровнем оперативного искусства с учетом реального соотношения сил сторон и результатов боевых действий, а не количество синих или красный стрел. Это тем более справедливо потому, что, например, дивизия немецкой армии имела в своем составе 16-18 тысяч личного состава, в тог время, как штат нашей дивизии определялся в 6-8 тысяч человек, а фактически численность дивизии в штабе которой довелось воевать мне, месяцами не превышало 3 тысяч человек. Нелишне вспомнить и о том, что существовала различная организационная структура войск. Наше фронтовое объединение, в состав которого входило несколько армий, а также других отдельных частей, в количественном отношении

нередко имела войск меньше, чем одна полевая немецкая армия.

Особый разговор надо вести и о построении боевых порядков войск. Известно, что при нанесении решающих ударов по противнику на их главном управлении всегда создается превосходство в силах и средствах введении боевых действий. Оно, как правило, обеспечивает успех и уменьшает потери атакующих, а не на оборот, как утверждают авторы. Глобальным примером в этом отношении является начало немецкого вторжения, когда были нанесены тяжелые поражения нашим войскам с минимальными потерями для врага. Не менее впечатляет и мощный удар советских войск по японской Квантунской армии, когда они за несколько дней разгромили полуторамиллионное войско, нанесли ему тяжелые потери и заставили милитаристскую Японию капитулировать.

Что касается «командиров-самодуров», то, конечно, были и такие. Имели место и ошибки, и просчеты, и нереальные приказы, которые приводили к излишним потерям в боях с врагом. Однако утверждать, что именно в этом главная причина наших потерь в войне, что победа была достигнута только с помощью крови и трупов, по меньшей мере необоснованно.

Вопрос о цене, которую пришлось заплатить нашему народу во имя победы в ВОВ, не может не вызвать озабоченность. И в этом смысле

«можно понять» авторов упомянутых публикаций в их попытке найти на него ответ. Хотелось бы мне, участнику великой битвы с фашизмом с первых часов до последнего дня, видевшему войну и из своего окопа, и в отступлении, и в жестоком окружении, и в боях ленинградской блокады, и в период победоносного наступления, также высказать свое отношение к этому.

22 июня 1941 года в войска наших западных военных округов, дислоцированные для прикрытия государственной границы, получили страшной силы внезапный удар сразу по трем стратегическим направлениям в условиях, когда они находились в казармах, а если учитывать, что вторжение началось в четыре часа ночи, то можно сказать в постелях.

Положение еще более усугублялось тем, что эти части не только не находились в боевых порядках, но и их количество совершенно не соответствовало выполнению боевой задачи такого масштаба. В первый день на аэродромах погибло 1200 боевых самолетов, были парализованы связь и управление войсками. Погибли расположенные у границы основные арсеналы оружия и боеприпасов, дороги же, как и войска, нещадно бомбила немецкая авиация, господствующая в воздухе. Шла поспешная эвакуация всего, что еще можно было спасти. Это были события такой

ВОСПОМИНАНИЯ УЧАСТНИКОВ БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

кошмарной силы, что их понять и осмыслить под силу разве что только тем, кто это испытал сам.

Такая картина начального периода войны давно и хорошо известна всем, известные причины, и виновники, и последствия поражения и разгрома наших войск. И все же в прессе, раз за разом, появляются различные публикации, вроде выше упомянутых, когда делаются попытки найти еще одного «стрелочника».

Задумываясь над трагическими событиями тех далеких дней войны, мне лично захотелось бы поставить вопрос в иной плоскости: Каким же образом нам удалось амортизировать тот, казалось бы, смертельный удар самой сильной военной машины германского империализма, владевшего и экономикой, и оружием практически всей Европы, да ещё в условиях внезапного нападения и нашей неготовности к войне?

Такая постановка вопроса становится ещё более правомерной, если вспомнить, что до этого, только за три недели боевых действий, были разгромлены союзные войска Франции, Голландии и Бельгии. Вместе с ними - сильные экспедиционные корпуса Великобритании в условиях, когда они находились в боевых порядках, занимали мощное оборонительное укрепление, располагали хорошей техникой и оружием и даже превосходили немцев количе-

ством дивизий. Такая же участь ещё раньше постигла армию Польши.

Мне хотелось бы напомнить читателю о том, что армия агрессора до нападения на нашу страну имела боевой опыт двухлетней войны в Европе. Этот фактор может оценить по достоинству каждый, кому довелось побывать в смертной круговерти боевых действий. Первые бои настолько тяжелы для психики, что солдатом становишься только после длительной адаптации, а когда эта адаптация происходит в условиях превосходства врага и его успехов, то положение еще более усугубляется.

Эти первые бои были тяжелы для командиров, внезапно лично ощутивших смертельную опасность и огромную ответственность за выполнение боевого приказа, за исход боевых действий. Скажу откровенно, что истинных лидеров, не потерявших себя в экстремальной ситуации, в наших войсках оказалось недостаточно.

Мне лично с таким положением приходилось встречаться неоднократно. И этому были свои причины. Да и я сам, прибывший из военного училища на границу только за пять дней до войны, оказался несостоявшимся командиром стрелкового взвода. Единственно, на что меня хватило, так это драться в положении рядового, да и то лишь тогда, когда во главе оказался смелый и решительный

офицер-пограничник. Потому что до этого наш растерявшийся командир батальона погиб сам, погиб его штаб и около половины личного состава батальона. В жесточайшем десятидневном бою в окружении осталось в живых

только трое из 26 человек моего взвода, с которыми я начал войну.

*Впервые опубликовано в газете
«Кадры приборостроению» № 16 (1404),
30 мая 1989 года*

В. НАЛИВАЙКО

НА ДЛИННЫХ ДОРОГАХ ВОЙНЫ (БЕСЕДА С ВНУКОМ)

Человечество вступило в год 40-летия Победы над гитлеровским фашизмом и японским милитаризмом. Наверное, каждый из нас испытывал противоречивые чувства: радость, что столько лет силы мира и прогресса способны противостоять новой мировой войне, и тревогу, так как угроза новой, ядерной войны не уменьшается, а в последнее время стала еще более острой.

Все мы, конечно, знаем, что надежным оплотом мира является наша страна, ее политика, ее экономическая и военная мощь. И вместе с тем отчетливо сознаем, что важным оружием против новой войны является наша память о войне прошлой. Нельзя позволять утихать боли за случившееся в середине нашего века, если мы не хотим новых, еще больших несчастий в его конце. Именно потому, что советским людям памятно та распроклятая война, как никому на свете, мы ненавидим ее, пишем и говорим о ней. Пусть будет больно от воспоминаний. Но только через эту боль можно

постичь цену мира.

Мне, ветерану прошлой войны, хотелось бы напомнить и о том, что нельзя забывать о конкретных носителях зла. Фашисты ходили на двух ногах, были о двух руках, владели человеческой речью. На пряжках их поясных ремней даже была выбита надпись «С нами бог». Но эти, как они себя считали, «сверхчеловеки» носили в ранцах гитлеровскую листовку, в которой содержалось требование: «*У тебя нет сердца, нервов, на войне они не нужны. Уничтожь в себе жалость и сострадание, убивай всякого русско-го, советского, не останавливайся, если перед тобой старик или женищина, девочка или мальчик – убивай, этим ты спасешь себя от гибели, обеспечишь будущее своей семьи и прославишь себя навеки*». И армия грабителей и убийц старательно выполняли приказы своих главарей. Только в одной моей Белоруссии от их рук погибло 2,3 миллиона гражданского населения.

40 лет назад грохнула последняя

бомба, разорвался последний снаряд, последняя пуля оборвала жизнь солдата на последнем рубеже Великой Отечественной войны.

40 лет. Но стоит оглянуться назад – будто это было вчера...

Гудело небо от вражеских самолетов, лавиной неслись на головы людей бомбы, снаряды, мины; ураган автоматного-пулеметного огня косил солдат в боях, атаках, наступлениях. Все мы выдержали, все испытали, прошли сквозь смертельный огонь, сквозь горечь отступления, познали радость и гордость побед, никогда не забудем, чего нам это стоило, какой ценой мы обрели мир.

Нет! Такое не должно повторяться никогда.

Вспоминая боевые эпизоды, битвы и сражения прошлой войны, видишь перед глазами, прежде всего тех, кто был рядом, кто погиб или искалечен, кто спас тебя в бою от верной гибели. И, видимо, не только нам, ветеранам, но еще не одному поколению жить с этим ощущением невольной вины перед павшими и неоплаченного долга памяти.

Длинные дороги войны...

У каждого ее участника они были свои, была своя судьба и свое видение событий. Возможно, поэтому каждая такая судьба не оставляет равнодушным современника, в особенности если его волнует боевое прошлое тех, кто сражался за его свободу, за его

нынешнюю жизнь.

Моему внуку в год 40-летия Великой Победы предстоит призыв на действительную военную службу. Может, поэтому он в последнее время все чаще интересуется моей военной биографией. Нет-нет, да и спросит: *«Дедушка, расскажи про войну»*. Его не удовлетворяет прочитанное о войне в книгах, увиденное в фильмах. Они не всегда находят у него душевный отзыв.

Другое дело – контакт с живым участником тех событий. Тем более с участником, которому пришлось начинать войну в его нынешнем возрасте. Что он переживал? Что чувствовал? О чем думал в то трудное военное лихолетье?

Задумываясь над этим, я про себя отмечаю, что все-таки мало у нас вышло книг и фильмов, где бы с большой художественной силой была отражена внутренняя жизнь солдат войны. К сожалению, часто в них герой, как на ладони, а трус обнажен до крайности. И совсем я не принимаю, когда войну представляют с какой-то легкостью или в комедийном жанре. Этак, в самом деле, снова захочется повоевать, чтобы повеселиться.

Конечно, и в суровых буднях боевых действий было немало казусов, которые могут вызвать улыбку сегодня и смешили самих участников событий. Вспоминаю, как в тяжелых кровопролитных боях под Петергофом

в сентябре 1941 года казалось, что не было уже никаких физических и моральных сил, сил подняться самому и поднять роту в очередную контратаку. Тогда наш старшина встал во весь рост, обозвал всех рязанскими бабами, и загнул такую «симфонию» в адрес фрицев, что всех нас охватил гомерический хохот. Солдаты дружно ринулись на врага, а он почти без боя оставил переднюю траншею. Мы еще долго смеялись и шутили по этому поводу, но, извините, это не был смех благодушного веселья. За три дня боев мы потеряли более половины роты убитыми и ранеными. Это реальность войны – каждый день ее был наполнен потерями, потерями, потерями...

Самое трудное, самое страшное, что обрушилось на меня с начала войны, - это жестокая необходимость психологической перестройки и адаптации в новых условиях жизни, потребовавшая совершенно иного поведения, иных решений, чем это было в мирное время. Началось с того, что надо было делать противоестественное и немыслимое до этой роковой черты – стрелять, убивать, разрушать, видеть в огромных масштабах боль и страдания других. Навалились такие беды и лишения, что дни казались бесконечными, а гримасы войны были такими жестокими, что было от чего прийти в состояние уныния или впасть в растерянность.

Но от этого никуда нельзя было

уйти. И не было иного выхода, кроме как свыкнуться со всей жестокой правдой войны. Надо было самому ожесточиться, отрешиться от мягкосердечия и благодушия, заставить себя переносить то, что вчера показалось бы просто невероятным. И среди всех бед и трудностей на первый план вышло ранее совершенно неизвестная и непонятная проблема борьбы с самим собой, со своими человеческими слабостями, с чувством страха перед смертельной опасностью, преследующей тебя на каждом шагу, каждую минуту.

Война учинила жестокий экзамен её участникам, не считаясь ни со служебным положением, ни с воинскими званиями. И как никогда потребовался пример мужества, смелости, твёрдости командиров, понадобился лидер, который бы знал, что надо делать в чрезвычайных обстоятельствах, и пусть даже с ошибками, но был способен отдавать приказы и до конца доводит их выполнение. И что удивительно? Если такой лидер находился – ему все были готовы подчиняться, даже если он не твой командир по долгу службы или младший по званию и должности.

Вспоминая события первых дней боевых действий, я безмерно благодарен судьбе, что тогда, в трудных условиях окружения с превосходящими силами противника, у нас нашёлся именно такой командир. Это был стар-

ший политрук Алексей Дмитриевич Гарькавый, комендант пограничной комендатуры.

Герой Советского Союза А.Д. Гарькавый погиб на Ленинградском фронте в октябре 1941 года. Участник гражданской войны. В 1920 – 1930 годах сражался с бандами басмачей на южной границе. Его имя присвоено одной из застав Северо-Западного пограничного округа и улица в Красносельском районе Ленинграда.

Он взял на себя командование всеми, кто оказался в конце, а главное сумел вернуть людям уверенность, вместе с которой пришли организованность и осмысленность в последующих боях с противником.

А.Д. Гарькавый обошёл все позиции образовавшейся обороны, фланги которой упирались в два озера, поставил боевые задачи, приободрил людей, что было особенно необходимо в тех условиях. Появившись в окопе, он, конечно, видел мое состояние беспомощности, но не высказал своего отношения к нему. Спросил у людей взвода, почему не ушли с батальоном на прорыв, как вооружены, а затем, совершенно для меня неожиданно:

- Лейтенант! Видишь конюшню у озера? Так вот, пока она в наших руках, с этого направления оборона будет надёжной и с нами ничего не случится. Бери своих людей, и туда. Наблюдай лощину. Объясни взводу,

что от вас зависит всё!

Конкретный приказ Гарькавого вывел меня из состояния подавленности. Появилась перспектива. Теперь я знал, что надо делать и для чего. Осталось нас одиннадцать. Это было меньше половины первоначальной численности взвода. Но теперь мы были уже способны на многое. Когда же узнали, что на позиции обороны с оружием в руках сражается жена А.Д. Гарькавого и его 15-летний сын, наше моральное состояние настолько повысилось, что буквально каждый почувствовал свою готовность драться с врагом в полную силу.

Наша конюшня оказалась удивительным сооружением: метровой толщины стены, из сцементированного булыжника с деревянной наставкой, добротный деревоземляной потолок и узкие окна-амбразуры напоминали собой хорошие оборонительные сооружения. Справа – прикрытый озером фланг, а впереди – лощина, откуда можно ожидать атаки противника. Оружия и боеприпасов у нас оказалось достаточно – 4 пулемёта, несколько ящиков патронов и гранат, у всех самозарядные винтовки. По пути к конюшне сняли с подбитой бронемашины её стрелковое вооружение и прихватили боеприпасы. Мало было еды, так не вечно же мы будем удерживать это конюшню...

Не успели мы обосноваться, как пришлось отбивать первую атаку.

Бой разгорелся по всему периметру кольца. Кругом стрельба, разрывы гранат, падающих мин, крики, шум, грохот. Вдруг, среди всей этой какофонии явственно слышали близкий шум работающих моторов. Неужели танки? Всё стихло в ожидание чего-то. Потом выяснилось – Гарькавый приказал за домами деревни завести два трактора – Челябинца, они-то не только не сторожили нас, но и ввели в заблуждение атаковавшего противника.

Этот первый бой в кольце стоил нам дорого – погиб комвзвода сержант Димаков, бывалый солдат и моя опора. Он неосторожно появился перед окном и был убит снайпером противника.

Хотелось бы пояснить, что в первые дни и недели войны мы не редко несли такие неоправданные потери, потому что ещё не осознали до конца, что любая оплошность, пренебрежение к опасности неизбежно наказываются противником. На моих глазах погиб командир подросевшей нам на помощь бронемашины, которой, чтобы лучше рассмотреть цель, открыл смотровой щиток, и тут же поплатился за это. Бесценный боевой опыт давался ценою крови и жизни.

Попытки противника смять нашу оборону своим подавляющим численным превосходством успеха не имели. Мы вели бой расчетливо. В лощине перед конюшней лежало много убитых и раненых. На этот раз мы уже не относились безразлично к попыткам

убрать их с поля боя и вели прицельный огонь по любой цели.

Драматизм событий нарастал с каждым часом, с каждым днём. Передо мной сборник документов «Пограничные войска в годы великой отечественной войны» (издательства «Наука», 1968 года) Здесь помещена фотокопия телеграммы, которая была направлена командиром Элинсенаарского пограничного отряда командования погранвойск округа: *«Связь группы Гарькавого прервана, ведётся бой в окружении, группа, высланная поддержки отрезана в районе школы. Связи Гарькавым не имеет личный состав, в течение 6 дней упорно отражаем все атаки противника».*

Мы, конечно, надеялись на помощь извне. Эта надежда питала наши силы и стимулировала нашу борьбу. А пока - забрасывали атакующих гранатами и отбивались от них с крайним ожесточением из последних сил. На шестые сутки, о которых упоминается в телеграмме, во взводе оставалось уже только четверо. Трое были убиты при отражении атак, двое погибли от огня снайперов, один при попытке добыть воду из колодца во дворе, ещё один от взрыва мины у стены конюшни. Из четырёх имевшихся пулемётов три были разбиты огнём противника. Именно эти шестые сутки были самыми трудными. Бой длился целый день без передышки. Очень трудно

ВОСПОМИНАНИЯ УЧАСТНИКОВ БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

было всем. Когда кто-нибудь получал тяжёлое ранение, он стоически умирал на наших глазах. У нас не было никакой возможности облегчить ему страдание.

ИЗВЕСТНО, что ведение боя постоянно связано с риском для жизни эта истина воспринимается легко, когда она касается других; иное дело, когда речь идет о реальной угрозе твоей собственной жизни.

Сложность проблемы в том, что нам не известна наша реакция на смертельную опасность до ее проявления, поэтому с этими неизвестными чувствами не каждому дано просто легко справиться. Перспектива лишиться жизни давит на сознание и чувство с тем большей силой, чем слабее твои волевые качества. Память сохранила те случаи, когда такое давление было соразмерным с возможностями человека, и он не был в состоянии контролировать свое поведение. В большинстве же каждый вел тяжелую внутреннюю войну с природным инстинктом самосохранения, и главное тут состояло в том, что бы эта борьба не стала самоцелью, что бы не препятствовало выполнению боевой работы в любых острых ситуациях.

Участники войны знают, что острота таких внутренних переживаний особенно проявляется в первых людях. Потом, по мере наполнения боевого опыта, становится легче владеть

своими нервами. Но не бывает такого положения (кроме неоправданной бравады или отчаяния), что бы смерть не была страшной, так как не ощущает страх перед гибелью только ребенок или клинически ненормальный человек. Дело только в том, что у разумных людей это ощущается по-разному, так же, как и у каждого - свое понимание боевой ситуации, свой уровень подготовленности и психологической устойчивости. Немаловажное значение имеет и то обстоятельство, что человеку свойственно скрывать свои слабости и переживания. А еще неосознанная тревога, беспокойство, состояние стресса от нахлынувших чувств, загнанных, как говорится, внутрь, без необходимой разрядки только усугубляет положение.

Мое боевое крещение состоялось еще на границе в первый день войны, и было для меня лично невероятно тяжелым. После досрочного окончания военного училища и производства в командиры я прибыл в полк и принял стрелковый взвод за пять дней до войны. Но эти пять дней были заняты передислокацией полка границы, строительством оборонительных сооружений и всем тем, с чем это связано. Времени, чтобы освоиться с первой командирской должностью, познать службу, себя, людей, не оказалось.

А тут такое кругом загрохотало, застреляло, засвистели пули, так взды-

билась земля, что не только командира, но видимо, и приличного солдата в первые часы боя из меня не получилось. Навалилась этакая непонятная жесь в мыслях, в теле, в движениях, что просто не знал, как вернуть себя к нормальному состоянию. Повезло мне только в том отношении, что красноармеец и сержант моего взвода оказались опытными солдатами. Они были кадровыми военными, учувствовали в боях с белофиннами, действовали осмысленно и уверенно.

Первую атаку мы отбили, огневую позицию не сдали. Осмотрелись: увидели убитых и раненных врагов; с нескрываемой нервозностью пережили свои первые потери: четверо убитых и шестеро раненных. Долго не могли успокоиться, не могли подавить напряжение, остроту восприятия опасности, старались не смотреть друг другу в глаза - а вдруг кто догадается, что тебе невыносимо страшно? Главное, каждый осознавал: вот только что был рядом с тобой твой товарищ, молодой, здоровый, полный жизни, и его уже нет. А могло ведь и тебя не стать... Как это - не стать? Немой вопрос сидит в голове, и нет конкретного ответа по существу, ибо твоё естество противиться понимать этого.

Я сказал: долго не могли успокоиться. Это не так. Минуты казались часами. Прошло меньше часа, когда противник начал новую атаку. Как не

странно, её мы отбили более осмысленно, более уверенно, потеряв только одного товарища, а врагов на этот раз уложили куда больше. Тут я отметил для себя первый боевой опыт. Состоял он в том, что нельзя бездейственно оставаться со своим состоянием. Боевая работа, даже опасная, переключает внимание, заставляет действовать, постепенно успокаивает нервы. Понял другое. Командиру стрелкового взвода, находящемуся в первой траншее рядом с подчиненными, нельзя ограничивать управлением боя — он должен лично вести огонь: оказавшаяся в моих руках самозарядная винтовка, подобранная в траншее, подсказала мне эту мысль. Почему-то вспомнил, что в военном училище получил немалый опыт стрельбы. Первый выстрел — и тот солдат противника, упавший навзничь со своим автоматом, остался в памяти на всю жизнь. Первая стрельба по живой цели была и суетливой, и нервозной, но она дала неплохие результаты.

Поле того, как мы отбили эти первые атаки противника и понесли немалые потери, мне показалось, что самое худшее теперь позади. Но наше успокоение оказалось преждевременным. Вскоре стало известно, что прорвана оборона нашего соседа слева. Противник ночью обошел озеро, в который упирался левый фланг обороны, наш батальон вместе

ВОСПОМИНАНИЯ УЧАСТНИКОВ БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

с пограничниками оказался зажатым между двух озер превосходящими силами. Со стороны тыла был внезапно атакован командный пункт батальона. В неравной схватке погибли командир батальона, два офицера штаба, связисты связные.

Наступили испытания куда горше тех, что были накануне. Окружение на небольшом «пяточке», который простреливался противником, оказывало огромное психологическое давление. Ощущение оторванности от своих частей, неясность обстановки, отсутствие твёрдого руководства из-за гибели командования батальоном усугубляло положение.

На исходе третьих суток войны ночью в расположение окруженного батальона, через боевые порядки противника, проник командир нашего полка. Он взял на себя командование батальоном и лично повёл его на прорыв. Это был командир 461-го стрелкового полка В.А. Трубочёв, удостоенный тогда за этот подвиг звания героя Советского Союза. Мне же с остатками взвода выпала нелегкая судьба прикрывать этот прорыв с тыла, а потом действовать по обстановке.

Вот и представь себе, мой нынешний 20-летний сверстник, что за 3 дня войны ты уже успел «хватить лиха», которое и так свалилось на тебя тяжким бременем, а теперь, как говорится, без передышки надо ещё прикрывать прорыв батальона, прак-

тически не имея никакой надежды на благополучный исход предстоящего боя.

Скажу откровенно, что почувствовать это, не побывав в подобной ситуации, невозможно, как невозможно было предвидеть дальнейший ход событий.

Во взводе осталось 16 человек. Сначала показалось, что целесообразнее растянуть оборону и тем самым прикрыть более широкий фронт. Однако мой опытный помощник командира взвода сержант Димаков предложил держаться компактно, а фланги обеспечить пулемётным огнём. В тех условиях это казалось более правильным. Нам нельзя было терять зрительной связи друг с другом, вместе с тем и управляемости в предстоящем бою.

Все подразделения батальона, кроме нашего взвода, скрытно оставили свои позиции сосредоточились в одном месте и на рассвете яростно атаковали противника. Этот прорыв для него оказался неожиданным, поэтому его реакция на случившееся несколько запоздала. Шум удалявшегося боя в нашем тылу говорил о том, что батальон успешно решает свою задачу. Возможно, что был такой момент, что нам следовало сниматься с позиции отходить за батальоном. Трудно было определить этот момент, а вдруг рано, а ты окажешься виновником удара по прорывающимся

с тыла?!

Пока я медлил с принятием решения, противник перешел в атаку. Разгорался жаркий бой. Оторваться от наседавшего врага уже не было возможности. Оставалось одно – держаться в окопах до последнего.

И вот, когда это последние неумолимо приближалось, к нам на помощь неожиданно подоспели пограничники из комендатуры, которую мы прикрывали со стороны границы. Общими усилиями атаку отбили, и наша оборона опять стабилизировалась. Наступила очередная передышка, а с ней невозможность осмыслить случившееся, оценить обстановку.

Тогда я так и не понял, что можно было извлечь полезного из случившегося. Остался жив. Уцелели ещё 10 человек из взвода. Узнал, что пограничников тоже мало. А что дальше? Находясь по-прежнему в окружении, отбиваться от противника втрое меньшими силами, а уж тот постарается нас смять, потому что ему нужна дорога на перешейке между двух озёр, которую мы вынужденно «оседлали». Хорошо, если убьют в бою, а если ранение, плен, увечье, в мои-то 20 лет? В общем, занятый тяжёлыми думами, раскис лейтенант, а, глядя на меня, притихли, замкнулись, ушли в себя мои подчиненные. Помню их немые вопросы, растерянные лица, что ещё больше угнетало душевное состояние. Осмысленных решений у

меня не было...

Ничто, наверное, не ускоряет взросление человека с такой стремительностью, как смерть, постоянно соседствующая рядом, и наблюдаемая тобой гибель боевых товарищей. Конечно, смертельная опасность – худшее, что есть в нашей жизни. Но мы ей обязаны многим – и остротой мышления, и крепостью духа, и сознанием своего «Я». Мне, во всяком случае, тогда показалось, что уже прожита какая-то очень долгая жизнь, и что я стал совсем другим, неизвестным самому себе человеком.

Это моя мысль нашла подтверждение уже в другом боевом эпизоде, когда под пенёк, на котором сидел боец, угодил снаряд противника и не взорвался. Ожидая взрыва, он сидел на этом пенёчке в ужасе, не в силах пошевелиться. В течение минуты его обмундирование стало мокрым от пота, а волосы покрылись мягкой белизной седины.

А между тем борьба продолжалась. Отчаявшись сломить наше сопротивление, понеся большие потери, противник изменил тактику. Началась охота снайперов и призывы через радиоустановку к сдаче. Во взводе практически не осталось никакой еды. Вода была рядом, но ее добывание было связано с риском для жизни не меньшим, чем отражение атаки. И колодец, и берег озера контролировался снайперами.

Трудности усугублялись тем, что наша оборона носила очаговый характер. Локтевой связи с другими не было. Мы видели, что два наших самолета сбрасывали ящики и мешки. Дважды к нам пытались проникнуть связные пограничники от Гарькавого, и оба погибли от огня снайперов. Однако мы чувствовали, что все держатся, значит и нам нельзя оставлять эту проклятую конюшню. Но постепенно накапливалась усталость. Наши моральные и физические силы истощались, оставалось нас только четверо, а конца боя еще не было видно.

И все же это было не состояние беспомощности, когда тебя парализует неведомая внутренняя сила. Мне кажется, что это был один из тех военных эпизодов, когда смертельная опасность не ощущается по причине длительной адаптации. К счастью, среди тех бойцов, что были со мной в этой конюшне, не оказалось хлюпиков, ведь что один такой паникер — опаснее врага. Это тоже помогло нам выстоять до конца.

Ночью 11 июля 1941 года (это были десятые сутки окружения) к нам проник связной. Он принес нам еды, сообщил, что на 4 часа назначена атака для выхода из кольца вражеской блокады, и передал приказание и этому времени незаметно остановить конюшню.

Когда мы, четверо оставшихся в живых, выползли из своего укры-

тия к дороге, то увидели, что туда сдвигаются все, кто находился в окружении. Делалось это скрытно, в полной тишине. На дороге за домами стояли две бронемашины, одна из которых была на буксире, полковое оружие в упряжке из четырех лошадей, а также шесть пароконных повозок. Поступила команда, и вся эта колонна сорвалась с места и ринулась в сторону противника, до которого было метров 400. За этой колонной левее дороги ринулись на прорыв и мы.

Мне трудно воссоздавать картину этого отчаянного боя. Я не все видел, не все знал, но уже понял, что эта наша обозная колонна существенно повлияла на успех прорыва. Дорога оказалась заминированной. Взрывы мин, стрельба испугали лошадей, и те, уже без ездовых, в бешенстве помчались в сторону противника.

На дороге образовалась свалка из лошадей, повозок, зарядных ящиков, загорелась бронемашина. Противник от неожиданности растерялся, переключил свое внимание и весь огонь на дорогу, рассчитывая, что прорываться мы будем по ней, а мы рванули на окопы, левее, вдоль берега озера. К тому же первые сто метров берега оказались в мертвом пространстве и не простреливались из пулеметного дзота, что был на возвышении у дороги.

Группы солдат противника, оказав-

шиеся на нашем пути, были мгновенно перебиты, другие бросились в стороны. Когда же враг опомнился, было поздно – мы уже преодолели его оборону и уходили к своим. Правда, наши войска находились не так близко, порядка двадцати километров от места нашего прорыва, но мы так были рады своему освобождению, что преодолели расстояние на одном дыхании и, ничто нас не могло остановить.

У меня даже появилась мысль, что противник сам был доволен тем, что мы, наконец, ушли с перешейка. И, помня о своих потерях, не очень нам чинил препятствия после прорыва. Во время этой атаки погиб еще один боец нашего взвода, и таким образом из 26 человек, с которыми я начал войну, в живых осталось трое, считая меня.

Когда я закончил свой рассказ об этом эпизоде начального периода войны, мой внук заметил, что я ничего не сказал о том, что конкретно пришлось делать мне в момент прорыва. И потом, как получилось, что, побывав в таких переделках и потеряв 13 бойцов своего взвода, лично сам я остался жив и даже не был ранен?

Дело в том, что уже тогда, когда мы вели бой за удержание обороны в конюшне, во взводе само собой сложилось так, что все оказались в положении рядовых. Здесь была полнейшая ответственность каждого за общую судьбу. В момент прорыва мне тоже пришлось действовать в

качестве рядового бойца. А вот детали свалки в окопах противника почти не помню. Перекошенные от ужаса лица вражеских солдат, стрельба в упор, стоны, крик и чьи-то команды – вперед, вперед, круши их, не задерживаться, вперед...

Вот и все!

Хотелось бы пояснить. Мне потом не раз еще приходилось бывать в ситуациях, когда бой доходил до рукопашного столкновения. По своему опыту и по рассказам тех, кто переживал подобное, знаю, что очень многие находятся в этот момент в состоянии крайнего нервного напряжения (шоке), и их действия больше соответствуют автоматическому поведению, нежели мысленной боевой работе. Видимо, поэтому и не только я, но и другие мало помнят детали такого боя.

Что же касается того, как удалось остаться невредимым, то думаю, что лично моей заслуги в этом нет. Приходится самому удивляться тому, что стало возможным. Судите сами, каска моя была в пулевых вмятинах, на гимнастерке и брюках много пулевых дырок, пробит поясной ремень (кстати в настоящее время он хранится в музее боевой славы средней школы поселка Пудость Гатчинского района), была раздроблена рукоятка пистолета, одна из пуль срезала полпетлицы вместе с квадратом воинского звания, осколки мин разорвали брюки в районе коленного сустава, и... ни одной царапины.

ВОСПОМИНАНИЯ УЧАСТНИКОВ БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Любая из этих пуль могла пройти на сантиметр правее или левее, и все могло быть кончено. К счастью, этого не произошло.

После прорыва из окружения, мне удалось вернуться в свой полк. Он вел тяжелые оборонительные бои. Меня назначили командиром взвода в свою четвертую роту. Командиры, рядовые почти все были люди новые, мне не знакомые. И опять пошли непрерывные кровопролитные бои.

Бывают такие случаи, когда сухие статистические цифры ошеломляют своей неумолимостью, дают большую пищу для размышлений. В самом деле, как осмыслить информацию о том, что 97 % моих сверстников военных лет погибли в боях на фронтах Великой Отечественной войны! Очевидцы рассказывают, что только в знаменитом танковом сражении под Прохоровкой в период Курской битвы было собрано 6 мешков (в которых хранится зерно), документов погибших советских солдат.

В одной из телевизионных передач «Солдатских мемуаров» писатель Константин Симонов с великой горечью сообщал, что его двухлетние поиски солдата, который прошел бы все войну от ее начала и до победы, окончились безуспешно.

«Можно пережить войну - нельзя пережить память о ней!». Не знаю, кому принадлежат эти слова, но однажды услышав их по радио, хочу

подтвердить, насколько точно они отражают мою личную действительность. И пусть будет больно от этой памяти и воспоминаний, но только через них можно постичь настоящую цену мира и еще активнее бороться за него.

Этой своей личной памятью обращаюсь к тебе, юный сверстник моих военных лет: нельзя забывать не только ту цену, которую мы заплатили тогда за мир, но и конкретных виновников зла. Я уже говорил, что фашисты и тогда ходили на двух ногах, были о двух руках и человеческим голосом произносили речи о миролюбии и ратовали только за новый порядок.

Еще более изощренными морализаторами стали нынешние империалисты. Вместе с их красивыми словами о мире, о свободе, о правах человека ты уже знаешь, какие злодеяния они творили во Вьетнаме, как они пытаются уничтожить целый народ Палестины и творят разбой на Ближнем Востоке. Ты помнишь, как они расправились с маленькой Гренадой, содержат и подстрекают «контрас» в Никарагуа. Не забыл ты и о том, по какому «праву» они подвергли бомбардировке суверенную Ливию, расстреливали из тяжелых орудий линейных кораблей много-страдальный народ Ливаны и ведут не объявленную войну в Афганистане.

И поскольку тебе известна истинная цена разглагольствований таких

господ о мире, ты не дашь ввести себя в заблуждения и относительно их истинных намерений.

Из истории Великой Отечественной ты знаешь, что за чудовищное явление – война. Мой личный опыт, как видишь, только подтверждает такой вывод. И сама собой вытекает задача активной борьбы за мир на земле. В чем это должно выражаться – решать тебе. Главное – не оставаться равнодушным!

Рассказывая внуку о тяжелых боях в сентябре 1941 года, я очень хотел, чтобы он душой, сердцем воспринял картину боевых будней тех дней, чтобы он хотя бы в своем воображении оказался в той боевой ситуации вместе с тогдашними его сверстниками и глубоко осознал, что такое война.

В роте оставалось только 18 бойцов, измученных непрерывными боями. Не лучше положение в батальоне и в полку. Мало оружия, особенно автоматического. Оно «погибло» в боях. Почти нет на переднем крае противотанковой артиллерии. Окопы и траншеи так перепаханы снарядами, что уже трудно определить, где он, этот наш передний край. Повсюду лежат убитые, раненые, оглохшие, полузасыпанные землей солдаты. Горят два наших танка, пытавшихся оказать нам поддержку. Вокруг продолжает бушевать стена артиллерийского огня противника. Ревут моторами, лязгают гусеницами и ведут огонь из пушек его

атакующие танки. За спиной в тылу горит Кронштадт, черные тучи дыма закрыли почти все небо, в котором с неистовым ревом носятся самолеты врага. Там сплошной грохот от разрыва бомб, стрельбы корабельной, береговой зенитной артиллерии. А на тебя, кроме всего, прут густые цепи фашистской пехоты.

Во всем этом разыгравшемся напряжении боя самым опасным для нас были танки: и потому, что не было эффективных средств борьбы с ними, и потому, что такая массированная танковая атака в сочетании с ударами авиации по ближнему тылу оказывала огромное психологическое давление, порождая ощущение беспомощности и обреченности. Но, вовремя пришёл приказ: танки пропустить, при возможности использовать против них бутылки с зажигательной смесью, а основное внимание сосредоточить на отражении атаки пехоты, удерживать передний край до конца.

Легко сказать - использовать эти бутылки против изрыгающих смерть, бронированных машин, да ещё и когда их десятки в аду, разыгравшегося боя...

Ты, говорю я внуку, наверное, спокойно смотришь на такие эпизоды в кинофильмах про войну, а я не могу. Попробуй, поставь себя в положение этого солдата с бутылкой? Это последнее, что он ещё может сделать в бою ценой невероятного нервного и физи-

ческого напряжения. Он знает, что это действительно последняя минута, в полном и окончательном смысле этого слова, что его действия вполне можно сравнить с теми, кто собой закрывает смертельную амбразуру бота, но он делает это, не считаясь ни с чем!

Итак, в тот день фашистские танки навалились на наши окопы, не встретив отпора, не задерживаясь, они на большой скорости пошли в наш тыл. Один из них, попавший в поле моего наблюдения, был подожжен на позициях роты. Я не знаю, кто был этот смельчак, но горел танк здорово. Только мы перебили его экипаж, как он взорвался, и его броню выбросило метров на 10. Это, в общем-то, частное событие приободрило всех нас, оставшихся в живых, тем более, что и в ближнем тылу появились столбы дыма от горящих танков. Тем временем перед передним краем пехота противника шла в психическую атаку.

Фашисты на нашем направлении тогда имели огромное превосходство в людях, оружии, технике. Может, поэтому они тогда так часто безрассудно ходили в атаку плотными цепями, а иногда, построившись в колонны на грузовиках и бронетранспортерах. Им казалось (и это подтверждали пленные), что после таких мощных ударов авиации, танков, артиллерии ничто уже не мешало въехать в Ленинград. Наши поредевшие части они считали группами фанатиков и не принимали

в расчет.

Возможно, что именно это пренебрежение врага вызвало у нас ответную ярость и решимость отбить эти атаки. Заработало всё наше стрелковое оружие. Атакующий противник тоже вёл массированный автоматный огонь, но он только подбадривал их самих, нам же в окопах вреда не приносил. Зато наша стрельба оказалась весьма эффективной, куда не стреляй - трудно промахнуться. В острый момент этого боя замолчал единственный наш пулемёт, был убит наводчик, рядом лежал тяжело-раненый его помощник. Пришлось немного поработать самому. Атака фашистов захлебнулась.

Мне не хотелось, чтобы сложилось такое впечатление, что в этот кульминационный день сражения с врагом наша малочисленная рота сыграла какую-то особую роль. Наша борьба была только маленьким эпизодом, а захлебнулось гитлеровское наступление, в основном, из-за губительного огня нашей тяжелой артиллерии. Для нас он был как музыка, как бальзам на душу.

Этот эпизод хорошо показан в кинофильме «Блокада», когда командующий Ленинградским фронтом генерал армии Георгий Константинович Жуков, разгадав замысел гитлеровцев, приказал поставить артиллерийский заслон на путь фашистского наступления и ударить

по противнику всей имевшейся тяжелой артиллерией по выверенным и разведанным цепям. Стреляли форты, линейные корабли, железнодорожные артиллерийские батареи, стрелял Кронштадт. Массированный огонь из тяжелых орудий сокрушил взорвавшихся фашистов, им пришлось несколько дней приводить себя в порядок. В этот же день над Кронштадтом было сбито более 30 фашистских самолётов.

К вечеру наступило затишье, иногда прерываемое вспышками артиллерийской стрельбы с той и другой стороны. Все мы наслаждались передышкой, лежали, кто где, и никому не хотелось даже двигаться. Немцы убирали свои трупы и раненых, а у нас не было никакого желания препятствовать этому. И вдруг, где-то недалеко в нашем тылу, мы услышали немецкую речь, смех, хохот, выкрики... Все вскочили и просто опешили - в чем дело? Как они там оказались?

Из-за кустов, на открытое место, вышли одиннадцать гитлеровцев, совершенно не подозревавших, что они с тыла проходят наш передний край обороны, и продолжавших бурно обсуждать свои какие-то похождения. Дальше все получилось само собой - не прошло полминуты, как перед нами лежали 11 трупов. Оказывается, это была, снабженная рацией группа корректировщиков артиллерийского огня, проникшая в наш тыл.

Что меня поразило в этом эпизоде? Почему он мне врезался в память?

Дело в том, что я за всю войну так и не смог свыкнуться с таким парадоксом жизни, что полный здоровья и сил человек вдруг становится трупом. Конечно, это реалии войны, и такими их нужно воспринимать, но не каждому это дано. Справедливая кара вызвала у меня тягостные ощущения.

Вспоминаю и ещё один такой случай, приведший меня буквально в шоковое состояние. Рота цепью выходила из леса, в какую-то очередную контратаку. Как всегда - стрельба, взрывы, крики, команды. Двигаясь в этой цепи, я, несмотря на естественный шум боя, вдруг услышал два щелчка, напоминающие пулевые удары в дерево. Огляделся: справа и слева от меня шедшие в цепи ребята получили смертельные пулевые ранения и тут же упали. Я, идущий в середине, остался цел... Пулемётная очередь досталась не мне. До чего это было противоестественно. Просто злодеяние какое-то. Но что поделаешь - война! Для неё это - обычное солдатское дело, и его, это дело, надо было продолжать, чего бы это не стоило.

Вспоминая тяжёлые сентябрьские бои 1941 года под Петергофом и переживая боль утрат, я не могу не рассказать ещё об одном эпизоде тех дней. В 20-х числах, когда наша оборона постепенно стабилизировалась, а враг выдыхался, но ещё был доста-

ВОСПОМИНАНИЯ УЧАСТНИКОВ БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

точно силён, в роту пришло, наконец, пополнение. Это были молодые ленинградские ребята. Многие из них только что окончили среднюю школу или учились в ремесленных училищах. Они прошли двух-трёх месячный курс военной подготовки в запасном полку, и попали в такое пекло войны. Для тебя, говорю я внуку, это должно быть особенно показательно, потому что это уж совсем твои сверстники.

Скажу прямо, что времени для привыкания к боевой обстановке не было (а на войне чаще всего так и бывает), и все эти реалии боя: бомбёжки, эти низко артиллерийско-минометные обстрелы, ружейно-пулемётная стрельба, убитые, раненые, кровь, грязь, - оказались для них непосильным бременем, воспринимались ими очень тяжело. Боевой опыт этим ребятам доставался дорогой ценой.

Веление любого боя имеет свою тактику, свои правила, которые всегда должны соответствовать конкретной обстановке. Ими никак нельзя пренебрегать. Например, элементарно, нельзя при обстрелах собираться группами, высовываться из окопа без надобности. А эти, мои солдаты, в условиях смертельной опасности, не выносили одиночества, и все время стремились быть поближе друг к другу. Так получилось, что только от двух тяжелых мин погибло сразу 17 человек, да еще оказались и раненые. Это

обстоятельство совсем деморализовало ребят, мне пришлось приложить отчаянные усилия, чтобы внушить им необходимость рассредоточения. Но в минуты арт-огня противника они снова неизменно сбивались в кучу, поближе ко мне, и смотрели на меня отрешенными глазами, полными страха и ужаса.

В общем, солдатами войны им еще предстояло стать, но нельзя было этого просто ждать и нести неоправданные потери (как оказалось, за два дня рота потеряла половину своего пополнения), при этом несли потери и оставшиеся в строю бывалые воины, - необходимо было принимать срочные меры.

В тех условиях мог помочь только личный пример самообладания и мужественного поведения. Мне пришлось постоянно обходить траншею, отвлекать беседами, иногда вести себя излишне самоуверенно. Это не могло сказаться и на моей личной безопасности. Если этих ребят я несколько успокоил, то сам попал в беду. В один из напряженных моментов боя 29-ого сентября буквально в трех-четырёх метрах от меня разорвалась фугасная мина...

Очнулся я через сутки в медсанбате, располагавшемся в поселке Лебяжье. Обнаружил, что одним осколком мне вскрыло 17 сантиметром брюшной стенки, а другой с куском шинели - застрял в левой ягодице. Кроме того,

воздушной волной взрыва оказался перебитым слуховой нерв.

В общем, прошло всего полтора месяца после первого ранения, а я снова оказался в госпитале. Эвакуировали меня в Ленинград морем. В районе занятого противником Петергофа судно обстреляли, к счастью, прямых попаданий не было. Ленинград к этому времени уже был в кольце блокады. Госпиталь, располагавшийся в зданиях Политехнического института, несколько раз бомбили. Он подвергался и артиллерийским обстрелам. Выписали меня в часть с ограничением к строевой службе во второй половине декабря, когда началась в полную силу голодная и холодная блокадная пора.

Закончив свой нехитрый солдатский рассказ о боевых делах под Ленинградом в августе-сентябре 1941 года, мне интересно было узнать у внука, как он воспринимает услышанное, что у него на душе, в сердце от всего когда-то мной пережитого! Его ответ оказался таким, как я и предполагал: современному молодому парню не хватает воображения, чтобы поверить в такую реальность боевой действительности. Его взволновала страстность моего рассказа, затронули переживания давно минувших событий, и он ощутил протест против войны. Однако его удивило, что спустя 43 года мне так памятливы детали боев.

Пришлось объяснить, что детали помнятся, конечно, не все. Но те из них, которые соседствовали со смертью в разных проявлениях и в огромных масштабах, будут помниться вечно. Лично мне, еще спустя 5-6 лет после войны, она продолжала сниться. По ночам я метался как в бою, и рядом не безопасно было находиться. Только после 1950 года, когда я, по советам врачей, стал серьезно заниматься охлаждающими водными процедурами, мне удалось успокоить нервы.

После выписки из госпиталя всю блокаду я воевал в разных частях Ленинградского фронта. Для меня лично это был второй этап длинных военных дорог.

Вспоминая блокадные дни, мне только хочется подчеркнуть, как запало в душу поведение людей, полное благородства, достоинства и самопожертвования; подчеркнуть особую ленинградскую гордость за свой город, патриотизм и веру в торжество нашей победы.

С РАЗГРОМА гитлеровских войск под Ленинградом и наступления войск Ленинградского фронта начался теперь уже третий, этап моих действительно длинных военных дорог: Ленинградская и Псковская области, Эстония, Архангельск, где мы ожидали погрузки на суда в Норвегию, но вместо этого - были поданы воинские эшелоны и, проехав через всю страну

ВОСПОМИНАНИЯ УЧАСТНИКОВ БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

в Польшу, я оказался на Сандомирском плацдарме. Здесь накапливались войска 1-го Украинского фронта для последнего удара по гитлеровской Германии.

Итак, наступило, наконец, время побед и под Ленинградом. Трудно описать какой подъем царил в войсках! Мне лично на этот раз не пришлось атаковать противника в цепи наступающих, как это было прежде. Я уже был офицером оперативного отдела штаба 67-ой армии, который располагался севернее Синявина у Ладожского озера. Но как ликовало сердце! Ведь наступление началось с Ораниенбаумского плацдарма - именно с тех рубежей, на которых дралась моя обескровленная рота в сорок первом. Полки 2-ой ударной армии Ленинградского фронта пошли в яростную атаку под звуки песни «Вставай, страна огромная», усиленной мощными радиоустановками. И ничто их уже не могло остановить.

Задача 67-ой армии была иной. Мы должны были выждать. По замыслу командования две армии Ленинградского фронта - с севера и армии Прибалтийского фронта - с востока пробивались на встречу друг другу. В случае успеха огромная группировка войск врага, находившаяся южнее Ладожского озера, оказалась бы в окружении. Но, наученный горьким опытом враг, почуяв угрозу, ночью в течение короткого времени, оставил

свои позиции и бежал с рубежей на правом берегу Невы. Начались бои по преследованию врага, за опорные пункты, города, и села. Это было для нас новым делом, поэтому не все получалось хорошо. Сказалось длительное пребывание в обороне, но успех воодушевил, наступательный порыв наших частей был высоким, люди буквально рвались в бой, враг, ожесточенно сопротивляясь, отступал.

Весь период наступления частей 67-ой армии до Пскова мне довелось выполнять функции офицера связи командования. На автомобиле, а чаще на связном самолете ПО-2 («кукурузнике») разыскивал штабы корпусов и дивизий, передавал приказы, получая оперативную информацию. Садись где придется. Дважды попали под атаку истребителей, но опытный летчик (в прошлом сам истребитель) ушел на бреющем полете, хотя не обошлось без пробоин в фюзеляже. На Сиверском аэродроме совершили посадку в сплошном тумане. Когда самолет закончил движение, обнаружилось, что он остановился буквально в метре от бомбардировщика с подвешенными бомбами. Постояли мы с летчиком, покачали головами – обоим все стало ясно до предела.

В другой раз пришлось садиться на огородах у разрушенной деревушки южнее Луги. Дело было срочное. Три раза заходили на посадку, но все не уместались в размеры площадки. На

четвертом круге летчик рискнул и... зацепился лыжами за крышу баньки. Самолет грохнулся носом в огромный сугроб за ней, что позволило нам обоим отделаться только синяками и шишками.

Апрельские бои нашей армии юго-восточнее Пскова запомнились не только своим ожесточением, но и такой распутицей на дорогах, о которой я и понятия не имел. Практически весь транспорт увяз на дорогах в безнадежной грязи, такой липучей и засасывающей, что, помнится, собственные ноги можно было переставлять только с помощью рук, чтобы не остаться без сапог. Снабжение войск стало крайне ограниченным и это, естественно, не могло не сказаться на боевых действиях. В этих трудных условиях, отступавший противник сумел занять заранее подготовленную им мощную оборонительную полосу «Пантера» и приостановил продвижение войск 67-ой армии. Нам удалось только на узком участке южнее Стремутки прорвать первую полосу этой оборонительной позиции. Наши части были остановлены противником, когда им оставалось всего 4–5 километров до реки Великой. Псков был в руках немцев.

В результате боев образовался выступ, врезавшийся во вражескую оборону на глубину 5 – 6 километров. Основание выступа не превышало 8 километров, а вершина – не более

одного. Естественно, противнику не нравилось это, и он предпринимал отчаянные атаки, чтобы добиться окружения наших частей, находившихся в этом выступе. Нам же этот плацдарм давал возможность прорыва к реке Великой, поэтому оставлять его было нецелесообразно.

Вот в такой драматической ситуации я получил назначение в штаб полка, оборонявшего вершину выступа. Таким образом, судьба снова вплотную сблизила меня с противником. Бои здесь шли яростные, изнурительные. Весь выступ простреливался даже огнем стрелкового оружия с фронта, и с флангов. Сыпались бомбы, рвались снаряды и особенно ручные гранаты. У деревни Яваново наша оборона находилась в 30 – 40 метрах от позиции врага. Здесь особенно часто использовались ручные гранаты. Мы несли потери, но не думаю, чтобы у фашистов они были меньше.

Продолжалось это противостояние около трех месяцев. Несмотря на часто возникающие критические ситуации, наши солдаты дрались спокойно, расчетливо, уверенно. Уже не было того фатального давления на психику, как тогда в сорок первом.

Впервые за все время войны мне довелось быть свидетелем массированного использования огнеметов. Пехота противника, устремившаяся в атаку в полной рост, была встречена

ВОСПОМИНАНИЯ УЧАСТНИКОВ БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

не залпом стрелкового оружия (здесь уже почти некому было стрелять), а врытыми в землю батареями огнеметных установок. Пренеприятное зрелище.

Надо было видеть с каким ужасом бежали фашисты.

*Впервые опубликовано в газете
«Кадры приборостроению» №15 (1215),
7 мая 1985 года
и 21 октября 1987 года*

Заместитель секретаря парткома, доцент кафедры истории
Елена Васильевна Дьяченко вручает председателю Совета ветеранов В.Ф. Наливайко
медаль «40 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941-45 гг.».

ЛИТМО, май, 1985 года

З. СКВОРЦОВА,
ведущий инженер ОКБ

ТОСТ

*Мой тост за тех, кто мёрз в окопах
И не вернулся в отчий дом.
За тех, кто был в морской пехоте,
Чьим именем мы улицы зовём.*

*За мать, что сына потеряла
И всё-таки его ждала.
Надежда эта всех питала,
На бой с врагом вперёд вела.*

*Мой тост за тех, кто мёрз в окопах
И не вернулся в отчий дом.
За тех, кто был в морской пехоте,
Чьим именем мы улицы зовём.*

*За наш народ, в беде единый,
В бою, в труде неустомимый,
Не посрамивший предков род, —
За удивительный народ!*

*Впервые опубликовано в газете «Кадры приборостроению»
№15, 7 мая 1973 года*

НАШИ ВЕТЕРАНЫ:
они трудились в нашем вузе

Полк был создан для борьбы с танками противника. Его первым командиром был Герой Советского Союза Афанасий Федорович Щеглов, ныне генерал-полковник. В августе 1941 года под его командованием полк мужественно сражался под Гатчиной.

*Все дружно, в голос,
прибавляли,
Что первых дней огонь и гром
Крещение боем называли,
Закалкой смертью и огнем.*

На тридцать четвертом километре автомобильного шоссе Ленинград-Мурманск, в ста пятидесяти метрах от него на окраине поселка Ивановского, при слиянии реки Сосны с Невой воздвигнут памятник «Невский порог».

На вершине холма, на площадке, замощенной бетонными плитами, - длинная горизонтальная стела-балка, справа от нее – еловая аллея. Зеленый наряд аллеи подчеркивает торжественность и значительность памятника. А на нем металлические буквы повествуют: «На этом рубеже в 1941-1944 гг. стояли насмерть защитники города Ленина». Далее перечислены воинские подразделения и среди них 380-й, 690-й противотанковые полки.

Я смотрю на председателя нашей инициативной группы, бывшего командира дивизиона, а теперь старшего инспектора Ленгорисполкома, подполковника в отставке Николая Федоровича Васильева и члена нашего совета, организатора всей деятельности ветеранов полка, бывшего комиссара 9-й батареи, ныне лауреата Государственной премии, инженера-конструктора Вячеслава Николаевича Дыммана и представляют в те дни...

Суровые, покрытые пороховой гарью лица. Командир – кадровый офицер и комиссар – доброволец помнят, как держали оборону юго-восточнее Колпина, отбивая атаки противника, наступавшего из поселков Ивановское и Усть-Тосна, вдоль левого берега Невы, в направлении Рыбацкого.

*Один – запомнил я, как безусы,
С открытой, доброю душой,
Вояки наши светлорусы
Шли в пекло, жертвуя собой.
Другой - как юноши, студенты,
Ни чтя ни рангов, ни чинов,
Цепочкой шли – живою лентой,
Не дрогнув, биться, в стан
врагов.*

До сих пор берега Невы – в оспинах окопов, провалах блиндажей, шрамах траншей и ходов сообщения».

*Впервые опубликовано в газете «Кадры приборостроению» №9 (550)
15 марта 1967 года*

В. НАЛИВАЙКО

СЕСТРА МИЛОСЕРДИЯ

Медицинская сестра. Скромная труженица войны. Сколько невзгод и трудностей войны вынесла она на своих неокрепших девичьих плечах. Ее, маленькую, хрупкую, как былинка, с огромной медицинской сумкой можно было видеть и в боевых порядках пехоты и в танковом десанте и на позициях артиллерийской батареи, в партизанском отряде. В ожесточенных боях, в кровешном аду сражений она делила свою судьбу наравне с солдатами.

Командир 690-го отдельного истребительного противотанкового артиллерийского полка И.Ф. Васильев свидетельствует: *«Валентина Вячеславовна участвовала в боевых действиях на Ленинградском фронте и в должности санинструктора 7-ой батареи 690-го ОИПТАП. С сентября 1942 года по февраль 1943 года принимала участие в оборонительных боях на северной окраине города Пушкина. В феврале 1943 года в ходе Красноборской операции, находясь вместе с батареей в боевых порядках наступающей пехоты, она оказывала медицинскую помощь раненым, выносила их из-под огня, а иногда*

в сложных условиях боя заменяла у орудий выбывших из строя солдат батареи. 25 февраля 1943 года в бою за поселком Красный Бор В.В. Иванова была ранена осколком мины в ногу, но не покинула поле боя, а продолжала оказывать помощь раненым. За проявленное мужество была представлена командованием к правительственной награде. После выздоровления снова вернулась в свою батарею, участвовала в боях за поселок Саблино и снова была контужена взрывной волной от снаряда. В марте 1943 года вступила в члены КПСС».

Вот так просто, скромно: оказывала помощь, выносила раненых. А ведь за этим надо видеть длительный ожесточенный бой, грохот бомб и снарядов, треск пулеметов, взрывы гранат, рокот танковых моторов, когда кажется, сама земля проваливается в преисподнюю, видеть кровь и слышать стоны раненых и, не смотря ни на что, делать свое дело – оказывать эту самую помощь и тащить обессиливших солдат с поля боя.

*Впервые опубликовано в газете
«Кадры приборостроению» №8, 1983 года*

В. ИВАНОВА

ИГРА СО СМЕРТЬЮ

*До тех пор пока живо человечество
Ему будет необходимо мужество.*

М. ДУДИН

В 1978 году, по ленинградскому радио, а затем и в московской программе «Время, события, люди» прозвучал в эфире рассказ журналиста А.В. Солдатова о необыкновенном шахматном матче, сыгранном ввремя Великой Отечественной войны в Дахау. Дахау – это место концентрационный лагерь для антифашистов, организованный гестапо в 1943 году близ города Мюнхена. В Дахау были замучены сотни тысяч немецких коммунистов, советских военнопленных, борцов сопротивления.

Матч, о котором шел рассказ, чем-то походил на известный футбольный матч 1942 года в Киеве, когда гитлеровцы расстреляли наших футболистов за то, что они обыграли немецкую команду, заранее зная, что идут на смерть.

Я знала героя рассказа Алексея Родионовича Константинова. Довоины мы учились вместе в Ленинградском политехническом институте. В те годы мы называли его Леней. Леней я часто называю его и сейчас, хотя теперь он профессор, доктор физико-математических наук. Леня был среднего роста, чем-то походил на цыгана, был подвижным, спортивным

и большим любителем шахмат. Они имел первую шахматную категорию, играл в городских соревнованиях, встречался за доской со многими будущими мастерами. В предвоенные годы он возглавлял шахматную секцию Политехнического института, был членом шахматного кружка при доме Ученых в Лесном, где занятиями руководил Михаил Моисеевич Ботвинник. Леня хорошо знал и любил свой город. Жил он рядом с ЦПКиО и часто еще мальчиком ходил туда играть в шахматы.

С Леней я встретила на первом курсе в 1935 году, нам было по семнадцать лет. Это возраст, когда человек задумывается о любви, о дружбе, о цели жизни. Мы дружили с Леней. Дружба, если, конечно, она настоящая, таинственным и волшебным лучом высветляет характер. Дружить подчас бывает нелегко. В Дружбе человек мужает, учится думать, спорить, доказывать. Дружба подразумевает и самопожертвование для друга, верность. Мы с Леней не остались друзьями на всю жизнь, но воспоминания о той юношеской дружбе дороги для нас и по сей день.

Предвоенные годы вспоминают-

ВОСПОМИНАНИЯ УЧАСТНИКОВ БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

ся мне как очень счастливое время, хотя и суровое. По земле расползлся фашизм: итальянский, испанский, японский, германский. Было ясно, что противостоять ему может лишь наша страна, а главная тяжесть ляжет на плечи нашего поколения. Морально мы были готовы к этому. Недаром любимыми книгами моих сверстников были «Как закалялась сталь» и «Овод». Девизом для себя мы выбрали гордые горьковские слова: «Безумству храбрых поем мы песню...»

Мы жили событиями тех лет, любили нашу страну и ненавидели фашизм. Помню, с каким чувством солидарности с борьбой немецких коммунистов мы с Леней смотрели фильм «Болотные солдаты» и слушали песню, что пел антифашист Буш узниками концлагерей. Разве мог Леня тогда хоть представить чем для него станет лагерь Дахау?!

В нашей студенческой группе были только две девушки: я и моя подруга Маша Гендлина. Обе мы пошли на фронт добровольцами. Маша погибла, я стала инвалидом войны. А наши мальчишки? По-разному сложились их судьбы. Все они были солдатами. Все были комсомольцами. На разных фронтах прошли они славный боевой путь. Все остались верными родине, но не для всех дожили до счастливого дня Победы, а след некоторых вел за колючую проволоку фашистских концлагерей.

Леня попал в плен в первый год войны, во время боев за Невский «пяточок». Он был ранен в голову, и немцы взяли его полуживым, потерявшим сознание. До этого были у него бои и ранение в 3-й дивизии народного ополчения, потом опять бои и ранение в 5-й дивизии народного ополчения, а потом судьба уготовила ему голгофу немецких лагерей, с карцерами, голодом, непосильным трудом и болезнями. В конце 1942 года, после попытки к бегству из штрафной команды Корбута, его доставили в лагерь смерти Дахау.

Спасли его подпольщики, поместив его в барак к больным. И всюду он оставался борцом.

Об этой борьбе я прочла в воспоминаниях И. Панова, председателя антифашистского подпольного комитета Дахау, и в книге В. Бикташева «Мы старше своей смерти». Я вспоминаю рассказ Лени и хочу передать его словами поэта-антифашиста Э. Вевериса из поэтического дневника «Сажайте розы в проклятую землю».

Узника с печатью в личном деле «Возвращение нежелательно» встречали в Дахау громадные железные ворота, врезанные в железобетонную стену. На них надпись по-немецки: «Труд освободит». Скрежеща петлями, они медленно раздвигались, как челюсти какого-то чудовища, и железная пасть поглощала пленников, как мелкую рыбешку.

*«Каркают вороны: обратной
дороги не знать.*

Умирать, умирать, умирать».

На территории лагеря узник видел
опять бетонную стену с колючей
проволокой, широкую канаву, напол-
ненную водой, и вышки с пулеметами.

*«Их тупые пулеметные клювы
злобно целятся.*

*Они нас высматривают: что мы
делаем, что мы думаем.,*

Как мы дышим, как движемся».

Трудно передать чувство челове-
ка, когда на него надевают полосатую
одежду каторжника, с номером на
груди, деревянные колодки на ноги. С
этого момента он лишается имени и
фамилии. Попав в этот антимир, чело-
век оглушен, унижен, в нем попрано
человеческое достоинство. Многих
человеческая гордость покидает
навсегда.

«Умереть? Броситься на колючую
проволоку, - думал Леня, - а ток высо-
кого напряжения? Но разве не этого
же хотят фашисты? Они не успевают
уничтожать нас в газовых камерах,
сжигать в печах и расстреливать».

Бежать! Но разве он не пробовал!

*«От псов спасаясь, он прыгнул в
реку...*

*Снешит сквозь вьюги на встречи к
Родине.*

Туда, где борются его товарищи...

Держитесь братцы! Иду...

Иду я... на помощь...

*Желто-бурой короной дыма бегле-
ца дымоходы встречают».*

Голодные каторжники в полоса-
той одежде, ежедневно стоящие на
границе жизни и смерти, нашли в себе
силы бороться с врагом, которого они
ненавидели.

*«Пасть и встать, презрев могилу,
в море боли черпать силу.*

*Не гасить горенье дружбы, из
ничего добыть оружие.*

*Накопить его в тайниках, в бою
последнем держать в руках.*

Разве это не героизм! Нет!

Это только сопротивление!».

И все же это героизм. Героизм
может быть разным: одни закрывают
грудью вражеский взлет, другие направ-
ляют горящий самолет на колонну
автомашин противника с горячим,
третьи в тылу врага взрывают мосты
и склады с оружием, а узники сопро-
тивления, попав в руки гестаповцев,
выдерживают страшные пытки, но
молчат.

Как нужно быть в этих услови-
ях бдительными, какое нужно иметь
чутье! Панов пишет: «Каждого нового
человека нужно было безошибоч-
но взвесить, можно ли ему доверять
и безопасно ли через него устанав-

ВОСПОМИНАНИЯ УЧАСТНИКОВ БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

ливать связи с другими? Леня стал членом подпольного сопротивления Дахау. Как важно было здесь прежде всего облегчить окружающим эту рабскую жизнь, чтобы советские люди остались достойными нашей Родины! Огромная ненависть, как хороший цемент, укрепила интернациональную дружбу между узниками, помогла им встать на путь активного сопротивления фашизму. И в первые ряды движения сопротивления встали советские военнопленные.

*«Хитрая злоба в назидании:
«Разделяй и властвуй»*

Латышу нашили – Л, французу – Ф, испанцу – И, русскому – Р.

Но когда обрушилась гроза, Ф. прикрыл меня.

И. и Р. на своих руках вынесли бережно Ф. и Л.»

В один из осенних дней 1944 года в камеру пришел полицей.

– Номер 60786 на выход! – крикнул он.

– Это был мой номер, – рассказывал Леня.

Такие вызовы не предвещали ничего хорошего. Часто заключенные больше не возвращались.. «может быть, узнали о подпольном комитете сопротивления?» - подумал он. Вместе с Константиновым вызвали члена комитета, его товарища по игре в шахматы Сергея Дмитриевича

Медведева. В душе поднялось: не бояться смерти!

«С Востока грохочет. Теперь – слово нам.

Нам проклятым, слова лишенным.

У нас – треугольник лишь, номер и знак

На нашем тряпье клейменом».

А еще вчера ему вспомнились полузабытые слова.

«Полузабытые слова над нами реяли, как птицы,

Прилетевшие из разлуки: «Первая моя любовь».

И вспомнилась хрупкость первой любви.

«О, как ждать она умела!»

И подумалось о бессмертии ожидания

Всех Сольвейг мира. Жизнь – любовь!»

Их втолкнули в полосатую камеру привилегированного блока. Посредине стоял стол с расставленными шахматами, за столом сидел эсэсовский офицер, помощник коменданта лагеря, славившийся своей жестокостью, слева от него лежал пистолет. С нар свешивались головы заключенных. Это были пленные разных стран. Их было здесь 400 человек.

Константинову и Медведеву стало ясно: эсэсовцы узнали о проведении подпольного шахматного турнира в лагере. Конечно, играть приходилось

без шахматных досок и фигур, но турнир был одной из форм сплочения узников. Алексей Константинов занял на нем первое место.

Эсэсовец, очевидно, решил развлечься.

Белые фигуры он взял себе. Леня сел, как приказали. Все его чувства напряглись. Он страстно хотел выиграть. Сзади него встал Медведев, по бокам – полицаи. Игра началась. После каждого хода эсэсовца, который тот обдумывал столько, сколько хотел, полицаи толкали в бок Леню – «ходи».

Разыгранная партия эта была опубликована в журнале «Шахматы в СССР» в 1967 году. Ее ход удалось восстановить с помощью оставшихся в живых свидетелей.

Константинов рассказывал мне: «По тому, как эсэсовец разыграл дебют, было ясно, что с теорией он хорошо знаком. После одного из сильных его ходов оставалось либо перейти к пассивной игре и распрощаться с мыслью об атаке, либо атаковать, невзирая на материальные потери. Я выбрал второй путь. В этой страшной игре (а я знал об исходе киевского футбольного матча и о других подобных забавах гитлеровцев) мысль работала быстро, и я рассчитал почти до конца варианты, обеспечившие мне ничью. И вдруг я заметил, что могу после хода, сделанного противником, ферзем на «аш» 6 (как показано на диаграмме), дать

мат в три хода. Подняв голову, я впервые посмотрел противнику в глаза и сыграл ... ладья «б» 2 – «б» 1 – шах.

По тому, как он с наигранной легкостью быстро ответил и стал играть пистолетом, я понял, что он тоже видел мат, но решил проверить осмелюсь ли я объявить его. Мат заметили и заключенные. Полицай толкнул меня сильно в бок и шепнул: «проиграй». Медведев плотно прижался к моей спине – я чувствовал его поддержку и в три хода поставил мат.

Наступила мертвая тишина. Заключенные затаили дыхание и замерли. Эсэсовец посмотрел на меня, тяжело встал, взял в левую руку пистолет, переложил его в правую, сбросил шахматы на пол, надел ремень с кобурой и вышел.

Тишину, словно разорвали: «Добро! Хорошо! Гут!» Полицай схватил меня за шиворот и с силой выбросил на асфальт, так что я разбился в кровь. Но какое это имело значение?

Весть о шахматной победе необыкновенно быстро облетела весь лагерь, и меня при встрече возможными знаками старались поздравить узники».

Я представила себе Леню, изможденного, со стриженными волосами, с выбритой полосой вдоль головы (так метили советских военнопленных), в тюремном полосатом костюме с красным треугольником на левой стороне, которым клеймились политзаключенные, и представила рядом с

ВОСПОМИНАНИЯ УЧАСТНИКОВ БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

ним играющего пистолетом толстого, жестокого эсэсовца в высоких блестящих сапогах. Представила, как скрестились их взгляды, каким горящим был взгляд черных глаз Константинова и какая зловещая тишина царила в бараке.

«Только в рядах полосатых, в молчании таится гроза,

Небо жжет каплями сердце, горькими, как слеза».

Не вынес фашист этой затихшей грозы.

Сейчас Алексей Родионович Константинов заведует кафедрой Ленинградского гидрометеорологи-

ческого института. Цикл его работ по проблеме «гидрометеорологические ресурсы Продовольственной программы КПСС» выдвинут на соискание государственной премии СССР. Алексей Родионович – член ленинградской организации узников фашизма и активный борец за мир.

Когда встречаются узники лагерей, их голос слышен на всей земле.

«Товарищи! Не молчите! Бейте тревогу! Тревогу немедленно!

Не откладывайте на завтра. Завтра может не быть!»

*Впервые опубликовано в газетах
«Кадры приборостроению» № 9 (550),
1982 года*

В. ИВАНОВА

ДЕВУШКИ В СЕРЫХ ШИНЕЛЯХ

Нелегка была их судьба, и время наложило отпечаток на их лица.

900 дней – это дни больших малых сражений на «малой земле», как тогда называл отрезанный блокированный Ленинград.

Помнят ветераны 13-ой, как больше отдыха держали они рубеж на Пулкове. Помнят окопы у глиняной горки, где всегда было “жарко”, где они умирали от года на посту, не выпуская из рук винтовок. Помнят, как ходили в бои под Урицком, под Красным Бором, как шли по раскрошенному льду Невы, сразу за разрывами снарядов,

как врывались по ледяному склону по льду в траншеи противника и завязывали рукопашный бой. Многие помнят ветераны 13-й.

По тем же дорогам пошел медсанбат. В газете «На страже Родины» был напечатаны стихи о девушках 112-го медсанбата, о том, как раненный боец видит на поле боя девушку, которая

*«... Умело наложила
Белый бинт ему на грудь,
Как хотела, чтобы жил он,
И воды дала глотнуть.*

Друг мой, Машенька

Я ВЫШЛА из бендажа. Тучи низко нависли над искалеченной землей. Кругом воронки, ямы, осколки снарядов. Шел крупными хлопьями мокрый снег. За поворотом траншеи лежали убитые девушки. Таня и моя Маша. Её, всегда такую живую, наши глаза под темными бровями, были плотно закрыты. Не казалось, что длинные ресницы вот-вот вздрогнут, только тоненькая струйка крови стекла с виска, теряясь в пыльных нудрах. Даже улыбка не успела сойти с её губ... Так вот какой оказалась наша последняя встреча. Мне сказали, что Маша шуткой пыталась ободрить подруг, когда вокруг них стали рваться мины. Немцы, конечно, видели знак красного креста, но открыли прицельный огонь.

Как много, бесконечно много раз мне приходилось видеть смерть, но никогда ещё от глухой немистической так не подкатывался к горлу ком, не давая дышать.

Хоронили девушек в Усть-Иморе. У их могил выступали слезы, и был дан прощальный залп из винтовок. Я подумала тогда, какое удивительное совпадение судьбы маленькой Маши с судьбой любимой её героини из кинофильма «Подруги», фотографию которой она носила с собой.

Рядом со мной был Миша. Он очень страдал. Тяжело тону, кто не любил, или разлюбил, но как тяжело тону, кто был счастливым и все потерял! Он понимал, как она ему говорила: «Самое страшное для меня тревога за тебя, Миша! Ты мне очень, очень нужен! Как я всегда рада слышать твой голос!..»

Окончание. Начало в № 8, 9.

Фронтные подруги — автор очерка Валентина Иванова и Мария Гидагина.

Да, при встрече она раздалась, как ребенок плакала и смеялась. Уезжая в Красный Бор, она уже в машину спешит ему:

«Грусть, тоска рвется в грудь,
Но тоску и печаль ты в пути позабуди,
И прошу я тебя, пожалуйста,
Если сможешь — веселым будь».

15 января 1944 года ленинградцы услышали грохот канонады. Тонны металла обрушились на немецкие доты, срывая все с землей. Наступали с тех же Пул-

ковских высот. Черные тучи дыма застилали горизонт. Враг падал от стен Ленинграда. На другой день в городе стало необычно тихо. Бои ушли на запад.

Вспоминяя Машу, я думаю: часто в жизни замечают людей «успевших», на истинную любовь заставляют только такие люди, как Маша. Все отношения и дружба великодушнее, ум, доброта переживали всякое дурное и мелочное чувство. Она могла в случае неправых действий одного человека, поставленного обстоятельствами над другими, противопоставить ему всю силу своего морального авторитета. Я вспоминаю слова Фадеева из «Молодой гвардии»:

...«Какая светлая радость, какое невыразимое чувство благодарности, какой прилив сил захватывает душу человека, когда он встретит друга, чье слово, чья верность, чье мужество и преданность остались неизменными!»

В. ИВАНОВА,

доцент кафедры ТМДП

Военная фотография В. Ивановой,
опубликована в газете «Кадры приборостроению» № 11 (588) 3 апреля 1968 года

*Как тащила на шинели
(Видел я политрук),
Так, что руки посинели,
Так, что кровь пошла из рук,
Как ползла под минометом.
Как лежала, точно пласт,
Если бреющим полетом
Налетала вражья мразь.
Как опять ползла по полю,
Подползала вновь и вновь,
Чтоб смягчить кому-то боли,
Чтоб унять кому-то кровь.
И такая не одна...
Например, Сухомлина.
Много их: Баракишина
Терешкова, Кузьмина...»*

В этих простых стихах вся, правда.

Кто же эти девушки в серых шинелях?

Когда-то Белинский писал: «У каждого человек есть своя история, а в истории свои критические моменты и о человеке безошибочно можно судить, только смотря по тому, как он действовал, каким являются в эти моменты, когда на весах судьбы лежала его жизнь и честь и счастье...»

Дух народа, как и дух частного человека, выражается вполне только в критические минуты, по которым одним можно безошибочно не только о его силе, но и о молодости и свежести его сил».

Эти девушки не похожи одна на другую, были дочерьми своего народа.

Есть такая крылатая фраза:

«История человечества вначале как бы проигрывается в детстве».

Вот записи из дневника Маши в ноябре 1941 года: «Сейчас у нас лежит раненая Наташа. Ей 17 лет. Она одна у своих родителей. Она добровольно пошла в Красную Армию санинструктором. Она спасла жизнь не одному бойцу и командиру.

Ночью 10 ноября Наташа с бойцами пошла в разведку, и её тяжело ранило. У неё перелом левого бедра и ампутирована правая стопа. Кроме того, у неё обожжено лицо. Сегодня я дежурила. Сознание покинуло Наташу. Она начала тихо стонать. Потом сквозь тихий стон я услышала ее мелодичный голос. Она запела. Это был мотив песни «Замучен тяжелой неволей». Пела они тихо задумчиво, без слов, лишь изредка прорывалось: «Мы сами, родимый, закрыли орлиные очи твои». Ей очень тяжело. Она много страдает. А из-за кого! Из-за этого проклятого, кровавого фашизма. Из-за того, что Гитлеру тесно в своей Германии, ему захотелось поставить на колени наш народ. Но советский народ никогда не будет рабом фашизма!

Все — от семнадцатилетней Наташи до старика моего отца — встали на защиту своей чести, своей свободы. Эта сила несокрушима, и она победит!»

А вот письмо Маши, посланное мне в феврале 1943 года после проры-

ва блокады Ленинграда, когда дивизия штурмовала ГРЭС, идя на прорыв Невской Дубровки.

«Милый друг мой, Валентина!

Если бы знала как тяжело в эти дни не получать от тебя никаких известий!

Ведь у меня сама знаешь, кроме тебя никого нет. А поэтому мне особенно тяжело не иметь от тебя никаких писем. Бывает время, когда забываешь обо всем, даже не чувствуешь потребности в слове родного человека. Но в эту последнюю операцию я часто вспоминала о тебе. И если бы ты была рядом, мне было бы не сравнимо легче. Ни бессменная работа, ни горе и страдания дорогих людей не были бы так тяжелы. Но что говорить об этом, хотя ты и далеко, но твой образ все время со мной, он помогает мне в трудную минуту, и мне очень не достает живого слова твоего. Пиши мне родная, я так

нуждаюсь в твоих строчках...

Я тоже верю в наше будущее. Особенно в общее. Да, оно будет действительно прекрасным, и те, кому доведется жить в это чудесное время, будут действительно счастливыми людьми! А о прошлом жалеть, конечно, не приходится. Оно было у нас поистине светлым и счастливым, и жалеть почти не о чем, да инее надо, даже если и были какие-нибудь ошибки.

Как теперь я чувствую, что напрасно не встретила на пути своего человека, о котором можно было бы вспомнить! Ну, ничего, впереди, быть может, еще много счастья! А больше всего жаль мне, что нет у меня сына, за которого и жизнь отдать было бы легче!».

*Впервые опубликовано в газете
«Кадры приборостроению» №9 (550),
15 марта 1967 года*

В.ИВАНОВА

ЦЕНА ХЛЕБА

*Здесь нас бомбами глушили,
Здесь нас голодом душили,
Нет, мы их не позабыли,
900 блокадных дней.
Дорогой жизни шел к нам хлеб,
И никогда еще не знали
Страшней и радостней дороги.
Ольга БЕРГГОЛЬЦ*

КОГДА МНЕ ПОПАДАЮТ в руки мои случайные записи, сделанные во

время Отечественной войны, и память возвращает меня к событиям тех лет,

ВОСПОМИНАНИЯ УЧАСТНИКОВ БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

то неизменно возникает ощущение - как необъятно было то время.

Многое сказано о блокаде Ленинграда, много раз показана Великая Отечественная война в кино, театре, рассказах, документах... Но сколько бы нового мы о ней не узнавали, картина войны никогда не будет полной.

Весь народ поднялся на борьбу с фашизмом. За жизнь и свободу будущих поколений погибли миллионы.

Вспоминаю Дорогу жизни. Совсем недавно город отмечал ее сорокалетний юбилей.

Обстановка осенью 41-го года была напряжена до крайности: Ленинград в осаде, фашистские войска вплотную подошли к Москве и рвутся вперед на других фронтах.

Все 900 дней блокады Ленинград был связан с Большой землей. На пустынных берегах Ладоги были созданы порты, сооружены пирсы, сосредоточены плавучие средства, организованы эвакуационные пункты, детские приемники, госпитали, построены железнодорожные линии и станции, проложен по дну озера трубопровод.

Несколько раз в первую блокадную зиму мне приходилось бывать на той ледяной дороге. Уже тогда, не зная всего масштаба работ, я поражалась быстрым переменам на берегах Ладоги.

В ту необычайно суровую, холодную зиму улицы Ленинграда были

пустынны. Скорбно стояли громады домов, разрушенных обстрелами и бомбежками. Казалось, вымерли люди, горы снега засыпали примерзшие к рельсам трамваи. В темноте ночи только пожары освещали жуткую панораму блокадного города, да вдаль слышался перестук пулеметов. Голод косил людей. Оставшиеся в живых передвигались с трудом. Изредка проезжала военная автомашина, оставляя в морозном воздухе след сгоревшего лигроина (бензина не было).

Вот записи из моего блокнота того времени.

Апрель 1942 года. Решила восстановить в памяти то, что свежо запомнилось.

Ранним морозным январским утром на перрон Финляндского вокзала вбежали две девушки. Одна высокая - в длинной офицерской шинели, другая - в солдатской до пят, маленькая, как девочка. Обе в ушанках и кирзовых сапогах.

Это я с Галкой. Мы теперь медсестры. Нас послали на Ладогу, а последний поезд туда ушел вчера. Но у Галки умирает отец, а у меня может умереть мама. Мама лежит одна, в нетопленной комнате нашего студенческого общежития Политехнического института - там, где мы так счастливо жили до войны. У нее украли хлебные карточки. Я очень хочу ее спасти. У нас с Галей есть письмо одного

раненого бойца к его родителям, со странной фамилией Базар. Они живут в деревне Коккорево на берегу Ладоги. Мы надеемся, что нам там дадут картошки. В нашем распоряжении двое суток. Подруги подменили нас на дежурстве. Решаемся идти пешком. Пройти нужно 60 километров, а мороз 40 градусов. Мы голодны, но мы идем - недаром нас в госпитале считают спортсменками.

Недалеко от станции Всеволожской нагоняем поезд с эвакуирующимися. Это тот поезд, что ушел вчера. Он не может взять подъем - не хватает паров. Мы, на что-то надеясь, входим в вагон. Вагон полон людьми. Кого здесь только нет. Группа девушек с лесозаготовок. К ним присоединилось два паренька, обвязанные тряпками, с маленькими котомками за плечами. Они студенты. Одна из девушек обнадеживает: *«Там получим пропуски. Можно и пешком через озеро...»*

Рядом со мной стоит старик на культе-протезе, плачет: *«Дайте корочку, крошечку хлеба, грамм пять дайте»*. У меня самой граммов 150 черного, как земля, хлеба. Отламываю ему кусочек. Он осторожно кладет его в рот и говорит мне: *«На германской воевал, после финской инвалидом стал. Сейчас никого нет родных. Всеволожский райисполком дал пропуск»*.

В углу вагона расположилась семья: молодая женщина с мальчи-

ком на руках и её пожилые мать с отцом. Напротив стоят двое военных. У дверей лежат уже замерзшие два трупа. Сзади на скамейке - молодой парень, он потерял сознание от голода. Его товарищ просит военных помочь. Те протягивают два сухаря, наверно, последние. Один сухарь мгновенно исчезает. Напряжение в вагоне нарастает. Все сливается в одно желание: хлеба!.. Кажется, люди сходят с ума.

Вдруг все перекрывает крик: *«Он умер!»*. Это у молодой женщины на руках навсегда затих мальчик. По коже пробегают мурашки. Наступает мгновенная тишина. Слышны причитания молодой матери: *«Вова, Вова. Милый мальчик... Этого не может быть! Он еще сегодня разговаривал... Зачем теперь все, к чему жить? Хотела спасти его, моего мальчика... Вова! Вова!»*

Сгустились сумерки. В углу появляется зажженная свеча. Ее свет дрожит и выхватывает из темноты измученные худые лица людей.

Мы с Галкой сходим с поезда и идем вперед. От станции Борисова Грива сворачиваем в лес и ночью, в темноте по глухой пустынной дороге выходим к озеру.

На берегу озера дом, в окнах которого видим свет. Оказалось, что хозяйка дома - Базар, та самая, к которой у нас письмо. Как чудо, увидели мы посередине кухни стол, а на печи большой чугунок с кашей. Вокруг были

ВОСПОМИНАНИЯ УЧАСТНИКОВ БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

водители 290-го автобата, с недавно вошедшей в строй ледовой дороги.

Вовек не забыть, как нам обрадовались в этом доме, как ели мы жидкую, с привкусом бензина, но казавшуюся нам божественной, пшеничную кашу.

Дорога... Называют ее теперь Дорогой жизни. Начинается она и глухими партизанскими тропами, и в родной далекой Сибири, а кончается в большом городе, который носит имя Ленина.

Дорога проложена через озеро, озеро большое и капризное. То занесет его ледяную гладь снегом, то покроет трещинами. В ноябре некогда было ждать, когда мороз победит озеро, скует его, непокорное, накрепко.

Машины шли по широкому ледяному полю, и вслед им слышался треск, а иногда и проглатывало их коварное озеро...

Вели те машины простые парни, что называли нас с Галкой сестренками и подкладывали нам каши в походные котелки. Вот они - Вася Шустов из Архангельска, Петя - моряк из Одессы, молчаливый Матюхин, грустный Жорж и красавец Костя. Новые друзья посоветовали нам отправиться на поиски конины. Ведь на дорогах кое-где еще попадались туши лошадей.

Затемно, в пять утра, ехали мы с Матюхиным по ледовой дороге. У первой туши, что встретила по пути, он высадил нас. Было это в киломе-

трах десяти от берега. Кто-то уже увез половину, а оставшееся мясо замерзло, стало каменным. У нас не оказалось ни большого ножа, ни топора.

Регулировщик, что стоял на посту, показал чуть видневшуюся вдаль, в стороне от дороги, санитарную палатку. Там девушка-фельдшер снабдила нас топором. Нарубили мы полные рюкзаки конины, остальное снесли в санпалатку. Дала нам девушка перед обратной дорогой по солдатскому сухарю, по жестяной кружке обжигающего кипятка, и отправились мы назад.

Вдруг началась бомбежка. Кругом трещит лед, появились воронки от бомб. Стемнело. Началась метель, и мы сбились с пути. Где Дорога? Куда идти?

По пояс в снегу, то скользя по льду, то переползая через торосы, мы шли наугад, вытаскивая друг друга за ремень. И одна мысль владела нами - донести конину и не опоздать на дежурство в город.

Сколько мы так шли - не знаю. Метель стихла, сквозь мглу пробились слабые огни фонаря «летучая мышь». Они обозначали новую «нитку» ледовой дороги и давали узкий пучок света, не видимый сверху самолетами. Когда начиналась бомбежка, регулировщик гасил фонари и через какое-то время зажигал их на другой, «запасной нитке», по которой пускали машины.

Оказалось, мы вышли почти к противоположному берегу озера. И как только мы не заблудились в этом выюжном, снежном, безбрежном пространстве? Регулировщик пожалел нас, остановил машину и сказал водителю: «*Подвези сестренку!*»...

...Теперь весна. Сначала дорога покрылась водой, но машины шли. Казалось, они плыли одна за другой, непрерывным потоком. Потом вода ушла под лед, а лед покрылся трещинами и был готов опуститься. Но машины шли. Из Ленинграда везли голодных, больных людей. В город переправлялись войска, доставляли хлеб, мясо, табак, снаряжение, оружие. Машины шли. Их бомбили, поливали огнем из пулеметов, обстреливали из орудий. Но они шли.

Созера к Ленинграду дорога поднималась в лес. Этот лес уже не был пуст. В нем сосредоточились замаскированные грузовики, землянки, зенитки, доты. На дорогах плакаты: «Водитель, помни: каждые твои два рейса - это спасение для десяти тысяч ленинградцев! Борись за два рейса!»... И они борются... Делают по два рейса, а то и по четыре! Тридцать - пятьдесят часов за рулем в нечеловеческих условиях...

12 СЕНТЯБРЯ 1981 года на Финляндском вокзале собрались ветераны Ладужской флотилии. 14 ноября - ветераны Ледовой дороги. Оба раза ехали на Ладогу.

Была там и я с внуком Сережей.

В окне машины мелькали Ржевка, Всеволожская, Борисова Грива, Вагановский спуск. Везде памятники, они входят в Зеленый пояс Славы.

Там у Вагановского спуска, где стоит поселок Коккореево, на знаменитом «Разорванном кольце» Сережа прочел:

*Потомок знай! В суровые года,
Верны народу, долгу и отчизне,
Через торосы Ладужского льда
Отсюда мы вели дорогу жизни.
Чтоб жизнь не умерла никогда.*

На большом митинге мы слышали выступления бывшего командующего Ладужской флотилии и других героев Ладоги. Они говорили, что борьба за Дорогу жизни велась не только на ледяной трассе, но и в цехах заводов, на верфях и в пристанях, в советских органах и научно-исследовательских институтах. Дорогу строили и защищали весь Ленинград и Ленинградский фронт. За нее дрались под Колпином и Урицком, на Невском «пяточке» и Ораниенбаумском плацдарме, на Пулковских высотах и Синявинском направлении. Такова была цена блокадного хлеба!

Я верю, что наши внуки не забудут этого!

*Впервые опубликовано в газете
«Кадры приборостроению» № 12(1106),
21 апреля 1982 года*

В. ИВАНОВА

С ДНЕМ ПОБЕДЫ, СЫНОК!

Многое может забыть человек. Но разве можно забыть то время, когда физические и душевные силы миллионов людей предельно напряжены для достижения одной цели? Когда у каждого рождается сознание личной ответственности за дальнейший ход истории, а радость преодоления необыкновенных трудностей разделена с товарищами по борьбе.

В нашей стране, наверное, нет семьи, старшее поколение которой не участвовало бы в отражении и разгроме фашистских полчищ. Кто брал в руки оружие, кто ковал его. Почти каждая семья потеряла кого-либо из близких.

Прошло четверть века со Дня Победы. Выросло новое поколение, и память о войне стала не такой, как была вначале – большой и гнетущей, она приобрела новые черты. Главным стало вспомнить и рассказать, как вели себя люди, рожденные Октябрем. Рассказать о человечности, не убитой войной.

На нашей земле фашисты впервые встретились с новым страшнейшим для них оружием: презрением к смерти миллионов людей во имя жизни социалистической Родины.

Знал ли мир до этого когда-либо солдат, которые могли по несколько месяцев, не раздеваясь, не разуваясь, в сырых блиндажах, голодные, в сырость

и стужу, под жесточайшим огнем и бомбежкой держать оборону против сильнейшего противника, отражать атаки и атаковать сами?

Весь мир был свидетелем массового героизма в битвах за Ленинград, Одессу и Севастополь, под Москвой, Сталинградом и Курском, за Кавказ и за Днепр. Сколько сражений, больших и малых, за эти четыре года! Соппротивление в тылу у врага... Борьба партизанских отрядов... Сколько примеров мужества в лагерях смерти, а иногда и перед лицом предательства...

Какое же это чудо – человеческое сердце, если даже, проходя такие испытания, оно не становится равнодушным к миру и к самому себе, а разве лишь горько сожалеет о несостоявшемся для него Празднике жизни.

Недавно я прочла письма и дневники двух близких мне людей. Они прошли и войну, и тяжелое послевоенное время, как солдаты в строю. Их уже нет в живых. Это были ленинградцы, мои друзья еще со студенческих лет. Они любили друг друга. Оба в начале войны пошли добровольцами на фронт. Он воевал моряком на юге, она – в ополчении под Ленинградом. Они расстались в первые дни войны и встретились накануне победы. Это были обыкновенные комсомольцы конца 30-х и начала 40-х годов.

Я хочу рассказать об их встрече.

Читая дневники и письма, мы по мыслям, по маленьким судьбам людей чувствуем дыхание большой войны. Мы видим, как люди мечтают, взрослеют, мужают. Они были мужественны, потому что были добры. Для этого надо было иметь очень много сил. Эти силы давала им вера в вечно новую гуманную идею, что человек человеку – друг. Юность тех лет несла это знамя, как знамя своей страны, против идей фашизма, где один человек получал право грабить, убивать и унижать другого.

Наступила весна 45-го года. В Ленинграде она была ранней. В апреле стояли солнечные дни. В сводках Совинформбюро были вести о победе.

«...16 апреля в 5 часов по московскому времени мощный залп огромной массы орудий и минометов войск первого Белорусского фронта, возве-

стил о начале Берлинской операции...»

«...Бои за рейхстаг, разгоревшиеся рано утром 30 апреля, приняли упорный характер...»

«...В ночь на 1 мая на фронте рейхстага было водружено врученное 756-му полку Знамя Военного совета третьей ударной армии. Эту задачу выполнили разведчики полка Н.А. Егоров и М.В. Кантария. Однако бои продолжались еще целый день и ночь. И только утром 2 мая остатки гарнизона рейхстага капитулировали...».

Все ждали конца войны, хотя впереди еще были бои в Восточной Пруссии и Пражская операция.

В такое время Галя, впервые за всю войну, выезжала из Ленинграда. Поезд тронулся, и мимо нее все быстрее и быстрее проплывал перрон Московского вокзала. Замелькали рельсы и стрелки.

– Неужели я еду?

И она опять, уже в который раз, открыла сумочку. Да, они здесь, ее документы. Вот командировочное удостоверение. Место назначения: Новороссийск, Баку. Срок – с 16 апреля по 1 июня. Вот билет.

Все ей казалось необыкновенным. И это утро с бледным рассветом начинающихся белых ночей, и вся весна 45-го года с вестями о близкой Победе, и то, что из Ленинграда идут поезда, и то, что она едет по правительственному заданию как раз туда, где воевал ее

друг Сережа.

- Сережа! Где ты сейчас? Жив ли?

Вспомнилась последняя встреча 15 августа 1941 года. Парк в Стрельне. Дворец. У ворот – часовой и он, Сережа, в парусиновой матросской форме. На бескозырке золотыми буквами: «Балтфлот». Завтра уезжает. Куда? Неизвестно. Отряд уже был в боях под Лиепаей. Сейчас все на погрузке. Счет времени на минуты. Ее обнимают крепкие сильные руки, рядом родные глаза под золотистыми ресницами, он целует и шепчет: «Галя, Галчонок, пиши...».

Память идет назад. О их первой встрече. Лето 1939 года. Домбай. Альпинистский лагерь Политехнического института. И она опять видит себя студенткой второго курса. Тонкая, гибкая, с короткими волнистыми волосами, похожая на цыганку, стоит она с рюкзаком. Рядом – высокий, стройный юноша. Это Сережа. Он – студент 4-го курса физфака. Ему 22 года. Во внешности его, как и в характере, который она узнала позже, было два начала: нежность и суровость, сила. Нежный, как у девушки, румянец и могучая шея. Высокий лоб и курносый нос. Небольшие глаза смотрели из-под густых темных бровей, которые контрастировали со светлыми, короткими шелковистыми волосами.

Очень хорошо они узнали друг друга на восхождении, которое вспо-

миналось много раз в военные годы.

Брать пик Ине вышли втроем: Сергей, Галя и Тамара. Об этом у нее в дневнике написано:

«Ночевка была за ледником Ине. Дальше шли только скалы. Поэтому на рассвете решили идти налегке, в тапочках и майках. Карабкались по скалам быстро и уже в 11 часов были на вершине. Сережа показал нам, как туманится верхушка Джугутурлючата. Отсюда казалось, что мгла окутала Домбайское ущелье и Птышский перевал. На самом деле сейчас на Птыше, наверное, буря. Обычно люди привыкли слышать гром и молнию высоко над головой. В горах ее можно увидеть у себя под ногами. Кругом снежные вихри. С грохотом срывается камень и вызывает лавину, которая катясь и нарастая, выворачивает с корнями столетние сосны. И человек среди этой величественной бушующей стихии кажется маленьким и беспомощным.

– Скорее вниз, – крикнул Сергей, – идти в связке со страховкой!

Вскоре мы шли в сплошном тумане. Постепенно наплзли холодные, с ледяными иглами облака. Они слились в одну плотную, непроницаемую массу. Откуда-то сверху налетел ветер. Он сбивал с ног, хлестал по лицу. Надо было идти по узкому, едва заметному карнизу, который стал покатым и скользким.

С одной стороны отвесная скала

вверх, с другой – крутая скала вниз. Наши голоса заглушал бой бури. Сережа шел впереди. Он инстинктивно угадывал дорогу, вбивал крючья, находил место для страховки, дергал веревку, давая знак перехода. Шли медленно, цепляясь руками за едва различимые выступы в скале, осторожно ощупывая, куда поставить ногу.

Наконец, удалось найти небольшую наклонную площадку. Ветер утих. Время шло к вечеру. Ночь в горах наступает мгновенно. Мы вбили крючья и привязали себя к ним веревками. Легкая одежда промокла и промерзла. Чтобы не заоченеть от холода, старались прижаться друг к другу. Стоило сделать кому-либо неосторожное движение, как опора выскальзывала из-под ног, веревка натягивалась и приходилось подтягиваться до нового выступа. Чтобы не уснуть, пели песни и рассказывали о себе. Так тянулась черная ночь.

Вдруг из-за двуглавой шапки Эльбруса брызнули первые лучи солнца. И скоро вокруг его главы сияла корона красно-золотых лучей. Потом выплыл огненный шар. И началось волшебство. Туманы, спускаясь с гор в долины, потекли, как причудливые реки. Перед нами будто отдернули занавес. В прозрачном воздухе отчетливо, как на карте, был виден Главный Кавказский хребет, с Домбай-Ульгеном и Бу-Ульгеном

на переднем плане, с Эльбрусом, красавицей Шхельдой и легендарной двурогой Ушбой вдали. Сверкали ледники, в Бу-Ульгенском ущелье с четырехсотметровой высоты падал водопад Чур-Хур. А под нами была пропасть, и там виднелся великолепный Джугутурлючатский ледник. После голодного дня и холодной ночи кружилась голова, слабели руки. Но стоило увидеть подбадривающую улыбку Сережи, и силы прибывали».

Много еще потом было совместных походов в горы, на побережье к морю, по озерам, рекам и городам. А какие вечера в институте. Напряженные занятия, проекты, экзамены, секции по вечерам. Все тогда удавалось. Не было у них ничего, кроме железной койки, стола и стула в общежитии, стипендии и полочки любимых книг. Но были молодость и счастье!

Когда двое любят друг друга, каждый видит в любимом то, чего иногда не видят другие. Сердце умеет угадывать много хорошего в глубине его натуры. В том, кто стал желанным, разум старается найти массу достоинств. И сознательно или бессознательно оба стараются быть им под стать. Переживания, рожденные в общении с любимым человеком, близки к тому, что испытывает глубоко чувствующий человек, соприкасаясь с великими произведениями искусства. Только чувство любви богаче.

Вот почему таким необычай-

ВОСПОМИНАНИЯ УЧАСТНИКОВ БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

но прекрасным казалось для них все вокруг, когда они были вместе. Вот почему это вспоминалось в самые трудные дни войны.

В 1943 году моряки из батальона морской пехоты майора Куникова высадились ночью в пригород Новороссийска – Станичку, впоследствии известный всей стране под названием «Малая земля».

Здесь в течение семи месяцев не затихали ожесточенные бои. «Черная смерть» называли наших моряков фашисты. На помощь морякам при их высадке на набережную Новороссийска в сентябре 43-го года шли экипажи легких бомбардировщиков знаменитого полка летчиц Марины Расковой.

Там был ранен Сережа. В те дни он писал:

«Ты помнишь, Галя, моря синеву, то солнце яркое, те отблески цветные, те всплески у реки, тот водопад и белый снег, и гладкий лед, ту воду, хрусталя нежней и чище, и те цветы душистые, и розовый восход и тот бордово-красный шар над морем. И искренне хотел бы я, чтобы жизнь твоя была б такой же яркой, цельной и цветистой».

В трудные минуты душевных потрясений рождались эти стихи. Что-то вспоминалось и переосмысливалось в старой, довоенной, казавшейся такой далекой жизни. Стучат колеса, а за окном вагона Галя видит изломы

траншей, бугорки дзотов. Низменная, местами заболоченная, равнина эта получила во время войны название «Долина смерти». Ох, как она ей знакома! Вот станция Поповка. В дни наступления Ленинградского фронта в «Ленинградской правде» от 27 января 1944 года об этих местах написано:

«Немцы упорно цеплялись за железную дорогу Москва – Ленинград. Мощными огненными средствами они пытались не дать нашим войскам продвигаться в Тосно... В сражении за Тосно неуязвимой славой покрыло себя подразделение офицера Рябинкина...»

Знает она и Рябинкина, и его полк 13-й дивизии.

Поезд едет медленно. Видны неубранные, исковерканные машины, разбитые самолеты, обгоревшие танки. Тут не было живого места. Все это пространство много месяцев сплошь покрывалось огнем вдоль и поперек... Все это Галя видела в грохоте боя, когда самоходки били, танки горели, а самолеты пикировали и вниз со свистом летели бомбы.

Здесь она шла со своей санитарной сумкой, а иногда с автоматом в атакующей цепи. Ползла под огнём, зарывалась в землю при контратаках. Отсюда она писала Сергею:

«Недавно мне пришлось целый день пролежать под бугорком снега. Кругом - вода и болото. Над головой

голубое небо. В воздухе пахнет весной. Солнце светит, а головы поднять нельзя, пули кругом по воде илепают. На землю спускалась дымка тумана. Так захотелось дожидаться весны, зеленой травы, цветов, почек. А кругом гремит война! За последние дни так много погибло в нашей части. Пиши мне чаще, Серго. От писем твоих теплее делается на душе!..»

Как-то в одном из боев Гале пришлось вдвоем с наводчиком вести огонь по наступающей цепи фашистов. Потом их накрыло снарядом и засыпало землей. Сзади наступала наша пехота. Галю подобрала. Она осталась жива. Но кто-то видел взрыв, искроверкавший противотанковую пушку, убитых солдат около неё, валявшуюся отдельно санитарную сумку. И в штаб пришло донесение о ее гибели при прямом попадании снаряда.

Письма Сергея в это время вернулись к нему с сообщением о гибели Гали.

После госпиталя его направили в другую часть. Товарищи погибли. Родные умерли во время блокады, их дом разбомбило. Корпус общежития весной сгорел. Никого не осталось. Сергей и Галя потеряли друг друга.

Теперь Галя работала на заводе. Она ехала в командировку и надеялась там, в Новороссийске что-либо узнать о Сергее.

После Москвы вагон был переполнен. Ехали демобилизованные,

раненные из госпиталей. Шинели, повязки, бинты, костыли... Разговоры о случаях на войне, о случаях после возвращения домой. А за окном — Орел, Курск, Белгород, Харьков. Кругом страшные раны войны...

На станции Кавзакая - пересадка. Здесь обязательный санпропускник.

Скопилась масса народу. Ослепительное синее небо, яркое солнце, цветут сады, пахнет землей, много женщин. Юг! Разговоры о севере, о том, как кто вел себя при немцах... А на поезд не сесть! Пришлось вскочить на ходу и ехать на подножке. Вот и Новороссийск. Я помню, как рассказывала об этом Галя:

«Разрушенный город. Груды камней, море, бухта, корабли. В моем распоряжении всего два дня. Потом завод в Баку. Мы принимаем двигатели, пришедшие из Америки по ленд-лизу. Работы много. Мне дали адрес, где остановиться: улица Энгельса, дом 57, Ермоленко Наталья Алексеевна. Вот он, желтый, небольшой домик. Вход со двора, по разбитой снарядом лестнице. Там вечером я поставила рядом с кроватью фотокарточку Сережки. И вдруг мне маленький семилетний Шурик говорит "А я знаю кто это. Это дядя Сережа!"»

В тот вечер я увидела Сергея. Он был инженером бригады по радиоаппаратуре. В Новороссийск заехал по заданию, проездом из Севостополя

ВОСПОМИНАНИЯ УЧАСТНИКОВ БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

в Потти.

*Четыре тяжких года позади.
Как мы изменились. Сквозь слезы я
видела морщинки у его глаз, седину на
висках...*

К чему слова!»

*А потом Галя в Баку из Потти полу-
чила письмо:*

*«Родная моя! Помни, что наша
дружба родилась в пути. Тогда я
был полон особой силы, молодости,
жажды жизни. Я видел, как ты
энергично шла вперед, груз тебе был
легок».*

*Я твердо уверен, что наша
любовь – это путь.*

*Чуть видная тропка и снова
большая дорога.*

*Ночовка под звездами. Вдох,
наполняющая грудь*

Усталось и счастье –

Сладчайшая в мире тревога

Пусть камни теснятся,

и с силою рвет водопады вода

Пусть ливни, и громы

радуга, словно ворота.

Пусть наша любовь остается

Такой навсегда

Вперед уводя,

Неразгаданостью поворота...

Живи такой как в памяти моей

Доступна порывам и тревогам,

Всегда любь страну, людей,

И много знай, и спрашивай о

многом

В моей душе, мой Галчонок,

Родной ты будешь жить отныне,

Весенней, с непокрытой головой,

*Как лучший день мой, как мечта о
сыне.*

День Победы они встретили вместе. Это было в старом Баку, где узкие улицы, а плоских крышах растут кусты. Наступила прекрасная теплая южная ночь. Над ними ярко сияли звезды, вдали плескалось море. И вдруг отовсюду на улицы высыпал народ. Кругом кричали, смеялись, плакали, обнимались. Конец войне! Победа!

- Много лет пройдет, Галчонок,- сказал Сергей. – У нас будет взрослый сын, но мы никогда этого не забудем. И мы можем прямо, смело и гордо сказать ему, в этот день: «С Днём Победы, сынок!»

*Впервые опубликовано в газете
«Кадры приборостроению» №16, 13 мая
1970 года*

В. ИВАНОВА

ОНИ БЫЛИ СОЛДАТАМИ

Погибший на войне поэт Майоров *потомки говорят*». Вот поэтому, я писал: «...и пусть не думают, что должна рассказать о бойцах нашей мертвые не слышат, когда о них батареи, сражавшейся под Красным

Бором. Они были простыми солдатами, но, как говаривал наш снайпер Дьяченко, *«тогда и генерал будет хорош, когда солдат хорош»*. Я в долгу перед памятью солдат 12-й батареи 690-го особого артиллерийского истребительного противотанкового полка 55-й армии. Я была санинструктором батареи. В батарее числилось тридцать человек. Их было не один раз по тридцать ...

После прорыва блокады Ленинграда враг держал под обстрелом узкий коридор, связывающий город со страной. Немцы готовились к наступлению, стремясь вторично замкнуть кольцо блокады. Чтобы сорвать их планы, советское командование решило разгромить мгинско-синявинскую группировку противника. Эта задача решалась в феврале и марте 1943 года во время Красноборской операции, а затем в июле августе 1943 года в сражениях на Синявинских высотах.

Девятого февраля, в 8:40, в предрассветной мгле все небо прорезали огненные следы снарядов наших «катюш» - началась артиллерийская подготовка. Могучий гул орудийных залпов продолжался более двух часов. Мы знали, что сейчас из окопов у Ям Ижоры, у Путролова, у противотанкового рва за Колпиным встанут и пойдут в атаку наши товарищи. И мы мысленно были с ними.

К ночи батарея двинулась от

Колпина в Красный Двор. Дорога проложена по насыпи железнодорожного полотна. По ней сплошным потоком идут танки, пушки, бронетранспортеры, пехота. Мы проходим по следам только что отгремевшего здесь боя. Кругом - трупы солдат противников, брошенные орудия, группы пленных. Весь поток движется по дороге почти бесшумно. Команды передаются в пол голоса. Когда впереди создается пробка от разрыва снаряда, попавшего в эту гущу, идущие следом танки и самоходки сталкивают все, что мешает движению, в кювет, и колонна движется дальше. Вот и Красный Борт.

Стоит лунная морозная ночь, под ногами скрипит снег. Дома в поселке имеют сказочный вид среди сосен, снега и какой-то непривычный после только что отгремевшего боя, коварная тишина. На окраине слышна пулеметная очередь. Улицы пустынные, на соснах стерегут вражеские «кукушки». Поселок только что взят, и нельзя точно сказать, где теперь протекает граница.

Оказывается: на одной стороне улицы — мы, на другой, в засаде, — немцы. У Степановки, в седьмой батарее, пушки свои трофейные, а людей мало. Лейтенант Самсонов привязал к замкам орудия веревки и, перебегая от одного к другому, бьет трофейные картечью по находящимся рядом в кустарнике немцам, а комиссар,

прозванный Бородой, командует со второго этажа дома: «*Чуть ниже*», «*Чуть выше*» (других команд он, старый партизан не признавал).

Красный Бор был захвачен немцами в конце августа 1941 года. За это время они построили здесь большие прочные блиндажи. В одном из них разместились бойцы нашей батареи. На столе горит копилка из снарядного патрона. Её скудное пламя освещает нары и уснувших на них усталых солдат. Вот Клим Фёфелов – лучший наводчик полка. Помню его рассказ, как рос он мальчиком в далеком селе на Алтае, с сестрами и матерью, без отца; как стал потом лучшим трактористом в колхозе, купил гармонь, и вот уже Клим – первый парень на деревне, а вечерами ждет его девчонка Шура. На фронте гармошка Клина веселила бойцов и делала его похожим на Василия Теркина. Он и действовал по его принципу: «*Жить без пищи можно сутки, можно больше, но порой на войне одной минутки не прожить без прибаутки, шуточки самой немудрой*». Это он, Клим, однажды, когда я осталась одна с ранеными на опушке леса, под носом у немцев привел в расположение батареи струсившего санитаря пехотинцев с санитарной двуколкой.

Рядом с ним командир орудия – крепкий парень Ваня Чернов. Он любил говорить: «*Эх, ребята, смерти бояться – жизни не видать!*» Это его, Муравьева и Ивонтьева ранило в тот

день, когда батарею бомбили заход за заходом вражеские самолеты.

Вот маленький, почти еще мальчик, Коля Виноградов; он – замковый, но когда в боях у станции Поповка «вышли» все номера расчета, Коля взял меня в заряжающие и один вел огонь из своей пушки по наступавшим гитлеровцам. За этот бой он получил медаль «За боевые заслуги», медаль, о которой так мечтал Коля, представляя себя с наградой среди деревенских девчат. Рядом с Виноградовым его вятский земляк – пожилой добродушный Тупкин, над которым так любили шутить бойцы. Тупкин впервые увидел паровоз, когда ехал из своей деревни на фронт. Дома осталась, как он говорил, «старуха» с «пацанами». Больше всего на свете боялся Тупкин вопросов на политзанятиях. Все, что он усвоил, было просто: командир батареи – капитан Герасимов, а самый главный для него – командир орудия Ивонтьев. Слова «генералиссимус» Тупкин, как не краснел, выговорить не мог. Зато мог он позаботиться обо всех: пришить подметку, разжечь огонь из безнадежно мокрых досок, выкопать окоп, сделать накат над землянкой, тащить под огнем вперед пушку. Он был безотказен, мог отдать, если было нужно, товарищу и кашу, и табак.

Помню, как-то давно, оставили Тупкина с наказом: «Вот тебе Валя будет пока командиром!» И он серьезно спросил: «А как мне к ней

обращаться?» Тогда я и получила звание «товарищ Валя». А потом меня так звали все.

Вот узбек Абдуллаев. Над ним тоже подшучивала, а он смеясь отвечал: *«Канечна, нет справедливости: лапата большой – на адин человек, кателок маленький – на два человека»*. Рядом – казах Казаков. Помню, он любил сидеть, поджав ноги, и петь печальные восточные песни. *«О чем ты поешь?»* спрашивали мы с Климом. А он отвечал: *«Обо всем! Что в Казахстане светит солнце, а здесь холодно. Что у меня молодая жена. Что хорошо зажарит молодого барашка»*. А еще вспоминаю, как потом я, Клим и Казаков день, ночь и еще день лежали в мороз на снегу за маленьким бугорком, где если вынуть каску, то по ней щелкали пули. Лежали без еды, а Клим, держа автомат наготове, все же шутил, вспоминая о песне про жареного барашка.

А это Осипов. Помню, как с ним случилась беда. Задремал Осипов на посту и не заметил поверяющего из штаба полка. Тот сгоряча предложил написать письмо домой матери о его плохой службе. Разве это можно было допустить? Накануне у нас была ужасная ночь, батарея выдвинулась в поле для огня прямой наводкой, а зажигательные снаряды противника попали в наш склад боеприпасов. Осипов первый бросился оттаскивать снаряды. За ним – все. По кучке

бойцов, среди кромешной тьмы освещенных ярким пламенем пожара, стал строчить пулемет. Были и раненые, и убитые, но снаряды не взорвались, и батарея утром вновь вела огонь.

Помню еще, как мы получили письмо из Тулы от матери убитого нашего бойца Анны Тимофеевны Кривоноговой, где она писала: *«От мужа нет слуха и сына убили, осталась я с тремя девочками, одна другой меньше, а как трудно мне все это переживать!»*. Многие вспоминали тогда своих матерей.

Вот Клим читает: *«Письмо от известной вашей мамашы и сестрицы Маруси и от свата Кондрата. Добрый день, веселый вечер. Здравствуй дорогой многоуважаемый сыночек Климушка...»*

Осипов достает карандаш, бумагу, спрашивая: *«А как написать, что я за Ленинград воюю?»* И слышит ответ: *«Ну, брат, Ленинград ни с каким городом не спутаешь!»*

Многих мы тогда уже похоронили. А кто могилу солдата матери покажет? Только и может ее с этим примирить мысль, что «за Родину честно погиб ее сын». Разве можно было писать «то» письмо? И его не написали.

Вот командир взвода, лейтенант Ваня Корпенко, он называл себя «хохлом из Забайкалья». Я вспоминаю бой 25 февраля, когда погиб капитан Герасимов, и Ваня принял командование батареей. Утром на рассвете в

бой пошли танки, на прицепе - наши пушки, а на броне - расчеты. Я никогда не забуду это утро: горящие танки, рвущиеся снаряды, свист авиационных бомб и выполняющие свой воинский долг солдаты.

Второй командир взвода лейтенант Петя Валахов. Вспоминая Петю, я не могу не улыбнуться. Лейтенанту было всего лишь 19 лет, а как все охотно подчинялись ему и спешили выполнить его приказы! Петя никогда не кричал. Отдавая приказы, он здесь же показывал, что и как нужно делать. И почему-то у всех солдат тогда глаза светились добротой. Солдаты видели, что Петя сам ничего не боится, а людей бережет. Если было особенно трудно, он всех храбрее, всегда впереди.

После боя у Степановки, когда немцы бросили на нас танковый десант, он шутил:

«Ну что, Тупкин, теперь понял, что значит по уставу: «Танки могут идти во фронтальном, фланговом направлении? Я видел по твоей работе, как ты хорошо все понял».

В марте, когда батарея шла в наступление в боевых порядках пехоты 13-й дивизии, Валахов приказал вести огонь прямой наводкой по немецким батареям. Я помню эту дуэль на открытом поле нашего расчета вначале против трех немецких пушек, потом против двух, потом команду «в укрытие» и необыкновенную рвущую боль в ушах. Нас засыпало землей. На

помощь пришли пехотинцы. Валахов был тяжело контужен и месяц пролежал в госпитале.

Конечно, вместе с Петей я вспоминаю и его лучшего друга, лейтенанта Сашу Турыгина, командира роты разведчиков-саперов. Хотя он и не был в нашей батарее, но мы знали об их «трудной работе». Саша был невероятно храбр. Разведка стала его профессией, можно сказать, его второй натурой. Даже среди своих разведчиков, привыкших больше, чем кто-либо другой, смотреть в лицо смерти, для которых каждый шаг при выполнении боевого задания мог стать роковым, даже у них Саша пользовался легендарной славой. «В нем было то, что высказать нельзя - та сила сердца, что дана в награду, кто смерти заглянул в глаза, - и смерть его не выдержала взгляда!»

Дружба Пети и Саши очень «шла» им обоим.

Спят бойцы. Спят связисты. Всю ночь они искали позывные танковой бригады, повторяю: «Алмаз», «Алмаз»! Я – «Незабудка», перехожу на прием!». «Пятый», - говорит «Незабудка», - «Алмаза» нет». И слышали ответ: Искать «Алмаз»!

В один из мартовских дней, когда в котловине небольшого озера сосредоточились пулеметчики, пехота, наша и минометные батареи, мы увидели, как связист Костя «тянул» связь. Над нашей головой в тот день

было солнце и голубое-голубое небо, а вокруг Кости рвались мины, и хлюпали в воду пули. Упал Костя, но встал его друг и дотянул провод.

Спят бойцы, и тихо в блиндаж заходят солдатские сны. «Если сердце не камень, то ясно для вас - не из камня и сердце солдата», - писал Муса Джалиль. Никто так, как солдат, не вспоминает свой дом, свою семью, мать, любимую.

*Вот сейчас, когда дзот
 темнотою окутан,
Когда дума созрела
 в тревожной ночи,
Показалось, родная,
 почудилось: тут ты...
Тот же запах волос, те же
 руки. Они горячи.
Ночь черна, как смола.
 Где-то слышится
топот,
Где-то выстрел звучит
 одиноким, сухой.
Завтра утром, наверно,
 покинем окопы
И уйдем под огонь
 в оглушительный бой.
Ты усни. Ты живи, не горя, не плача.
Я с тобой перед боем один
 говорю.
Каждой каплею крови, всем
 сердцем горячим
Я с тобою. Я твой. Я тебя
 больше жизни люблю.*

Если у солдата нет ещё любимой, он её «выдумает» и будет писать трогательные письма «шефам» или какой-нибудь знакомой, и называть её «любимой девушкой», и мечтать о ней. Так потом меня «выдумал» Саша Турыгин, когда писал из-под Пскова: «Я, как всегда, то в бою, то в разведке. Вот сейчас вечер, в кустах ивняка, надо сонной рекой поют задушевные песни соловьи. Ах, как хорошо, Валя! Почему Вы протестуете, когда я Вам пишу: письмо любимой девушке?».

В эти трудные дни я писала своему другу: «Да, Серго, я чувствую себя хорошо, среди этих простых бойцов. Я нахожусь всегда с ними и живу жизнью простого солдата. Я знаю: они не оставят меня в беде, не дадут в обиду; часто вспоминаю институт, наших товарищей, некоторые из них сказали бы - чудачка. Но ты, Серго, ты всегда поймешь все. Иногда бывает очень тяжело, но все самое дорогое в жизни - это уважение простых людей».

Наши части действовали на узкой полосе, названной позже «Долиной смерти». Кругом болота и заболоченные леса. Гитлеровцы расположились на возвышенностях. Они подтянули резервы и стали бить по этому участку всеми видами огня: от тяжелой пушки «Толстой Берты» и шестиствольных минометов, прозванных за их рев «ишаками», до бесшумных мин-малюток. Противник бросал сюда

ВОСПОМИНАНИЯ УЧАСТНИКОВ БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

танковые десанты, бомбил с самолетов. Огонь перекрывал каждый метр земли. В течение трех месяцев почти непрерывно гудела земля, и бушевал огненный смерч.

Через несколько дней здесь не стало ни домов, ни сосен, ни снега. Кругом черно. Кругом воронки, затянутые корочкой льда. Наступили темные ночи - хоть глаз выколи. Ориентируешься каким-то чутьем. Иногда неожиданно проваливаешься в ледяную воду. А бывает так, отведя раненых, возвращаешься из медицинского пункта в батарею и по тебе, по одной, противник открывает огонь... из полевой пушки.

Батареи нашего полка придавались различным частям. На место выбывших приходили новые бойцы, но в тыл батареи не отводились, ни на один день. В феврале мы вели бои вместе с 220-й и 221-й танковыми бригадами у Поповки, Степановки и Московского шоссе, в марте - наступали вместе с 123-й стрелковой дивизией. Однажды мы пришли на помощь вырвавшемуся вперед и отрезанному от своих отряду морской пехоты.

Морской пехотой восхищались на фронте «свои», и ее всегда панически боялся противник. Отрезанные и окруженные моряки и тогда дрались насмерть. Как сейчас помню встречу с теми, кто остался в живых и увидел нас.

Помню и наступление 27-го марта

с 13-й дивизией, и встречу с нашими бывшими соседями под Пушкиным – батареей 891-го полка 189-й дивизии. Помню эти бои «в направлении Ульяновки. Саблино, Ново-Лисино», отметки на полевой карте: «погост», «лесник», «высотка», «озерцо». Помню единственный уцелевший подвал школы, а в нем – один из наших мед пунктов. В те дни я записала чьи-то стихи:

*Что такое шаг вперед?
Это - клин родной полосы,
Холм заречный, луговой,
С нашей русскою березкой,
С нашей вешнею травой.
Это - новый шаг расплаты,
Песня мужеству солдата.*

Разве можно было измерить мужество наших солдат? Я была свидетелем этого мужества ежедневно в течение 90 дней боев под Красным Бором. И в мороз, и лежа в липкой грязи, порой без еды, когда глоток мутной красной воды из воронки мог стоять жизни, они не отступали под ураганным огнем, когда был приказ, вставали и шли вперед.

К апрелю бои утихли; наши части стали занимать оборону. Солдаты опять копали траншеи, строили землянки. Саперы ставили мины.

В Ленинграде восстанавливались заводы и нужны были кадры. Вышел приказ штаба Ленфронта об отко-

мандировании специалистов. Я была вызвана по требованию Выборгского райисполкома для работы на заводе «Русский дизель».

Так я рассталась со своей батареей. Только трое бойцов оставалось из тех, с кем я пришла сюда 10 февраля. Но все равно это была моя батарея. Здесь чуть ли не на поле боя принимали меня в члены партии. С чувством глубокого уважения вспоминаю командира дивизиона капитана Николаева и комиссара-капитана Логинова, дававших мне рекомендации, вспоминаю теплые слова погибшего через несколько дней капитана Маркова, комиссара капитана Дровозова, секретаря партбюро капитана Васильева.

Передо мной пачка писем. Это письма от Саши Турыгина, Пети Валахова, Клим Фефелова, Вани Чернова. Простые, душевные строки:

«Добрый день, веселый час, хорошая погода, здравствуй, Валя. Привет с фронта от Вани Чернова. 30 числа я был в старом моем полку и имел семь часов свидания лично с командиром взвода Валаховым Петром. Они живут хорошо, но одно для меня, Валя, ново, что Вы уже в «большой деревне». Я вспоминаю тот тяжелый момент, когда был ранен, и нашу последнюю встречу, когда меня

эвакуировали, и как мне было жалко и насколько безнадежно для Вашей жизни было оставлять Вас под таким ураганным огнем. И я сколько о Вас писал и узнавал о Вашей судьбе. И представляешь, Валюша, как я был доволен, что вы попали по своему назначению, где Вы большие дадите пользы фронту. Я больше чем уверен в этом. Подробно прошу писать о Вашей жизни. Остаюсь жив и здоров.

*С приветом Ваш боевой товарищ
Ваня. Привет Вам от Петра.*

До свидания. 31.6.43 г.».

Я берегу эти письма, как память о моих верных друзьях-солдатах, называвших меня «товарищ Валя», друзьях, приобщивших меня к простой народной мудрости. И когда «бывает так, что в тишине пережитое повторится», я думаю, если бы на могилах павших воинов распустились красные маки, то вокруг Ленинграда колыхалось бы бескрайнее алое море. И это им, моим боевым товарищам-известным и неизвестным солдатам, воздвигнуты монументы, где бы они ни стояли – Праге, Берлине, Бухаресте, Белграде или других городах, где каждый камень полит кровью моих соотечественников...

*Впервые опубликовано в газете
«Кадры приборостроению» №30 и 31
(497, 498), 27 октября и 4 ноября 1965 года*

В.ИВАНОВА

ШЕСТАЯ СИМФОНИЯ

*С вершины лет, не то,
что из окопа,
Иной обзор, масштаб
совсем другой.
Видна мне вся распятая
Европа,
Которую спасаю подо
Мгой.
Леонид ХАУСТОВ*

Когда началась война, Ленке шёл шестой год. Он был здоровым, сильным, любознательным малышом. Круглоголовый, лобастый, сероглазый, с непослушным вихром у левого виска, гибкий и ловкий, точь-в-точь как отец. Мама звала их «папа Лёня» и «Лёнька – маленький».

Весело они жили втроём. Ленка ходил в детский сад. Папа – физик и мама – инженер недавно окончили Политехнический институт. Оба гимнасты, чемпионы института.

В первые дни войны ему всё было интересно. И то, что к ним, на Лесной, приехал друг его Димка со своей мамой – тётей Ниной. И то, что папка теперь лейтенант, а его брат, дядя Дима – отец Димки – военный моряк.

В Ленинграде стояли жаркие дни. По улицам часто проходили колонны военных, и тогда Ленка с Димкой тоже маршировали с палками в руках.

Но скоро Ленка понял, что война – это не весёлая игра. Сначала куда-то уходил дядя Дима. Потом

пришло письмо тёте Нине, она ходила с распухшими от слёз глазами, и все жалели Димку. Ленка слышал. Как вскоре, прощаясь, говорил отец: «Таня, моя хорошая, моя сильная, ты всё понимаешь. Берегите с Ниной мальчишек. Держитесь вместе. Если будет нужно, уезжайте с заводом».

Мама и тётя Нина работали в те дни с утра до ночи на заводе. Ленку с Димкой отдали в круглосуточный детсад. Иногда их брали домой на ночь.

Стояли белые ночи. В светлом небе висели аэростаты. Всё чаще звук метронома, передаваемый по радио, прерывался воем сирены и предупреждением: «Воздушная тревога!».

После одной из таких ночей, подходя с тётей Ниной к своему детскому саду на проспекте Карла Маркса, увидели груды кирпича, санитарные машины и искалеченных детей. Так Лёнька понял слово «фашист».

Он понял, почему папа сражается на фронте, а мама делает танки.

Потом он понял, что такое мужество. Мать читала письма отца: «Пока я бью фашистов на фронте, ты, сынок, будь вместо меня дома и как мужчина береги мать».

Наступила первая зима известной теперь всему миру жестокой ленинградской блокады. Что тогда могли знать Таня и Нина? Они работали на Металлическом заводе. На завод прибывали для ремонта танки. Их нужно было возвращать в строй. В феврале 42-го, когда многие были больны, администрация разослала всем повестки с просьбой явиться на завод. Трудились на морозе. Голодные и больные рабочие привязывали себя к станкам, чтобы не упасть. Боевые машины после ремонта шли отсюда прямо на фронт.

Мастером на одном из участков была молодая коммунистка Таня – мать Ленки.

Голод, холод, бомбёжки, обстрелы, пожары... Слёг Димка.

Эвакуировались в конце февраля. По дороге Димка умер. Он лежал неподвижный на руках у Нины. А она, ничего не видя вокруг, не слышала уговоров, шептала: «Дима, Димушка, открой глазки. Нет, он не умер, он только заснул! Зачем теперь ехать?.. Зачем теперь жить?»

Нина ушла на фронт и погибла в 43-м под Шлиссельбургом при прорыве блокады Ленинграда.

Таня с сыном приехали в

Свердловск. Там на базе завода «Уралтяжмаш» обосновался и начал выпускать свою продукцию эвакуированный из Ленинграда завод, где она работала.

«Всё для фронта! Всё для победы!» – было клятвой, паролем, лозунгом, жизнью тыла тех дней.

Тыл... Эвакуированные заводы – это не только станки, которые нужно запустить в строй, и почти тотчас же давать продукцию, выполнять план. Это десятки тысяч рабочих, большинство – женщин с детьми, которых нужно обеспечить жильём, едой, школами, детсадами. В тыл тянулись эшелоны с ранеными, эшелоны с детьми из прифронтовых районов. Кто видел, никогда не забудет эшелоны ленинградских детей, переживших блокаду.

Леньку привезли в детский дом...

Мальчик не замечал ничего вокруг. С тоской, недетским взглядом смотрел он на дорогу – ждал мать. Вдруг она никогда не придёт. Но шли дни, постепенно возвращались к нему жизнь и прежний вид мальчика-крепыша.

Отец Ленки, лейтенант Константинов, был в числе тех смельчаков, кто в дождливую тёмную ночь 19 сентября 1941 года форсировал Неву у Невской Дубровки. Десантники высадились на крутой левый берег и с боем заняли плацдарм, известный позже как Невский «пятачок».

Против Ленинграда – колыбели

ВОСПОМИНАНИЯ УЧАСТНИКОВ БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

пролетарской революции – Гитлер бросил мощную группу армий «Север», намереваясь уничтожить город и его население. В сентябре 1941 года немецко-фашистские войска окружили Ленинград с юго-запада и заняли левый берег Невы от села Ивановского, расположенного в устье реки Тосно, до Шлиссельбурга. Враг готовится к форсированию Невы у Невской Дубровки. Это позволило бы ему соединиться с маннергеймовской армией и начать штурм Ленинграда.

Положение сложилось чрезвычайно трудное. На Пулковских высотах, под Лиговом, Красным Бором, Пушкиным вели ожесточённые рукопашные бои отряды народного ополчения. Невская Дубровка, Невский «пяточок» встали на пути фашистов, рвавшихся на правый берег.

Фашистское командование бросало на «пяточок» танки, самолёты, пехоту. На клочок земли, не превышавший двух-трёх километров по фронту и шестисот – семисот метров в глубину, нередко в течении часа обрушивалось до двух тысяч снарядов, бомб, мин.

В музее боевой и трудовой славы, созданном после войны в Невской Дубровке, есть стенд. На нём слова: «Сюда, на эту огненную землю, партийная организация города зимой сорок первого, осенью сорок второго, в сорок третьем посылала лучших своих сынов».

В сентябре 41-го попал сюда отец Лёньки. Семь месяцев был он на этом крохотном клочке приневской земли, где впереди с трёх сторон – враг, а сзади Нева. Не раз поднимал он свой взвод в атаку.

«Пятачок» крепко связал руки фашистам, приковал к себе их крупные силы.

*Земля бесстрашья – невский
«пяточок».*

*Здесь погибли храбрейшие
Из храбрых, -*

Писал поэт Михаил Дудин.

Отсюда, с Невского «пяточка», Таня получала треугольники военных писем. Они были написаны наспех. В них были и ласковые слова, и тревога за него, за Лёньку, и ненависть к врагу, и вера в победу. В одном из писем, от 8 марта 42 – го года, стихи:

*Мы расстались с тобой,
но я знаю, я верю,
Звёзды вечно сияют,
жива и нетленна любовь,
Может станет такое:
я скрипну знакомую дверью,
Будут радость и слёзы и счастье
заветное вновь.
Ты усни. И себя
ожиданьем не мучай,
Пусть тебе улыбнётся
весенний рассвет.*

*У меня, дорогая, высокая участь
Воевать и любить –
выше участи нет.*

Как она ждала эти письма! «Ты усни и себя ожиданием не мучай»... Разве это можно, Лёня?

И вот пришло страшное известие: **«Ваш муж, лейтенант Константинов А. И., погиб смертью храбрых в бою с немецкими оккупантами 28 апреля 1942 года»**. Там же, в письме, были и слова утешения.

Таня не плакала. Она говорила себе: *«Сейчас вечер, завтра выходной, и я пойду к Лёньке»*. Но сердце сжималось от невысказанного горя. И Таня пошла в лес, туда, где был её Лёнька – маленький.

Она заблудилась. Небо быстро чернело. Плохо весной, талым снегом. Сосны всё темнее обступали её. Лес молчал, как будто знал, с каким горем она пришла, и что нет на свете слов, которыми можно было бы утешить её. Таня села на пенёк и заплакала. Всё закружилось перед ней: станки, снаряды, танки, где-то совсем близко вставало лицо то мужа, то сына...

Так Лёнька потерял мать...

Шёл 1961 год. Прошло двадцать лет со дня нападения фашистской Германии на Советский Союз. Страна отметила 16-ую годовщину со Дня Победы.

Леня вырос, стал студентом физического факультета Ленинградского

университета и уже готовился к защите диплома. Дни для него мелькали так, как будто земля превратилась в маленький шарик и вертелась с бешеной быстротой.

Вот уже три года, с третьего курса он работал над темой своего диплома. Его установка, его гордость – дело его рук – монохроматор – позволяла проводить тонкий и сложный эксперимент.

Завтра – защита, а сегодня он с Леной, был в Парке Победы. В Ленинграде наступили белые ночи. Цвела черёмуха. Там он сказал ей: *«Лена, как нам мало нужно для счастья. Ты, я и ещё целый мир – и больше ничего!»*

Ночью он крепко спал, и снилось ему что-то ласковое, доброе, счастливое.

Защита прошла блестяще.

В это же время в Ленинград приехала группа физиков из Новосибирского Академгородка, многие из них пришли на защиту. Среди гостей был седой человек, которому, однако, на вид можно было дать не больше пятидесяти лет. Поражали глаза этого человека. В них была спокойная уверенность и в то же время невыносимая печаль. После защиты он подошёл к Леониду, у которого глаза светились от радости и счастья, и, страшно побледнев, сказал:

- Я рад, что ты жив, Лёнька!

Давно забытые картины детства вспыхнули вдруг в памяти Леонида.

Этот голос... И вспомнился другой, нежный, зовущий: *«Папа Лёня, Лёнька-маленький»*...

Он не знал, он почувствовал сердцем – ОТЕЦ!

Напряженно всматривался отец в лицо сына. Казалось, навстречу ему шагнула его юность. Это было его молодое лицо: высокий лоб, прямой нос, чётко очерченные губы, подбородок с ямочкой посередине, вихор у левого виска. Но в глазах, внимательно смотревших на него, он увидел мать. Мать продолжала жить в сыне. Об этой таинственной жизни только ему одному могли рассказать родные, серые, большие глаза...

Лейтенант Константинов остался жив. В конце апреля 42-го года внезапный ледоход на Неве отрезал сражавшихся на «пятачке». Немцы воспользовались этим и перешли в наступление. Заскрежетали танки, посыпались бомбы, завывали мины, засвистели пули. Несколько суток продолжался неравный кровопролитный бой. Кончались снаряды и патроны. Шли с гранатами на танки. Последнее, что он вспомнил, был текст передаваемой на берег радиогаммы: *«Бойцы и командиры как один до последней капли крови будут бить врага»*...

Это было 28 апреля. Известием о смерти командира кончался текст радиогаммы. Известие это и получила Таня.

... Сознание медленно возвращалось к нему, но когда Константинов понял, что «пятачок» пал, а он в плену, то горько пожалел, что остался жить.

26 сентября 1942 года наши части отбили «пятачок». Накапливались силы. 12 января 1943 года громовым раскатом артподготовки началось наступление. 18 января кольцо блокады было прорвано. Освобождён Шлиссельбург. Соединились войска Ленинградского и Волховского фронтов. Так закончилась эпопея на легендарном «пятачке» под Невской Дубровкой.

Но этого тогда не знал лейтенант Константинов. Его ждали тифозные бараки, трудовые лагеря Германии, попытки побега, концлагерь Дахау, и борьба, борьба. Он – член комитета сопротивления в Дахау...

«Борьбу с фашизмом, ещё более опасную и тяжёлую, чем на фронте, не прекращают и каторжники в полосатой одежде с нашитыми против сердца кружками со словом «кугель» (пуля), с номером вместо имени. У этой борьбы есть конечная, благородная цель: сохранить достоинство узников, их веру в окончательную победу народа над гитлеризмом. Кто уцелеет в этой борьбе, тот и на Родину вернется с гордо поднятой головой: он и в плену стался достойным её гражданином.», - писал потом в своих воспоминаниях «Мы старше своей смерти» узник Дахау Вали Бикташев.

НАШИ ВЕТЕРАНЫ:
они трудились в нашем вузе

Проректор института профессор Л.Ф. Порфирьев вручает доценту В.И. Ивановой медаль
«30 лет Победы в Великой отечественной войне 1941-45 гг.».

ЛИТМО, 1975 год

Вся территория «Третьего рейха» покрылась сетью концентрационных лагерей уничтожения. Их тысячи... Всё педантично разбито на зоны: Освенцим, Равенсбрюк, Заксенхаузен, Маутхаузен, Бухенвальд... Кто не знает сейчас эти страшные названия? Кто не знает, что за ними стояло, узника уже у ворот лагеря встречала безнадежность. В Дахау – это была речь раппортфюрера: «Запомните твердо, входя сюда через ворота, выходят через крематорий», в Бухенвальде – циничная, издевательская надпись: «Каждому – своё». Везде – виселицы и печи...

У Эйжена Вевериса, узника Маутхаузена, в поэтическом дневнике «Сажайте розы в проклятую землю!» (изд. «Лиесма», Рига, 1969)

есть страница: «Плывут облака над лагерем: чёрные, серые, жёлто-бурые... Бродят, катятся со скрежетом в нашем лагере слова. Эсесовец мечет слова-свинчатку, охранник – ржавое слово – колючку, капо – слова – удары дубины. Мы молчим. Но однажды друзья подбросили мне слова, как ранний ветер с лугов альпийских, и я выстоял. Братья! Когда мы вернёмся с военных дорог, и Родина буднями мира нас встретит, найдёт ли вы для людей слова, похожий на альпийский ветер?»

Член комитета Сопротивления лагеря Дахау лейтенант Константинов вынес всё. Сколько людей спасло подполье Сопротивления от унижения и позора, от того, что порядочный человек, даже сохранив жизнь, никог-

ВОСПОМИНАНИЯ УЧАСТНИКОВ БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

да себе не простит. А пасть морально в условия фашистского лагеря было так легко... Он не пал – остался борцом.

Лагерь Дахау был освобождён 28 апреля 1945 года. Три страшных года остались позади.

Сразу после возвращения на Родину в 1945 году Константинов

узнал о судьбе Тани, Нины, брата и Димки, нашёл и детдом, где был Лёнька. Там сказали ему, что Лёня утонул...

*Впервые опубликовано в газетах
«Кадры приборостроению» №17, 18, 19,
май 1981 года*

В.В. ИВАНОВА

ЮНОСТЬ В 42-М

(подлинные документы тех незабываемых дней)

12 апреля 1942 года

Милый мой друг! Родная моя Вальчона!

Как тяжело сейчас у меня на душе. Какая нестерпимая тоска и тревога мешает мне думать. Мысли путаются и цепляются одна за другую, и я не могу тебе рассказать, что творится у меня на сердце. Тоска и тревога, злость и ярость, ненависть и желчь, любовь нежные чувства – все смешалось и переплелось. Твое письмо от 17 марта, которое я получил сегодня, принесло мне тяжелую весть. Ты пишешь, что погибли мои братья Саша и Вася. Я не могу в это поверить. Не укладывается это у меня в сознании. Я многое уже слышал о героях-ленинградцах от приезжающих сюда же ленинградцев и из твоих писем, я представлял себе трудности Ленинграда, но мне тогда не казалось, что может случиться подобное. Мне не казалось возможным, чтобы они могли сломить, и кого: Сашу и Васю.

Проклятая война! Пусть трижды будет проклят тот, кто ее затеял. Сколько жизней полезных и нужных, сколько живого полного превратила она в ничто... Сколько породит скорби слез, сколько трагедий и несчастий... Клянусь, не пожалею своей я жизни и сил своих, чтобы заплатить сполна тем, кто повинен во всем этом.

Родная моя страна, любимый город, родные люди мои, что сделал проклятый изверг с вами. Горе моё велико, и, может быть, мне было бы его труднее перенести, если бы я не видел того, что это только часть большого горя многих наших людей, что мое горе это одно маленькое горе среди огромного моря народного горя, среди сотен и тысяч людских трагедий.

О горе, горе, 1942 год, как ты им обилен...могли бы мы видеть тебя таким. Проклятье извергам, родившем это горе!

Почему у меня на душе досада,

спросишь ты? Потому, что так жизнь полную и полезную, радостную просто отдали жизнь мои братья, и счастливую, нужную и красивую, что они не смогли отстоять ее, или отдать, но с «большой платой» за жизнь, можно ли ее не ценить? нее. Не хочется верить, что они не жизнью, можно ли ее не ценить? смогли превозмочь трудности, не Природа дала нам ее и это самое найти выхода из них и тем отстоять ценное, что есть у человека. И эту свою жизнь и принести ее на пользу жизнь я просто не отдам. Если же всем.

Почему тоска?

Потому что потеряно близкое – родное, потому, что не все будет полно потом.

Почему тревога?

Тревога за оставшихся, тревога за тебя, Вальчона. Смогут ли они, сможешь ли ты отстоять свою жизнь, преодолеть трудности и выйти победителями. Сможете ли вы найти правильное и конкретное решение и превратить его в действительность.

Почему любовь?

Потому, что потеряно любимое. Потому, что любимое в опасности.

Почему злота и ярость?

Потому, что видишь причину зла. Потому, что видишь того, кто в этом виновен, и кто заслуживает суровой расплаты.

Во мне эта вестъ, которую мне принесло твое письмо, породила, кроме тяжелого чувства, и еще и прилив сил. Ты спросишь почему? Потому, что не отдам легко свою жизнь. Я очень, очень люблю жизнь. О, как я люблю жизнь, ты это знаешь, Валя,

Как я люблю жизнь, как хочется жить и жить. Можно ли играть жизнью, можно ли ее не ценить? Природа дала нам ее и это самое ценное, что есть у человека. И эту жизнь я просто не отдам. Если же мне придется ее отдать, то я возьму за нее свою «плату» и не позволю, чтобы у меня остался должник.

Я знаю, за что можно отдать жизнь. Наши люди отдают жизнь свою за жизнь других, за жизнь поколений будущего, за жизнь нашего будущего. За нашу жизнь, за наши радости тоже было отдано много жизней. И можем ли мы сейчас забыть об этом. Можем ли мы сейчас забывать об этом. Можем ли мы отступать от борьбы, начатой прошлыми поколениями? Они дрались и умирают за жизнь будущего. Такова диалектика. И кто действительно любит жизнь, жизнь настоящую, тот не боится смерти, тот не боится отдать свою жизнь за жизнь других людей. Я это хорошо понимаю.

В нашей морской песне поется:

Нам не страшны любые испытания,

Могуч и крепок флот родной страны.

Даем мы клятву до последнего дыхания,

Что будем Родине верны.

И это так.

Целую тебя родная, береги себя. Пиши чаще, ведь нас могут тоже каждый день отправить в бой.

СЕРГО».

А вот мой ответ.

«Здравствуй, родной мой Серго!

Получила твое письмо от 12 апреля. Сережа, оно мне понятно, и не стану я спрашивать, почему возникли у тебя такие чувства, а спросила бы, если бы возникли другие. Я знаю тебя, ведь я люблю тебя потому, что знаю тебя.

Сейчас четыре часа утра. Ты ведь помнишь, что у нас в Ленинграде белые ночи. Последние дни был туман, дождь, слякоть. Вчера мы были на боевом положении, весь день и всю ночь был артобстрел нашего района. А сейчас все тихо, и какой замечательный вид у меня из окна. На небе ни облачка, Нева, как «зеркало», на ней, перед окнами нашего госпиталя стоят родные теперь тебе «богатыри», а над городом всходит алая заря. Как красив, как хорош твой город, Сергей! И вот я смотрю и дышу полной грудью, мне радостно смотреть на это восходящее солнце.

Вчера был туман – сегодня солнце. Я верю в жизнь – пусть сегодня непогода, но солнце нам засветит. Она взойдет еще, наша заря. Много горя видел наш город, сколько бы не писать об этом, сколько бы тебе не рассказывали – всего не понять и

не представить, и это не забудется никогда. А вот взошло солнце и, кажется, оно краше прежнего. Ты меня понимаешь, Серго?

А еще я тебе хочу сказать, что мне теперь ничего не страшно: пули над моей головой свистали, бомбы падали, снаряды рвались, смерть не раз смотрела в лицо, не раз приходилось бороться с ней за людей. Отвоевала я у нее маму, отвоевала своих бойцов – Володю Осипова и Васю Карпова (помнишь, я о них писала тебе), но часто победительницей была и она. Много людей и молодых, и старых, но все с такой жаждой жизни умерло у меня на руках.

И вот думается мне так: не страшны пули, снаряды и бомбы, а вот когда я видела, как зимой в поезде, что вез людей на Ладогу, на руках у молодой женщины умер единственный маленький сын, ради которого она уезжала, и как она будила его, целовала и все говорила: «Нет, он только спит!». Или как люди целыми вагонами начинали кричать: «Хлеба! Дайте маленький кусочек хлеба...», а хлеба не было многие из них не доезжали до Ладожского, или, когда на улице валялись трупы, когда улицы были пусты, а у булочных стояли толпы живых мертвецов – вот это было страшно.

Все это было, это прошло. А было страшно вдвойне и потому, что жутко, и потому, что ничего, ничего не можешь сделать. Много погибло

НАШИ ВЕТЕРАНЫ:
они трудились в нашем вузе

людей, целые семьи, квартиры, дома, и больше умирали мужчины – ураган ломает дубы, а береза гнется. Вот почему погибли Саша и Вася, и какое большое счастье, что остальные остались живы. Уехать зимой все не могли. Теперь уже все окрепли, скоро начнется эвакуация, и мы их

всех отправим. Пиши мне чаще, мой милый Сергей. Целую тебя крепко, мой родной и любимый. Не беспокойся о доме.

ВАЛЯ».

*Впервые опубликовано в газете
«Кадры приборостроению» №4,
5 февраля 1964 года*

Доцента В.В. Иванову поздравляет с Днем Победы ректор ЛИТМО
профессор Г.Н. Дульнев. ЛИТМО, 1985 год

КОВАЛЕВ ПАВЕЛ ДАНИЛОВИЧ

Оператор котельной отдела главного механика. Воевал летчиком-штурмовиком на Ленинградском фронте, неоднократно был ранен в боях, а будучи сбитым над территорией, занятой противником, сражался в партизанском отряде, майор.

В ЛЕСАХ БЕЛОРУССИИ

Знойная августовская ночь тысяча девятьсот сорок первого года. От непрерывной бомбардировки и артиллерийской канонады дрожит земля, гудит и стонет лес.

Я, летчик среднебомбардировочного авиаполка, получил задание разведать расположение противника по маршруту Гомель – Жлобин – Рогачев.

На разведку по разным маршрутам в этот день вылетел фактически весь наш полк. Летели мы без прикрытия истребителями, так как их не было. Поднимались с аэродрома Гапоновка под Брянском. По данным нашего командования, противник должен был находиться еще за Днепром, а в действительности немцы форсировали речную преграду и захватили Гомель.

Шоссе в направлении Гомеля было забито техникой противника. Свои наблюдения мы немедленно по радио передали нашему командованию. Затем сбросили бомбы на вражеские колонны. И тут показались истребители противника. Бой был неравным. Двум нашим бомбардировщикам пришлось отбиваться от четырех истребителей «Мессетшмидт-109». К тому же вражеская зенитная артиллерия вела поэшелонный заградительный огонь.

Первыми успеха добились мы. Один «Мессершмидт» клюнул носом и пошел к земле, объятый пламенем и дымом. И вдруг мой самолет содрогнулся, получив прямой удар зенитного снаряда. Я почувствовал сильную боль в левой ноге, в кабине вспыхнуло пламя, обожгло руки и лицо. Очки сгорели, начали тлеть лямки парашюта. Я дал команду покидать самолет и направил машину в сторону большого лесного массива. На высоте около двух тысяч метров я с закрытыми глазами покинул самолет и долго не мог нащупать кольцо парашюта – оно сползло к спине. Когда же я его достал и парашют открылся, высота была всего около 150 – 200 метров. Это и спасло меня – откройся парашют раньше, вражеские истребители расстреляли бы меня в воздухе.

Приземлившись, я побежал в направлении леса и потерял сознание.

Под вечер опомнился – не могу встать на ноги. Левая нога повреждена осколком снаряда, сапог весь разорван, голова как будто стянута огненным обручем, болят руки, лицо, шея. Опять я потерял сознание, и тут меня кто-то тронул за плечо. Я схватился за пистолет. Передо мною стояли незнакомец без одной руки и парнишка лет двенадцати.

Иван Моисеевич Бондаренко, так

ВОСПОМИНАНИЯ УЧАСТНИКОВ БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

звали однорукого, оказался жителем поселка Некрасово Борщевского района. Он послал мальчишку Сашу в поселок за лошадей. Вскоре мальчик вернулся вместе с сестрой Ивана Ефросиньей Моисеевной. Втроем они кое-как посадили меня на лошадь и отвезли к хате Ивана.

Прошло три недели, а раны все не заживали. Ночью я слезал с чердака и пробовал ходить по комнате.

Добрейшая душа Ефросинья заботливо кормила меня из ложечки, а по ночам в поселок приходила партизанская медсестра и перевязывала мне раны.

Иван рассказывал мне новости. А они были не очень-то утешительными. Советские войска все еще отступали. В поселке и в окружающих деревнях было беспокойно. Повсюду рыскали полицаи, они расстреляли несколько человек. Начальник полиции, ярый бандит Гапоненко из кожи лез, чтобы услужить своим хозяевам. Однажды вечером Иван вернулся домой взволнованный.

- Оставаться здесь тебе больше нельзя, - сказал он. - Гапоненко пронюхал, что в поселке прячут советского летчика. Будут теперь искать...

Ночь была темной, хоть глаз выколи. Я шел следом за Иваном и удивлялся, как он ухитряется отыскивать во тьме тропинку. Вышли за огороды. В поселке забрежали собаки, резанула автоматная очередь.

- Гапоненко со своими головорезами разгуливает, - заметил Иван.

Кустарнику, казалось, не будет конца. Я все время отставал - давала о себе знать незажившая рана.

На опушке леса Иван остановился. Над головой перешептывались вершины старых сосен. Было в этом шепоте что-то похожее на морской прибой. Невольно мне вспомнилось детство. Вот я сижу на берегу, а волны одна за другой набегают на песок. Море, беспокойное, необъятное, шумит и пенится.

- Постой, я сейчас, - прервал мои мысли Иван и скрылся в ночной темноте.

Спустя несколько минут он вернулся, но не один. С ним было несколько партизан, вооруженных кто немецким автоматом, кто трехлинейкой, кто гранатами за поясом.

- Вот и все, - вздохнул с облегчением Иван. - Давай закурим на дорогу.

- Пора, - сказал один из партизан, судя по всему, старший в группе.

- Счастливого пути, Павлуша. Мы обнялись.

- До свидания, - сказал я. - спасибо тебе и твоей сестре. За все.

А в это время в доме Ивана шел обыск. Его арестовали и увезли в Борщевку, а хату сожгли. И все же Ивану удалось бежать из заключения. Это я узнал позже.

Так я попал в сельский партизанский отряд Бурова, затем перешел

НАШИ ВЕТЕРАНЫ: они трудились в нашем вузе

в городской отряд «Большевик» Федосеенко. Партизаны меня приняли хорошо. В первое время, когда болела нога, я охранял лагерь и готовил пищу. Затем сам участвовал в нескольких операциях. Мы устраивали засады на шоссейных железных дорогах, уничтожая врага и его технику. Участвовал я и в рейде по ликвидации предателей.

23 ноября 1941 года я вместе со своим товарищем Александром Федоровичем Титовым предпринял попытку перейти линию фронта, чтобы возвратиться в свою часть. Нас тепло проводили в партизанском отряде. Восемьсот километров прошли мы с Титовым по тылам противника и в районе Измалково перешли линию фронта.

Я вернулся в свой полк. Из среднебомбардировочного он был преобразован в 448-й полк штурмовой авиации. Теперь я сражался с врагом на самолете Ил-2. На Волховском и Ленинградском фронтах я совершил еще 82 боевых вылета, участвовал в боях по окончательному освобожде-

нию от вражеской блокады любимого Ленинграда.

После войны Иван Бондаренко по оставшемуся у него моему солдатскому медальону через военкомат нашел меня. Мы стали близкими, родными людьми. Я часто бываю у них в Белоруссии, а они приезжают ко мне. Недавно побывала у меня внучка Ивана со своими сыновьями.

Сам Иван Моисеевич умер. Совсем старенькой стала Ефросинья Моисеевна.

В тот августовский день 1941 года я чудом остался в живых. С великой благодарностью я вспоминаю дорогих людей, которые так много сделали для меня. Спасибо вам, храбрые патриоты Иван Бондаренко, Ефросинья Подвойская, Саша, жители поселка Некрасово и все партизаны Белоруссии, спасибо вам!

*Впервые опубликовано в газете
«Кадры приборостроению» №12 (1212),
10 апреля 1985 года*

ДОГАДКИН АЛЕКСАНДР АЛЕКСАНДРОВИЧ

Мастер кафедры квантовой электроники и экспериментально-опытного завода.

Воевал командиром минометной роты на юге страны: за Сталинград, Кавказ, Украину, на Курской дуге, - позже штурмовал Будапешт и брал Вену.

Награжден орденами: Красной Звезды, Отечественной войны II степени; медалям «За взятие Вены», «За победу над Германией» и другими, в том числе медалью в честь 40-летия Победы в Великой Отечественной войне.

ВОЕВАЛ, КАК ВСЕ...

Первый раз довелось мне увидеть Александра Александровича в новогодней стенной газете. Наш кафедральный художник сделал дружественный шарж – нарисовал его в характерной позе около маленького, но солидно дымящего заводика.

Вспоминается и такой случай: один из наших сотрудников работал вечером в мастерской Александра Александровича и не убрал рабочего места. На следующий день коллега прибежал на работу значительно раньше положенного, к приходу хозяина в мастерской была наведена идеальная чистота.

Познакомилась же я с Александром Александровичем Догадкиным при следующих обстоятельствах – сломалась в зонтике спица. Идти в мастерскую? Делать будут долго. Посоветовали обратиться к кафедральному «мастеру». Шла в мастерскую не без страха: у Сан Саныча всегда много работы, да и о грозном нраве была наслышана... Зонт мой был готов через час... Да что там зонт, умным рукам Сан Саныча все под силу.

Потом частенько доводилось нам перекинуться словечком о том, о сём, а вот то, что прошел Александр Александрович всю Великую Отечественную, узнала я недавно.

Ещё в 1939 году Александр

Александрович Догадкин был призван на курсы по подготовке офицерского состава. Великая Отечественная началась для него под Ригой 23 июня 1941 года.

- Зимой 41-го, летом 42-го воевал на Северо-Западном фронте около посёлка Демьяновка, что на шоссе Ленинград-Москва. Шли изнуряющие бои, - рассказывает Александр Александрович. - И в это время наше командование, обобщив тяжёлый опыт начального периода войны, принял решение применять миномёты как наиболее эффективное оружие. Нужны были кадры. Группа артиллеристов, среди которых был и я, прошла переподготовку. Сформировали из нас подразделение миномётчиков, и там, где особенно нужен был плотный, прицельный огонь, там мы и воевали...

А потом было ранение и восемь месяцев госпиталей. Подлечился, побыл в резерве офицерского состава и снова попал на фронт, теперь уже на Второй Украинский. Участвовал в Корсунь-Шевченковской операции, где наши войска не только отразили атаки танковой немецкой группировки, но и полностью её уничтожили. Затем была Яско-Кишинёвская операция. Ну, тут бои были послабее. Потом перешли на границу, а когда Румыния вышла из войны, наше соединение

ВОСПОМИНАНИЯ УЧАСТНИКОВ БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

перебросили в Венгрию.

Сан Саныч рассказывает кратко, просто констатирует:

- Воевал как все, да и столько лет прошло, многое ведь забывается... Перед штурмом столицы Австрии Вены был получен приказ «беречь город», поэтому артподготовки мы не делали. Гитлеровцы здорово запугали горожан, жители не решались выйти на улицу посмотреть на победителей. Но любопытство взяло верх.

Здесь я не выдерживаю и задаю банальный вопрос:

- Сан Саныч, а Венский лес вы видели?

- Венский лес? - удивляется он, делая упор на слове лес. Так это же парк! Большой парк. Дубы там, дорожки аккуратные такие, скамейки... После Вены были опять бои. Характер подразделения был таков, что постоянно перебрасывали с участка на участок, туда, где мы были особенно нужны. Воевали мы сначала в Югославии, потом в Чехословакии. Немцы сопротивлялись упорно. В плен старались сдаваться только союзникам. Серьёзные бои были под Братиславой. В крепости, что находилась в центре города, засели немцы. Пришлось провести артподготовку, а перед штурмом послали парламентёров, и шесть тысяч немцев сдались в плен. Местные жители устроили нам восторженную встречу. Кстати, в Югославии тоже очень тепло

принимали нас бойцы народно-свободительной армии.

- А что особенного запомнилось из этого периода войны?

- Что запомнилось? Молодые чехи! Очень уж хотели знать они русский язык, а у нас только один учебник-газета. Так эти ребята через неделю не то что понимали нас, говорили по-русски, и неплохо!

- Что же получается: из военных лет ярче всего помнятся мирные эпизоды?

- Получается, что так, — подтверждает Сан Саныч. — Демобилизовался я в 1947 году в звании капитана. Вот и всё!

А мне остается добавить, что к послужному списку Александра Александровича Догадкина за годы войны к орденам Красной Звезды, Отечественной войны II степени, медалям «За взятие Вены», «За победу над Германией» и другим в нынешнем году добавилась медаль в честь 40-летия Победы.

Но, как выяснилось из разговора, Сан Саныч до сих пор жалеет о том, что офицеров не награждали солдатской медалью «За отвагу».

*Впервые опубликовано в газете
«Кадры приборостроению» №25 (1225),
14 октября 1986 года*

*ОЛЬГА СЕМЧЕНКО,
студентка*

ПОБЕДИТЕЛИ

*Из Берлина на восток
Шли домой войска.
Песни, слезы, топот ног –
Радость велика.
Шли по брошенным цветам,
И солдат любой
Нес, как дар родным местам,
Жизнь свою домой.
И не знал наверняка,
Что там дома? Как?
А вокруг – цветов река,
И цветы в руках.
Радость общая до слез,
Счастье, как струна.
А в душе звенит вопрос:
Как там вся страна?
Целовала их весна
В синие глаза.
И блестели ордена,
Как блестит гроза.*

*Впервые опубликовано в газете «Кадры приборостроению»
№16 (965), 8 мая 1978 года*

КАРАСЕВ АЛЕКСЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ

Доцент кафедры истории КПСС, полковник в отставке. Награжден медалью «За оборону Ленинграда»

А. КАРАСЕВ

ИСПЫТАНИЕ ВЫДЕРЖАЛИ

В июне 1941 у студентов ленинградских вузов шла экзаменационная сессия. Весна в тот год была поздней и холодной и только 22 июня торжественно открывались Петергофские фонтаны.

С утра мы, студенты педагогического института имени А. И. Герцена, готовились в читальном зале исторического факультета к очередному экзамену, а во второй половине дня собирались ехать в Петергоф.

В 12 часов дня было передано сообщение Советского правительства о вероломном нападении фашистской

Германии на нашу страну.

Все в нашей жизни сразу изменилось.

В первые же дни войны мы приступили к осмотру подвальных помещений здания института, где предстояло оборудовать бомбоубежища, закрывали в них окна. Потом строили защитные сооружения вокруг памятника В.И. Ленину у Финляндского вокзала и возле Медного всадника на площади Декабристов, рыли рвы и траншеи в садах и скверах на случай бомбежек и артиллерийских обстрелов. Уже к середине августа

в Ленинграде и пригородах было вырыто свыше 370 тысяч погонных метров окопов и щелей, в которых могли укрыться три четверти миллиона человек.

Все мы хорошо понимали, что война - это серьезное испытание для нашего народа, хотя и считали, что она не будет продолжительной. На студенческих митингах и собраниях молодежь выражала готовность отдать все силы на борьбу с врагом и твердую уверенность в нашей окончательной победе.

Многие наши студенты были привлечены к разноске повесток Куйбышевского райвоенкомата о мобилизации военнообязанных запаса. Только в первые два дня войны в военкоматы явились около ста тысяч ленинградцев.

В ночь на 23 июня был объявлен Лужский рубеж обороны, сюда было направлено много студентов разных вузов. Трудной, полной опасностей была эта работа. Работали в зонах артиллерийского обстрела и бомбардировок. Студентки проявляли величайшую дисциплинированность, невиданный трудовой героизм. Многие из них вели агитационно-пропагандистскую работу среди трудармейцев.

Хорошо известно, что Лужская оборонительная полоса сыграла огромную роль в обороне Ленинграда. На долгие дни и недели враг был

задержан на этих рубежах.

Часть студентов нашего института была мобилизована на строительство аэродрома. И сразу же наш отряд попал под бомбежку вражеской авиации. Обошлось без потерь, но, надо прямо сказать, было страшно.

Строили аэродром вместе с мобилизованными колхозники со своими лошадьми из трех районов Ленинградской области. Все они были объединены в несколько колонн и возили камень, песок и другие строительные материалы. Наши ребята были назначены руководителями этих колонн, а также диспетчерами транспорта на всем строительстве. Студенты были и рабочими-грузчиками, и землекопами, и агитаторами, и пропагандистами.

Аэродром, построенный с участием ленинградских студентов, стал одной из взлетно-посадочных площадок, на которых базировались самолеты истребители, прикрывшие в суровые дни ленинградской блокады легендарную «Дорогу жизни» через Ладожское озеро.

Студенты-ветераны Великой Отечественной войны, участники битвы на берегах Невы с гордостью носят на груди медаль «За оборону Ленинграда». Мы горды сознанием того, что наш труд способствовал победе над фашизмом..»

*Впервые опубликовано в газете
«Кадры приборостроению» №6 (1171),
20 февраля 1984 года*

СОКОЛОВ ИГОРЬ НИКОЛАЕВИЧ

Рабочий кафедры теплофизики. Во время войны был полковым разведчиком на Карельском фронте

И. СОКОЛОВ

ДОЛГО БУДЕТ КАРЕЛИЯ СНИТЬСЯ...

КОГДА началась война, я был совсем мальчишкой, только успел закончить первый курс новгородского автодорожного техникума. Врезалась в память лето – 14 июля 1941 года. Это когда Новгород весь горел под бомбежками и обстрелом врага. На реке Волхов баржу, буквально усыпанную беженцами, довольно быстро обстреляли и затопили «мессершмиты». Мы с матерью в числе спасшихся добрались до берега вплавь. В эти сутки я впервые увидел гитлеровцев. Они шли к Новгороду – наглые, самодовольные, горланили песни, лихо подыгрывали на губных гармошках, радостно тянули шнапс из походных флажек. Они шли, чтобы уничтожить мой родной город...

Осенью 1941-го весь второй год войны я работал в Татарской АССР – в конечном пункте нашей эвакуации – сначала в колхозе, а потом – трактористом в МТС. И только в январе 1943-го меня призвали в армию и направили во 2-е пулеметное училище, базирующееся в Удмуртии. Через полгода весь наш выпуск отправили в город Дмитров под Москвой на доформирование воздушно-десантных войск.

Мы ехали с твердой уверенностью, что скоро, очень скоро попадем на фронт. Но произошло это лишь через несколько месяцев. Продолжалась напряженная боевая учеба, теперь прибавилась парашютно-десантная подготовка: прыжки с аэростата и самолета. Каждый день мы ждали приказа: «Боевая укладка парашютов!», что означало: война в тылу врага.

Шло время. Наши воздушно-десантные бригады переформировывали в стрелковые полки, которые образовывали дивизию. Весной 1944 нам вручили гвардейские знамена. А к воинским навыкам прибавился ещё один – форсирование рек.

И вот, наконец, в мае 1944-го наш корпус отправили в южную Карелию. Карельский фронт к тому времени был истощен, в течение трех лет в тяжелых боях он удерживал позиции на реке Свирь. Командование фронта просило в помощь свежую армию. Верховный Главнокомандующий распорядился выделить гвардейский стрелковый корпус (куда входила и наша дивизия).

21-го июня началось наступление. Которое длилось два с половиной

месяца и закончилось тем, что мы отвоевали у неприятеля всю занятую территорию вплоть до старой границы.

В истории Великой Отечественной войны не было легких побед и эта Победа досталась нам ценой огромного ратного труда, повседневного героизма, ценою жизни моих однополчан. Одной из главных задач наступления было форсирование Свири, реки почти в полкилометра шириной, многоводным и сильным течением. Перед артподготовкой, чтобы выявить и уничтожить основные точки врага, решено было пойти на военную хитрость – ложное форсирование. Несколько плотов с бойцами и чучелами поплыли к другому берегу. Плоты сразу же навлекли на себя сильный огонь врага, что и было нужно: обнаружившие себя вражеские огневые точки в большинстве были уничтожены. Теперь настал черед для настоящего форсирования.

Операцией командовал подполковник А.В. Герасимов, человек талантливый, которого мы любили за простой и добрый нрав. И ещё за одно качество: крепкую веру в простого советского солдата, и его воинскую доблесть и преданность Родине. Я был в числе первых, начавших форсирование реки Свири. На воду была спущена американская машина-амфибия. В руках моего друга Бориса Филиппова развивалось расчехленное алое

знамя полка. Восемь человек нашего экипажа любой ценой должны были доставить знамя к противоположному берегу. Горящее под полуденным солнцем знамя на фоне речной глади было похоже на горящее сердце Данко. Оно звало в бой.

После окончания операции многие получили боевые награды. Борис был награжден орденом Славы III степени, я – медалью «За отвагу».

За время оккупации в Карелии финны создали здесь шестиполосную линию обороны. Прекрасно ориентируясь в лесах и среди болот, они не оставили для прохода не единой полоски земли. Все сухие места были перекрыты дотами с узлами связи. Наружу торчали лишь бронированные колпаки, обтянутые резиной. Перед каждой линией тянулось несколько рядов колючей проволоки. В каждой полосе были обширные минные поля с самыми непредвиденными сюрпризами. Преодолеть даже одну такую линию было делом очень сложным. А ведь их было шесть, включая естественные преграды, – непроходимые топи, болота реки, такие, как Олонка, Мегрета, Видлица. Преодолев одну, через 10-15 км мы натыкались на другую.

Сильно досаждали нам финские «кукушки» – обосновавшиеся на высоких деревьях снайперы. Такие лесные птички своевременно и четко подавали сигналы своей артиллерии о

ВОСПОМИНАНИЯ УЧАСТНИКОВ БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

расположении наших частей.

Пройдя эти шесть поясов ада, мы вышли к старой границе. И тут произошел курьезный случай. Пограничники еще не успели полностью закрыть границу, когда мы отправились обратно. В незакрытую дыру на границе проникли финские войска, которые следовали за нами по пятам незамеченными 30 километров. Обнаружив их, мы развернулись с самыми серьезными намерениями. Это пришлось неприятелю не по вкусу, и он ретировался.

Из Карелии нас перебросили в Белоруссию. Спустя некоторое время стрелковый корпус был преобразован в воздушно-десантный. Изменилось и мое воинское положение: из автоматчика я стал разведчиком.

Впереди у меня был Третий Украинский фронт – бои в Венгрии, Австрии и Чехословакии.

*Впервые опубликовано в газете
«Кадры приборостроению» №14 (1327),
1986 года*

МЕДАЛЬ

*В высокой чести ордена.
Строга их форма, благородна.
Бойцам вручает их страна
Торжественно и всенародно.
Бесспорен их авторитет.
И спорить – лишь марасть бумагу.
Но для меня дорожке нет
Простой медали «За отвагу».
Нет ни эмали, ни камней,
И серебро не высшей пробы,
Но ты добудь ее. Сумей
Гранатой танк подбить, попробуй.
Сходи за «длинным» языком,
Всех увлеку в бою примером.
Умело действуя штыком.
Возьми в атаке офицера.
Коль повезет тебе, - не скрою,
Вручат в Кремле тебе звезду,
Как всесоюзному герою.
Не повезет – терпи, пока
Комбат внесет тебя в бумагу,
И лично командир полка
Медаль приколет «За отвагу».
Ценней её на свете нет,
А случай твой не за горюю.
И вот тогда в расцвете лет
Представят и тебя к Герою.
Пусть ордена все хороши.
Скажу, не вглядываясь в дали:
Ценнее нету для души
Солдатской, боевой медали...*

*Впервые опубликовано в газете «Кадры приборостроению»
№ 15 (1366), 6 мая 1988 года*

КОРСУН СТЕПАН ОНУФРИЕВИЧ

Кандидат военных наук, полковник.
Преподавал курс «Гражданская оборона».

А. АЛЕКСЕЕВ

КАВАЛЕР ЧЕТЫРЕХ ОРДЕНОВ

ПОЖАЛУЙ, ни один из работающих в нашем институте преподавателей не имеет столько наград, как кандидат военных наук, доцент, полковник в отставке Степан Онуфриевич Корсун.

В 1939 году по комсомольскому призыву 20-летний паренек был направлен в военное училище на Дальнем Востоке. Боевое крещение Корсун получил в сентябре 1941 года. Во время тяжелейших кровопролитных боев под Ленинградом в районе Тихвина он командовал мимолетной батареей. После тяжелого ранения Степан Онуфриевич вернул-

ся в строй, сражался в составе частей Волховского, Ленинградского и 3-го Прибалтийского фронтов. Он участвовал в освобождении многих городов. В том числе Новгорода и Риги. День Победы С.О. Корсун встретил в должности заместителя начальника оперативного отдела штаба корпуса, участвуя в разгроме Курляндской группировки немецко-фашистских войск.

После окончания военной академии имени М.В. Фрунзе Степан Онуфриевич в течение 22 лет преподавал оперативное искусство в Военной

НАШИ ВЕТЕРАНЫ:
они трудились в нашем вузе

академии имени А.Ф. Можайского. За свою долгую боевую и военно-педагогическую службу Степан Онуфриевич был награжден семнадцатью орденами и медалями.

Сейчас Степан Онуфриевич - один из ведущих преподавателей цикла гражданской обороны в ЛИТМО, он

активно участвует пропагандистской работе по военно-патриотическому воспитанию молодежи.

Впервые опубликовано в газете «Кадры приборостроению» №17 (1074) 1982 года

«Фронтовики надели ордена» - ветераны смотрят концерт студентов, подготовленный к 40 – летию Великой Победы,
(слева-направо): С.А. Корсун, А.Ф. Жаров и А.П. Руднов.
Актальный зал ЛИТМО, 1985 год

СОГОМОНЯН АВЕТИК ГОЛУСТОВИЧ

Окончил Тбилисский армянский педагогический техникум (1935), Ленинградский политико-просветительский институт (1941) и Высшую партийную школу ЦК ВКП (б) (1941).

Участник Великой Отечественной войны. Инструктор по пропаганде, комиссар отряда на Ленинградском фронте (1941-42), преподаватель социально-экономического цикла в пехотном училище (г. Великий Устюг) (1942-43), старший преподаватель Военно-политического училища (г. Шуя) (1943); лектор фронтового Дома офицеров (1943-44) и агитатор политотдела зенитно-артиллерийской дивизии 1-ого Украинского фронта (1943-46). Полковник.

Старший преподаватель Высшей офицерской артиллерийской школы (1950-52) и Военно-воздушной академии им. Можайского (1952-70).

Кандидат исторических наук (1956), доцент (1958).

Работал в ЛИТМО: старший преподаватель (1947-48) и заведующий кафедрой марксизма-ленинизма (1948-50). Доцент кафедры философии и научного коммунизма (1970-77).

Автор более 25 научных трудов.

Был награжден орденами «Отечественной войны» I и II степеней, орденом Красной Звезды и медалями СССР.

ПАМЯТЬ ВЕТЕРАНУ

Аветик Голустович Согомонян родился 27 декабря 1917 года в селе Дамия Марнеульского района Грузинской ССР в семье крестьянина-бедняка. В 1935 году А.Г. Согомонян поступил в Ленинградский коммунистический политико-просветительный институт имени Н.К. Крупской, где получил квалификацию преподавателя марксизма-ленинизма.

В 1940 году А.Г. Согомонян был принят слушателем в Высшую партийную школу при ЦК ВКП(б), но в июне 1941 года со 2 курса ушел на фронт. С первого до последнего дня Великой Отечественной войны он был активным бойцом против фашизма, воевал на Ленинградском, а затем 1-м Украинском фронте. А.Г. Согомонян участвовал в обороне Ленинграда, в освобождении Украины, Польши, Чехословакии, Австрии и во взятии Берлина.

После победы над фашистской Германией Аветик Голустович продолжал военную службу в Советской Армии. В конце 1946 года А.Г. Согомонян демобилизовался. С февраля 1947 года работал преподавателем, а затем исполняющим обязанности заведующего кафедрой марксизма-ленинизма ЛИТМО.

В октябре 1952 года А.Г. Согомонян снова призыва-

ют в Советскую Армию. Он работает старшим преподавателем кафедры марксизма-ленинизма, а затем кафедры философии и научного коммунизма Краснознаменной военно-воздушной инженерной академии имени А.Ф. Можайского. В этот период он успешно защищает кандидатскую диссертацию, ему было присвоено ученое звание доцента. За годы военной службы А.Г. Согомонян прошел путь от младшего офицера до полковника.

После демобилизации А.Г. Согомонян, в январе 1971 года возвращается в ЛИТМО, где он до последнего дня своей жизни работал в должности доцента кафедры философии и научного коммунизма.

На протяжении всей своей жизни Аветик Голустович был активнейшим и страстным пропагандистом идей марксизма-ленинизма. Он был требовательным педагогом, любил молодежь, заботился о ней и гордился ею, видя в ней наше будущее.

За заслуги перед Родиной А.Г. Согомонян был награжден орденами Отечественной войны I-ой и II-ой степени, орденом Красной звезды и четырнадцатью медалями и почетными знаками.

*Впервые опубликовано в газете
«Кадры приборостроению» №21,
1 сентября 1977 года*

А. СОГОМОНЯН

ДВЕ ВСТРЕЧИ

Задержись, прохожий, у мемориальной доски на доме № 14 по Невскому проспекту. На ней навсегда запечатлены слова: «Граждане! При артобстреле эта сторона улицы наиболее опасна!». Тот, кто был в осажденном Ленинграде в период его 900-дневной блокады, помнит, что такие надписи были почти на каждой улице.

Давно отгремели залпы войны. Время, как врач, излечивает физические и душевные раны. Время предаёт забвению все пережитое нами. Но когда я прохожу мимо этой мемориальной доки, то невольно память возвращается к двум знаменательным для меня эпизодам Великой Отечественной войны.

Был ноябрь 1941 года. Враг железным кольцом окружил Ленинград. Передним краем обороны стали окраины города. К суровой войне прибавилась и суровая зима. Уже в ноябре морозы достигли

15-20 градусов ниже нуля.

Враг рвался в город, дабы выполнить приказ фюрера - захватить северную столицу. Попытки врага были тщетными. На оборону своего родного города вместе с войсками 23-й, 42-й, 55-й армии встали полки и дивизии народного ополчения Ленинграда. Получив отпор, фашисты пришли в еще большую ярость: войска 18-й немецкой армии начали варварский обстрел промышленных и жилых зданий. Они решили во что бы то ни стало выполнить приказ Гитлера — стереть с лица земли Ленинград. Немцы продвинули к переднему краю мощные дальнобойные орудия и начали методичный артиллерийский обстрел центра города.

Наш командование отдало приказ выявить огневые точки противника, разведывательный отдел 42-й армии много сил и энергии приложил для того, чтобы узнать расположение немецких батарей, но, увы, все попытки кончались неудачей.

24 ноября начальник разведотдела армии тов. Балагин отдал мне приказ взять двух солдат, посмелее, перейти линию фронта и определить точное расположение орудий, ведущих варварский обстрел мирного населения города.

Я остановил выбор на танкисте Рябове и шофере Алексееве. Ночью

под вспышки немецких ракет мы перешли в районе поселка Урицкого линию фронта и начали засекать огневые точки врага. К вечеру 25 ноября почти все требуемые данные были в наших руках, и мы готовы были вернуться в часть. Однако, на обратном пути в полнейшей темноте мы наткнулись на патруль противника. Их было восемь, нас - трое. В неравном бою они обезоружили нас и доставили к своему командиру, как мы позже узнали, командиру артиллерийского дивизиона. Холеный, долговязый немецкий капитан встретил нас словами: «Русские свиньи, вы еще не передохли в мертвом городе? Скоро вам всем капут!»

Нас разделил, сняли с нас шубы, валенки, перчатки. Капитан выделил двух солдат, приказав им вести нас в штаб полка, находившийся между Стрельной и Петергофом. Впереди шел я, позади Рябов и Алексеев. Когда мы проходили через кустарник, я услышал сзади меня крик. Я обернулся и увидел, что каким-то чудом Рябов и Алексеев сумели высвободить руки. Они напали на конвоиров и повалили их на землю. Я с завязанными руками, корпусом тела принялся помогать Алексею. В это время он сумел сорвать веревку и с моих рук. Мы скрутили гитлеровцев, переоделись в их форму и поволокли их с собой к нашему переднему краю. К четырем часам утра с двумя живыми

«языками» мы добрались до своих и доложили о выполнении задания.

Этому эпизоду фронтовых будней я не придавал тогда особого значения. Война продолжалась. Воевал я на Северо-Западном и Волховском фронтах, а с 1943-го – на Первом Украинском фронте. Находясь все время на переднем крае, я делил со всеми своими товарищами радость наших побед. Участвовал в освобождении Киева, Шепетовки, Здолбунова, Львова, польских городов Жешуна, Кракова, чехословацкого города Моривской Остравы.

Апрель 1945 года. Весна. Весна победы. Первый Украинский фронт получает приказ: основную ударную силу направить на север – на Берлин. Каково было ликование в войсках! Приближалось осуществление мечты - разгромить фашистов в их собственном логове, наказать их за горе нашего народа, за неисчислимые человеческие жертвы, за наших братьев, матерей и отцов, которые погибли от рук фашистских палачей. В эти дни на каждом танке, на каждой машине появились плакаты: «Даешь Берлин!». В течение трех дней 3-я танковая армия под командованием маршала Рыбалко совершила 700-километровый марш и появилась в районе Зорау-Зоган, южнее Берлина.

16 апреля – новое наступление, наступление непосредственно на Берлин. 24 апреля 7-й танковый корпус

ВОСПОМИНАНИЯ УЧАСТНИКОВ БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

армии уже приступил к форсированию канала Тальтов на окраине Берлина, а 27 апреля завязал бои в центре города. 28 апреля половина здания рейхстага была в наших руках. 29 апреля я ходил по кабинетам Гитлера, Геринга, Геббельса и спрашивал, где же вы, «завоеватели», 30 апреля я видел отравленного Геббельса со своей семьей и думал: закономерный конец. 1 мая капитулировал весь берлинский гарнизон. Но война еще продолжалась. Фашистски войска отчаянно сопротивлялись в районе Дрездена и Праги.

3 мая войска Первого Украинского фронта получили приказ повернуть строго на юг и освободить Прагу. 6 мая утром мы уже завязали бои за Дрезден и к вечеру фашистские войска, оборонявшие город, были почти разгромлены.

Командир дивизии полковник Любимов дал мне приказ найти подходящее здание для штаба. Взяв с собой своего ординарца Должанова и сержанта Радченко, я направился на поиски. Подходящим оказалось четырехэтажное здание на берегу Эльбы в цветущем саду, почти в центре города. Открыли дверь, прошли по этажам, никого в доме нет. Тогда я приказал бойцам посмотреть на чердак, нет ли кого там. Они быстро вернулись и доложили, что на чердаке комната и в ней при свечах сидит старик со старушкой и инвалид. Я поднялся наверх. Выяснилось,

что старик – профессор дрезденской медицинской академии Вольф, хозяин дома. С ним его жена и сын.

Я спросил сына, где он потерял ногу. Он ответил, что на Восточном фронте. Мне показалось, что этот голос я где-то слышал. Не под Ленинградом ли он потерял ногу? Он ответил: да. Это был тот капитан, командир дивизиона, который в 1941 году грозился уничтожить всех нас!

Я напомнил ему о нашей встрече 25 ноября 1941 года за Пулковскими высотами. Он побелел и дрожащим голосом начал уверять меня, что он, дескать, не виноват, что он только выполнял приказ фюрера и не хотел никого убивать. В это время отец и мать со слезами упали на колени и стали умолять нас: «Не убивайте нашего сына, он у нас один, он не виноват в том, что сделал Гитлер».

Старику ответил сержант: «Зачем вас физически убивать, вы и так уже повержены. Это вы хотели всех нас убить, превратить нашу страну в зону пустыни, уничтожить всех русских. Мы не хотим никого убивать. Вы рвались, чтобы разрушить наши дома, а вот, видите, и мы в вашем доме, но не собираемся его разрушать».

К словам Радченко я добавил: «Ваш сын принес много горя и страданий ленинградцам. Выпущенные по его приказу снаряды убивали на улицах и в домах замученных голодом и войной женщин и детей, разрушили

здания, составляющие национальную гордость нашего народа. Ваш сын хотел стереть с лица земли наш славный город Ленина. Мы не хотим вас убивать и уничтожать ваши очаги, мы хотим только, чтобы это больше не повторилось. А сейчас прошу вас временно освободить помещение».

После этих слов они встали, оделись и, не переставая повторять «спасибо», «спасибо», ушли из дома. А я стоял и думал: вот какие бывают встречи.

Как бы я хотел, чтобы при этой встрече были бы со мной мои боевые товарищи Рябов и Алексеев, те тысячи ленинградцев, которые в тяжелые дни блокады трудились и умирали во имя победы нашего правого дела,

Я мысленно представил, что при этой встрече со мной рядом находятся рабочие завода транспортного оборудования имени С.М. Кирова, которые в тяжелые дни блокады круглосуточно ремонтировали танки, обеспечивали фронт всем необходимым, умирали на рабочем месте, но выполняли свой долг перед Родиной; со мной рядом находятся ленинградские артисты – Клавдий Шульженко и Владимир Корали, которые своими песнями в холодных землянках переднего края воодушевляли солдат на победу

над врагом; со мной рядом находятся миллионы советских людей.

Давно отгремели последние выстрелы на полях сражений. Растет новое поколение, которое знает о войне только по рассказам и книгам. Расцвела наша славная Родина. Вместе с ней хорошеет и наш город. Все шире разворачивает вою богатырскую силу наш народ, строя светлое здание будущего, и в первых шеренгах строителей идут ленинградцы.

О войне напоминают лишь мемориальные доски на Невском проспекте и Лесном проспектах. Но величие нашего города не только в свершениях будущего, но и в героическом прошлом. Одной из ярчайших страниц этого прошлого была Великая Отечественная война, жертвы и лишения, перенесенные во имя победы над врагом, во имя сегодняшнего счастья. За это счастье отдали свою жизнь 20 миллионов сыновей и дочерей нашего народа, в том числе и сотни тысяч ленинградцев. Этого забыть нельзя. Потому девизом всех советских людей сегодня является: «Никто не забыт, ничто не забыто!»

*Впервые опубликовано в газете
«Кадры приборостроению» №10 (848),
20 марта 1975 года*

ВЫСОКОДВОРСКИЙ ИЛЬЯ АБРАМОВИЧ

*КОЛЛЕКТИВ КАФЕДРЫ
Технологии приборостроения*

ТВОРЧЕСТВО ПЕДАГОГА

Жизненный путь Ильи Абрамовича Высокодворского типичен для людей его поколения: начинал свою трудовую деятельность он простым рабочим, а позже стал крупным ученым-технологом, авторитетным воспитателем молодежи.

Молодость Ильи Абрамовича прошла на фронтах Великой Отечественной войны. Офицером он воевал под Варшавой и Берлином, дошел до Эльбы. Его боевые заслуги отмечены многими правительственными наградами, в том числе пятью — Польской Народной

Республики.

Послевоенный И.А.Высокодворский работает на различных промышленных предприятиях Ленинграда. Он становится специалистом по механизации трудоемких процессов, борется за внедрение передовой отечественной технологии. Его заслуги в этом деле неоднократно отмечались золотыми, серебряными и бронзовыми медалями Выставки достижений народного хозяйства СССР.

Серьезных достижений добился Илья Абрамович в совершенствовании методов программного обучения.

НАШИ ВЕТЕРАНЫ: они трудились в нашем вузе

Он непосредственный участник разработки в нашем институте автоматизированных систем контроля знаний студентов. Министерство высшего и среднего специального образования СССР наградило доцента И.А. Высокодворского почетным знаком «За творческий педагогический труд». Он удостоивается также благодарностей и грамот Минвуза СССР. Технические средства обучения, в создании которых принимал участие Илья Абрамович, получали дипломы на международных выставках в ЧССР, ГДР, ПНР.

Напряженную творческую работу

Илья Абрамович сочетает с активной общественной деятельностью. Он — член комиссии по научно-технической экспертизе технических средств обучения Минвуза СССР, председатель секции вузов по техническим средствам обучения ленинградского отделения педагогического общества РСФСР. Активно участвует он и работе группы народного контроля оптического факультета.

*Впервые опубликовано в газете
«Кадры приборостроению» №14 (1071,
15 апреля 1981 года*

Заметка статьи Н.Толстой о новой аудитории автоматизированных средств обучения с фотографией ректора ЛИТМО профессора Сергея Петровича Митрофанова и научного сотрудника И.А. Высокодворского.

Опубликовано в журнале «Огонек» №23, 1969 года

ДРОЗДОВ АЛЕКСАНДР АНДРЕЕВИЧ

НАТАЛИЯ ЛЕСИНА

СПАСИБО ЗА ВАШУ ЖИЗНЬ!

Передо мной – папка, точнее, прозрачный пластиковый конверт, а в нем – небольшая стопка документов, писем, вырезок из газет. Не так уж много всего. А за этим – целая жизнь, долгая и достойная. Жизнь нашего петербургского человека – Александра Андреевича Дроздова. Вот и он сам на фотографиях разных лет: большеглазый, высоколобый, с шапкой вьющихся волос, когда-то темных, а теперь уже окончательно седых, но таких же непокорных. Сильное, волевое и в то же время доброе лицо. Классическая пролетарская биография.

Родился в 1921 году в Ленинграде,

в семье рабочего. В 1937-м закончил ФЗУ при заводе, получил специальность слесаря. Участвовал в обороне Москвы, Смоленска, форсировал Днепр, освобождал Могилев. В боях за Минск был тяжело ранен, госпиталь, затем Белорусский фронт, Восточная Пруссия.

Вот вырезка из «Фронтальной правды» за 8 июля 1944 года – «Отважный связист». И тут же письмо от комсомольцев взвода Антонине Ануфриевне Дроздовой – матери Александра – с благодарностью за то, что воспитала такого стойкого и мужественного сына. Бесхитростное

письмо с грамматическими ошибками и замазанными военной цензурой названиями городов и территорий, которые освобождали бойцы.

«Напишите нам, уважаемая Антонина Ануфриевна, о своей жизни и своих делах. Каждое Ваше слово будет для нас благословением на жестокую священную борьбу с врагом и вольет в наши сердца новые силы ненависти к врагу и любви к Родине».

Согласитесь, не каждая мать получала в войну такие письма от однополчан своего сына!...

За боевые заслуги гвардии ефрейтор Александр Андреевич Дроздов награжден, кроме ордена Славы, орденом Отечественной войны I степени, медалями «За оборону Москвы», «За взятие Кенигсберга» и

другими медалями.

А что дальше? А дальше ветеран войны А.А. Дроздов становится и ветераном труда. Больше полувека, с 1946 по 1997 год служил он в Ленинградском институте точной механики и оптики – ЛИТМО. Общий стаж его, включая довоенный, воистину астрономический – 58 лет. В ЛИТМО потомственный рабочий Дроздов прошел путь до заведующего лабораторией кафедры технологии приборостроения, стал любимцем преподавателей и студентов.

«Ваши знания, большой производственный опыт, золотые руки, энергия много сделали для становления кафедры, которая сейчас является одной из лучших в институте» – так писали сотрудники Александра Андреевича, поздравляя его с 60-летним юбилеем. И еще очень долго, лет пятнадцать, не хотели его отпускать с работы. Только в 75 ушел он на давно заслуженный отдых. Да и то только потому, что начали болеть ноги...

Но друзья и соратники по работе в ЛИТМО не забыли его. Вот еще одна вырезка из газеты «Вестник ветерана», где они вместе с Президентом Культурного центра «Надежда» Татьяной Петровной Певченко поздравляют Александра Андреевича уже с 80-летием.

Судьба наградила Александра Андреевича любовью и заботой

А.А. Дроздов, 1949 год

ВОСПОМИНАНИЯ УЧАСТНИКОВ БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

близких людей. С женой Евгенией Павловной (она тоже ветеран войны) прошли рука об руку больше полувека. Пару лет назад отметили Золотую свадьбу. Вырастили дочь, внучку. Дождались и правнучки, ей уже год. Мир в доме, согласие в семье – это ведь и есть пресловутое «счастье в личной жизни».

Опять перебираю газетные заметки, наградные листы, приказы – благодарности «За отличные боевые действия». Скупые вехи долгого пути длиною в целую жизнь. Делаю это со сложным чувством хорошей зависти, преклонения, высокого уважения. Хочется сказать спасибо человеку, который

сумел пронести через наше время (такое непростое и дисгармоничное) непреходящие ценности – честность,

чистоту души, преданность долгу, любовь к людям, родной земле. То, что не изменяет ни в какие времена. Быть может, это и есть главная победа всей его жизни.

Сам же Александр Андреевич вряд ли задумывался над всеми этими вещами. Он просто жил. Жил, как умел. И жизнь получилась.

*Впервые опубликовано в газете
«Университет ЛИТМО» № 75 (1580),
июнь 2006 года*

25

Тов. гвардии ефрейтор
Дроздов Александр Андреевич

Приказом Верховного Главнокомандующего
Маршала Советского Союза тов. СТАЛИНА
от 26 января 1945г. № 255
за отличные боевые действия в
бою за овладение г. Готтшау
Восточной Пруссии

Всему личному составу нашего соединения,
в том числе и ВАМ, принимавшему участие
в боях за овладение г. Готтшау
БЛАГОДАРНОСТЬ.

Командир части в/ч № 49889
гвардии подполковник *Д. М. Мещеряков*
Мещеряков
Молчанко

0000

23

Тов. гвардии ефрейтор
Дроздов Александр Андреевич

Приказом Верховного Главнокомандующего
Маршала Советского Союза тов. СТАЛИНА
От 28 июня 1944 г. № 95

За отличные боевые действия в
боях при форсировании Днепра
и за освобождение г. Могилева

Всему личному составу нашего соединения,
в том числе и ВАМ, принимавшему участие
в боях объявляю БЛАГОДАРНОСТЬ.

Командир части в/ч пр. 49889
гвардии полковник

/Милгенко/

0000

24

Тов. гвардии ефрейтор
Бродов Александр Андреевич

Приказом Верховного Главнокомандующего
Маршала Советского Союза тов. СТАЛИНА
от 25 июня 1944г. № 88

За отличные боевые действия в боях
при форсировании реки Троня и
прорыве обороны противника

Всему личному составу нашего соединения,
в том числе и ВАМ, принимавшему участие
в боях, объявляю БЛАГОДАРНОСТЬ.

Командир части № 49889
гвардии полковник

Милославский
/Милославский/

0000

ФУНТОВ НИКОЛАЙ МИХАЙЛОВИЧ

Родился в Костромской области. В 1939 году был призван в ряды Красной Армии для прохождения действительной военной службы.

С первых дней Великой Отечественной войны находился в действующих частях, оборонявших Ленинград. 11 мая 1946 года был демобилизован из рядов Советской армии.

В 1946 году поступил на 1 курс ЛИТМО, где с отличием закончил факультет электроприборостроения в 1952 году и получил квалификацию инженера – электромеханика. После окончания института начал работать на кафедре радиотехники ЛИТМО: ст. лаборант, преподаватель.

В декабре 1952 года поступил в аспирантуру на кафедру теоретических основ электротехники ЛИТМО под руководством д.т.н., профессора А.В. Берендеева, одновременно с обучением вел лабораторные занятия по курсу «Теоретические основы электротехники» на кафедре электротехники.

Кандидат технических наук (1956), доцент (1959). Заведующий кафедрой теоретических основ электротехники (1957-65). Доцент, старший научный сотрудник кафедры квантовой электроники (1965-90).

Автор многочисленных научных и методических работ в области квантовой электроники. Ветеран Великой Отечественной войны, служил в зенитных частях на Ленинградском фронте. Награжден медалями «За Отвагу», «За оборону Ленинграда», «За победу над Германией».

ШИРОКИЙ КРУГОЗОР, ГЛУБОКИЕ ЗНАНИЯ

Во время Великой Отечественной войны, в первые годы ее, я служил связистом в зенитной артиллерийской части, прикрывавшей подступы к ленинградскому небу с южного направления. Здесь летом 1942 года я впервые увидел в действии радиолокационные станции. Новейшая техника тех дней произвела на меня сильное впечатление своей возможностью не только «видения» самолета задолго до подхода к нашим боевым порядкам, но и способностью управлять зенитным огнем целых дивизионов. Тогда и зародилось у меня страстное желание познать это чудо радиотехники.

Минули военные годы. Достоянием истории стала героическая эпопея Ленинграда, свидетелем и участником которой мне довелось быть. После демобилизации я стал студентом факультета электроприборостроения (теперь радиотехнического) Ленинградского института точной механики и оптики, созданного, незадолго до этого для подготовки инженерных кадров в области новейшего электрорадиоприборостроения.

Нелегко дался мне первый учебный год, но замечательный коллектив преподавателей института помог преодолеть первые трудности, научил серьезному пониманию основ техни-

ческих наук — физики, математики, механики.

Ленинградский институт точной механики и оптики и его радиотехнический факультет отличаются от других вузов большой объем и высокий уровень преподавания физико-математических дисциплин. Значительный объем занимают и также на высоком научном уровне преподаются общепрофессиональные дисциплины: сопротивление материалов, теоретическая механика, технология и другие. Учебный план большой и насыщенный. Это создает некоторые трудности для студентов первых курсов. Но зато обеспечивается основательная база для серьезного изучения специальных дисциплин на старших курсах и для последующей инженерной деятельности.

Выпускник факультета — инженер-приборостроитель — должен знать физические законы и принципы, положенные в основу прибора, и, пользуясь методами математики, выполнить необходимые расчеты.

На факультете в большом объеме и основательно изучаются электрорадиотехнические дисциплины. В отличие от других подобных факультетов в ЛИТМО учат не только умению рассчитать схему прибора или устройства, но и «одеть» ее, то

есть учат разработке конструкции и технологии изготовления. На факультете работают настоящие мастера и хорошие учителя своего дела. Я с большим уважением отношусь к моим бывшим учителям — профессору С.И. Зилитинкевичу, доцентам Е.А. Танскому, А.А. Тудоровскому и всем другим преподавателям факультета.

Я не жалею, что в свое время выбрал именно этот институт, именно этот факультет. То же скажут и многие мои товарищи по учебе, успешно работающие сейчас на промышленных предприятиях, в научно-исследовательских институтах и конструкторских организациях над созданием новейших электро- и радиотехнических приборов и систем.

Широкий научно-технический кругозор и умение применить знания к решению конкретных инженерных задач, выдвигаемых наукой и техникой, — таковы особенности выпускников факультета.

У факультета большое будущее. На смену электронным лампам пришла электротехника наших дней — полупроводники. В один ряд с ними становятся квантовые радиоустройства. Созданы системы точнейшего автоматического регулирования и управления различными процессами и объектами. Все более широкое применение находит техническая кибернетика.

В процессе изучения всех этих отраслей техники одной из важнейших учебных дисциплин является — теоретические основы электротехники. Эта дисциплина изучает электромагнитные явления, происходящие в различных электротехнических устройствах. Изучение теоретических основ электротехники базируется на знаниях, полученных из курсов физики и математики, так как физика указывает законы, которым подчиняются процессы, а математика дает общие методы расчета этих процессов. В курсе теоретических основ электротехники знания из области физики и математики развиваются и расширяются в направлении разработки общих методов анализа расчета и экспериментального исследования. В последующем, эти общие методы применяются для анализа и расчета конкретных систем, изучаемых в специальных курсах. Теоретические основы электротехники являются своего рода мостом между физикой и математикой, с одной стороны, и многочисленными специальными электрорадиотехническими дисциплинами, с другой стороны.

Раздел теоретических основ электротехники — теория электромагнитного поля служит основой таких областей знаний и техники, как распространение радиоволн, антенные устройства, техника сверхвысоких частот, квантовые радиоэлектронные

они трудились в нашем вузе

устройства, различного рода электрические и магнитные датчики и ряд других.

При изучении теоретических основ электротехники наряду с лекциями значительное внимание уделяется выработке навыков применения различных методов расчета режимов систем как в установившемся, так и переходном состояниях. Широкая математическая подготовка студентов позволяет использовать для этого наиболее совершенные методы, а также ряд методов приближенных вычислений.

Систематическая студенческая научная работа под руководством преподавателей способствует лучше-

му усвоению изучаемого материала, подготавливает к самостоятельной научной деятельности, воспитывает волю в преодолении трудностей, неизбежно возникающих при решении сложных инженерных задач. В течение ряда лет на кафедре успешно занимался студенческой научной работой ряд выпускников факультета.

Все сказанное в равной степени относится ко всем кафедрам факультета, выпускников которого ждет чрезвычайно нужная для народного хозяйства и увлекательная творческая работа.

*Впервые опубликовано в газете
«Кадры приборостроению»
12 мая 1964 года*

[illegible][illegible]

Автобиография из личного дела Н.М. Фунтова. 1946 год

ВРАГ НЕ ПРОШЕЛ

На кафедре квантовой электроники со дня её основания работает доцент Николай Михайлович Фунтов. Студенты знают его как отличного лектора, коллеги по кафедре – как опытного методиста. Каждый год товарищи по работе тепло поздравляют 9 мая Николая Михайловича как участника Великой Отечественной войны.

Воевал Николай Михайлович с первых дней Великой Отечественной: в составе 192-го зенитного артиллерийского полка Ленинградского фронта, он защищал южные подступы к нашему городу.

Группа фашистских армий «Север» наносила главный удар осенью 1941 года в районе Пулкова и Колпина. Именно там держал оборону 192-й полк. В начальный период войны фашисты имели значительное преимущество в воздухе. Доходило до того, что вражеские самолёты буквально охотились за отдельными машинами и воинскими подразделениями, находившимися на марше. Бороться с фашистскими стервятниками и был призван зенитный полк. Делали это наши артиллеристы весьма успешно. На счету у полка к 1943 году было уже свыше 100 сбитых вражеских самолетов.

В марте 1943 года Николай

Михайлович был переведен в 191-ю стрелковую дивизию. В районе станции Поповка он был ранен.

«И боев-то серьезных не было – так, рядовые стычки. И на тебе – ранен и контужен», – с досадой в голосе вспоминает Николай Михайлович. «Лечился я в госпитале в Ленинграде, потом вернулся опять в свою дивизию. В ноябре нас на баржах переправили на Ораниенбаумский «пятачок» в распоряжение 2-й ударной армии под командованием генерала Федюнинского. Наша баржа преодолела восьмикilометровый путь вдоль берега успешно, а следующая баржа с техникой была потоплена противником.

В январе 44-го года начались ожесточенные бои по окончательному освобождению города от блокады. Петергофско-стрельнинскую группировку врага ударами с двух сторон загнали в «котел», а в 20-х числах января вышли на заданные рубежи. За успешное выполнение этой операции дивизия была награждена орденом и получила наименование Ропшинской. Развивая успех, дивизия с боями продвигалась к сильно укрепленному немцами городу Нарве. Здесь развернулись особенно ожесточенные сражения. Но Нарва была взята, водный рубеж форсирован, и дивизия

НАШИ ВЕТЕРАНЫ: они трудились в нашем вузе

устремилась по Таллиннскому шоссе к Рижскому заливу, где развернулись бои за острова Сааремаа, Муху и Даго.

Немцам, окопавшимся здесь, был дан приказ: в плен не сдаваться, драться до конца, да отступать им было не куда. И все-таки оборона фашистов была сломлена, а остатки их войск капитулировали. Освобождение островов Моонзундского архипелага помогло отрезать пути отступления для Курляндской группировки врага. А весной 1945 года эта группировка сдалась нашим в плен.»

Вскоре Николай Михайлович демобилизовался, так как очень ему хотелось учиться и заниматься научными исследованиями.

Совсем недавно в жизни Николая Михайловича произошло радостное событие. Как ветеран Великой Отечественной войны он получил отдельную квартиру в доме на Малой Карпатской улице. Это – совсем рядом с теми местами, где дислоцировался 40 лет назад его зенитный полк. Это очень символично, что защитник города живет там, где воевал.

9 мая Николай Михайлович собирается вместе с однополчанами посетить рубежи былых боев и поточнее определить, где располагались боевые позиции их оружейных расчетов.

*Впервые опубликовано в газете
«Кадры приборостроению» №15 (1215),
7 мая 1985 года*

Заседание Государственной экзаменационной комиссии: (слева-направо) доцент Н.В. Ефимов, доцент Н.М. Фунтов; крайний справа профессор Б.А. Арфьев

ЕФИМОВ НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧ

Доцент кафедры радиотехники (позже кафедры конструирования и производства электронно-вычислительной аппаратуры), декан вечернего факультета, начальник учебной части.

Во время Великой Отечественной войны оборонял Кавказ, штурмовал Кёнигсберг. Участник штурма Берлина.

Будучи офицером разведки полка, он неоднократно участвовал в проведении ответственных операций, награждён многими орденами и медалями.

ИЛЬИН ИВАН ИЛЬИЧ

И.И. ИЛЬИН

50 ЛЕТИЕ ДНЯ ПОБЕДЫ

Прошло пятьдесят лет со дня окончания Великой Отечественной войны. Мне пришлось пройти боевую школу политработника: в должностях от инструктора полка, комиссара полка, комиссара (заместителя командира по политической части) отдельного артиллерийского пулеметного батальона до инструктора политотдела армии, парторга штаба армии.

В день славного юбилея со дня Победы я хочу сказать не о личных подвигах, ибо ничего героического мне кажется, я не совершал, а о людях, об их взаимоотношениях между собой, моральном духе.

Прежде всего, всех, кто воевал (за единичным исключением), объединяла вера в победу, дружба и доверие

друг другу.

Сейчас, в наше время национальных неурядиц, особо хочется подчеркнуть – на фронте национальных проблем не возникало. Вспоминаю 768-ый стрелковый полк: у командира 1-ой роты Владимирова заместителем был Грицко-Гладких – украинец. Командир 3-ей роты Климко был украинцем, а его заместитель Матвеев – русский из Вологды. В этой же роте служил отважный разведчик старший лейтенант Хабибуллин - татарин. Политрук этой роты Прыгунов (затем он стал начальником разведки дивизии) был украинцем. Разные нации, но всех объединяло общее дело, все решали одну задачу. Неудача в бою - общее уныние, общая беда.

май 1995 года

НОВОСЕЛОВ АЛЕКСЕЙ ИОНОВИЧ

Окончил Общевойсковую Академию, отделение флота (1938).

Во время Великой Отечественной войны был заместителем начальника связи 19-ой Армии на Севере России. Полковник. Получил сильнейшую контузию в 1944 году, попал в госпиталь. После 1944 года начал преподавать в Военно-морской Академии (2-ой отдел – специалист по ракетной технике). В это время из-за контузии с трудом мог говорить, но со временем, путем упорных тренировок восстановил речь и пользовался большим авторитетом среди студентов.

С 1960-73 гг. работал доцентом в ЛИТМО на кафедре автоматики и телемеханики (заведующий кафедрой – Е.А. Танский до 1970 года, позже – Ю.А. Сабинин), был заместителем декана радиотехнического факультета. Некоторые разработки А.И. Новоселова того периода нашли применение при выполнении проектов по освоению космоса.

Выпустил учебник «Автоматическое управление (техническая кибернетика)».

Был награжден орденами В.И.Ленина, Боевого Красного Знамени, Красной Звезды, рядом медалей.

ПАМЯТИ ВЕТЕРАНА

А. И. Новоселов родился в 1905 году в Вологодской области. Трудовую деятельность Алексей Ионович начал слесарем на электростанции в г. Тотьма в 1920 году. После прохождения военной службы Алексей Ионович работал на заводе «Электросила» в Ленинграде и одновременно учился на вечернем отделении техникума. В 1938 году А. И. Новоселов окончил Военную электротехническую академию, а год спустя начал преподавательскую деятельность в военном училище связи.

В годы Великой Отечественной войны А. И. Новоселов находился в действующей армии. За заслуги перед Родиной он был награжден орденами Ленина, Красного знамени, Красной звезды, пятью медалями.

Свою преподавательскую деятельность Алексей Ионович продолжил в Военно-морской академии имени А. Н. Крылова. Во время работы в академии он защитил кандидатскую диссертацию, ему было присуждено ученое звание доцента.

В 1963 году А. И. Новоселов был избран по конкурсу на должность доцента кафедры автоматики и телемеханики ЛИТМО. Ему поручается постановка курса «Автоматическое управление», посвященного новым

разделам теории управления – оптимальным и адаптивным системам. Высокий теоретический уровень лекций, подготовленных А.И. Новоселовым, хорошо продуманные интересные темы курсовых и дипломных проектов значительно способствовали улучшению подготовки молодых инженеров. Под руководством Алексея Ионовича ряд аспирантов успешно защитил диссертации.

Помимо преподавания, Алексей Ионович вел большую научно-исследовательскую работу, являлся заместителем декана ФТМиВТ по научной работе. Доцент А. И. Новоселов зарекомендовал себя как видный специалист в области автоматики, обладающий богатым инженерно-техническим опытом, и как умелый педагог высшей школы. Он органично сочетал высокую принципиальность и требовательность с душевной отзывчивостью и добротой.

До конца своих дней Алексей Ионович не терял связи с институтом, активно участвуя в общественной и научной деятельности кафедры автоматики и телемеханики.

*Впервые опубликовано в газете
«Кадры приборостроению» № 29 (1123),
25 ноября 1982 года*

МАШОШИН АНДРЕЙ ФЕДОРОВИЧ

Участник Первой мировой войны, полный Георгиевский кавалер. После революции принимает сторону большевиков.

В Гражданскую войну – командир конной разведки.

Великую Отечественную войну встретил в должности командира 177-ой стрелковой дивизии. После 45-дневных боев под Лугой - с 10 июля по 22 августа 1941 года – 177-я дивизия вместе с другими войсками Южной группы оказалась в окружении. Части личного состава, в том числе и А.Ф. Машошину, с боями удалось пробиться из окружения.

До 10 октября 1941 года - заместитель командира 168-ой стрелковой дивизии; в период с 10 октября по 16 декабря 1941 года – командир 115 ой стрелковой дивизии (Невская Дубровка); в период с 16 января по 6 мая 1942 года – командир 43-ой стрелковой дивизии; с 16 февраля по 11 июня 1943 года – командир 10-ой стрелковой дивизии; в конце войны присвоено звание генерал-майор.

Работал в ЛИТМО на кафедре физвоспитания и спорта (1951-1964).

Умер в 1964 году.

По материалам: <http://lugapoisk.forum2x2.ru/t37-topic>

ВСЕГДА В СТРОЮ

Есть люди большой духовной силы и устремленности, всецело преданные делу, которому служат. К их числу, без сомнения, относится сотрудник кафедры физического воспитания и спорта Андрей Федорович Машошин. Вся жизнь Андрея Федоровича была посвящена защите Родины.

18-летним юношей выбрал себе призвание Машошин – воинскую службу. В 1911 году он поступил в кавалерийский полк. Первым испытанием личной отваги и доблести для молодого воина была I Мировая война.

В 1918 году была создана Рабоче-Крестьянская Красная Армия (РККА). В ее ряды влился кавалерийский эскадрон, которым командовал А.Ф. Машонин. В те годы он активно участвует в укреплении боеспособности Красной Армии, готовит бойцов к грядущим сражениям.

Вновь пришла пора суровых испытаний, и, Л.Ф. Машонин – на передовой: он командир полка во время войны с белофиннами. К началу Великой Отечественной войны он становится генерал-майором.

В 1941 году на нашу Родину напали вооруженные до зубов полчища немецких фашистов. И снова Андрей Федорович Машонин в действующей армии. Его можно встретить на самых ответственных участках фронта. 10-я дивизия, которой командует Машошин, сражается на подступах к городу-герою Ленинграду. А когда после 900-дневной блокады части Ленинградского фронта опрокинули гитлеровцев, среди наступавших частей была и дивизия Машошина.

За доблесть, проявленную в боях с фашистскими захватчиками, за умелое руководство действиями вверенных ему воинских частей Машошин был награжден высшими правительственными наградами.

Два ранения и две контузии, полученные в годы Великой Отечественной войны, сказались на здоровье Андрея Федоровича. В 1947 году в звании генерал-майора Машошин уходит из рядов Советской Армии в запас.

В феврале 1951 года мы впервые увидели Андрея Федоровича в нашем институте. Он стал работать на кафедре физического воспитания и спорта. С тех пор опытный организатор, отдающий всю свою душу работе, Машошин оказал кафедре неоценимую помощь. Его добросовестное, заинтересованное отношение к любому делу служит примером для каждого из нас.

*Впервые опубликовано в газете «Кадры приборостроению»
от 3 декабря 1963 года*

ЗИМИН ИВАН ИВАНОВИЧ

Заведующий лабораторией кафедры БПУ, участник обороны Ленинграда.

И. И. ЗИМИН

МОИ ВОСПОМИНАНИЯ О ВОВ

Великая Отечественная война меня застала в ВМАТУ – Военно-морском авиационном училище имени Молотова в г. Перми. В 20-х числах августа 1941 года закончил училище, и нас отправили по флотам, откуда мы прибыли на учебу, т. е. в Военно-морскую авиацию Краснознаменного Балтийского флота. В нашей группе было человек 20, а выдали нам сухой паек на 10, посадили в товарный вагон и отправили в Ленинград. От Перми до Ленинграда мы добирались дней 7-8 - везде наш поезд задерживали.

В конце августа 1941 года наш поезд прибыл в город Волхов, и нам объявили, что поезд в Ленинград не

пойдет, так как по пути был высажен немецкий десант. Тогда я сказал нашей группе: «Я с 1936 по 1939 год служил в Новой Ладогге, места знаю, пошли за мной. От вокзала Волховстроя поедем на попутной машине до Новой Ладогги, потом по каналу на пароходе до Шлиссельбурга, а там и до Ленинграда недалеко». Когда мы добрались до Шлиссельбурга, оказалось, что его накануне ночью бомбила немецкая авиация, и немцы подступали к городу. По левому берегу добираться до Ленинграда было опасно: могли попасть в плен, и мы на большом пароме стали переправляться на правый берег Невы, на котором

было около 15 автомашин и подбитый танк КВ. Когда паром прошел примерно половину пути, над нами появилось три немецких бомбардировщика. Я разделся, снял ботинки и бушлат и решил, что, если самолет будут обстреливать или бомбить, буду добираться до правого берега вплавь. Но у немцев было задание – бомбить Невскую гидроэлектростанцию, которая находилась недалеко от Шлиссельбурга, чему мы были свидетелями. Когда мы переправились, то разными проселочными дорогами к утру добрались до Ленинграда. На другой день я прибыл в штаб ВВС КБФ в Новом Петергофе и получил назначение в воинскую часть, которая находилась в Гавани на Васильевском острове.

В сентябре или ноябре 1941 года от немецкого обстрела и бомбежки сгорели Бадаевские склады с большим запасом продовольствия, и после этого с питанием стало очень плохо. Хлеба полагалось 300 грамм. В обед первое блюдо состояло из воды и 10 грамм пшенной крупы, на второе – 25 грамм каши или макароны; завтрак и ужин были ещё хуже. Наш рабочий день начинался в 8 часов утра и продолжался до 22 часов. Работали без выходных.

Когда немцы заняли Лигово, наша часть ежедневно находилась под обстрелом, и ее перевели на Съездовскую линию. Мы заняли

церковь Святой Мученицы Екатерины и дом №29, который почти весь был эвакуирован. Самолеты принимали и сдавали на Комендантском аэродроме.

8 февраля 1942 года пошел помыться в баню. На Первой линии баня не работала (не было угля), на Пятой и Семнадцатой – тоже. Баня работала только в Гавани. Пока я добирался до Гавани, на улице увидел человек 8 мертвых: некоторые лежали на саночках, завернутые в простыни и брошенные посреди улицы. В нашем классе мылось человек пять, а в соседнем женском классе мылось очень много женщин, и у них не хватало шаек. Они стали к нам заходить и здесь же оставались мыться. Впервые в жизни мне пришлось мыться в бане вместе с женщинами, с такими же «скелетами», как и мы, мужчины: у каждого рёбра можно было пересчитать.

Как-то в 1942 году я был дежурным по части. Во время воздушной тревоги я поднялся на колокольню и увидел, как с барки на Малой Неве у Тучкова моста пускали ракеты над Васильевским островом, над Академией тыла и Стрелкой Васильевского острова, где стояли зенитные орудия, и была расположена воинская часть. После дежурства я доложил об этом начальнику Особого отдела, и через несколько дней там поймали немецкого шпиона. В другое дежурство осенью 1942 года или 1943 года я наблюдал, как наш

ВОСПОМИНАНИЯ УЧАСТНИКОВ БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

истребитель И-16 обстреливал немецкий бомбардировщик «Юнкерс». Используя, видимо, все снаряды, И-16 пошел на таран, и «Юнкерс» упал в Таврический сад. Пилот «Юнкерса» катапультировался и при спуске парашютом зацепился за крышу дома, откуда его забрали в плен. Пилот И-16 также катапультировался и благополучно приземлился в районе города. Это был летчик Талалихин, в честь подвига которого на Петроградской стороне была названа улица.

Победу я встретил в городе Грац, Австрия. В ночь с восьмого на девятое мая на немецкой стороне было очень шумно, мы думали, что против-

ник готовится к бою, а оказалось, что немцы отступали. Командование объявило, что в 12⁰⁰ 9 мая прекращаются все военные действия, и нам было приказано войти в город. Грац относился к американской территории, и чтобы войти в него, нам надо было израсходовать боеприпасы. Мне хотелось хоть раз выстрелить из пушки. Из-за неопытности при зарядке уронил снаряд себе на ногу, след остался до сих пор. Во время расходования лишнего боеприпаса попали по немецким позициям.

*Впервые опубликовано в газете
«Кадры приборостроению» № 6 (583),
21 февраля 1968 года*

Ветераны Великой Отечественной войны И.И. Зимин и Г.В. Дадонов на встрече в ЛИТМО.
1980 год

ИВАНОВ И.

И. ИВАНОВ

Участник Сталинградской битвы, старший инженер НИСа

НИ ШАГУ НАЗАД!

Из сражений Великой Отечественной войны мне особенно памятна Сталинградская битва. В сентябре 1942 года мы держали оборону в районе совхоза Котлубань, северо-западнее города. Шли тяжелые, не прекращавшиеся ни днем, ни ночью бои. Земля содрогалась от канонады.

Я, служивший связистом, получил приказ командира взвода восстановить связь с соседним полком. Я полз вдоль линии связи среди паутины запутанных и оборванных проводов. Наконец, удалось добраться до обрыва. Линия была повреждена взрывом мины. Вокруг громоздилась подбитые танки. Их было так много, что в сумерках их скопление казалось густо застроенным населенным пунктом.

Когда я, находясь в воронке, сращивал кабель, меня заметили с немецкого подбитого танка. Два пулемета открыли по мне огонь. Очереди легли в полуметре впереди меня. Затем пули начали рвать гимнастерку на спине. Я плотно прижался ко дну воронки, считая тебя обреченным. Поднимись я на один дюйм, очередь тотчас прошла бы меня.

Я хотел жить, а если и отдать жизнь, то не так глупо. И вдруг стало ясно: когда кончится лента, именно в эти доли секунды, надо вырваться из лап огненной смерти! Едва на мгновение смолкли пулеметы, я, словно ударенный палкой, прыгнул в сторону и запетлял по-пластунски в бурьяне. Немцы потеряли меня из виду, их очереди ложились в стороне. Связь была восстановлена. Я был жив. Через полчаса я доложил, что в подбитом танке – немцы, и наши артиллеристы накрыли эту огневую точку.

Однажды в ноябре мы шесть дней и ночей подряд отбивали яростные атаки врага, превосходящего нас по численности во много раз. Немцы оттеснили нас и почти окружили. Не было воды и пищи, не хватало боеприпасов, не приходило пополнение. Не было никакой возможности даже отправить в санчасть раненых. Немцы так «молотили» наши позиции, что казалось никого из нас не осталось в живых. Беспрерывно застилало небо целая армада «черной саранчи» с крестами на крыльях. Все вокруг горело, взлетало в воздух. Но солдаты черные, как сама израненная земля, стояли на смерть, ибо для них не было ни жизни, ни земли за Волгой...

Впервые опубликовано в газете «Кадры приборостроению»

№ 6 (583), 21 февраля 1968 года

ЦЕЛИЩЕВ ВИКТОР ИВАНОВИЧ

Кандидат технических наук, доцент кафедры теории оптических приборов ЛИТМО. Капитан-лейтенант, начал войну с приграничных сражений, познал горечь отступления и радость грядущих побед, был трижды ранен в боях, участвовал в битве за Москву, командиром 42-й гвардейской танковой бригады штурмовал Кенигсберг.

В своем танке он сражался на Западном, Южном, Белорусском и Украинском фронтах. Оборонял Москву, освобождал Донбасс, штурмовал Кенигсберг и закончил войну в Праге. Горел в боевой машине, трижды был ранен в боях, награжден многими боевыми орденами и медалями.

Закончил войну в звании капитана. Работал в ЛИТМО в течение более 25-ти лет.

В. ЦЕЛИЩЕВ

ОСВОБОЖДЕНИЕ ЗЛОТОЙ ПРАГИ

Окончательное освобождение Чехословакии от гитлеровских захватчиков совпало с победоносным окончанием Великой Отечественной войны – 9 мая 1945 года. В этот день столица нашей Родины салютовала доблестным советским воинам, одержавшим победу в последнем сражении Великой Отечественной – пражской наступательной операции.

Для нас, непосредственных участников этих далеких событий, последние дни войны были особенно памятными. И радостно осознавать, что мне посчастливилось сражаться в те дни в составе 42-й гвардейской

танковой бригады под командованием гвардии полковника В. С. Гаева в составе 4-го Украинского флота.

Апрель был по-настоящему весенним месяцем. Это ощущалось не только в природе, но в настроении советских воинов. От мощных ударов нашей армии третий рейх разваливался, фашистские орды были уже не теми, что раньше. Но война продолжалась.

5 апреля в нашу бригаду пришла радостная весть: за образцовое выполнение заданий командования по овладению городом Бельско-Бяла и проявленные при этом доблесть, мужество и героизм указом Президиума

Весна 1945 года в Праге.
На фотографии В.И. Целищев в первом ряду, второй слева.

ВОСПОМИНАНИЯ УЧАСТНИКОВ БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Верховного Совета СССР бригада была награждена орденом Богдана Хмельницкого II степени. Это была пятая награда на боевом знамени бригады, ранее она была награждена орденом Красного Знамени и тремя орденами Кутузова. В указе заслуги нашего подразделения были сформулированы таким образом: «За отличие в боях за освобождение советской земли от фашистских захватчиков».

В ночь на 7 апреля бригада получила новое боевое задание и, совершив многокилометровый переход, сосредоточилась в районе города Глясина. Нам предстояло совместно с частями горнострелкового корпуса не пропустить фашистов на северо-запад от города Моравска-Острава.

В течение пяти суток бригада вела бои с превосходящими силами врага, нанесла ему большие потери и удержала рубеж. А когда контратаки противника ослабли, танкисты доверили оборону горным стрелкам, а сами совершили марш к городу Шамеррау. В тот же день наша бригада достигла южной окраины города Задзиц, и после двадцатиминутной артиллерийской подготовки вместе с частями 30-й стрелковой дивизии перешли в наступление в направлении Рогув, Кобержицы.

Мы приближались к границе Чехословакии, вышибли противника из нескольких населенных пунктов и завязали бои на берегах реки Опавы.

Возле городка Ститин бригада в течение пяти суток вела бои за расширение плацдарма на южном берегу реки.

22 апреля во взаимодействии со стрелковыми частями танкисты штурмом овладели городом Троппау. Открылся путь на крупный промышленный центр Чехословакии город Моравска-Острава. Советское командование придавало особое значение овладению этим городом. Член Военного совета нашей армии генерал-майор А.А. Епишев призвал бойцов и командиров в ходе боев уберечь старинный чешский город от разрушения.

Путь на Моравску-Оставу оказался нелегким. Гитлеровцы превратили населенные пункты на подступах к городу в мощный рубеж обороны. Стены каменных зданий железобетонными фундаментами не уступали по прочности дотам. Путь танкам преграждали многочисленные озера, пруды и каналы. Чем ближе к городу, тем сильнее мы ощущали сопротивление врага. Огрызаясь из последних сил, фашисты бросили в бой имевшиеся у них в резерве «тигры» и «фердинанды». Повсюду нас встречали шквальный артиллерийский огонь и засады противотанковых подразделений, вооруженных фаустпатронами.

30 апреля наша бригада вместе с мотострелками завязала бои за переправу через реку Одру. Полтора часа продолжалось сражение, река была

форсирована, а перед нашим взором предстал величественный город.

Вечером того же дня в Моравску-Оставу вошли и остальные части 31-й армии 4-го Украинского фронта. В честь той победы в Москве был произведен салют.

1 мая бригада встретила на марше, преследуя отступающего противника. Сокрушая вражеские заслоны, отражая контратаки, бригада продвигалась в перед в юго-западном направлении. Наши танки первыми ворвались в города Витковице, Просоковице, Ястендорж и многие другие населенные пункты.

2 мая пал Берлин. Фашистские войска, оборонявшие его, капитулировали. Трудно передать, то ликование, которое охватило нас при этой радостной вести.

Однако на территории Чехословакии осталась самая сильная группировка противника. В нее входили группы фашистских армий «Центр» и «Австрия», оказывавшие отчаянное сопротивление и после подписания немцами акта о безоговорочной капитуляции.

Успешное наступление советских войск привело к активизации в Чехословакии национально-освободительного движения. Нашей бригаде было приписано сосредоточиться в районе Оломоуца для подготовки ударов на Прагу. Наступление планировалось на 7 мая,

однако было решено начать его на день раньше. Утром 6 мая бригада вместе с другими частями и соединениями 4-го Украинского фронта прорвала оборону противника. Мы знали, что Прага восстала, что там идут напряженные бои. Отряды патриотов захватили радиостанцию, почтамт, электростанцию, вокзал, большинство мостов через Влтаву и другие важные объекты.

Командующий группой армии «Центр» генерал-фельдмаршал Шернер отдал своим войскам приказ подавить восстание, камня на камне не оставить от Праги. На помощь своему пражскому гарнизону фашисты бросили танки и самолеты. Защитники баррикад испытывали острый недостаток в оружии. Эсэсовцы жестоко расправлялись с населением, не щадя ни женщин, ни детей. В наших шлемофонах мы слышали призыв пражского радио на русском языке: *«Мы просим героическую Красную Армию придти к нам на помощь. Не дайте погибнуть нашему городу Праге!»*. И советские войны откликнулись на призыв братского народа.

Утром 8 мая бригада получила приказ пробиться к восставшей Праге. Предстоял нелегкий путь в 300 с лишним километров по горным дорогам, в условиях жестокого сопротивления противника.

В армейской группе, ударной силой которой по-прежнему была наша

ВОСПОМИНАНИЯ УЧАСТНИКОВ БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

42-я гвардейская танковая бригада, двигались и чехословацкие части под командованием Людвиг Свободы.

Бригада разгромила укрепленный пункт обороны противника в Оломоуце, но натолкнулась на еще более ожесточенное сопротивление у населенного пункта Кршелов. Заняв господствующие высоты, фашисты устроили засаду. Они пропустили разведку и наш головной отряд, а когда колонна главных сил начала втягиваться в Кршелов, вражеская артиллерия и минометы открыли по ней ураганный огонь. В этом бою смертью героя погиб командир бригады гвардии полковник В.С. Гаев. Его заместитель гвардии полковник Е.А. Куркула, принявший на себя командование бригады, развернул танки в боевой порядок в направлении вражеских батарей, и фашистские орудия замолчали навсегда.

...В горах бушевала весна. Майская весна 1945 года. Долины гор покрылись ярко-зеленым ковром трав, цвели ромашки, распустились дымчатые цветы сирени, расцвела черемуха. Лучезарно и ослепительно светило солнце.

Война подходила к концу. На западном фронте бои прекратились. Об этом слышали отрывочные сообщения на английском языке. Но у нас под Прагой обстановка была по-прежнему накаленной. Участники пражского восстания четвертые сутки

сражались на баррикадах. К столице Чехословакии рвались головорезы Шернера.

Советские войска с севера стремительно спешили на помощь пражанам.

Не забыть той радости, того подъема, который мы все испытали, ворвавшись на улицы чешской столицы. Нас встречали тысячи мужчин, женщин, подростков. Они засыпали броню свежими цветами. Женщины и старики выносили навстречу нам корзины с домашними угощениями, кувшины с вином, вышитые полотенца с хлебом и солью.

Люди бросались к нам со слезами на глазах, обнимали и целовали. Всюду раздавались возгласы: «Наздар! Руда армада! Наздар!», «Ать жие Советски Связ!» Так Прага чествовала воинов-освободителей.

В эти памятные дни наша бригада получила свою шестую награду – орден Суворова I степени – за отлично организованную операцию, в ходе которой противник был разгромлен. В статуте ордена Суворова особо оговаривалось еще одно обстоятельство: им награждали за победу, одержанную меньшими силами над численно превосходящим противником.

Таким в моей памяти остался день Великой Победы – 9 мая.

*Опубликовано в газете
«Кадры приборостроению» № 15 (1215),
7 мая 1985 года*

ЛИВШИЦ АНАТОЛИЙ ЛЬВОВИЧ

Е. ШАЛОБАЕВ, В. ШАЛЬНИКОВ

ОТ СЛУЖБЫ НА ФЛОТЕ ДО СЛУЖБЫ В «ЛИМТУ»

Недавно исполнилось 90 лет профессору Академии «ЛИМТУ» – Анатолию Львовичу Лившицу.

Связав в далеком 1938 году свою жизнь с Военно-морским флотом, А.Л. Лившиц прослужил в нем 35 календарных лет. Эти годы включают в себя учебу в Высшем военно-морском училище имени М.В. Фрунзе и тяжелейший период Великой Отечественной войны. Он служил, что называется «от звонка до звонка», принимая активное участие в боевых действиях на кораблях Северного флота и, в частности, в проводках знаменитых полярных конвоев. Мера его ответственности определялась должностью командира эсминца и званием капитана 1-го ранга. Далее последовал период учебы, а затем и научно-педагогической деятельности в Военно-морской академии и в научных учреждениях Военно-морского флота.

В 1973 году А.Л. Лившиц пришел в ЛИМТУ уже сложившимся ученым со степенью доктора военно-морских наук и ученым званием профессора, автором более 100 научных и научно-педагогических трудов.

Его глубокие теоретические знания, организационный талант и умение работать с людьми позволили поднять работу руководимой им кафедры автоматизации систем управления на качественно новую ступень и завязать сотрудничество со многими российскими и зарубежными организациями и образовательными учреждениями. При кафедре длительное время работал «Центр профессионального обновления «Менеджмент и компьютерные технологии»», который реализовывал крупные международные проекты и осваивал гранты на проведение научно-исследовательских работ и образовательных проектов, выделявшиеся отечественными и зарубежными фирмами.

А главное, что Анатолий Львович продолжает трудиться в научной сфере, хотя и находится последние годы на заслуженном отдыхе. Его можно с полной уверенностью назвать одним из основоположников научно-педагогической школы современной Академии.

Буквально накануне юбилея раскрылась еще одна грань возможностей профессора А.Л. Лившица как творческой личности – вышла в свет замечательная книга воспоминаний.

Добрая половина ее посвящена периоду работы автора в ЛИМТУ.

Опубликовано в газете «Университет ИТМО» № 105 (1610), февраль 2009 года

ЛАПИН АЛЕКСЕЙ ИВАНОВИЧ

В июне 1941 года досрочно закончил авиационное училище и был направлен во флот. Ветеран Великой Отечественной войны.

Работал в ЛИТМО начальником типографии и отдела множительной техники.

А. ЛАПИН

СЛОВО ВЕТЕРАНУ. БОЕВАЯ МОЛОДОСТЬ

Нам, ветеранам вооруженных сил, длительные годы служившим в их рядах, особенно дорога юбилейная дата рождения Красной Армии и Военно-морского флота. Единство советского народа и его Вооруженных Сил особенно ярко проявлялось в годы Великой Отечественной войны.

Мы, кому в то время было 19-20 лет, вступили в войну с первых ее дней. 15 июня 1941 года я досрочно закончил авиационное училище и был направлен во флот. Из молодых летчиков и механиков различных специальностей были сформированы отдельные подразделения в составе авиации Черноморского флота. Таким подразделением была и 101 отдельная авиационная эскадрилья, вооруженная самолетами И-16 различных модификаций. Командиром ее был назначен 26-летний старший лейтенант, командирами и техниками звеньев — выпускники училищ 1940 года. Немного старше их были старший инженер и комиссар. А рядовые летчики и механики полностью были укомплек-

НАШИ ВЕТЕРАНЫ: они трудились в нашем вузе

тованы выпускниками 1941 года.

Сразу же после формирования эскадрилья приняла участие в боях. Опыта ведения боевых действий у нас не было; приобретая его непосредственно в схватках с врагом, мы несли большие потери. Прошло уже более сорока лет, но до сего времени перед глазами – молодые, жизнерадостные ребята, которые погибли в первые месяцы войны. Особенно запомнились два друга – А. Мхитаров и А. Ермаков, которые были душой и заводилами коллектива. Так уж случилось, что оба они погибли в одном бою под Перекопом.

Никогда не забуду и моего первого командира лейтенанта В.В. Хряева. Спокойный, исключительно выдер-

жанный, хладнокровный в самых тяжелых ситуациях, обаятельный в общении с товарищами, он был неустрашим в бою. Обладая высокой летной выучкой, Хряев за июль и август 1941 года в боях лично сбил 8 фашистских самолётов. За боевые подвиги осенью 1941 года он был награждён орденом Ленина, а за участие в обороне Севастополя ему было присвоено звание Героя Советского Союза.

Он погиб в воздушном бою под Новороссийском, прикрывая наш десант на «Малой земле»... Но память о нём будет жить, пока живы мы, знавшие его.

*Впервые опубликовано в газете
«Кадры приборостроению» № 6 (1171),
20 февраля 1984 года*

СЕРОВ АНАТОЛИЙ КОНСТАНТИНОВИЧ

Преподаватель военно-морской кафедры, капитан 1-го ранга, ветеран вооруженных сил СССР, участник Великой Отечественной войны: участвовал в битве за Кавказ под Моздоком. День Победы встретил лейтенантом в должности командира батареи краснознаменного эскадренного миноносца «Грозный» на Северном флоте.

А. СЕРОВ

СЛУЖИМ РОДИНЕ

В субботу 21 июня 1941 года в школе состоялся выпускной вечер нашего 10-го класса. Утром 22 июня, когда мы вернулись домой, уже шла война.

В июле я поступил в Ленинградское военно-морское пограничное училище. После принятия присяги в лагере под Шлиссельбургом курсанты учились воевать на суше. В Ленинград мы возвратились в конце августа, а в ночь на 1 сентября нас подняли по тревоге, переодели в форму морской

пехоты и отправили на Ленинградский фронт, в район невских порогов.

В критические дни сентября 1941 года фашистов в Ленинград не пустили. В это был и боевой вклад нашего отдельного батальона морской пехоты. Высшего военно-морского пограничного училища.

В начале декабря, когда фронт стабилизировался, по приказу Верховного главнокомандующего всех курсантов училищ отзывали с фронта для продолжения учебы.

НАШИ ВЕТЕРАНЫ: они трудились в нашем вузе

В ночь на 6 декабря (позже я вспомнил, что это был мой день рождения, и мне исполнилось 18 лет), передав свой участок фронта сменившему нас батальону, мы пешком вернулись в Ленинград, где на себе испытали блокадный паёк...

В конце декабря нас эвакуировали. Со станции Новая Ладога пешком по дороге жизни мы вышли в Кобону. 32 километра преодолели за 20 часов. Бушевала метель. Дул сильный встречный ветер. Мороз был минус 20 градусов. Сугробы местами были выше колен. Автомашин по трассе не ходили.

Одетые в белые халаты, мы шли весь день и остались не замеченными фашистами. В начале января 1942-го добрались до Тихвина, а далее в теплушках отправились в Баку. В годы войны туда эвакуировалось Высшее военно-морское училище имени Фрунзе. В 1942 году курсанты училища участвовали в битве за Кавказ под Моздоком. День Победы я встретил уже лейтенантом в должности командира батареи краснознаменного

эскадренного миноносца «Грозный» на Северном флоте.

35 лет жизни отдано военной службе, делу защиты государственных интересов нашей любимой Родины. Но и после окончания службы многие ветераны продолжают трудиться. Они вносят посильный вклад в укрепление экономического и оборонного могущества нашей страны, щедро делятся с молодежью своим опытом и знаниями. Работа со студентами в нашем институте доставляет нам, ветеранам, большую радость.

Сейчас в мире снова не спокойно. Империализм готовит новую мировую войну. За мир надо бороться, его надо защищать. Мы верим, что в час тяжких испытаний молодежь, следуя трудовым, революционным и боевым традициям, выполнит свой долг перед нашей Отчиной, так же, как выполняли его деды и отцы.

*Впервые опубликовано в газете
«Кадры приборостроению» №15 (1215),
7 мая 1985 года*

СМИРНОВА МАРИЯ ВЕНЕДИКТОВНА

Инспектор отдела кадров ЛИТМО.

Во время Великой Отечественной войны работала в эвакогоспитале, участник обороны Сталинграда, вместе с воинской частью, в которой служила, прошла Польшу, Чехословакию и закончила войну в самом центре Германии.

Б. МОКИН

ОТ ВОЛГИ ДО ЭЛЬБЫ

Победа в Великой отечественной войне добывалась не только на поле боя, не только на передовой.

Особых слов благодарности заслуживают наши женщины, на плечи которых в те суровые годы легло так много испытаний. Они трудились на полях, цехах заводов, служили в армии. Особенно не оценив вклад в победу над врагом тех из них, кто выхаживал и возвращал в боевой строй раненных воинов.

Одну из незаметных тружениц войны была Мария Венедиктовна Смирнова. После эвакуации из Ленинграда, попав в Волжский город Камышин, совсем юная девушка начала свой трудовой путь в ноябре 1941 года в эвакогоспитале.

А вскоре война пришла к берегам волги. На подступах к Сталинграду развернулась невиданная в истории битва. Наши войска стояли на смерть. Потери были огромными. Прямо с фронта в Камышин доставляли раненых, где им оказывалась своевременная помощь. Одни бойцы возвращались на передовую, другие

- отправлялись в тыл на лечение. Многие могла бы рассказать Мария Венедиктовна о тех днях...

Ну вот пришла весна 1943 – огромная немецкая армия попала в «котел» под Волгоградом и была уничтожена. И с той поры фронт медленно, но неуклонно, стал перемещаться на запад. А вслед за наступающими войсками продел путь в многие сотни километров и эвакогоспиталь.

Заключительные месяцы войны часть, в которой служила Мария Венедиктовна, прошла по боевым дорогам освобожденных Польши, Чехословакии и закончила войну в самом центре Германии – в городе Циттау.

Да, есть что вспомнить инспектору отдела кадров ЛИТМО Марии Венедиктовне Смирновой, но особенно дороги ей воспоминания, которые приходят, когда она в праздничный день надевает свою самую дорогую награду – «За оборону Сталинграда».

*Впервые опубликовано в газете
«Кадры приборостроению» №14(1142),
4 мая 1983 года*

БУДНИКОВ ИВАН ГРИГОРЬЕВИЧ

Иван Григорьевич Будников (1919 - 1977), старейший работник экспериментально-опытного завода ЛИТМО, родился 17 мая 1919 года в Луганске в семье рабочего. В 15-летнем возрасте он начал свою трудовую деятельность учеником токаря в школе ФЗУ, по окончании которой работал токарем, а затем контрольным мастером на предприятиях Луганска.

В 1939 году был призван на службу в РККА. Во время Великой Отечественной войны И.Г. Будников служил на ленинградском фронте в должности старшего сержанта. В 1942 году он был принят в члены ВКП(б). Его грудь украсили три правительственных награды: медали «За боевые заслуги», «За оборону Ленинграда», «За победу над фашистской Германией».

После демобилизации из рядов Советской Армии в 1946 году И.Г. Будников трудился на различных предприятиях Ленинграда.

С 1950 года и до последних дней жизни Иван Григорьевич работал на экспериментально-опытном заводе ЛИТМО в качестве мастера сборочного участка. На этой работе ярко проявились его незаурядные организаторские способности, умение сплотить рабочий коллектив. За время работы на заводе много сил вложил он в создание приборов и устройств новой техники, а также в дело подбора и подготовки квалифицированных кадров.

На всех участках, куда направляла администрация и партийная организация завода, он проявил высокую принципиальность, чувство ответственности за полученное дело. И.Г. Будников активно участвовал в общественно-политической жизни, неоднократно избирался секретарём партийной организации завода.

Иван Григорьевич был удостоен высокого звания «Ветеран труда ЭОЗ ЛИТМО» 1-й степени с вручением нагрудного знака. Он свыше 40 раз отмечался благодарностью в приказах по заводу и институту.

Человек большой души и личного обаяния.

*Впервые опубликовано в газете «Кадры приборостроению»
№21, 1 сентября 1977 года*

ФЕДОРОВА ЕЛЕНА МАРКОВНА

Выпускница ЛИТМО. Работала в ЛИТМО в течение 35 лет с 1948 года.

Во время Великой Отечественной войны служила на Ленинградском фронте в батальоне авиационного обслуживания №48 авиационных штурмовых полков № 15 и № 943, награждена «Орденом Отечественной войны», медалями «За Победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.», «За Оборону Ленинграда» и еще 10-ью медалями.

ГЕРОИНЯ ВОЕННОГО ВРЕМЕНИ

Елена Марковна Федорова родилась в 1922 году. Дом на 4-ой Красноармейской улице повидал много счастливых и тяжелых моментов. Тридцатые годы унесли жизни родителей, и Елена Марковна осталась вдвоем с бабушкой. В 1940 году она окончила школу и поступила в Горный институт на геологический факультет, одновременно училась на чертежно-конструкторских курсах. Образование пришлось прервать, так как оно стало платным, надо было платить 400 рублей в год.

Следом пришла война, тогда Елене было всего 19 лет, она начала работать в транспортно-складской конторе секретарем управляющего. Будучи активной комсомолкой, вызвалась помогать Родине: её отправили на оборонные работы под город Чудово, где пришлось рыть противотанковые рвы. После отступления Красной Армии из Кингисеппа ее перебросили на лесоповал на Карельский перешеек. Чтобы добраться до работы каждый раз молодая девушка ходила

пешком с 4-ой Красноармейской до Финляндского вокзала. Когда её перевели в поселок Левашово рыть траншеи, жила там в неотапливаемом бараке. *«Я видела, как немцы сбивали наши спортивные фанерные самолеты зеленого цвета с красными звездами на крыльях. Так была оснащена Советская Армия в 1941–1942 годах!»* – рассказывает она.

Когда в Ленинграде начался голод, ее сняли с работы и отправили в город. Первыми в оборонном отряде стали умирать мужчины, а Елена Марковна, по ее словам, «была настоящим скелетом» и еле ходила из-за цинги на ногах. В 1942 году умерла бабушка. Зашив в простыню ее тело, Елена Марковна с помощью подруги отвезла ее в Троицкий собор. Потом украли продовольственные карточки, а в блокадные годы это был приговор.

Тогда девушка сначала устроилась работать стрелочницей, а затем - секретарем отдела кадров на Балтийский вокзал, где ей дали «рабочую» карточку на хлеб и продукты, которые и позволили выжить. Вскоре призвали в Советскую Армию, где она служила в батальоне авиационного обслуживания 943-го авиационного штурмового полка под командованием заслуженного летчика полковника Камбулатова. За эту службу Е.М. Федорова была награждена «Орденом Отечественной войны» II-ой степени и медалью «За победу над фашистской Германией».

Елена Марковна жила, работала и служила в Ленинграде все 900 блокадных дней. В 1942 году указом Президиума Верховного совета СССР она была награждена медалью «За оборону Ленинграда». Вручение прошло уже в 1944 году в Доме искусств на Невском проспекте.

После окончания войны в 1948 году Елена Марковна пришла в ЛИТМО.

Она училась и работала, осталась в вузе и после окончания учебы - была сотрудницей ЛИТМО на протяжении 35-ти лет!

В феврале 1993 года она попала в дорожно-транспортное происшествие и повредила ноги. Однако о том, чтобы изменить привычный образ жизни, не могло быть и речи. Елена Марковна – человек удивительной силы духа.

«Отечественная война, голод, сама жизнь, сложная и тяжелая, закалили мой характер. Я борюсь с неприятностями настоящего и не сдаюсь!» – рассказывает Елена Марковна. Стойкость характера воспитали не только события, но и жизненные принципы. «Нужно постоянно учиться и делать добро, не ожидая ничего в ответ», – напутствует она, и ее жизненная позиция и вера в лучшее передается всем, кто находится рядом.

*По материалам статьи, опубликованной
в газете «Университет ИТМО», январь 2013 года*

ДИБЦЕВ НИКОЛАЙ ЯКОВЛЕВИЧ

Кандидат исторических наук, доцент кафедры философии и научного коммунизма. Воин-фронтовик. Будучи политработником, он с июля 1941 года находился в рядах действующей армии, воевал на Ленинградском фронте.

Его боевые заслуги отмечены многими правительственными наградами.

Н. ДИБЦЕВ

ОРАНИЕНБАУМСКИЙ «ПЯТАЧОК»

Незабываемые дни Великой Отечественной войны навсегда останутся в памяти народной. Героический подвиг ленинградцев, выдержавших 900-дневную вражескую блокаду, пламенный патриотизм, мужество нестижимаемая стойкость защитников города Ленина нашли всеобщее признание у советского народа.

В государственных и военных архивах хранятся ценнейшие документы периода Великой Отечественной войны. В них глубоко отражены взаимодействия фронта и тыла, превосходство социалистической системы хозяйства, могущество нашего государства и его вооруженных сил, высокое мастерство советского военного командования.

Но как бы ни было велико значение изданных книг, сборников, статей и хранящихся архивных материалов, все же они не в состоянии отразить всего богатства событий тех лет. Требуется все больше усилий историков, литераторов, широкой общественности и особенно ветеранов войны – от солдата до маршала, чтобы восполнить имеющиеся пробелы в освещении славных боевых, революционных и трудовых традиций советской Родины.

Ежегодно в зимние дни мне невольно на память приходят фронтовые эпизоды периода военных лет. Для их описания потребовалось бы много времени и труда. Поэтому хотелось бы остановиться лишь на том эпизоде, который почему-то не забылся по сей день.

В начале войны я, в звании старшего политрука, находился на шестимесячных курсах политсостава. По приказу политуправления Ленфронта 18 июля 1941 года в качестве сопровождающего группы из 60 бойцов Московской коммунистической бригады я направился в район Нарвы. К вечеру того же дня мы прибыли на 5 машинах в штаб дивизии полковника Д.А. Лукьянова.

19 июля, рано утром, наша группа была распределена по стрелковым и артиллерийским полкам дивизии. Я был назначен в полк Виноградова, а

точнее, в батальон капитана Савченко.

Около 12 часов в районе Кривой Луки на участке батальона Савченко врагу был нанесен удар. Я впервые участвовал в атаке, но страха не ощущал. Единственное, чего я опасался, так это попасть в плен.

Закрепить успех контрудара нам не удалось. Во второй половине того же дня вражеские части, имея численное превосходство, при поддержке танков, прорвали линию нашей обороны и устремились по шоссе по направлению деревни Низы, что в Сланцевском районе.

В сложившейся обстановке я встал во главе группы бойцов пулеметной роты и взвода минометчиков, оказавшихся в тылу врага. В районе хутора между Кривой Лукой и деревней Низы мы организовали круговую оборону и стремились восстановить связь с соседними частями.

Немцы, занявшие танковое шоссе, были уверены, что мы сдадимся в плен. Однако на выкрике врага: «Рус, сдавайся!» мы ответили огнем. Тогда гитлеровцы начали стрелять по лесу сжигательными снарядами. Стихия пожара лишь усилила нашу ненависть к врагу. Мы с яростью прорвали все преграды на своем пути и вышли к своим в район деревни Низы, где и заняли оборону.

СИГОВ ИВГЛАФ ИВАНОВИЧ

С февраля 1943 года по май 1954 года служил в рядах Советской Армии: курсант 2-го Ленинградского артиллерийского училища (1943-45). Был направлен на курсы подготовки и переподготовки политсостава Прибалтийского военного округа (1945-46). После окончания курсов находился на политработе в частях военно-воздушных сил (1946-54).

Окончил факультет политэкономии Высшего военно-педагогического института имени М.И. Калинина (1952) и аспирантуру Ленинградского финансово-экономического института (ЛФЭИ) (1956).

Работал в ЛИТМО: ассистент, старший преподаватель, доцент кафедры политэкономии (1956-62). Заведующий кафедрой политэкономии ЛИТМО (1962-69). Декан общеобразовательного факультета (1962-63).

Кандидат экономических наук (1957), доцент (1961). Доктор экономических наук (1968), профессор (1968).

Ректор Ленинградского инженерно-экономического института имени П. Тольятти (1969-1978). Директор Института социально-экономических проблем АН СССР (1979-1989). С 1989 года Главный научный сотрудник ИРЭ РАН (ранее ИСЭП АН СССР). До 2010 года продолжал работать в Санкт-Петербургском государственном инженерно-экономическом университете.

Опубликовал более 400 научных трудов. Заслуженный деятель науки и техники РСФСР.

Ветеран Великой Отечественной войны.

НАШИ ВЕТЕРАНЫ:
они трудились в нашем вузе

Награжден тремя орденами: Красной звезды, Отечественной войны II степени, Трудового Красного знамени, многими медалями СССР и грамотами.

ИВГЛАФ ИВАНОВИЧ СИГОВ

В Ленинградском институте точной механики и оптики работает с 1956 года, сначала ассистентом, затем старшим преподавателем. В 1957 году защитил диссертацию, и ему присуждена ученая степень кандидата экономических наук. В 1961 году утвержден в ученном звании доцента, а с 1962 года по настоящее время является заведующим кафедрой политической экономии. Одновременно с апреля 1962 года по сентябрь 1963 года исполнял обязанности декана общеобразовательного факультета.

Ивглаф Иванович проявил себя опытным и теоретически подготовленным преподавателем, энергичным и инициативным руководителем кафедры. Ведет большую научную работу.

Ивглаф Иванович принимает активное участие в партийно-общественной жизни – неоднократно избирался членом партийного бюро института и партгруппом кафедры. Является лектором Октябрьского РК КПСС. Принимает активное участие в работе студенческого научного общества. В 1965 году был избран депутатом Октябрьского районного Совета.

*Впервые опубликовано в газете «Кадры приборостроению»
№ 7 (548), 1 марта 1967 года*

ИВАНОВ АЛЕКСАНДР НИКОЛАЕВИЧ

Закончил Техникум точной механики и оптики (1928), Ленинградский горный институт с квалификацией инженер-электромеханик (1932).

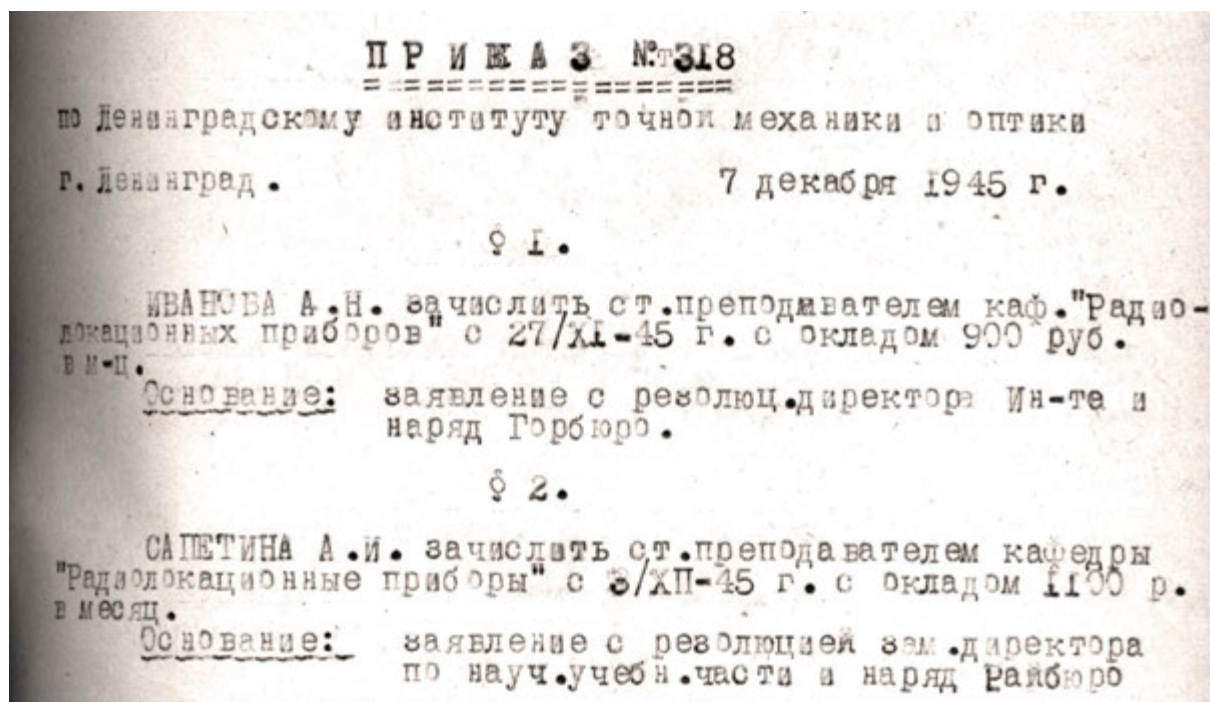
В довоенный период работал в различных научных организациях, занимавшихся конструированием блоков сверхвысоких частот (СВЧ) радиолокационной аппаратуры.

Участник Великой Отечественной войны. Служил в частях противовоздушной обороны (ПВО).

В ЛИТМО работал с 1945 года: старший преподаватель кафедры Радиолокационных приборов (1945-51), старший преподаватель кафедры Радиотехнических приборов и устройств (заведующий кафедрой) (1951-1953), доцент кафедры Радиотехнических устройств (1954-56), доцент кафедры Теоретические основы электротехники (1957-59), доцент кафедры Радиолокационных приборов и устройств (1959-86), заведующий кафедрой Радиолокационных приборов и устройств (1964-75).

В 40–50-ые годы А.Н. Иванов читал курсы «Теория и техника СВЧ» и «Теоретические основы радиолокации».

НАШИ ВЕТЕРАНЫ:
они трудились в нашем вузе

Приказ директора ЛИТМО от 7 декабря 1945 года о зачислении в штат института старших преподавателей А.Н. Иванова и А.И. Сапетина

Сапетин Анатолий Иванович на прогулке вдоль Невского проспекта напротив Дома книги. Ленинград. 1966 год

САПЕТИН АНАТОЛИЙ ИВАНОВИЧ

Кандидат технических наук (1954), доцент по кафедре Радиолокационные приборы и устройства (1961).

Был награжден орденом Отечественной войны II степени и медалями.

Пришел в ЛИТМО после демобилизации из армии в 1945 году. Воевал на Ленинградском фронте в пехоте. В 40–50-ые годы читал курсы лекций «Импульсная техника» и «Индикаторные устройства РЛС».

В 1957-58 годах Анатолий Иванович принимал участие в деятельности лаборатории телевидения на кафедре радиолокационных приборов и устройств, в научно-исследовательской работе по телевизионной тематике.

Студенты долго помнили его многочисленные рассказы о его студенческих годах (он заканчивал факультет слабых токов Ленинградского электротехнического института, деканом которого был действительный член АН СССР А.И. Берг), о начале уличной радиофикации города, свидетелем которой являлся и других событиях 20-30-х годов. Перед войной А.И. Сапетин работал в качестве вольнонаёмного в Военной Краснознаменной академии связи им. С.М. Буденного, был знаком с начальником кафедры Военного телевидения доктором технических наук профессором Евгением Логиновичем Орловским – ведущим специалистом в области фототелеграфии.

Кадры

ПРИБОРОСТРОЕНИЮ

Heng Liang

Типография им. Володарского
Лениздата, Ленинград,
Фонтанка, 57.

В разделе дается описание технологии изготовления устройств ориентируясь на наличие круп

выбор и обоснование проектируемого устройства:

ГАРИНА-ДОМЧЕНКО АРИАДНА НИКОЛАЕВНА

Родилась в городе Томске. С 1930 года жила в городе Ленинграде. В 1940 году поступила в Ленинградский кораблестроительный институт (ЛКИ; сегодня - Морской технический университет), а летом 1941 года ушла добровольцем на фронт: работала сначала медсестрой в Ленинградском военном госпитале. Участник Великой Отечественной войны.

В апреле 1942 года была эвакуирована с ЛКИ в городе Горький (сегодня - Нижний Новгород). В 1943 году продолжила обучение в МВТУ им. Баумана, который в это время находился в эвакуации в городе Ижевске.

После реэвакуации ЛИТМО в 1944 году поступила на 3 курс факультета Точной механики ЛИТМО. Позже, после организации и создания факультета Электроприборостроения она была переведена в группу этого факультета и назначена старостой. В 1948 году окончила с отличием полный курс ЛИТМО по специальности факультета Электроприборостроения с присвоением квалификации инженера-электромеханика.

Закончила аспирантуру ЛЭТИ и защитила диссертацию на ученую степень кандидата технических наук в 1952 году. Преподавала в ЛПИ (1952-1953).

Работала в ЛИТМО: преподаватель, старший преподаватель, доцент кафедр №11 (1952 – 1957), радиолокационных приборов и устройств (РЛПУ) (1957-1969) и контрольно-измерительных приборов (КИПР) (1969) Радиотехнического факультета. В 1954 году временно исполняла обязанности заведующего кафедрой №11.

НАШИ ВЕТЕРАНЫ:
они трудились в нашем вузе

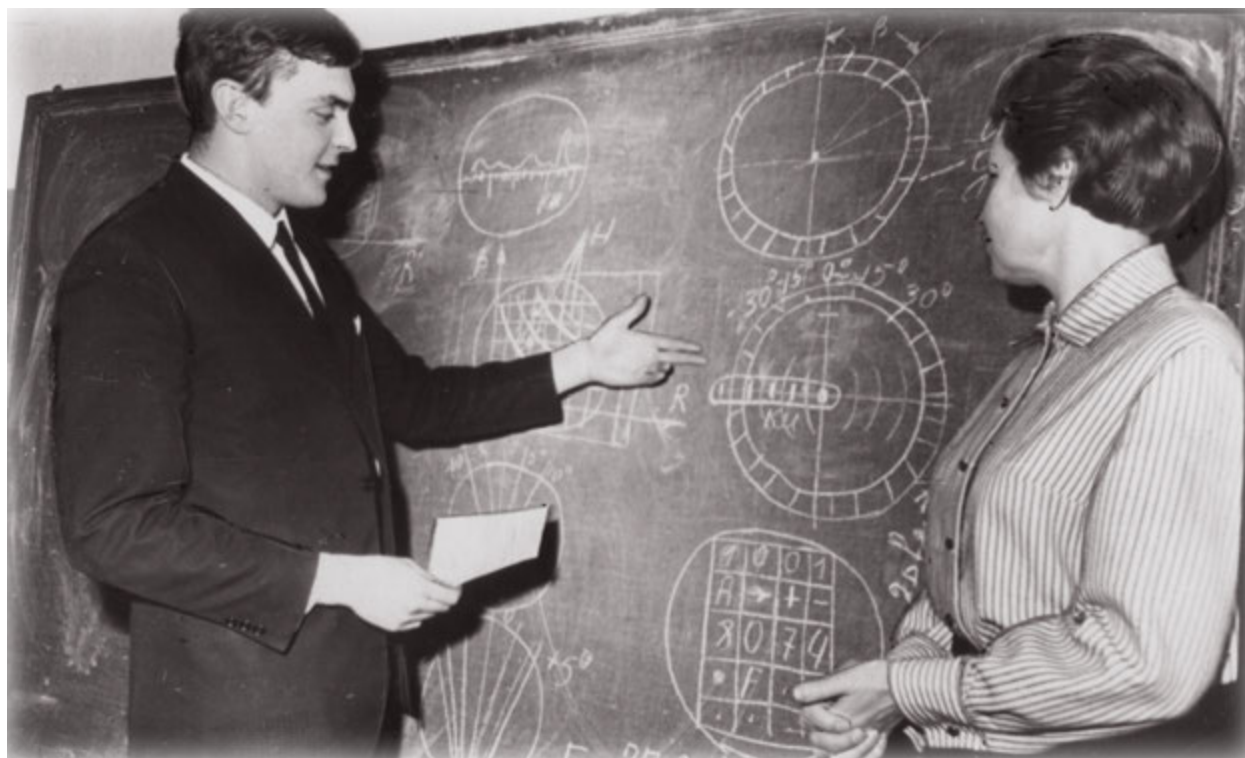
В 1961 году по решению ВАК Министерства высшего и среднего специального образования СССР утверждена в ученом звании доцента по кафедре «Радиолокационные приборы и устройства».

В период 1959-1960 годов выполняла обязанности председателя институтской ячейки научно-технического общества им. А.С. Попова.

Являлась ученым секретарем Радиотехнического факультета.

В 1969 году переехала в город Севастополь в связи с избранием по конкурсу на должность доцента кафедры радиотехнических систем Севастопольского политехнического института.

После возвращения в Ленинград работала преподавателем, опубликовала ряд работ, посвященных развитию творческого мышления обучающихся.

Доцент А.Н. Гарина-Домченко принимает экзамен у студента радиотехнического факультета. ЛИТМО. 1968 год

В ПОРУ ПОСЛЕВОЕННОЙ ПЕРЕСТРОЙКИ

Автор настоящей статьи была в числе радиоинженеров выпуска 1948 года (второго выпуска нового факультета). Поэтому на ее памяти самый начальный этап создания РТФ и первые шаги обучения студенчества военных лет профессии, ставшей тогда едва ли не самой престижной в институте.

В 1945 году, когда окончилась война, и пришло время подводить итоги, стало ясно, как непростительно велико было наше отставание в области радиотехники и как это сказалось на увеличении тех тягот и потерь, какие понесла наша страна в ходе кровопролитной войны.

Надо сказать, что в нашей стране научные и опытно-конструкторские разработки, направленные на использование радиометодов для обнаружения летательных объектов, велись еще с 1933 года. И велись они в Ленинграде, где издавна были сосредоточены научные силы отечественной электро- и радиотехники.

В те годы возросшая скорость и высота полета самолета делали непригодными оптические и акустические методы обнаружения, а напряженная международная обстановка настораживала ученых, стимулируя поиск принципиально новых методов дальнего обнаружения.

Исследования, проведенные в Ленинградском электрофизическом институте (ЛЭФИ), заложили основу обнаружения, пеленгования и определения дальности отраженных радиоволн УКВ диапазона. В 1934 году был уже создан и испытан первый комплект радиолокационной аппаратуры «Рапид». Однако на этом отечественные разработки РЛС застопорились, и только в 1939 году было создано и принято на вооружение 45 комплектов радиолокационной аппаратуры «РУС-1» (радиоуправляемый самолет), являвшейся усовершенствованным вариантом «Рапида». Первый радиолокационный завод-институт вступил в строй только в 1942 году. Там в ходе войны были созданы первые отечественный РЛС – «Пегматит» (модернизированная система «РУС-2»), «Редут» и «Гнейс-2».

В 1943 году был утвержден совет по радиолокации во главе с профессором (позже – академиком) Аксель Ивановичем Бергом. Перед советом были поставлены задачи не только развертывания РЛС и научных исследований в области радиолокации, но также подготовки соответствующих научных и инженерно-технических кадров. Однако в годы войны эта подготовка ограничилась лишь пере-

квалификацией радиоинженеров путем обучения их эксплуатации РЛС на краткосрочных курсах.

Не удивительно, что в сравнении с радиолокационным оборудованием противника отечественное проигрывало по основным характеристикам: дальности и точности обнаружения.

Очевидная необходимость готовить квалифицированных разработчиков радиолокационной аппаратуры потребовала вузовской подготовки тех специалистов. Первенцем, начавшим решать эту задачу, стал Ленинградский институт точной механики и оптики. В сентябре 1945 года там был открыт новый факультет, названный сначала электроприборостроительным, а позже – радиотехническим.

В его задачу входило пополнение промышленности инженерами, способными разработать радиолокационную технику.

Специалистов сходного профиля начал готовить и Ленинградский электротехнический институт. Научно-материальная база ЛЭТИ дала более широкие возможности обеспечения учебного процесса для такой подготовки. Однако ценным преимуществом ЛИТМО являлся конструкторский уклон подготовки молодых специалистов, расширявший сферу их инженерной деятельности. Благодаря этому питомцев ЛИТМО промышленные предприятия, да и научно-исследовательские орга-

низации, ценили весьма высоко и нередко предпочитали выпускникам ЛЭТИ, которых удавалось использовать только в качестве разработчиков («схемников»).

Трудности первых лет подготовки радиоспециалистов в ЛИТМО были связаны, прежде всего, с отсутствием необходимого лабораторного оборудования, учебной литературы и с дефицитом преподавательских кадров электро- и радиотехнических дисциплин. Поэтому вначале приходилось пользоваться лабораторной базой ЛЭТИ, ЛЭИС, Военной академии связи, Высших радиолокационных офицерских курсов (ВРОК). К преподаванию на новом факультете института были привлечены лучшие силы ленинградских вузов и радиопромышленных предприятий. Высокий профессиональный уровень этого профессорско-преподавательского состава в значительной степени компенсировал недостаток материального обеспечения учебного процесса.

На долю такого профессорско-преподавательского коллектива выпала нелегкая задача обучить в условиях послевоенной разрухи и неустойчивости «разношерстный» контингент студентов, состоявший из нескольких вернувшихся с войны инвалидами юношей, у которых начальные институтские, да подчас и школьные знания были основательно стерты кровавыми испытаниями военных

ВОСПОМИНАНИЯ УЧАСТНИКОВ БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

лет, а также нескольких «абсолютных белобилетников», не пригодных по состоянию здоровья не только в кадровые войска, но даже в ленинградское городское народное ополчение, а потому не попавших на фронт. Основную же часть составлял «девичник». Это были и вернувшиеся в институт фронтовики, и пережившие блокаду города ленинградки, и приехавшие из провинции вместе с институтом, возвратившимся из эвакуации, жительницы сибирских сел, городов и городков, расположенных близ города Черепаново, где работал в годы войны институт.

Первые две группы – четвертого и пятого курсов – были сформированы из студентов соответствующих курсов факультетов оптического и точной механики, изъявивших желание перейти на новый факультет.

Изначально на факультете были организованы пять кафедр, среди них – радиотехники, электротехники и радиолокационных приборов. Заведовал всеми тремя кафедрами профессор С. Зилитинкевич. Деканом факультета стал профессор М. Цуккерман (он же руководил кафедрами электроизмерительных приборов и приборов автоматики и телемеханики), его заместителем – А. Казак. Очень скоро заведовать кафедрой электротехники был назначен профессор Л.М. Пиотровский.

Первый выпуск инженеров-элек-

тромехаников состоялся в 1947 году. Короткий срок переподготовки пятикурсников диктовал форсированный ритм занятий. Лекции чередовались с лабораторными и практическими занятиями в течение всего дня, с утра до вечера. Выходные дни тратились на курсовое проектирование или использовались как учебные для аудиторных занятий. Тем не менее, выпуск был осуществлен в срок. Первая группа радиоспециалистов вышла из стен института летом 1947 года, причем двое выпускников окончили курс обучения с отличием и были оставлены в аспирантуре.

Второй выпуск состоялся в 1948 году. Это была группа, сформированная в год основания факультета из четверокурсников. Из восемнадцати выпускников трое получили диплом с отличием.

Государственную экзаменационную комиссию, осуществлявшую аттестацию первых выпускников, возглавлял доктор технических наук профессор И. Бренёв, заведовавший кафедрой радиолокации Военно-морской академии имени А.Н. Крылова. И. Бренёв стоял у истоков отечественной радиолокации еще в довоенные годы (1936-1940), работая тогда военным инженером в лаборатории УКВ Научно-исследовательского института связи и телемеханики (НИМИСТ), координировавшего все проводившиеся тогда в области

НАШИ ВЕТЕРАНЫ: они трудились в нашем вузе

радиолокации работы, был одним из ведущих специалистов в области развития магнетронов и магнетронных генераторов; в последующем он являлся автором многих работ по истории радиотехники, радиолокации и радионавигации.

*Впервые опубликовано в газете
«Кадры приборостроению» №4(1434)
8 февраля 1991 года*

П Р И К А З № 253

по Ленинградскому институту точной механики и оптики
г. Ленинград. 9 октября 1945г.

§ 1.

Во изменение приказа № 245 § 14 профессора ПИОТРОВСКОГО Л.М. назначить зав. каф. "Электротехники" с 20. IX с окладом 2300 руб. в месяц.

ОСНОВАНИЕ: Заявление с резол. Зам. дир. по н/уч. час.

§ 2.

Инж. РОТМАН А.Е., зачисленную в аспирантуру приказа № 233 от 24. IX-45г., - зачислить на стипендию с 19. IX.

ОСНОВАНИЕ: Представление декана фак-та оптико-механических приборов.

§ 3.

Нижеперечисленных студентов оптико-механического факультета зачислить на стипендию с 1. IX-45г.:

1. К Л Е И Н Ф.М. 240гр.	9. ХАЙКИНУ З.И. 337гр.
2. АНДРИИТ З.К. 240 "	10. ЗЕЛЬВИНСКИЙ С.А. 337 "
3. МАТВЕЕВА Т.Н. 239 "	11. НАГЛЯ Т.И. 435 "
4. РОДИНУ С.Ш. 238 "	12. З И Г А.Ш. 434 "
5. ГИШКОВУ Н.Г. 336 "	13. КАЛАМАНОВУ Л.В. 337 "
6. СМОЛЕНСКОЮ О.И. 336 "	14. БЛИНЕР С.З. 141 "
7. ПАЛКИНУ В.А. 337 "	15. КАЧАНОВА В.С. 435 "
8. ПРАВИЛИНУ А.С. 337 "	16. ЯЗГУР М.А. 531 "

ОСНОВАНИЕ: Представление зам. декана фак-та.

§ 4.

Зачислить на стипендию студентов фак-та "Электроприборостроения" с "1" окт. 1945г.:

гр. 253: 1. ФРЕЙДЕНБЕРГА М.З.
2. ПЕЙСАХОВИЧ Е.Л.
3. СТЕПАНОВУ Г.А.

Зачислить на стипендию с 1 сентября 1945г. студента гр. 352:

1. КРЕЙНУС Т.М.
2. КУТАЕВУ Н.И.

ОСНОВАНИЕ: Представление декана фак-та.

§ 5.

Нижеперечисленных студентов перевести с 8. X-45г. факультет "Электроприборостроения" в гр. 462:

1. ИВЛЕВУ Г. из 413 гр.	8. НИКОЛАЕВУ В.
2. БАМЧУРИНА А.С. " 414 гр.	9. МАТУСЕВИЧ Г.З.
3. ГАРИНУ-ДЕМЧЕНКО А.И. из 414гр.	10. РЫБАКОВА Ф.М.
4. ТРИПОЛЬСКОЮ Е.С. из 414гр.	11. ЧАДНИНУ Ф.П.
5. ВЕРЛИН М.А. " 414 "	12. АЛЕКСАНДРОВУ М.
6. КОШКИНУ Н. " 413 "	13. СМЕРНОВУ О.В.
7. ТИЮФЕВУ А.Н. " 414 "	14. НОРИНУ Ф.В.

§ 6.

Назначаются следующие старосты групп:

гр. 413 - студ. ПАНКОВА А.Н. - староста
студ. АРХАНОВА В.П. - зам. старосты

гр. 414 студ. КЛИМПА Г.И. - староста
студ. САЛОВА Г.Н. - зам. старосты.

гр. 462 - студ. ГАРИНУ-ДЕМЧЕНКО А.И. - староста
студ. НИКОЛАЕВА В. - зам. старосты.

§ 7.

Студ. МАРКОВУ М.В. числить в группе 219.

ОСНОВАНИЕ: Представление декана фак-та.

§ 8.

Приказ № 162 от 14. VII-45г. § 4 в отношении доцента КРОЛЬ К.Г. отменен.

ОСНОВАНИЕ: Распоряжение Зам. директора по н/уч. части.

§ 9.

Студ. 219 гр. КОМАРНОВА за неявку по вызову Зам. директора института ОБ"ЯВЛЮ СТРОГМ ВЫГОВОР с предупреждением об отчислении от института.

ОСНОВАНИЕ: Представление декана фак-та.

§ 10.

Студ. 315 гр. КОФЕЕ за пропуск занятий ОБ"ЯВЛЮ ВЫГОВОР.

ОСНОВАНИЕ: Представление декана фак-та.

§ 11.

Студ. 219 гр. В У И Н.А. за пропуск занятий ОБ"ЯВЛЮ ВЫГОВОР.

ОСНОВАНИЕ: Представление декана фак-та.

§ 12.

Студ. 219 гр. ШЕВЦОВОЙ А.К. за пропуск занятий ОБ"ЯВЛЮ ВЫГОВОР.

ОСНОВАНИЕ: Представление декана фак-та.

§ 13.

Студ. 219 гр. ВАСИЛЬЕВОЙ М.Ф. за пропуск занятий ОБ"ЯВЛЮ ВЫГОВОР.

ОСНОВАНИЕ: Представление декана фак-та.

ЗАМ. ДИРЕКТОРА ИНСТИТУТА
/Б А Р У Н/

ТАНСКИЙ ЕВФИМИЙ АПОЛЛОНОВИЧ

В ЛИТМО - с 1945 года: аспирант (1947-1950), в 1951 году успешно защитил диссертацию по одному из интереснейших направлений новой техники, и с этого времени научная деятельность была неразрывно связана с автоматическим регулированием. По этому вопросу он написал и опубликовал ряд научных работ.

Доцент (1952). Более 8 лет он выполнял обязанности ученого секретаря совета института (1952 – 1960). Заведующий кафедрой автоматики и телемеханики (1959-70). В научно-исследовательской работе кафедры за время заведывания произошел заметный поворот к проблемам автоматизации оптико-механического приборостроения, что привело к длительному научно-техническому сотрудничеству кафедры с ЛОМО им. В.И. Ленина, в рамках которого для нужд оборонной техники была разработана целая гамма прецизионных фотоэлектрических следящих систем. В рамках научно-технического сотрудничества с НИИЭТУ кафедра приняла участие в разработке автоматической фототелеграфной аппаратуры, реализованной в виде комплекса «Газета-2».

Энергичный, горячо любящий свое дело, ученый вложил много труда в организацию лабораторий и совершенствование учебного процесса. Под его руководством и непосредственном участии, проводится важная для промышленности научно-исследовательская работа, разрабатываются новые учебные планы и программы по специальности автоматики и телемеханики.

Ветеран Великой Отечественной войны.

ГОРЛУШКИН НИКОЛАЙ АЛЕКСЕЕВИЧ

Воевал в составе 213-го пушечного артиллерийского полка с момента пополнения под Изюмом до дня Победы: прошел боевой путь в 7,500 километров, от стен Сталинграда до Австрийских Альп и принимал участие в прорыве обороны врага и уничтожению противника в тринадцати военных операциях.

Имеет военные награды: ордена «Красной Звезды», «Отечественной войны»; медали «За отвагу», «За взятие Будапешта», «За Победу над Германией» и другие; в послевоенные годы награжден орденом Знак Почета, Лауреат Государственной премии СССР.

Рядовой Николай Горлушкин, 1945 год

КОРНЮШКИН ЮРИЙ ДМИТРИЕВИЧ

Кандидат технических наук, доцент кафедры физики. Выпускник ЛИТМО, работал в вузе с 1953 года. Рядовым автоматчиком сражался в частях морской пехоты. Он был трижды ранен в боях за Новороссийск, Ростов, Одессу.

Доцент кафедры физики Ю.Д. Корнюшкин консультирует студентов.
ЛИТМО, 1976 год

МАКЕЕВ ПЕТР НИКОЛАЕВИЧ

Старший научный сотрудник кафедры теории оптических приборов, начальник научно-исследовательского сектора.

Инвалид Великой Отечественной войны, воевал на Ленинградском фронте, закончил войну в звании старший лейтенант.

П. МАКЕЕВ

НАУЧНАЯ РАБОТА ЛИТМО В ГОДЫ ВОЙНЫ

В начале сороковых годов к выполнению научно-исследовательских работ широко привлекались преподаватели и аспиранты. На многих кафедрах были созданы студенческие научно-исследовательские группы. Институт был на подъеме, но начавшаяся в июне 1941 года война нарушила нормальный ход научной деятельности института.

Многие научные работники ушли на фронт, тематика резко изменилась, финансирование сократилось. Весной

1942 года учебный институт был эвакуирован из Ленинграда и только под конец года был размещен в городе Черепанове Новосибирской области. Здесь в тяжелых условиях отсутствия площадей, научного оборудования, ограниченного числа научных работников коллектив института проводил НИР, направленные на оказание максимальной помощи промышленным предприятиям Новосибирской области.

Среди выполненных в эваку-

ВОСПОМИНАНИЯ УЧАСТНИКОВ БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

ации следует отметить такие, как создание высокопроизводительных чистовых (червячных) фрез, разработка поточной линии по изготовлению инструмента, разработка ускоренной методики испытания на теплопроводность термоизоляционных материалов, разработка метода расчета часовых механизмов, создание снайпер-дальномера.

Кроме того, ученые ИТМО выступали с докладами на заводах, широко практиковались консультации для работников промышленности. В сентябре 1941 года институт начал перебазирование обратно в Ленинград.

По материалам статьи, впервые опубликованной в газете «Кадры приборостроения» №26, сентябрь 1980 года

На фотографии сотрудники военно-морской кафедры (справа-налево):
Василий Степанович Мочалин, Степан Федотович Калюта,
Петр Николаевич Макеев - преподаватели,
Федор Васильевич Кузнецов - начальник кафедры. 1946 год

КУРКОВСКИЙ ГЕОРГИЙ ЕВГЕНЬЕВИЧ

Учебный мастер отдела технических средств обучения (ОТСО).

Автобиография

Я, Курковский Георгий Евгеньевич, участник Великой Отечественной войны и с сентября 1942-го по февраль 1944 года воевал на Ленинградском фронте. Службу начал с военно-морского флота. Первоначально был направлен в город Кронштадт, где до ноября 1942 года учился в электромеханической школе. В ноябре месяце по приказу Кузнецова, нас всех курсантов списали в пехоту, погрузили в баржу и по Финскому заливу ночью мы поплыли в Ленинград. Ледокол пробивал льды залива, и следом буксир тянул нашу баржу.

Примерно на уровне Петергофа застряли окончательно, и была дана команда высадки на лед. Вот тут я впервые испытал обстрел врагом. Мы все бросились на противоположный берег (район Лахты). Много ребят осталось подо льдом. Уцелевших нас собрали и отправили пешком в Ленинград. Привели на Поклонную гору, где располагался 221-ой запасной стрелковый полк. В нем шло быстрое перевооружение прибывших, всю ночь шум и гвалт, а утром построение и отправке на фронт (с марша в бой).

Меня же и несколько еще бойцов вызвал особист, несколько дней держали в этом полку, а потом посадили в машину и привезли продолжать службу в 109-ую дивизию НКВД. Стояли мы в районе Пулково. С этой дивизией я принимал участие в разгроме немцев под Ленинградом, т.е. полном его освобождении от блокады.

Дошел до города Пскова, получил медаль «За боевые заслуги» и «За оборону Ленинграда».

На этом для меня Ленинградский фронт и окончился, а дальше воевал уже на других фронтах.

В 1945 года маршировал на параде «Победы», участником которого и являюсь.

2010 год

КОВРОВ БОРИС ВЛАДИМИРОВИЧ

Участник Великой Отечественной войны, выпускник ЛИТМО 1952 года. Награжден медалью «За оборону Ленинграда».

КОВРОВ Б.В.

ВОСПОМИНАНИЯ ВОЕННЫХ ЛЕТ: 1939 – 1952 ГОДЫ В МОЕЙ ЖИЗНИ

В 1939 году я окончил среднюю школу №6 в городе Рыбинске Ярославской области и поступил в Ленинградский институт холодильной промышленности. Но вскоре учебу в институте пришлось приостановить. 2 ноября 1939 года меня призвали в Красную армию. Я был направлен в учебный батальон 31-го стрелкового полка. Наши командиры успокаивали нас - прослужите 1,5 года, получите командирские знаки отличия и станете продолжать учебу в институте. Но эти 1,5 года растянулись на несколько лет.

Вскоре я был переведен в город Пушкин в 3-ий отдельный запасный химический полк, а в мае 1940 года - в Пушкинскую школу младших авиационных специалистов (ШМАС). В ноябре 1940 года по окончании ШМАС присвоена специальность – моторист авиационный и воинское звание старшего сержанта я был направлен для продолжения службы в 157-ой истребительный авиационный полк (ИАП). Полк базировался на аэродроме возле поселка Левашево. Летчики летали на истребителях И-16. Кроме пулеметов И-16 были вооружены только что

НАШИ ВЕТЕРАНЫ: они трудились в нашем вузе

Борис Ковров,
фотография 1944 года

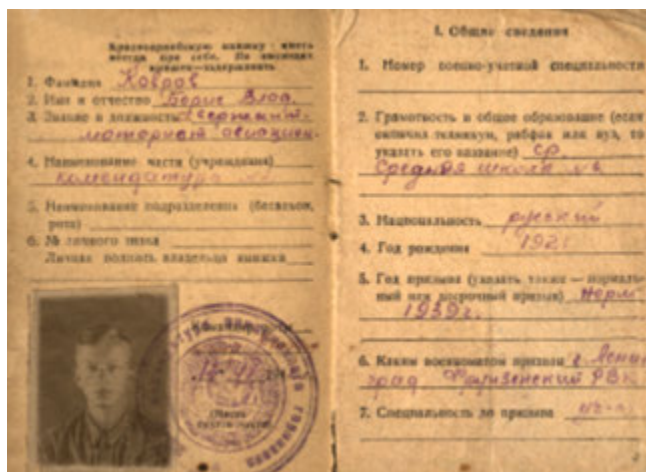
появившимися реактивными снарядами (по три снаряда под каждым крылом). Экипаж истребителя И-16 состоял из летчика-техника и моториста. В обязанности моториста входило помогать технику в подготовке самолета к полету и содержать его в чистоте.

В мае месяце полк перебазировали в летний лагерь в район ж/д станции Войбакало. Началась обычная служба: учебные полеты, учебные тревоги, политзанятия и др. Вроде ничто не предвещало беды. Но 22 июня 1941 года личный состав полка рано утром был поднят по тревоге. Отбоя тревоги не было. Все терялись в догадках. Наконец, в 11 часов из выступления В.М. Молотова узнали – ВОЙНА!

Германия без предупреждения напала на СССР. Полк в этот же день вернулся на аэродром в Левашево. Начались боевые дни. 157-ой ИАП вскоре был введен в состав 7-го истребительного авиационного корпуса ПВО. Основная задача корпуса – защита неба (воздушного пространства) Ленинграда от немецких самолетов. В небе Ленинграда практически постоянно дежурили наши самолеты.

В июне-июле месяцах немецкие летчики, в основном, совершали разведывательные полеты. Активность немецкой авиации усилилась в августе и сентябре. Отдельные самолеты немецкой авиации все чаще стали проникать в воздушное пространство Ленинграда. В городе стали возникать пожары от зажигательных бомб, сбрасываемых на город немецкими самолетами.

8 сентября город пережил первый

Красноармейская книжка Бориса Коврова
1939 года

ВОСПОМИНАНИЯ УЧАСТНИКОВ БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

массированный налет немецкой авиации. Немецкой авиации удалось поджечь Бадаевские склады, на которых хранился большой запас продуктов, что в дальнейшем привело к значительному снижению норм их выдачи, как гражданскому населению, так и военнослужащим.

Я был очевидцем этого пожара, так как после гибели летчика нашего экипажа был командирован на авиационный завод в Московском районе для ремонтных работ.

10 сентября 1941 года 157-ой ИАП был эвакуирован в город Череповец, откуда был направлен в город Чебоксары в 1-ый запасной истребительный авиаполк, а весной 1942 года - под город Арзамас во 2-ую комендатуру авиационного гарнизона, в дальнейшем переименованную в 25-ую комендатуру. Задачей комендатуры было техническое обслуживание авиационных полков, направляемых

на фронт. В этой (25-ой) комендатуре я прослужил до мая 1946 года и был демобилизован из армии.

Я вновь приехал в Ленинград. Просмотрев информацию об институтах, мне приглянулся инженерно-физический факультет ЛИТМО, который я и окончил в апреле 1952 года.

На инженерно-физический факультет ЛИТМО поступили и окончили его одновременно со мной, участники Великой Отечественной войны: **Аграновский Анатолий Израилевич, Василевский Константин Петрович, Горбунов Алексей Васильевич, Ефимов Юрий Васильевич, Ключков Виктор Петрович, Лазарев Александр Иванович, Талалай Мендель Лейбович.**

17.05.09

Ветеран Великой Отечественной войны Б.В. Ковров вспоминает свой боевой путь «на подступах к Ленинграду» в День Победы. 1952 год

АНТОНИНА ЗАВАРОВА
студентка

ЕСЛИ БЫ НЕ БЫЛО ТАКИХ МАЛЬЧИШЕК

*Много есть преданий у планеты,
Но, как не придуманный рассказ,
На меня в упор глядит с газеты
Тридцать восемь пар мальчишских глаз.*

*Здравствуйте, ровесники - солдаты,
Вас я в поколениях узнаю.
В легендарном девятьсот двадцатом
Видели вас первыми вы строю.*

*Вы шагали под свинцовым градом
Там, в Мадриде, где весна цвела.
Вами, знаю, песенка «Гренада»
До конца допета не была.*

*В Пулковое вас видели в сраженье
И под безымянной высотой.
Это было песни продолженье,
Победившей майскою порой.*

*И над миром встало солнце выше,
Запылали зори на скале...
Если б не было таких мальчишек,
Кто бы строил счастье на земле?*

*Впервые опубликовано в газете «Кадры приборостроению»
№3(1318), 6 февраля 1987 года.*

ГЛАВА 3

ВОСПОМИНАНИЯ ЖИТЕЛЕЙ БЛОКАДНОГО ЛЕНИНГРАДА

СЕРГЕЙ ШАРЛАЙ

ВОСПОМИНАНИЯ О БЛОКАДНОЙ ЗИМЕ

*Ещё одна зима. Всё снова в чёрно-белом.
Вновь вспоминаются картины прежних лет.
Вначале медленно, рукой ещё несмелой
Я составляю траурный букет.*

*Как хорошо, что память забывает
То из прошедшего, что страшного страшней,
И если через годы воскрешает,
То не тревожа раны прежних дней.*

*Зима. В заносах снежных город,
Он страшен был блокадною зимой:
Обстрелы и бомбёжки, холод, голод
И смерть за смертью страшной чередой.*

*Но всё-таки уверенность в победе
И в самый трудный день не покидала нас.
Мы знали: в город враг не въедет,
Никто твердыню невскую не сдаст.*

*Нам не забыть Дорогу жизни – лёд и волны,
Где нам со смертью было по пути,
И тот, кто это пережил, кто всё запомнил,
Обязан память прошлого потомкам донести.*

*Впервые опубликовано в газете «Кадры приборостроению»
№2 (1390), 6 февраля 1989 года*

СМИРНОВА ЛИЛИЯ СЕРГЕЕВНА

Работала в ЛИТМО с августа 1940 года. Все годы блокады трудилась в «литмовских» мастерских Ленфронта. Работала в вузе: начальник отдела кадров института, заведующая аспирантурой (1952-1994). Была награждена орденом Отечественной войны, медалью «За оборону Ленинграда», знаком «Житель блокадного Ленинграда».

Л. СМЕРНОВА

БУДНИ ФРОНТОВОГО ГОРОДА

Еще не кончилась самая короткая белая ночь над Ленинградом, еще гуляли по набережной Невы в ночь с 21 на 22-е июня 1941 г. девушки и парни, а над городом возник гул моторов самолетов, поднятых по тревоге. В третьем часу ночи 22.06.41 г. в кабинете секретаря городского комитета партии собрались работники горкома и секретари райкомов на совещание, на котором была зачитана директива, полученная штабом Ленинградского военного округа. Она предупреждала, что 22-23 июня возможно нападе-

ние фашистской армии на Советский Союз. И тут же, в Смольном, стало известно, что немецко-фашистские войска перешли границу, бомбят Киев, Минск, Севастополь, Мурманск... Уже в четвертом часу утра наша эскадрилья, базировавшаяся в районе Выборга, отбила попытку 14-ти «мессершмиттов» нанести удар по аэродрому. В 3 часа 20 минут фашистские катера атаковали в Балтийском море и потопили транспорт Латвийского пароходства; в 3:30 обстреляли пароход «Луга»; в

3:45 сбросили магнитные мины на кронштадтский рейд. А город мирно спал...

Когда по радио 22.06.41 г. было передано заявление о начале войны, в городе сразу же было введено угрожаемое положение.

В понедельник, 23 июня, в актовом зале института на Гривцова, 14, состоялся митинг. Штаб добровольцев был организован в парткоме института. 194 студента и 79 сотрудников ушли добровольцами на фронт или в народное ополчение. Добровольцами ушли секретарь комитета ВЛКСМ Саша Одинцов, ушел Григорий Шеремет и многие, многие другие. А оставшиеся студенты сразу же начали строить бомбоубежища в общежитии на Красной улице, 38, и в учебном здании института. Сразу же было организовано круглосуточное дежурство в институте. На казарменном положении находился директор, охрана и другие службы.

В тот же день, 23 июня, диктор по радио объявил: «Внимание! Внимание! Говорит штаб противовоздушной обороны. Воздушная тревога! Воздушная тревога!». И долгих 27 месяцев в день по несколько раз мы слышали и переносили на себе эту воздушную тревогу. Только потом к ним прибавились и артиллерийские обстрелы города.

В конце августа 1941 года к Ленинграду подошли лучшие части

еще не знавшего поражения Вермахта.

Но взять наш город с ходу немцам не удалось. Красноармейцы, ополченцы и моряки Балтики – они остановили врага под самыми стенами Ленинграда. Город стал фронтом.

*С утра не молкнет канонада,
Так день за днем, так много, много
дней.*

*Враги хотят на месте Ленинграда
Оставить груды пыли и камней.*

Нет, ни с земли, ни с моря, ни с неба фашисты не смогли одолеть оборону Ленинграда. И тогда они решили задуть Ленинград голодом.

27 августа в город прибыл последний поезд. Прекратился подвоз продовольствия и всего необходимого по железной дороге. 1 сентября не открылись двери ленинградских школ – там были организованы госпитали. 8 сентября Ленинград оказался в блокаде. В этот день вражеской авиации впервые удалось подвергнуть город массированному налету. Сгорели Бадаевские продуктовые склады.

С 20 ноября 1941 года ленинградцы стали получать хлеба: рабочие - 50, остальные - 125 граммов в сутки. В кольцо блокады оказалось 2 миллиона 887 тысяч человек, в том числе много тысяч детей.

Но фашистам не удалось сломить волю Ленинградцев. Даже дети Ленинграда вместе со старшими сражались с фашистами – дежурили на крышах, тушили зажигалки, помогали

ВОСПОМИНАНИЯ ЖИТЕЛЕЙ БЛОКАДНОГО ЛЕНИНГРАДА

задерживать вражеских лазутчиков. Дети, которым в ту пору не было 16-ти, уже были награждены медалью «За оборону Ленинграда». Это про них поэт сказал:

«В блокадных днях они так и не узнали,

Меж юностью и детством где черта?

*Им в сорок третьем выдали медали
И только в сорок пятом паспорта».*

Наш институт, которым руководил Сергей Александрович Шиканов, перестроился на военный лад. Учебные лаборатории были превращены в мастерские по ремонту оптических и других приборов. У нас была организована военно-ремонтная база - филиал 75-й артиллерийской базы Ленинградского военного округа. Начальником оптико-сборочного цеха стал ныне доктор технических наук, профессор, а тогда молодой специалист Георгий Васильевич Погарев. Механический, изготавливавший боеприпасы, цех возглавлял Василий Андреевич Егоров. Начальником механосборочного цеха был Борис Яковлевич Андреев. Профессор Семен Тобиасович Цуккерман во главе группы конструкторов разрабатывал новый зенитный прицел. Профессор Александр Николаевич Захарьевский организовал цех по ремонту военной оптики. Восстановительно-ремонтную брига-

ду института возглавлял Андрей Власович Веселов.

В большинстве своем в институте в период блокады работали женщины и дети. Но в каждой группе были и мужчины - высококвалифицированные специалисты: оптики Д.В. Рощин и В.Э. Комиссаров, токарь К.Н. Коровкин, револьверщик И.Я. Деденков, механики И.Э. Куклан и Г.И. Смирнов и другие. В оптическом цехе работали Паня Алексеева и Шура Лизовская, в механо-сборочном – Ева Тайц и Ася Океанова, заменившая мужа, ушедшего на фронт, в механическом – Наталия Ивановна Павлова. Работали семьями - Головневые (отец, мать и дочь), Родионовы (мать и сын), Петровы (брат и сестра), Широковы (два брата и сестра). В механосборочный и оптико-сборочный цехи заказы поступали непосредственно с фронта, приборы привозили бойцы, увозя отремонтированные. Изготавливалась и новая оптическая продукция, а в механическом цехе вытачивались детали для снарядов знаменитых «катюш», боеголовок для морских мин, «стаканы» для зенитных снарядов, для сухопутных минометов...

Когда институт уехал в эвакуацию (в феврале и марте 1942 г.), все сотрудники, оставшиеся в Ленинграде, основной своей задачей ставили выполнять производственный план. И мы выполняли его на 130 – 320 процентов.

Рядом с нами, тогдашней молодежью, были квалифицированные специалисты. Вообще много добрых слов хочется сказать о старших товарищах, которые передавали нам свой трудовой опыт, учили честности, принципиальности, внимательности к людям.

Страшный голод (помните знаменитые слова песни «сто двадцать пять блокадных грамм с огнем и кровью пополам»), нет тепла, нет электроэнергии, остановились на какое-то время хлебозаводы (не было воды для их работы) и нам выдавали муку. Водопровод не работал – ездили за водой (на углу Дзержинского текла маленькая струйка воды), не работала канализация. Дрожжевой суп – это еще хорошо было. Съели все сыromятные ремни, варили студень из клея, поджаривали кусочки хлеба на олифе (нам ее вместо масла выдавали), ели травяные лепешки (просто трава, ошпаренная кипятком и сбитая в лепешки). Первое время мы каждую воздушную тревогу спускались в бомбоубежище, а потом сил не стало спускаться... В начале января 1942 г. Ленгорисполком принял постановление «О мероприятиях по улучшению работы ЗАГСов» – отмечалось, что работников, выделенных загсами для регистрации смерти, совершенно недостаточно.

Город опустел.

Молодежь института, комсо-

мольцы на чердаках института училась стрелять из боевых винтовок, автоматов с боевыми патронами. Ходили дежурить в госпитали. По затемненным улицам ходили с фосфоресцирующими значками на груди, чтобы было видно, что идет человек по улице.

Вспомним, как наши девушки из МПВО разбирали завалы, ходили по домам и выясняли, где есть взрослые и дети, которым нужна помощь. Среди этих девушек была Шугалей Мария Максимовна. В МПВО она служила августа 1942 по февраль 1945 года.

Я в 42-м перестала ходить нормально из-за цинги, хромала; мама (она в войну работала в ЛИТМО) на почве голода полностью ослепла и 4,5 месяца ничего не видела.

Но жизнь в городе не замирала. Опять начались занятия в школах, после почти четырёхмесячного перерыва заработали трамваи, открылись некоторые кинотеатры и театры. Весной сорок второго здравотдел обязал ленинградцев пить хвойный экстракт от цинги. Горсовет организовал очистку улиц города, чтобы предотвратить эпидемии.

18 января 1943 года бойцы Ленинградского и Волховского фронтов прорвали блокаду. 19 января Ленинград был украшен флагами. Незнакомые люди, встречаясь на улицах, поздравляли друг друга с победой.

ВОСПОМИНАНИЯ ЖИТЕЛЕЙ БЛОКАДНОГО ЛЕНИНГРАДА

Руководство города опубликовало план выпуска пищевой продукции на февраль 1943 года. Намечалось выпустить колбасу из альбумина, молоко солодовое, сметану казеиновую, изделия зерноотходов и жмыха, витамин «С» из хвои, студень растительный. А в конце февраля увеличилась норма выдачи хлеба. Рабочие и ИТР стали получать 600 граммов, служащие – 500, остальные – 400 граммов. Но для истощённого организма этого было мало чтобы утолить голод.

В борьбе с голодом, как и в борьбе с захватчиками, проявилось величие духа и беспределный патриотизм советских людей, готовых преодолеть любые трудности, испытания и страдания во имя защиты Родины. Основу жизни Ленинградцев составлял труд, напряженный, сверхчеловеческий труд.

Кратко расскажу о трех подростках, начавших свою трудовую биографию в ЛИТМО:

1) у токарного станка Т-3, стоя сначала на двух, а затем на одном ящике (ростом был мал), трудился 14-летний Володя Богданов. Начальник цеха В.А. Егоров был уверен, что Володя никогда не подведет, всегда перевыполнит сменное задание, а если надо, отработает и еще смену. Это Володя по путевке райкома комсомола ездил в числе первых на освоение целинных земель и там, перегоняя трактор, чуть не погиб в степи. Сейчас коммунист

Богданов В. М. продолжает успешно работать в Оптическом цехе;

2) еще один подросток, который всю жизнь связал только с одним местом работы, с нашим институтом – это Николай Степанович Петров. В ЛИТМО он пришел в 1943 году, стал учеником электромонтера. Николая Степановича отличает большое трудолюбие, равнодушие к порученному делу. Дела в институте – это его кровное дело. Уже после войны он закончил вечерний факультет ЛИТМО, работал главным энергетиком института. Но блокада сказывается, и Николай Степанович сейчас трудится мастером в ОКР;

3) Николай Михайлович Беляев – в его анкете записано: родился в 1925 (значит, когда началась война, ему было 16); в ЛИТМО пришел в 1942-м (в 17), член КПСС – с июля 1944 г. (в 19!). Правда, он имел перерыв в работе в ЛИТМО, когда был мобилизован на оперативную работу, получил ранение. Возвратился в институт и сейчас много лет работает зав. лабораторией кафедры теории оптических приборов.

Проработали в ЛИТМО все 900 дней блокады и работают сейчас: оптик В.Э. Комиссаров – специалист высочайшей квалификации, пришел в ЛИТМО в 1938 году; И.В. Павлова – всю войну проработала в оптико-сборочном цехе, затем – преподаватель кафедры физики, много лет была зам.

декана факультета точной механики и вычислительной техники, сейчас трудится на кафедре вычислительной техники, Г. В. Погарев – до войны студент ЛИТМО, государственный стипендиат, в войну – начальник оптико-сборочного цеха, сейчас доктор технических наук, профессор, зав. кафедрой конструирования и производства оптических приборов, С.Г. Черняк – в ЛИТМО с 1937 года, много лет работал начальником отдела, сейчас работает в контрольном отделе ЭОЗ.

И мы не только защищались. Свою военную продукцию Ленинград также отправлял на Большую землю сначала самолетами, а затем по Ладожской дороге.

По Ладожской дороге в Ленинград с Большой земли шли машины с продуктами. И одну из этих машин водил по льду озера Михаил Иванович Кузьмин – он и сейчас трудится вот уже много, много лет за рулем одной из институтских машин.

Блокада была прорвана, но не снята. И ужасы не кончились. Каждый день начинался под тревожное завывание сирен и гудков. Только, например, 12 мая 1943 года по Ленинграду враг выпустил 245 снарядов и сбросил 15 бомб. 4 ноября в Ленинграде разорвалось 270 снарядов.

К счастью, ни одна фугасная бомба не упала на наш институт.

В июне 1943 года по указанию

наркомата вооружения была создана бригада под руководством Василия Павловича Делюдина для отбора, упаковки и транспортировки оборудования института. В сентябре это оборудование прибыло в город Черепаново Новосибирской области.

И всё же в Ленинграде в ноябре 1943 года чувствовалось предпраздничное настроение, с 4 по 8 ноября начальник гарнизона разрешил передвижение по городу без пропусков до полуночи. На торжественном собрании, посвящённом XXVI годовщине Великого Октября, секретарь горкома партии А.А. Кузнецов сказал: «Мы должны быть готовы к тому, чтобы полностью снять блокаду Ленинграда, нанести сокрушительный удар по немецко-фашистским захватчикам».

И вот 14 января 1944 года в 9 часов 35 минут началась артиллерийская подготовка. Через 65 минут наши войска перешли в наступление с Ораниенбаумского плацдарма. Начались бои так же и в Новгородском направлении Волховского фронта. 23 января фашисты прекратили обстреливать Ленинграда – навсегда!

И вот 27 января освобождение Ленинграда от 900-дневной вражеской блокады было завершено!

*Опубликовано в газете
«Кадры приборостроению» №2(1390),
6 февраля 1989 года*

ВЕСЕЛОВ АНДРЕЙ ВЛАСОВИЧ

Начальник отдела капитального строительства, во время блокады возглавлял восстановительно-ремонтную бригаду ЛИТМО.

ВЕСЕЛОВ А. В.

Вот уже 38 лет прошло с того незабываемого дня, когда над поверженным рейхстагом взвилось Красное Знамя нашей победы.

27 января 1984 года вся страна и особенно ленинградцы будут отмечать 40-летие со дня снятия блокады Ленинграда.

И сейчас нельзя не вспомнить о делах комсомольцев Ленинградского института точной механики и оптики в дни 900-дневной блокады.

В первый же день войны в партийном комитете был института организован штаб добровольцев. Ушли на фронт Саша Одинцов (секретарь комитета комсомола института), студенты Григорий Городинский (после войны он стал профессором, доктором технических наук), Олег Глыбин

(ныне старший преподаватель кафедры электроники), вступил в народное ополчение студент Георгий Шерemet и многие, многие другие.

В ряды Красной Армии и народного ополчения тогда ушло **194 студента и 79 сотрудников** ЛИТМО. Несколько дней они находились на казарменном положении в здании института физкультуры им. Лесгафта. Мы ходили туда навещать наших ребят, приносили им папиросы, почтовые конверты, носовые платки, воротнички, рассказывали о том, что делается в институте.

Уже 23 июня 1941 года после митинга в актовом зале ЛИТМО большая групп студентов пошла в общежитие института на Красную улицу. Там мы строили бомбоубежище. Второе бомбоубежище было

подготовлено в здании по Демидову переулку, дом 10 (сегодня - переулок Гривцова, дом 14). В институте было установлено круглосуточное дежурство. Директор института - Сергей Александрович Шиканов, штаб местной противопожарной обороны, сторожевая охрана и другие службы находились на казарменном положении (*т.е. круглосуточно находились в здании вуза – ред.*).

27 августа в Ленинград прибыл последний поезд, прекратился подвоз продовольствия и всего другого, необходимого городу. Ни один день тогда не обходился без тревожных новостей. 1 сентября не открылись двери ленинградских школ: они были заняты госпиталями, воинскими частями. Школьники старших классов работали на строительстве оборонных укреплений.

На улицах Ленинграда начали рваться вражеские снаряды. К этому времени фашисты свыше ста раз пытались бомбить наш город. Но лишь 6 сентября самолетам врага удалось прорваться и сбросить бомбы на жилые дома на Невском проспекте, на Лиговской и других улицах. Постепенно одна за другой перестали давать ток электростанции.

8 сентября Ленинград оказался в блокаде. В городе находились 2,5 миллиона жителей. Начались бесконечные бомбежки и обстрелы. Сгорели после бомбежки продовольствен-

ные Бадаевские склады. Продукты в Ленинград начали перевозить по Ладожскому озеру. В конце лета тяжелые бои вели добровольцы из нашего вуза под Кингисеппом и под Красным Селом.

Эвакуация института началась в феврале и марте 1942 года. Студенты и сотрудники, которые остались в Ленинграде, продолжали работать в учебно-производственных мастерских ЛИТМО, преобразованных в ремонтную базу Ленинградского фронта (ныне экспериментально-опытный завод), выпускавшую продукцию для фронта. В основном, это была молодежь, заменившая ушедших на фронт отцов и старших братьев.

Трудились для фронта, для победы целыми семьями. Рядом с нами, тогдашней молодежью, всегда был кто-то из взрослых. Многим обязаны мы старшим товарищам, которые передали нам свой трудовой опыт, учили нас честности, принципиальности, внимательности к людям.

Это были наши настоящие наставники, много внимания уделявшие воспитанию молодых рабочих: Иван Яковлевич Деденков, старший контрольный мастер Николай Дмитриевич Щербаков, контролер Наталья Ивановна Павлова, старший мастер Михаил Зеликович Дворкин.

По материал статьи, опубликованной в газете «Кадры приборостроению», май 1983 года

МОТОВ ВЛАДИМИР ГРИГОРЬЕВИЧ

Работал в ЛИТМО старшим юристом. Инициатор создания Совета блокадников в ЛИТМО.

В. МОТОВ

ВОСПОМИНАНИЕ О БЛОКАДНОМ ПАЙКЕ

Жизнь людей, родившихся в первой половине нашего века, обычно делится в их памяти на два периода: «до войны» и «после войны». До войны я жил на Большой Зелениной улице, в доме №26-5. В квартире нашего шестого этажа прежде жили художники. Окна этих квартир были огромными, пропускавшими много солнца и света. Даже часть крыш была застеклена.

Как и большинство других, наша квартира была коммунальной: в девяти

комнатах проживало три десятка жильцов. Несмотря на тесноту, жили мы дружно, помогали друг другу чем могли, поддерживали друг друга материально и воспринимали себя чем-то вроде большой семьи.

Жизнь кипела в квартире круглосуточно: когда одни уже ложились спать, другие только приходили с вечерней смены, а третьи собирались на работу.

В кухне без окон в любое время суток горело электричество, и постоянно жужжали примуса. Перед

праздниками ко всем девяти примусам добавлялись две-три керосинки, и тогда из кухни тянулись особенно вкусные запахи чего-то жареного, тушеного, а то и подгорелого.

На праздник ко всем приходили гости, и из комнат доносились слова модных в то время песен, таких, как «Катюша» и «Три танкиста». Пели и о Стеньке Разине, и о бродяге, бежавшем из Сибири.

Когда гости хотели танцевать, то стучались к нам. У нас имелся редкий еще в ту пору патефон и много пластинок. Мы заводили патефон, открывали дверь в коридор и по квартире разносились песни Изабеллы Юрьевой, Вадима Козина, Тамары Церетели.

Был я тогда школьником третьего класса. Из попадававшихся на глаза газет знал о начавшейся в Европе второй мировой войне. Что-то тревожно из жизни взрослых передавалось и нам, детям.

22 Июня 1941 года застало меня в пионерлагере в Толмачеве. Уже через день-два на крышах наших летних домиков сделали надписи «киндер», чтобы немецкие летчики знали, что здесь живут дети.

В конце июня мы вернулись в Ленинград. Город вовсю готовился к обороне, началась эвакуация. Вскоре родственники — мужчины ушли в армию, а мать направили под Кингисепп на строительство оборонительных сооружений.

Я остался один.

Прошло более сорока лет, многое забылось, но не все. При отъезде мать оставила мне всю наличность, но денег хватало лишь на обеды в столовой и отпускаемые по карточкам продукты.

Запомнилось сильнейшая бомбежка, кажется, в ночь на 9 сентября. Все ставшиеся к тому времени жители дома спустились в подвалы, превращенные в бомбоубежища. Туда уже были принесены матрасы, одеяла, некоторые взяли с собой чемоданчики с наиболее ценными вещами. В ту ночь дом сотрясся от разрыва бомб, падавших вблизи. Когда утром мы, мальчишки, выбрались наружу, то увидели, что ряд домов на пересечении Большой Зелениной улицы и Геслеровского переулка был превращен в развалины. Горел «Печатный Двор». С крыши нашего дома, пожалуй, целую неделю можно было наблюдать дым в южной части города, где горели Бадаевские склады.

ПРИМЕРНО С АВГУСТА, мы оставшиеся в городе мальчишки, несли дежурство на крыше своего дома. Иногда к нам присоединялись и наиболее смелые девчонки. Обычно с нами дежурил кто-то из взрослых. Хотя дом наш был огромным, на него упала не очень много зажигательных бомб.

Но все же две из них во время дежурства мне удалось сбросить

ВОСПОМИНАНИЯ ЖИТЕЛЕЙ БЛОКАДНОГО ЛЕНИНГРАДА

щипцами с длинными деревянными ручками вниз на асфальт. Еще одну мы вдвоем засыпали песком из бочки, укрепленной там же, на крыше.

Дежурить нас никто не заставлял и не обязывал. Но чувство долга, забота о своем доме подталкивали к этому. С началом недоедания, с наступлением холодов мы все реже ходили на крышу. Наш сарай с дровами, находившийся на заднем дворе, кто-то взломал и топливо растащили. Матери, в ту пору рывшей окопы на Средней Рогатке, приходилось оттуда ежедневно носить на Петроградскую сторону вязанку щепок и палок. За водой мы теперь ходили в подвал соседнего дома. Электричества не было, и вечерами мы зажигали маленькую лампу без стекла, горевшую на каком-то дизельном топливе, так как керосина тоже не было.

Бомбежки нашего района продолжались, но в убежища мы уже перестали ходить... Умирали одноклассники, гибли взрослые. Из родных у меня осталось лишь тетка с мужем.

В начале января произошел случай, который я отчетливо помню до сих пор.

Вечером я шел в булочную на углу Пионерской и Корпусной улиц (она сохранилась и по сей день). Было известно, что там иногда дают хлеб на два дня вперед. У булочной мне встретился мальчишка из нашей школы, из параллельного класса. Мы едва

знали друг друга, я даже имени его не помню.

Однако он узнал меня и, подойдя, спросил: «Доходишь?» Было такое в ту пору выражение.

По моему виду было ясно, что мне живется несладко. Я кивнул в подтверждение, мол, разве не видишь. Он велел мне подождать, прошел в булочную и через две минуты, выйдя оттуда, протянул мне нашу блокадную пайку: «Ешь». — «А ты?» - я остолбенел. «Я сыт, ешь!». Больше уговаривать меня не требовалось. Перед расставанием он дал мне талон на хлеб на один из ближайших дней.

Все послевоенные годы я сохранял надежду, что встречу того мальчишку, расспрашивал о нем оставшихся в живых одноклассников. На ежегодных вечерах, проводимых во Дворце культуры имени Ленсовета, секции юных участников обороны Ленинграда, я всматриваюсь в постаревшие лица бывших детей блокады. Но до сих пор не нашел его. Прошло уже сорок два года, а я все еще надеюсь на встречу...

В СЕРЕДИНЕ ЯНВАРЯ сорок второго мы с матерью переехали на Строгановскую набережную к тетке с мужем. У них еще имелись дрова, можно было обогреться у печки и приготовить кипяток. Тяжело вспоминать то время. Ели дуранду, студень из столярного клея, обильно приправленный горчицей. Впрочем, что мы тогда не ели...

Мой дядька был инвалидом гражданской войны, в армию его не взяли. Он умер в марте. А тетку, учитывая, что на фронте находилось двое ее сыновей, удалось устроить в больницу.

Вспоминаю весну 42 года: долгожданное тепло, первая зелень, крапива, лебеда, корни лопуха, из которых жарили лепешки на олифе. Я настолько ослаб, что вставал лишь к столу, когда мать приготовит этих лепешек. Нормы отпуска продуктов увеличивались, но дистрофия продолжала развиваться, я умирал. В июле мать, собрав все силы, взяла меня, больную тетку и, добившись эвакуации, спасла нам жизнь.

Через два года мы вернулись домой, и вскоре в пятнадцать мальчишеских лет пришел я юнгой на флот. День победы встречал в Кронштадте.

Так прошло детство - мое и других мальчишек блокадного Ленинграда-детство, изломанное войной.

Это, наверное, смешно, но когда мне было уже тридцать, и даже сорок лет, если я встречал на поляне или пустыре мальчишек, гоняющих мяч, хотелось забыть про возраст и бегать вместе с ними – в свое время мы не успели это сделать.

*Впервые опубликовано в газете
«Кадры приборостроению» №4 (1169),
1 февраля 1984 года*

В. МОТОВ

ЭТО ВРЕМЯ НАВСЕГДА УШЛО ОТ НАС И НАВСЕГДА ОСТАЛОСЬ С НАМИ

Это длится уже 45 лет. Каждый год, когда наступает зима, и улицы покрываются снегом, память возвращает в ту трудную в жизни пору – зиму 1941 года. Вероятно, это происходит не только со мной. Все мы, находившиеся тогда в Ленинграде, погружаемся в воспоминания, и память, возвращает нас именно в тот возраст, в котором каждого из нас застала блокада.

Иногда нас спрашивают: «Зачем вы вспоминаете блокаду, ведь это для вас тяжело?». Да, для блокадников это крайние тягостные воспоминания. Ведь блокада наложила отпечаток на всю последующую нашу жизнь.

Потеря близких, раннее начало трудовой деятельности, незаконченные школы и вузы, наконец, приобретенные в тот период различные болезни, последствия которых проявляются всю жизнь.

О блокаде написано много. В большинстве случаев создается объективная картина, но нет-нет и прозвучит излишне мажорный тон. В моих рассказах приводятся те эпизоды, которые пришлось увидеть и пережить двенадцатилетнему мальчишке, факты, с которыми мне пришлось непосредственно столкнуться.

Лето 1941-го

Через неделю после начала войны весь состав пионерского лагеря, расположенного в поселке Толмачево под Лугой, в котором я находился, вернулся в Ленинград. Помню, что на последних лагерных линейках мы ежедневно шумели, «бузили», требуя у руководителя лагеря не эвакуации в тыл, как тогда намечалось, а возвращения домой. «Даешь Ленинград», кричали мы тогда, не предполагая что для части из нас возвращение в город, который окажется в блокаде, станет гибельным.

По возвращении оркестр нас не встречал; Варшавский вокзал был одновременно и тих, и суетлив. Ко многим из нас родители на вокзал не пришли. С чемоданами в руках мы стали заполнять трамваи и автобусы, торопясь добраться домой. Было нам от 9 до 15 лет.

Война входила в сознание постепенно. Косые бумажные полоски на окнах, светомаскировка, азростаты над городом, привоз песка во дворы домов, засыпка им мешков и доставка его на чердаки. И, конечно, прощания. Уходили пока, в основном, мужчины, прощаясь с родителями, женами, детьми, соседями. Прощания в квартирах, во дворах, в парадных, на остановках городского транспорта. Прощания со слезами, плачем, но и ободряющими словами, пожеланиями быстрого возвращения.

Но было еще совсем не плохо в городе. Еще сытно и вкусно кормят в столовой на углу Большой Зелениной и Геслеровского проспекта, куда я ежедневно хожу, так как остался в комнате один и сам должен побеспокоиться о хлебе насущном. Часть горожан, не призванных в армию и не отправленных на рытье окопов и противотанковых рвов, в недавно открытых коммерческих магазинах приобретают кондитерские изделия, консервы, крупы, шоколад, сетками разнося продукты по домам.

Мы, школьники младших классов, становимся посыльными у дворников и управдомов, и по их указаниям бегаем по квартирам, предупреждая, что где-то из окон пробивается полоска света, разносим повестки. Еще носим на чердаки мешки с песком и засыпаем ими железные бочки.

Мы ходим по улицам и вглядываемся в лица прохожих, прислушиваемся к голосам: по радио объявили, что в Ленинграде могут оказаться немецкие лазутчики, и мы пытаемся определить, найти их.

Вечера, а иногда и часть ночи мы добровольно проводим на крышах, помогая взрослым.

Осень

Девочку звали Ира, Ира Матвеева, мы учились с ней со второго по четвертый класс в школе №15 на небольшой улице - Корпусной. Школа была небольшая, трехэтажная, но недалеко

от дома, что всем нравилось.

Ира была белокурой, с локонами, и мальчики на нее засматривались. Училась она средне, и при вызове к доске знатоки арифметики, литературы и других предметов старались помочь ей ответить, изошрялись в подсказках. Учителя, вероятно, зная нашу слабость к Ире, делали вид, что не замечают их хитростей.

Многие из нас после уроков шли с санками или лыжами в сквер на Геслеровский проспект. Была ли в этом любовь к зимнему спорту или тут скрывалось что-то другое, трудно сказать, но Ира жила против этого сквера и бывала в нем ежедневно.

Самая сильная бомбежка в приморском районе в ночь с 8 на 9 сентября. Она совпала с официальным днем начала блокады. Бомбежка длилась всю ночь, показавшаяся нам вечностью.

В ту ночь взрывы были особенно слышны. Бомбы падали с лева и справа, спереди и сзади. Казалось, что немецкие летчики сквозь толщину шести этажей видят женщин, стариков, детей, разместившихся в подвалах, и непременно хотят попасть бомбой в убежище. Помню, как совсем молодые матери, при очередном взрыве прижимали своих детишек, склонялись над младенцами, будто своим телом они могли сохранить им жизнь.

Из углов убежища старушки

взывали к богу. То ли помогли эти молитвы, то ли зенитчикам удалось отогнать самолеты, то ли у фашистов закончились бомбы, но к утру диктор объявил отбой воздушной тревоги. Разрушения оказались значительны. Соседний дом, переоборудованный в госпиталь, был поврежден частично, но в конце улицы один из домов был сметен начисто.

Еще один дом был разрушен на углу Барочной улицы. Особенно сильно пострадали здания в остановке от нас, в том числе типография «Печатный двор».

В ту же ночь был поврежден любимый мальчишками Петроградской стороны кинотеатр «Великан», разрушены несколько построек в зоопарке. Особенно долго горели «Американские горы» – самый популярный до войны аттракцион.

Когда же я подошел к скверу на Геслеровском, то увиденное невольно заставило сжаться детское сердце: дом, в котором жила наша Ира, был в основном цел, но бомба, видимо, небольшая, пробила и разрушила комнату с эркером, где жили девочка с мамой. После блокады я встретил примерно десять одноклассников из 4-го «Б» (в классе нас было сорок), однако никто из них не встречал Иру после той страшной ночи. Образ двенадцатилетней белокурой девочки с локонами сохраняется в памяти и спустя 45 лет.

Зима

В тот год зима пришла не по календарю. Она началась уже в ноябре обильным снегопадом и морозами. В нашей многонаселенной квартире к зиме оставалось человек 15, среди них было семейство из отца, матери и двух дочерей. Старшая из дочерей в семье работала заведующей булочной. В ту холодную пору Ленинградцы одевали на себя все теплое, что имелось, уже не заботясь о внешнем виде. Люди были голодные, лицом серые, сутулились. А вот Женю, так звали новую заведующую булочной, время изменило в лучшую сторону. Она расцвела, щеки расцвели румянцем, ее походка приобрела какую-то грациозность, она стала красавицей. У нее появились золотые вещи, а вместо обычного пальто она стала носить хорошую шубу, аккуратные валенки, красивую меховую шапку и... красить губы. Вскоре эта семья из своей одной комнаты переехала в отдельную квартиру.

Другая женщина из нашей квартиры еще до войны работала поваром. Зимой 1941 года она за продукты выменяла свою восьмиметровую комнату на другую в нашей же квартире, размером в три раза больше, а затем за суп и кашу обзавелась хорошей посудой и мебелью. Было в блокаду и такое...

В январе я с матерью переехал к родственникам на Строгановскую набережную. У них имелись дрова, что было тогда большим благом.

Однажды мы ходили на Коломяжский рынок, и там удалось выменять ведро «хряпы». В довоенное время это был корм для домашних животных, состоящий из зеленых капустных листьев, и еще каких-то овощей. Вероятно, дней 10 мы варили щи и ели, ели их...

Иногда меня посылали на Новодеревенский рынок, вернее толкучку, для обмена вещей на хлеб, крупу. Здесь было гораздо больше продавцов вещей, чем покупателей, но можно было и купить хлеб за деньги, стоил он тогда 500 рублей килограмм.

Помню, в феврале был у нас праздник: удалось выменять приличный кусок конины. Правда, лошаденка, видимо, сама долго голодала, так как ребра выпирали из кожи. Но все-таки это было мясо, и нас ожидал пир.

Весна

Была она тогда трудной, холодной. За водой в проруби на Неве могла ходить только мама, два старика и я не имели уже сил набрать и принести ведро воды. Мама прятала от тетки похоронку на ее старшего сына, командира батареи, погибшего в тяжелых боях под Мгой еще осенью. Хорошо помню этого своего двоюродного брата, перед войной окончившего академию и отправленного на фронт в первые же дни войны. Вероятно, академия имела отношение к артиллерии, так как брат в хорошем настроении иногда декламировал несколько странное четверостишие: «Дурак – в пехоте,

пьяница – на флоте, красивый – в кавалерии, а умный – в артиллерии».

Помню, на первом этаже дома жил мой товарищ, одноклассник Витя Абрамов. Я долго не видел его, а однажды тетка сообщила, мне, что, выпив растительного масла, Витя отравился и умер.

К концу марта у дядьки иссякли силы, и он тоже умер. До блокады это был крепкий, широкоплечий мужчина, участник мировой и гражданской войн, было ему около пятидесяти лет.

Кажется, к первому мая в городе пустили трамвай. Третий номер ходил от центра до Новой Деревни, проходя в одной остановке от дома, где я жил. Помню, люди плакали, а некоторые крестились, глядя на трамвай. От слабости мы поднимались в него с большим трудом.

Май принес с собой не только тепло, но свежую зелень. Появилась трава, вернувшая к жизни многих ленинградцев. Особенно запомнились лепешки из лопухов, жареные на олифе и сдобренные горчицей. Такие блюда из некоторых трав давали организму витамины, работу желудка, создавали ощущения сытости. Кстати, о горчице. Из нее пекли тогда лепешки, ею смазывали студень, сваренный из столярного клея, ее хватало на всю осень, зиму и весну. Видимо, запасы горчицы в городе были обильные. С наступлением лета кончился самый суровый и тяжелый этап ленинградской блокады.

А до Победы было еще долгих три года...

*Впервые опубликовано в газете
«Кадры приборостроению» №4 (1319),
16 февраля 1987 года*

В.МОТОВ

ВЕСНОЙ СОРОК ПЯТОГО

ВЕСНОЙ СОРОК ПЯТОГО в Ленинграде всем чувствовалось, что война близится к концу. Давно была отменена светомаскировка, с окон смыты бумажные полоски. Повсюду на улицах, набережных, площадях шли работы по ликвидации причинённых войной разрушений.

Было мне в ту пору пятнадцать лет и, видя десятки тысяч работающих людей, я ощущал потребность вместе со всеми поднимать из руин страну, родной город.

Задумываться, чем заняться, не приходилось. Ведь жила в Приморском районе, и выбор был сделан уже в тринадцать лет - пойду во Флот!

«Балттехфлот набирает на суда юнг» - такое объявление привело меня на Литейный проспект, дом 22, где в ту пору размещалось управление. Подростков тогда на работу принимала «сама Кузьмина» – начальник отдела кадров.

- Кем же ты хочешь стать? - этот вопрос был одним из первых. К ответу

ВОСПОМИНАНИЯ ЖИТЕЛЕЙ БЛОКАДНОГО ЛЕНИНГРАДА

я был готов давно и, не раздумывая, отчеканил

– Капитаном!

Бравый ответ, видимо, удовлетворил начальника, и через несколько минут в моей руке было зажато направление, в котором говорилось: «Капитану п/ш «Волжанка» Захарову. Направляется для работы на судно палубный юнга В. Мотов».

Так для меня кончилось отрочество, и началась флотская жизнь.

КРУПНЕЙШИЕ ПОРТЫ
Балтики - ленинградский, таллинский, рижский лежали в руинах, и Балттехфлот восстанавливал их, чтобы возобновить прерванное войной регулярное мореплавание.

Седьмого мая в Морском канале царило необычное за годы войны оживление: буксиры, паровые шаланды, сухогрузные транспорты, землечерпалки, землесосы, катера – более полусотни судов, вытянувшись в кильватер, следовали в Кронштадт, для дальнейшего перехода в Таллин

и Ригу. Весь день 8 мая на судах шла усиленная и ускоренная подготовка к выходу в море.

9 мая, кажется, к полудню, на судно пришёл офицер штаба ВМФ, попросил провести его к капитану, и через две минуты после звонков громкого боя раздалась команда:

– Всему экипажу собраться на палубе для следования на праздничный митинг в честь Дня Победы. Палубному юнге Мотову остаться на судне за вахтенного матроса и штурмана.

Таким запомнился мне День Победы, которого мы ждали четыре года!

А в море флотилия вышла на следующий день под конвоем кораблей и самолётов – в Балтике ещё находились не сдавшиеся немецкие субмарины.

*Впервые опубликовано в газете
«Кадры приборостроению» № 12(1212),
10 апреля 1985 года*

3. СКВОРЦОВА,
инженер

ЖЕРТВАМ БЛОКАДЫ

*Перед нами листки из блокнота.
В каждом реквием, скорбная нота.
Летописцу Танюше одиннадцать лет,
Ее мужеству равного нет!
Перечислены здесь в алфавите
Жертвы голода, те, что убиты.
Если каждому клетку блокнота отдать,
Лента скорби без усталости будет бежать,
Чтобы все передать заклинание:
Преградите путь новым страданиям!*

*Впервые опубликовано в газете «Кадры приборостроению»
№3(1318), 6 февраля 1987 года*

САБИНИН ЮРИЙ АЛЕКСЕЕВИЧ

Крупный специалист в области автоматизированного электропривода, следящих систем и прецизионных систем управления.

Родился в 1913 году. Закончил Ленинградский политехнический институт (1938). Работал в Институте электромеханики, занимая последовательно должности начальника лаборатории, заведующего отделом, заместителя директора по научной работе (до 1970 года).

Работал в ЛИТМО: с 1970 по 1990 год работал в должности заведующего кафедрой автоматики и телемеханики; а затем до 2005 года — профессором кафедры электротехники и прецизионных электромеханических устройств. Принимал участие в разработке средств управления адаптивной оптикой и создании систем управления мощными центрифугами для сельского хозяйства.

Член президиума Петербургского отделения Международной академии энергетических наук. С 1975 по 1979 год — член Методической комиссии Минвуза СССР, заместитель председателя секции автоматизации промышленных установок Ленинградского дома научно-технической пропаганды, член координационного Совета Минвуза СССР по роботам и манипуляторам, член отраслевого научно-технического совета Министерства электротехнической промышленности СССР.

НАШИ ВЕТЕРАНЫ:
они трудились в нашем вузе

Общий стаж работы профессора превышал 60 лет. Педагогический стаж работы в вузах составлял более 50 лет.

Ему принадлежит более 230 печатных работ, в том числе 6 книг и 15 авторских свидетельств. Был награжден орденом «Знак Почета» и другими правительственными наградами, в том числе медалью «В память 300-летия Санкт-Петербурга».

Встреча ветеранов блокады. Преподаватели кафедры автоматики и телемеханики:
(справа-налево) профессор Ю.А. Сабинин, доцент Л.С. Громова,
старший преподаватель Л.Т. Никифорова и доцент П.В. Николаев.
ЛИТМО, 1985 год

ЭНЕРГЕТИКА ЛЕНИНГРАДА В ПЕРИОД БЛОКАДЫ ГОРОДА

После завершения образования на вечернем факультете я по согласованию с заведующим кафедрой электропривода проф. В.К. Поповым был принят в аспирантуру. Однако в связи с блокадой Ленинграда работа в аспирантуре Политехнического института стала бесперспективной. После пребывания в отряде ПВО института я по приглашению руководства Ленэнерго перешел обратно на работу в Центральную лабораторию Ленэнерго, где через небольшой срок был определен на должность начальника Электротехнической лаборатории, которая обслуживала все энергоустановки, кроме кабельных линий. В состав лаборатории входили 17 человек, в том числе три сотрудника, еще не достигшие 18 лет и, соответственно, не имеющие специального технического образования. В связи с этим сотрудниками Ленэнерго был организован филиал вечернего техникума, который обеспечил им достаточно хорошее образование, и вскоре после снятия блокады они защитили дипломные проекты техников и пополнили штат Ленэнерго квалифицированными специалистами, обладающими хорошей теоретической подготовкой и практическим опытом.

Следует отметить, что положе-

ние с электроэнергией в блокадном Ленинграде было крайне тяжелое: запасы угля иссякли, а запас топлива на торфопредприятиях подходил к концу. В связи с этим руководством города было принято решение о прокладке нескольких параллельных кабелей между большой и малой землями. Изготовление кабелей было поручено заводу Севкабель, а прокладка была возложена на кабельную сеть Ленэнерго и Управление речного порта. Чтобы повысить проводимость кабелей, было решено провести исследование их работы на напряжении 10 кВ. Эту работу выполняла Электротехническая лаборатория Энерголаборатории Ленэнерго.

Первоначально было решено технологию прокладки кабелей осуществить по обычной схеме. Один отрезок кабеля размещался на барже, и в ночное время осуществлялась укладка его на дно залива.

Затем баржа возвращалась за вторым отрезком, и происходила спайка жил двух отрезков кабелей. Естественно, такие операции занимали много времени, и немецкая авиация часто выводила из строя весь комплекс оборудования для прокладки кабелей.

Поэтому по предложению главного инженера Ленэнерго проф. С. В. Усова было решено изменить весь процесс

спайки и укладки кабелей. Одна ветвь кабеля на всю длину спаивалась на берегу и укладывалась около места швартовки баржи. В ночное время ее переносили внутрь баржи.

Укладка кабеля осуществлялась посредством двух буксиров, из которых один осуществлял поступательное движение, а второй вращательное. Роли их непрерывно менялись. При этом за ночное время удавалось уложить одну ветвь на полную длину между большой и малой землями.

Подстанции были скрыты под землей. В проектировании подстанций принимала участие инженер Энергопроекта Ленэнерго Г.Д. Сабина. Интересные работы проходили по грубому включению и втягиванию в сеть маломощных генераторов за счет предварительного включения постоянного тока в цепь возбуждения и наличия демпферной обмотки. Некоторые генераторы были снабжены тиристорами и контактными регуляторами напряжения, что позволяло им удерживаться в синхронном режиме при коротких замыканиях.

Необходимо отметить, что силовые кабельные линии, хотя и позволили улучшить снабжение города электроэнергией, задачу далеко не решили. Поэтому были начаты работы по созданию воздушных линий на опорах, вмораживаемых в лед Ладожского озера. Такая реконструкция системы электроснабжения стала возможной в

связи с прорывом и частичным снятием блокады.

Несмотря на малочисленный состав лаборатории, ее сотрудники успешно справлялись с настройкой оборудования и проведением экспериментальных работ. Работами в лаборатории интересовался министр энергетики, проф. И. А. Сыромятников, и он часто прилетал в Ленинград для ознакомления с работами. Для лучшего управления системой и связи диспетчерского пункта со станциями по его инициативе была организована и разработана система телеизмерений мощности генераторов 5-ой ГЭС. Связь осуществлялась по телефонным линиям.

Следует отметить, что существенный результат дали все работы в совокупности. Внедрение работ, выполняемых электротехнической и высоковольтной лабораториями, потребовало ознакомления с их результатами персонала станций и подстанций. Стало необходимым издание информационных сборников. Последовательно было издано два сборника, отпечатанных силами Ленэнерго. Тираж каждого составлял 150 экземпляров.

Двое из прежнего состава сотрудников Л.А. Бамбарьян и В.А. Романов позже защитили кандидатские диссертации и один - докторскую.

Май, 2005 год

СМИРНОВ ДМИТРИЙ МИХАЙЛОВИЧ

В 1943 году начал свою трудовую деятельность электромонтёром на заводе «Полиграфмаш».

Окончил в 1951 году Ленинградский ордена Ленина институт железнодорожного транспорта им. академика Образцова. После окончания института стал работать преподавателем по кафедре графики в Академии связи Советской Армии.

С 1955 по 2002 год работал в ЛИТМО — Университете ИТМО в должностях ассистента, старшего преподавателя кафедры начертательной геометрии и графики (позже - инженерной и компьютерной графики).

С 1959 года читал лекции по начертательной геометрии и проводил практические занятия по всем дисциплинам кафедры разработал курс «Техническое рисование».

Д.М. Смирновым была разработана система подготовки студентов университета к олимпиадам по начертательной геометрии, что позволило командам университета занимать передовые позиции среди команд вузов города и страны.

Заслуженный работник высшей школы Российской Федерации.

Житель блокадного Ленинграда. Награжден медалью «За оборону Ленинграда».

*СОТРУДНИКИ КАФЕДРЫ
НАЧЕРТАТЕЛЬНОЙ ГЕОМЕТРИИ*

ПРЕЖДЕ ВСЕГО – УЧИТЕЛЬ

Более 30 лет работает Д.М. Смирнов на кафедре НГЧ и все эти годы с поистине замечательной самоотверженностью отдаёт свои силы и знания любимому делу.

Он был четырнадцатилетним подростком, когда на нашу землю пришла война – самая страшная, самая разрушительная за всю историю человечества. Одну из самых героических страниц в историю Великой Отечественной войны вписали жители и защитники осаждённого Ленинграда. Все 900 блокадных дней Д.М. Смирнов прожил на его опалённой и израненной земле, испытывая нечеловеческие муки от голода и холода, под бомбёжками и обстрелами, среди смертей и страданий.

Всего 125 граммов хлеба в день полагалось иждивенцам и подросткам в самые голодные месяцы блокады. Около 650 тыс. жизней из 2.5 млн. человек гражданского населения города унесла голодная смерть. Какие же душевные и физические силы нужно было иметь, чтобы сражаться, выжить, выстоять и не только выстоять, но и победить!

В годы блокады Д.М. Смирнов, будучи школьником, участвовал в общественных работах, расчищал город от завалов, работал на стройках, а в 1943 году начал свою трудовую

деятельность электромонтёром на заводе «Полиграфмаш». Родина высоко оценила его трудовой вклад в дело над победой фашистской Германией, наградив его самой дорогой для ленинградца, пережившего блокаду медалью «За оборону Ленинграда».

После войны Д.М. Смирнов заканчивает ЛИИЖТ и несколько лет работает на железной дороге на Урале. Вернувшись затем в Ленинград, ведёт преподавательскую деятельность в Высшей военной академии связи, а затем, в 1954 году, приходит в ЛИТМО. До сих пор на протяжении 32 лет он трудится в стенах нашего института.

Глубокие знания, высокие требования к самому себе, принципиальность, чувство ответственности за порученное дело характеризует Д.М. Смирнова как деятельного педагога, вдумчивого воспитателя и неутомимого труженика, всей душой преданного любимому делу.

За большой вклад в дело подготовки инженерно-технических кадров для хозяйства страны, за долгую работу в ЛИТМО Д.М. Смирнов награждён медалью «Ветерана труда».

*Впервые опубликовано в газете
«Кадры приборостроению» №30 (1306),
24 октября 1986 года*

ШАРЛАЙ СЕРГЕЙ ФЕДОРОВИЧ

Кандидат технических наук. Доцент кафедры квантовой электроники.
Всю блокаду Ленинграда, будучи ребенком оставался в городе.

С. ШАРЛАЙ

БЫЛ В ЛЕНИНГРАДЕ «ЛЕНИНГРАД»

ЛЕНИНГРАД – это моя родина, это моя жизнь, это моя наука, это моя поэзия, это мое счастье... Это моя боль. Жизнь вне Ленинграда для меня немыслима. Как-то, уехав на четыре месяца на кумысолечение в Башкирию, я написал там:

Покидая Ленинград ненадолго,
Чувствуешь себя его частицей.
Даже здесь, в Башкирии, за Волгой,
Он мне часто видится и снится.
Все дела, все мысли в Ленинграде.
От его влияния не скрыться.
И гордиться можно, как наградой,
Честью в этом городе родиться.

Родился я на тихой Пантелеймоновской улице, называемой ныне улицей Пестеля, в большом доходном доме с аркой, несколькими задними дворами и одним парадным. Где-то напротив, как это следует из описания А.Н. Толстого, жили сёстры – героини «Хождения по мукам». А в соседнем доме до переезда в Старый Крым жил писатель А.С. Грин.

Начало Великой Отечественной Войны и последовавшая блокада словно пробудили моё дремавшее ранее общественное сознание. Всё, что происходило после начала войны, я помню совершенно отчетливо, почти зримо. Зато о том, что было до войны,

сохранились только разрозненные, смутные воспоминания.

В 1945 году наконец-то закончилась Отечественная война. Это был год огромной радости, всеобщего ликования и новой тревоги – в сентябре была объявлена война с Японией.

После перенесённой в Ленинграде первой блокадной зимы и длительной болезни я и последующие годы часто болел. Поэтому рано пристрастился к чтению, начал сам писать стихи.

В 1946 году мы сняли дачу в Терийоках, на Разъезжей улице, в доме №3. Время от времени я ходил в газетный киоск за свежей периодикой. Особенно нравились мне в то время журналы «Ленинград» и «Звезда». «Ленинград», кроме всего прочего, привлекал своей оригинальной «фирменной» обложкой. Купив очередной номер журнала, я прочитывал его от корки до корки.

Киоск в то время находился на повороте проспекта Ленина, примерно там, где сейчас находится отделение милиции. В ходе восстановления Зеленогорска почта и киоск стремились несколько ближе к центру, дальше от моря. Прогулка за журналами всегда была для меня большой радостью.

Из прочитанного в журналах «Ленинград» и «Звезда» я особенно запомнил произведения Ольги Форш, которая в то время часто печаталась в обоих журналах, стихи

Анны Ахматовой и Ольги Берггольц, «Остров Баранова» Ивана Крамса, исторические сочинения Леонтия Раковского и, «Волшебник из Гель-Гью» Леонида Борисова.

В подзаголовке «Волшебника из Гель-Гью» стояло: романтическая повесть. Эта книга была посвящена петербургскому периоду жизни А.С. Грина. Впоследствии, отдыхая в Феодосии и Коктебле, я навестил вдову Грина, которая очень любезно рассказала о своей жизни в Ленинграде и в старом Крыме.

В годы блокады дом №11 по улице Пестеля был разбит фугасной бомбой. После его восстановления на нем была установлена мемориальная доска «В честь мужественных защитников полуострова Ханко». Факт, что был разрушен дом, в котором раньше жил писатель Грин, отразился в моём стихотворении «Блокадная память»:

*Вначале мне только пять лет ещё
было,
А в осень блокадную минуло шесть,
Но память навеки в себе сохранила
Картины, и их ни забыть, ни
стереть.
Я помню: фугасною бомбой разрушен
Соседний был дом, где когда-то
жил Грин.
Я помню вой бомб, рвущий уши и души.
Кто слышал его - не забыл ни один.
Я помню блокадную жизнь
чёрно-белой,*

ВОСПОМИНАНИЯ ЖИТЕЛЕЙ БЛОКАДНОГО ЛЕНИНГРАДА

*Как в выцветших кадрах немого кино.
В морозы, когда всё кругом леденело,
Кресты из бумажек – слепили окно.
Я помню, болел, переживал хряпу.
Из жёлтой дуранды – лепёшки пекли.
Я голода помню когтистую лапу...
Но голод и холод нас взять не смогли.
Мы всё пережили: блокадную зиму
И ладожский лёд с полынями весной.
И след незаживший от раны незримой
Оставлен навеки проклятой весной.*

Август 1946 года. В августе день моего рождения. Под знаком Льва. Все, что рождается под знаком Льва, если верить гороскопам, должно быть достойным «царя зверей»: одаренным духовно, щедрым, величественным.

И вот 14 августа 1946 года. Выступление А.А. Жданова и Постановление о журналах «Звезда» и «Ленинград» нанесло удар не только по А.А. Ахматовой, М.М. Зощенко, А. Хазину, не только по «Медному всаднику» и памятникам культуры Петербурга, не только по любимым всеми журналам. Оно нанесло удар по всему Ленинграду, по всей советской литературе. Причем удар этот оказался чрезвычайно разрушительным. Журнал «Ленинград» был закрыт. Анна Андреевна Ахматова была исключена из Союза писателей СССР.

Даже почти 10 лет спустя при личном знакомстве с Анной Андреевной я убедился, что она еще не оправилась от нанесенного ей

удара. В еще более тяжелом и плачевном состоянии оказались Михаил Михайлович Зощенко, Александр Хазин. Трудности возникли даже у такого известного и популярного писателя, как Юрий Павлович Герман.

За минувшие с той поры 42 года мои земляки забыли свой «Ленинград». Теперь, когда это ужасное постановление оттенено, мне захотелось вернуться в ту эпоху, взять в руки те журналы. Найти сегодня журнал «Ленинград» в Ленинграде оказалось делом не легким. К счастью, у подруги детства мне удалось найти 5 номеров журнала «Ленинград» за 1946 год и 3 журнала «Звезда» за 1945 год.

Еще не доехав до дома, я прямо в метро кинулся их перелистывать. Позднее запоем их перечитал.

В восьми перечисленных журналах я нашел только маленькую подпорку из пяти стихотворений Ахматовой, объединенных строчкой из Иннокентия Анненского, взятой в качестве эпиграфа: «пять роз, обрученных стеблям». Вот одна из этих «роз»:

*Истлевают звуки в
эфире,
И заря притворилась
тьмой.
В навсегда онемевшем
мире
Два лишь голоса: твой
и мой.
И под ветер с незримых
ладог*

НАШИ ВЕТЕРАНЫ:
они трудились в нашем вузе

*Сквозь почти колокольный
звон
В легкий блеск перекрестных
радуг
Разговор ночной
превращен.*

Нашел я также рассказ М.М. Зощенко «Происшествие на Олимпе» и рассказ Ю.П. Германа «Они познакомились на вечеринке». В основном тематика журналов была еще военной. С удовольствием я перечитывал произведения Вадима Шефнера, Ольги Форш, Александра Прокофьева, Николая Брауна, Павла Далецкого, Всеволода Рождественского. Сильно заделали строки Ольги Берггольц:

*Как беден стол, как меркнут
свечи...
Мы съели хлеб, что был отложен
на день...
Там на два дня осталось хлеба,
Там женщины под темным небом
Толпой у булочных стоят...
И еще вот это:
Бедный ленинградский ломтик
хлеба,
Он почти не весит на руке...*

Все восемь журналов я принес на очередное заседание литобъединения «Сигнал» при Дворце культуры связи, членом которого я много лет являюсь. Оказалось, что большинство из присутствующих не только никогда не видели журнала «Ленинград»,

но даже не знали о факте его существования. Наш руководитель, поэт Юрий Иванович Логинов, с большим чувством прочел стихи Ахматовой и «Возвращение Онегина» Александра Хази́на, что и сегодня звучало актуально:

*В трамвай садится
наш Евгений.
О, бедный, милый
человек!
Не знал таких
передвижений
Его непросвещенный век.
Судьба Евгения хранила,
Ему лишь ногу отдавило,
И только раз, толкнув
в живот,
Ему сказали: «Идиот».
Он, вспомнив древние
порядки,
Решил дуэлью кончить
спор,
Полез в карман... Но
кто-то спер
Уже давно его перчатки.
За неимением таковых
Смолчал Онегин и притих.*

После прочтения раздались недоуменные возгласы: «Неужели за это можно было закрыть журнал?!»

Увы, было можно... И не только журнал.

*Впервые опубликовано в газете
«Кадры приборостроению» №35 (1386),
22 декабря 1982 года*

С.Ф. ШАРЛАЙ

Я ОБРЕТАЮ СИЛЫ В ПАМЯТИ СВОЕЙ

*Блокаду пережив в младенческие годы,
Я длительно, помногу лет болел.
Зимы блокадной голод и невзгоды
Я в чем-то до сих пор не одолел.
Непостижимо разуму: как город,
Сражаясь девятьсот блокадных дней,
Все пережил - бомбежки, холод, голод...
Я обретаю силы в памяти своей.
Навеки выбиты на плитах из гранита
Слова: «Не позабыт никто, ничто!»
Пусть в космосе все новые орбиты-
Лишь для людей, для мира! Я – за то!*

*Впервые опубликовано в газете «Кадры приборостроению»
№4(1319), 16 февраля 1987 года*

С.Ф. ШАРЛАЙ

ДЕНЬ ПОБЕДЫ ПОРОХОМ ПРОПАХ

*День победы порохом пропах...
День победы – фейерверк душевный.
Мнилось: пережитое – в памяти на дне.
Но слышал песни той мотив припевный –
Все давно прошедшее вновь явилось мне.
И как будто снова, в годы те далекие
Чувствую, мальчишка, опален войной,
На «Харлее» мчусь с отцом за Терийоки,
Солнцем сорок пятого опьянен весной.
Колотые мраморы, битые витрины.
Помню, на носилках найден был скелет.
Бомбы и снаряды, под домами – мины
Не забыть такое и за сорок лет...*

*Впервые опубликовано в газете «Кадры приборостроению»
№12 (1212), 10 апреля 1985 года*

ХУДЯКОВА НИНА ДМИТРИЕВНА

Родилась в городе Ленинграде.

В 1934 году поступила и в 1939 году закончила полный курс исторического факультета Ленинградского государственного университета (сегодня Санкт-Петербургский государственный университет). С 1939 по 1942 год работала научным сотрудником Центрального исторического архива УНКВД Ленинградской области.

Жительница блокадного города. Она участвовала в строительстве оборонительных сооружений на подступах к Ленинграду, рыла траншеи и окопы, строила баррикады в городе. В 1942 году стала бойцом женского истребительного отряда, чтобы с оружием в руках защищать родной город. В 1943 году она была награждена медалью «За оборону Ленинграда». В день 25-летия Великой Победы участвовала в московском параде.

С 1946 года до момента ликвидации (1952) работала в Музее обороны Ленинграда (сегодня Государственного мемориального музея обороны и блокады Ленинграда), сначала научным сотрудником, потом начальником отдела и заместителем директора по научной части, является одним из его основателей.

Кандидат исторических наук (1961), тема научной работы «Всенародная помощь Ленинграду в годы войны и блокады».

Работала в ЛИТМО в течение более 20 лет: ассистентом (1952-1961), доцентом (1965-1973). Читала курсы лекций и вела занятия по политологии и вопросам истории для студентов и для преподавателей кафедры иностранных

НАШИ ВЕТЕРАНЫ:
они трудились в нашем вузе

языков и кафедры физвоспитания и спорта. Три раза избиралась культурологом профкома, была членом редколлегии вузовской газеты.

Годы войны определили жизнь Нины Дмитриевны в мирное время. Она долго собирала материалы о страшных 900 днях лишения и смерти. Публиковалась в российской и зарубежной прессе, принимала участие в международной научной конференции историков в Карловых Варах.

Автор книг «За жизнь ленинградцев» и «Вся страна с Ленинградом».

12 июня 2013 года Н.Д. Худяковой исполнилось 100 лет, с этим славным юбилеем её поздравили Президент Российской Федерации В.В. Путин, Губернатор Санкт-Петербурга Г.С. Полтавченко, Представители Администрации Петроградского района Санкт-Петербурга и Ректор Университета ИТМО член-корреспондент РАН В.Н. Васильев.

Н. ХУДЯКОВА

ЭТО НЕ ДОЛЖНО ПОВТОРИТСЯ!

Из блокадного дневника.

«1942 г. 16 февраля. Лютая голодная зима. С каждым днём всё сильнее сказывается блокада. Продовольственные трудности переросли в голод. Почти иссякло топливо, зима выдалась суровая – стоят сильные морозы. Выпало много снега, он лежит непроходимыми сугробами на площадях, улицах и на бережных.

В бомбоубежище на Красной улице, где дежурит наше санитарное звено, часто доставляют полузамёрзших ленинградцев, упавших от истощения на улицах. Иных удаётся привести в чувство, оказать помощь, другим она уже не нужна.

Фашисты продолжают обстреливать Ленинград из артиллерийских орудий, бомбить с воздуха. Слёг мой отец, который работал на фабрике «Пролетарская победа» №2.

Он ходил пешком на работу по несколько километров – от Мытнинской ул. Смольнинского р-на. Это подорвало его силы. А по карточке он, как и я, получал 125 гр. хлеба.

Дров давно уже нет. В топке самодельной печки сожжены стулья и шифоньер. Но печка даёт тепло только пока её топят, а затем остывает, и в комнате опять холодно.

За водой хожу на соседнюю улицу. Здесь у пожарного гидранта, как и у проруби на Неве, собираются закутанные поверх пальто в платки и шали женщины, старики, дети.

Холодная вода обжигает руки и замерзает. Мостовая у гидранта всё более обрастает льдом. Скользя по гладкой поверхности, черпаю воду и на саночках в кастрюлях и бидоне везу домой.

Стараюсь всемерно поддержать отца. Он – стойкий, мужественный человек, патриот Родины. Вечерами, беседуя при свете коптилки, мы с ним мечтали о прекрасной жизни после войны. Но организм отца сильно истощён. Решила пойти на фабрику. Там мне дали немного столярного клея и куски ремня. Из них готовлю скудную пищу.

На фабрике для ослабевших сотрудников открылся стационар, и отца направляют туда. На детских саночках я везу его в стационар. Дорогу замело, кругом обледеневшие сугробы, кое-где видны одинокие фигуры женщин, которые везут на детских саночках или листах фанеры завернутые в простыни трупы близких и родных, погибших от голода.

НАШИ ВЕТЕРАНЫ: они трудились в нашем вузе

На Лиговке медленно горит дом. Мороз – трескучий, и дом кажется огромной клеткой. Я немного пройду, остановлюсь, передохну и опять тяну санки. С трудом, но всё же добрались до фабрики.

В столовой нас покормили дрожжевым супом. А потом мы вошли в приёмную, где оформляли прибывших в стационар. Мы сидели на скамейке рядом с другими больными в ожидании вызова к врачу. К моему плечу прислонился мужчина. Вдруг я почувствовала, что он как-то обмяк весь. Посмотрела, он был мёртв. Отец тоже очень ослаб. 8 февраля его не стало.

Узнаю о гибели на фронте брата, капитан-лейтенанта. Мой организм, подорванный голодом, не выдерживает. Я тоже слегла. Одна в комнате, и рядом – никого. Так проходит день. Сладкая дремота растекается по всему телу. Но нет, этому не бывать. Я не отдамся во власть голода. Борьба продолжается.

Я встала и пошла в коллектив, в команду, на выполнение заданий. И снова на вышке, на боевом посту».

Жертвы блокады были почти в каждой квартире. Не редко вымирали целые семьи. Среди моих родственников погибло семь человек.

В январе 1942 года умирало не менее 3.5 – 4 тыс. человек ежедневно. По данным Нюрнбергского процесса, за период блокады голод и другие лишения осаждённого города унесли 641803 жизней ленинградцев. Значительное число погибших погребено на Пискаревском кладбище, превращенном в мемориальный музей.

*Впервые опубликовано в газете «Кадры приборостроению»
№5 (1242), 31 января 1986 года*

НИКИФОРОВА ЛИДИЯ ТИМОФЕЕВНА

До войны училась в школе №5 Куйбышевского района. Все 900 дней блокады прожила в блокадном Ленинграде.

С 31 мая 1943 года работала на хлебозаводе ФЗУ имени Максима Горького и продолжала учебу в школе рабочей молодежи.

1 сентября 1947 года была зачислена студенткой ЛИТМО, по окончании которого с 1953 году работала ассистентом, а потом и старшим преподавателем кафедры автоматики и телемеханики до июля 1992 года.

Избиралась депутатом районного Совета трудящихся третьего и четвертого созыва.

Награждена многими медалями, в том числе медалью «За оборону Ленинграда».

Л. НИКИФОРОВА

ПАМЯТЬ БЛОКАДНЫХ ЛЕТ

*В блокадных днях
Мы так и не узнали:
Меж юностью и детством
Где черта...
Нам в сорок третьем
Выдали медали
И только в сорок пятом –
Паспорта.*

Юрий ВОРОНОВ

Моим друзьям и приятелям в 1941 году было 11–12 лет. Учились мы в школе № 210 и очень гордились новой школой, которую построили в 1939 году.

Война круто изменила жизнь, разметала весь наш класс. Многим из нас пришлось пережить неимоверно тяжелое время блокады.

С 8 сентября 1941 года Ленинград был блокирован с суши. В городе стало трудно. Налеты вражеской авиации, артиллерийские обстрелы, пожары, а затем голод, холод и смерть близких, знакомых и незнакомых людей. Вот несколько фактов, что хранит память с тех дней.

Первый воздушный бой над городом, который я наблюдала с другими жителями нашего дома (Канал Грибоедова, д. 34). Один (единственный) истребитель отважно бросался на немецкие «мессершмитты», подбил два самолета, а затем задымился и стал падать. Как плакали наблюдающие это бой с земли! Плакали от собственного бессилия и горя.

Один из самых ожесточенных налетов на город был 8 сентября 1941 года. Много позже (уже из книг) узнала, что в этот налет на Ленинград противник сбросил 6327 зажигательных бомб. Возникло 178 пожаров. С «зажигалками» боролись не только пожарные команды и группы МПВО, но и население города, и, конечно, носились по чердакам и крышам подростки и школьники. Общими усилиями Ленинград отстояли, но один мощный пожар возник. С крыши нашего дома хорошо было видно, как бушевало пламя. Горели продовольственные склады им. Бадаева, горели много часов.

Очень быстро разнеслась по городу весть о страшной бомбардировке госпиталя на Суворовском проспекте 19 сентября. На госпиталь были сброшены фугасные, а затем зажигательные бомбы. В огне и завалах погибло более 600 человек.

ВОСПОМИНАНИЯ ЖИТЕЛЕЙ БЛОКАДНОГО ЛЕНИНГРАДА

Летом и осенью 1942 года большинство школьников нашего города работали в колхозах и совхозах. Во главе с учительницей выехал на работу и наш 5-й класс. Тяжесть блокадной зимы и голод повлияли на ее психику. Однажды к барaku, где все вместе мы жили, подъехала машина с красными крестами, и люди в белых халатах увезли нашего руководителя. Мы остались одни ждать нового учителя.

В один из ясных солнечных дней мы работали на капустном поле. Вдруг начался воздушный бой. Немецкие и наши самолеты кружились в какой-то карусели, все стреляли, хлопали зенитки. Мы лежали среди кочанов капусты и вжимались в землю. Когда свистели осколки снарядов, казалось, что они обязательно вопьются в спину. Бой закончился неожиданно. Вдруг стало тихо, и исчезли все самолеты. На поле нашли несколько осколков от снарядов, наверно, от зениток. В колхозе работали до 15 октября 1942 года. Пока я работала в колхозе, умерла моя бабушка. Говорили, что у нее украли карточки. Жила она отдельно, и мы ничего не знали. Бабушка, очевидно, боролась за жизнь и меняла всё, что могла, на продукты, после ее смерти почти ничего не осталось.

Радостное воспоминание весны 42-го. Город уже очищен от зимней грязи и опять сверкает довоенной чистотой. Город чистили все жители, кто только мог стоять. Милиция очень строго следила за выходом на работу. 15 апреля возобновилось движение трамваев. Мы с подругой пришли к Казанскому собору и долго смотрели и слушали трамвайные звонки. Вагоновожатые звонили беспрерывно. Жизнь возвращалась!

Открылся первый после блокадной зимы кинотеатр «Колосс». Он находился в здании на углу Манежной площади и Малой Садовой (тогда – улица Пролеткульта). Теперь это здание целиком занимает Радиокомитет. Желających попасть в кино – масса. Очередь тянется по солнечной стороне улицы Пролеткульта и сворачивает на Невский проспект. Люди истощены, плохо вымыты, но оживлены и полны надежды. Действительно, не хлебом единым жив человек.

Очень тяжелой была и вторая блокадная зима. Как только мне исполнилось 14 лет, я стала искать работу. Надо было найти такую работу, чтобы получать рабочую карточку. Мне повезло, весной 1943 года в городе появились объявления о наборе на учебу в школы фабрично-заводского ученичества (ФЗУ) пищевых предприятий. Медленно, но уже начала возрождаться пищевая промышленность, и стала ощущаться потеря кадров. Одни работники ушли на фронт, другие погибли в Ленинграде или эвакуировались.

С мая 1943 года я – ученица школы ФЗУ при седьмом хлебозаводе. Завод

находился в Лесном, и от дома до него в одну сторону около часа пути. Учили быстро, без отрыва от производства. С первого дня ставили на рабочее место. Работали в три смены без выходных дней. Смена 12 часов, а потом работа по заготовке торфа или дров. Городу нужно было топливо. И опять потери, потери... Гибнет мой первый бригадир, гибнет в трамвае от попадания в него снаряда цеховой технолог, пропадает девочка, которая пришла на завод со мной в один день... Бригадир была смертельно ранена во время обстрела города, она умирала на глазах других работниц. Было 7 часов утра, и они все спешили на работу (опаздывать было нельзя).

Молодая и красивая технолог имела маленького ребенка и мужа – морского офицера, он служил на корабле, который стоял на Неве и защищал город от вражеских налетов, а жена погибла при обстреле города.

С осени 1943 года в Ленинграде открылись вечерние школы, и вышло постановление правительства о переводе учеников вечерних школ на работу в одну смену. Сокращался и рабочий день. Появилась возможность учебы в вечерней школе.

На всю жизнь сохранился в памяти морозный февральский день 44-го, когда мне, девочке 14 лет, торжественно вручили медаль «За оборону Ленинграда».

Город был сильно разрушен, и после Победы развернулись восстановительные работы. И опять ленинградцы отстаивали свой город.

Берегу и горжусь своим удостоверением участника восстановления Ленинграда. И пусть там записано не очень много часов – всего 35, но это часы, отданные любимому городу после работы и учебы.

Видела разрушенные дома, восстанавливала их, но как сильно пострадал город и какой большой ущерб был нанесен его жилому фонду, поняла только в начале 1950 года, когда была избрана депутатом районного Совета и столкнулась с жилищными проблемами.

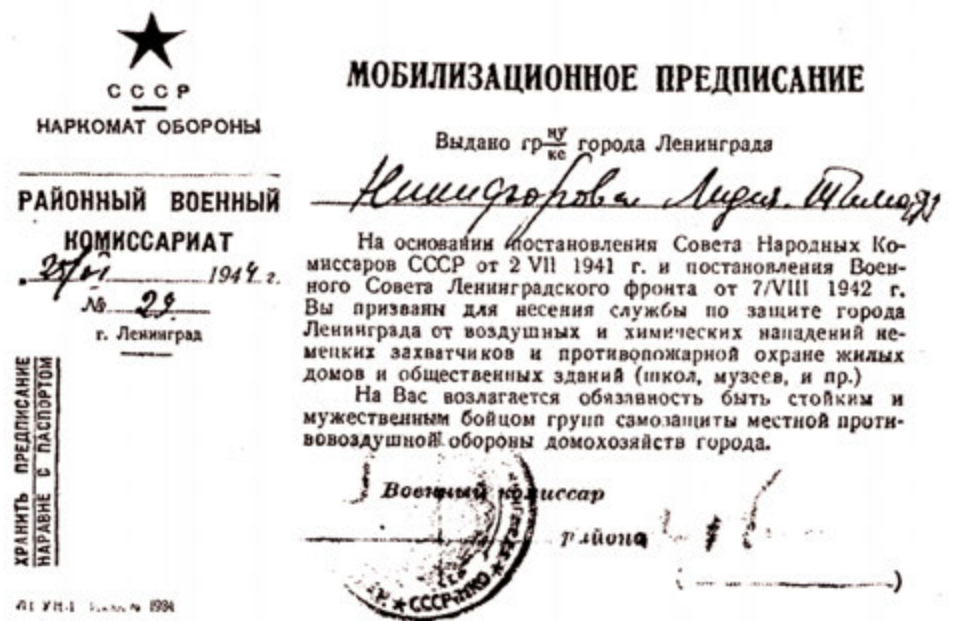
Закончить свои воспоминания хочу опять стихами поэта Юрия Воронова, блокадного подростка:

*Чтоб снова
На земной планете
Не повторилось той зимы,
Нам нужно,
Чтобы наши дети
Об этом помнили,
Как мы!*

Юноши и девушки, работающие на предприятиях и в учреждениях, по вечерам продолжают свое образование в школах рабочей молодежи. Сейчас здесь проходят экзамены. На снимке: сотрудница центральной лаборатории треста хлебопечения отличница 9 класса 121-й школы Фрунзенского района Лидия Никифорова сдает экзамен по истории
Фото Ел. Эварт (ЛенТАСС)

**НАШИ ВЕТЕРАНЫ:
они трудились в нашем вузе**

Доцент Л.Т. Никифорова беседует со студентами. ЛИТМО, 1977 год

ДЫГИНА МАРГАРИТА СЕРГЕЕВНА

Работала в ЛИТМО с 1961 года. С 1973 года была назначена на должность зав. кафедрой иностранных языков. С 1993 года по 1996 - доцент той же кафедры.

Житель блокадного Ленинграда. Награждена медалью «За оборону Ленинграда».

МОЯ БЛОКАДА

Моим дорогим родным посвящается

21 июня 1941 года, субботний вечер, скоро надо ложиться спать... Завтра меня ожидает такой замечательный день! Моя двоюродная сестра сказала, что мы пойдем в кино на утренний сеанс в кинотеатр «Искра». Там шел фильм «Дети капитана Гранта». Затем дома позавтракаем и отправимся погулять. Мы жили тогда на Смольном проспекте у самой Невы, там, где связал ее берега великолепный Охтинский мост. Жили мы в одной квартире с маминой старшей сестрой

Ольгой Михайловной Соковой. У неё было три дочки: старшие уже закончили Ленинградский университет, их звали Тамочка и Милочка (сестрички-фиалочки – так называла их я). Третья – Вика – училась в институте кинематографии и страстно любила кино. А я, их четвертая барышня, только что закончила четвертый класс.

Семью тети Оли (в квартире было пять комнат) попросили потесниться, и тетя Оля выбрала из всех зол меньшее: позвала к себе жить моих

родителей. Я не знаю, одобряла ли она позже свое решение, но мне жилось там хорошо.

Меня любили сестры, тетя Оля, ее муж дядя Саша и уж, конечно, мои родители, а я любила их всех.

В это время мой папа – Яковлев Сергей Константинович – находился на сборах (военный призыв на пару месяцев гражданских специалистов). Он должен был вернуться в начале июля, после чего мы бы поехали на дачу к нашим родственникам, в деревню Вороново (по Московской железной дороге).

Итак, счастье просто ослепляло меня своей улыбкой. Солнечным и ярким днем 22 июня 1941 года мы возвращались из кинотеатра, фильм был и вправду замечательный (помню хорошо Николая Черкасова в роли Паганеля). Вика подтрунивала надо мной, вспоминая, как я закричала на весь зал, когда огромная птица кондор унесла с корабля Роберта. И тут мы увидели у уличных репродукторов толпу людей и услышали какую-то громкую, тревожную речь. Мы поспешили подойти поближе и услышали обращение правительства к народу, в котором сообщалось о вероломном нападении гитлеровских полчищ на нашу Родину.

Мы выслушали дважды и испуганные, грустные поспешили домой. Дома все всё уже знали.

Прошло несколько дней, и мы

получили письмо от папы, в котором он сообщал, что остается на месте сборов и домой приехать не сможет. Началось тревожное военное лето. Газеты, радио не приносили утешительных новостей с фронтов. Все, в том числе и моя мама (Яковлева Людмила Михайловна), занялись закупкой продуктов впрок. Но у нас было мало денег, так как отца еще не перевели на военное довольствие, и он не мог прислать нам их. Позже как-то всё утряслось, и мы смогли немного подзатариться.

Немцы тем временем продвигались и продвигались вглубь страны. Каждый день мы слушали вести с фронта и узнавали о новых захватах наших городов, к сентябрю немецкие войска оказались вблизи Ленинграда. К бомбежкам города добавились еще и обстрелы... Стук метронома и вой сирены, возвещавшие об очередном обстреле или бомбежке, до сих пор звучат в моих ушах. При сигнале воздушной тревоги дети до 12 лет и старики должны были спускаться в бомбоубежище, остальные занимали посты на лестничных клетках или чердаках, чтобы уберечь дома в случае попадания зажигательных бомб. Всё было заранее распределено, каждый знал свое местонахождение.

За летние месяцы были построены оборонительные сооружения вокруг города силами гражданского населения. От нашей семьи на эти работы

ВОСПОМИНАНИЯ ЖИТЕЛЕЙ БЛОКАДНОГО ЛЕНИНГРАДА

были направлены две мои сестры (Вика и Мила). Тамочка не могла принять участие, так как она ожидала ребенка. И он (вернее, она), родилась 15 сентября 1941 года. В этот день был массированный обстрел Ленинграда (как мы шутили – салют в честь маленькой). Обстрелы всё чаще замечали воздушные налеты. От разрывов снарядов гибло много людей, особенно тех, кто работал в укрепрайонах. К этому времени перестали ходить трамваи, меньше стало машин (берегли горючее). Все перевозки, в основном, осуществлялись гужевым транспортом. Выручали лошадки, они тоже гибли. Что же происходило? Никто толком тогда не знал. Говорили, что Гитлер высоко ценил наш Ленинград, считал его настоящим европейским городом и хотел сохранить для своей будущей империи. Я не знаю, насколько эта версия справедлива, но в действительности пострадали лишь некоторые архитектурные памятники и то незначительно. От налетов и обстрелов больше всего доставалось заводам, жилым домам, госпиталям и больницам. Что касается населения, то оно само вымрет от голода, холода и болезней. Так объясняли уменьшение количества бомбежек с воздуха. В газетах печатали призывы превратить город в неприступную крепость, а каждую улицу и площадь – в бастионы. И город укрепляли, ставили надолбы, ежи, и люди тоже становились крепо-

стями. В эти страшные блокадные дни они вынесли такие нравственные и физические страдания, которые ранее и представить себе не могли.

В сентябре начинались занятия в школе. Будет ли работать школа? «Да, – отвечали нам в школе, – занятия будут». Наша школа находилась рядом с домом. Это бывшая 5-я гимназия, в мое время общеобразовательная 157-я школа Смольнинского района. В школу вместо четырех четвертых классов в пятый класс пришло только чуть больше 30 ребят. Организовали 2 пятых класса. Но учились мы недели три, не более. Бомбежки обстрелы, отсутствие электроснабжения, а затем и холод, вынудили распустить учащихся по домам со строгим приказом собрать вещи для срочной эвакуации на Большую землю. Мне этого не хотелось. Я любила маму, семью, была очень домашней и с трудом представляла себе, как я сумею оторвать себя и от дома и от семьи, где мне так хорошо жилось. Мама тоже никак не могла решиться на расставание со мной. С папой она не могла посоветоваться, писем от него мы не получали и не знали, где он и что с ним. Тогда она пошла за советом к моему крестному. Это был её родной брат – Иван Михайлович Хазов, ему было уже более 45 лет и он не подлежал призыву, работал на заводе мастером. На вопрос мамы, что делать с эвакуацией, он ответил

однозначно: «Нет, не отсылай Ритуху никуда, как-нибудь пробьемся. А уж если умирать придется, так помрем вместе». И позвал маму жить в наше другое фамильное гнездо на улице Маяковского, дом 1. Там жили моя бабушка, её четверо сыновей: кроме крестного, Борис Михайлович, Орест Михайлович, Николай Михайлович, две невестки бабушки (тетя Вава и тетя Маня) и два моих двоюродных брата – Дима (на 5 лет младше меня) и Миша (старше меня на 5 лет). Свое приглашение он обосновал так: «Там у Ольги и так один кормилец на пятерых, а у нас все-таки четверо мужиков. Мы как-нибудь тебя и Ритуху вытянем». Мама с благодарностью приняла приглашение и вскоре мы перебрались в другую семью наших родных. Здесь я должна объяснить, что после начала войны большинство ленинградских женщин остались без работы, так как многие предприятия были эвакуированы, а многие просто закрылись. Найти работу осенью 1941 года и зимой 1942-го было практически невозможно.

Дядя Саша (Александр Ильич Соков) был полковником штаба Ленинградского округа. Военные получали дополнительный паек. Но одного пайка на такую семью, мягко говоря, маловато. Муж моей сестры Таммы был геологом и весной 1941 года уехал в геологическую экспедицию. Связи с ним не было никакой. Моя мама и мои тетушки зимой

1941/1942 тоже не работали. Моя бабушка Анна Тимофеевна Хазова перенесла инсульт, когда узнала о начале войны. Ходить она не могла, но она оставалась главой семьи, ибо голова ее была ясной, ее все очень любили, слушались и почитали, хотя многое пытались скрыть, чтобы не расстраивать ее лишний раз.

Жили мы все очень дружно, одной семьей. Становилось все труднее с пропитанием. Отоваривали по карточкам только хлеб. Нормы хлеба всё уменьшались. Продуктовые карточки делились на категории: рабочая карточка, карточка служащего, детская карточка, карточка иждивенца. Если в начале войны норма хлеба по рабочей карточке составляла 600 граммов, то к середине января она постепенно дошла до 350 граммов, карточка служащего – 300, детская – 200, карточка иждивенца – 125.

Исчезали из отоваривания один продукт за другим (крупы, сахар, растительное масло). Где-то к ноябрю остался один только хлеб. 125 граммов хлеба и всё, на целый день. К счастью, наша семья сумела быть вместе и помогать друг другу. Каждый день две наши женщины шли вместе за хлебом. Очень часто приходилось стоять в очереди очень долго, так как хлеб привозили далеко не всегда в одно и то же время. Стояли, сменяя друг друга, чтобы погреться. Еще и боялись, что карточки отберет кто-то

ВОСПОМИНАНИЯ ЖИТЕЛЕЙ БЛОКАДНОГО ЛЕНИНГРАДА

из отчаявшихся и оголодавших. Такое тоже случалось. Хлеб они выкупали сразу на все карточки – их было у нас 9, по числу живших в квартире. Хлеб приносили домой и делили на 9 равных частей, каждую часть еще на 2 половинки, чтобы хватило на вечер и на утро. Каждую порцию резали на тоненькие кусочки и жарили на олифе. Олифа – это натуральное льняное масло, которое специально изготавливали в мирное время для разбавления масляных красок. Запах жареной олифы не для слабонервных, но это только в начале, а потом привыкаешь. А главное, понимаешь, что организму нужны жиры. К хлебу кипятили воду и заваривали на каких-нибудь травах (из тех, что удалось закупить в аптеках). На обед варили студень из столярного клея. Продавался он в плитках сероватого цвета, изготавливали его в мирное время из рогов и копыт. Эти плитки кололи на мелкие кусочки и заливали кипятком, оставляя на ночь. Утром долго варили, добавляя соль и, если были, какие-нибудь специи. Опять-таки, вкусовые качества и запах не очень манили к застолью, но зато полезно – белки.

Здесь мне вспоминается забавная история из жизни нашей семьи. Однажды кто-то затосковал по горчишке к студню. И вдруг дядя Боря пообещал нам горчицу. Мы и поверить не могли. Но прошла неделя, и на

столе появился горшочек с горчицей, готовой к употреблению. Что за чудо? Откуда? Оказывается, дядька нашел аптеку, где еще сохранились горчичники, закупил, сколько смог, замочил их в воде, вытащил отмокшую бумагу и дал горчичной воде настояться. Очень неплохая вещь получилась, и наш студень стал намного съедобнее. Готовили еще вареный жмых (выжимки из соевых бобов). Соевое молоко распределяли по талонам больным и детям, а выжимки можно было купить на рынке. Продавали еще дуранду (тоже жмых, кажется, из льняных семечек), танковый жир (животные жиры, которые шли на смазку танков). Чтобы закончить рассказ о нашем пропитании, я приведу здесь мнение моей бабушки. Как я уже писала, она была больна. Она была уважаема и любима своими детьми. Ей всегда готовили отдельно и, насколько возможно, лучше. Она покорно и терпеливо ела поданное ей, но пару раз не удержалась и спросила: «Почему вы кормите меня такой гадостью?» (Я не заимствовала эту фразу из фильма «С легким паром» Эльдара Рязанова, он, думаю, тоже. Значит, простое совпадение.)

И еще о пропитании. В семье моих дядек жили кот Жулик и песик Джек. В начале голодухи дядькам удалось раздобыть конины – ударом снаряда была убита лошадь недалеко от нашего дома. Конечно – повезло! Нажарили

мяса, все поели и еще вдоволь накормили своих ненаглядных животных. Но тогда, к сожалению, все были неучеными и не знали, что после длительного недоедания нельзя много есть. Бедные животные скончались на другое утро от переедания. Правда, они и так погибли бы от голода. Практически все кошки и собаки в Ленинграде были съедены уже в сентябре-октябре. Упрекать тут некого, «дело житейское». У нас в семье получилась другая история...

Мой двоюродный брат Димка больше всех переживал гибель домашних животных. Он был мой подопечный, мы были практически неразлучны: я читала ему сказки, мы вместе рассматривали «Ниву» (в коридоре стоял сундук с этими журналами и шкаф с книгами), мы даже создавали кукольный театр – коробка из-под обуви, занавес, вырезанный из яркого лоскута, раскрашенные актеры из картона на ниточках – и театр готов. Однажды Димка увидел на кухонном ящике голубя и стал просить поймать его. Ему так хотелось погладить птицу, подержать её в руках, почувствовать тепло живого существа. «Я только поглажу его, и мы сразу отпустим», – просил он. Ну что же? Сказано – сделано. Собрали немного крошек и зернышек, я сделала петельку и забросила ее поверх ящика. Голубь увидел зернышки и забыл об осторожности. Один рывок – и ножка голубя в петле.

Счастливый Димка держит в руках голубя, прижимается к нему щекой, и вдруг в кухню входит дядя Орик. Он служил в то время военным шофером в Ленинградском центральном госпитале и иногда навещал нас. Он был также голоден, как и все мы. Увидев голубя, он подошел к нам и взял его в руки. Я заглянула ему в лицо, и тут мне всё стало ясно. «Отдай мне голубя», – попросила я его. «Зачем? Мы из него такой суп сварим!» – был ответ. Я кинулась за помощью к маме, но все уговоры отдать голубя были напрасными. «Ты такая же дура, как и твоя дочь», – ответил он. Оставалась одна бабушка. К ней нам, детям, запрещено было ходить, чтобы не тревожить ее. Но я нарушила все запреты и кинулась к ней в комнату. «Помоги мне, бабуленька!» – умоляла я, рассказав ей всю историю. «Позови сюда Ореста», – сказала бабушка. Пришел дядя Орик с птицей в руках. «Отдай детям голубя», – прозвучал бабушкин приказ. Дядя Орик беспрекословно передал мне птицу. «А ты запомни, – обратилась она ко мне, – птица не игрушка, выпусти ее немедленно». Счастливые, мы охотно выполнили распоряжение и молча торжествовали свою победу.

Наступил январь 1942 года. Мы с Димкой украсили елочными игрушками бабушкин фикус, как-то отметили все вместе Новый год, но, тем не менее, наступало самое страшное время для нас, блокадников. Зима

ВОСПОМИНАНИЯ ЖИТЕЛЕЙ БЛОКАДНОГО ЛЕНИНГРАДА

была очень снежной и очень холодной. Холод преследовал нас повсюду – и на улице и дома. В целой квартире мы топили только плиту и комнату, где лежала бабушка. Дровами для топки была сначала мебель, ее было не так уж много. Но появилась возможность заработать дрова: по распоряжению исполкомов стали сносить деревянные дома и заборы, в то время в Питере их было еще очень много. Жильцов, если таковые были, переселяли в пустующие каменные дома. Можно было присоединиться к сносу потенциальных дров. Этот труд взял на себя мой старший двоюродный брат Миша, ему уже шел семнадцатый год. Иногда с ним ходила моя мама. За работу платили небольшие деньги и давали по мешку дров, дрова увозили на саночках. Милые детские саночки! Вы стали главным транспортом города. На вас возили дрова, какой-то домашний скarb и ушедших из жизни горожан, которых зашивали в простыни или одеяла, иногда оставляли на улицах, иногда отвозили туда, где беспрерывно горели печи крематориев. Сколько же их было!

У меня была обязанность – обеспечение водой. В первом дворе нашего дома остался с мирного времени пожарный кран, в определенное время его открывали и жильцы шли за водой. Постепенно двор превратился в каток, а вокруг крана образовались наледи. Трудная это была задача, но четыре

ведра требовались каждый день. По вечерам мы все собирались в бабушкиной комнате у нагретой печки, и начинался обмен домашними и городскими новостями. Вспоминали мирное время, последнее лето, которое провели вместе на даче. Мы радовались каждой победе на фронтах. Немцы застряли в снегах Ленинграда, даже мало бомбили и реже обстреливали. Видимо, были уверены, что мы и так вымрем, погибнем за эту зиму, и они без всякого сопротивления займут Ленинград. Не вышло!

Мы поддерживали связь с остальными родственниками, ходили на Смольный, посещали семью Соковых, сестер моего отца, которые жили на 9-й Советской. Они тоже как-то выживали. Связь между родственниками поддерживал чаще всех мой дядя – Хазов Борис Михайлович, он работал в Ленэнерго дежурным мастером. Работа была сложная и ответственная – он должен был постоянно поддерживать наличие электроэнергии на жизненно необходимых объектах. Несмотря на лютые обстрелы и бомбежки, свет должен быть там, где он должен быть. Дядя Боря почти не бывал дома, целые сутки проводил в разъездах на машине. Иногда он проезжал мимо дома кого-нибудь из родственников и забегал на минуточку, чтобы узнать, как и что у них. Пока все держались.

Мой дядя Б.М. Хазов был награж-

ден в 1944 году не только медалью «За оборону Ленинграда», но высшей наградой того времени — орденом Ленина.

В первой половине января первой свалилась я. Что со мной произошло? Напала какая-то лень и безразличие. Ничего не хотелось делать. Не хотелось вставать с кровати, умываться, даже есть. Видимо, взрослые знали, что это означает. Мама тут же о чем-то посоветовалась с крестным. Он дал ей свои часы, мама сняла обручальное кольцо и отправилась куда-то вместе с ним. Когда они вернулись, выложили мне на столик буханку хлеба и три больших куска сахара (из тех, что когда-то кололи щипчиками). «Что это?» — только и смогла сказать я. «Это тебе, ты должна разделить это на семь частей и съесть за неделю, не сразу», — ответила мама. «Никогда и ни за что я не буду есть одна. Раздели на всех», — был ответ. Мама бросилась к брату: «Поговори с ней, она отказывается есть». Дядя Ваня подошел ко мне и непривычно резко и грубо сказал мне: «Жри, тебе говорят, а то сдохнешь». «Ну, уж насчет «сдохнешь», не выйдет», — подумала я. Как я позже читала, дети вообще не верят в свою смерть. Но в наших семьях уважение к старшим было законом, законом было и послушание. Пришлось выполнить приказ, хотя он вставал мне поперек горла. Тогда я и вправду не понимала, что я на краю смерти.

Но случилось чудо, приехал, вернее, пришел мой отец. Это случилось в двадцатых числах января. Вначале я рассказывала о том, что мой отец был на сборах, а потом пропал. Писем не было. Оказалось, что письма просто не доходили, так как началась блокада. Папа был направлен на аэродром специалистом по связи в чине капитана. Тот аэродром располагался по другую сторону блокадного кольца. Папа очень волновался за нас, и, так как на этом аэродроме служили еще призывники из Ленинграда, они вместе решили наладить собственную связь. Пешком через два фронта они по очереди пробирались в город к своим семьям. Офицеры кроме котлового довольствия получали еще каждый месяц сухой паек. Это были макароны, сахар, чай, консервы. И еще можно было купить что-нибудь съедобное у местных жителей.

Первым в опасный путь отправился мой папка, нашел нас и, пока наши готовили прием, обошел еще три адреса с такими же посылками в санках. Итак, с повестки дня была снята моя смерть.

Каждый месяц приезжал кто-нибудь с Большой земли и привозил «приварок». Мы делились этим приварком не только с теми, у кого жили, но мама относила часть его в семью своей сестры и в семью папиных сестер.

«Приварок» был невелик, но

ВОСПОМИНАНИЯ ЖИТЕЛЕЙ БЛОКАДНОГО ЛЕНИНГРАДА

все-таки был, и это помогало выживать. Самые страшные месяцы – январь и февраль – были позади. Постепенно улучшалась жизнь, увеличивались пайки хлеба (каждый месяц на 50 граммов). Это было немного, но увеличивались, а не уменьшались.

Стало теплеть на улице, наступала весна. Но она несла с собой новую страшную опасность – эпидемии.

В городе в течение нескольких месяцев не работали водопровод и канализация. Всё приходилось выносить и выливать на улицы. На улицах лежали трупы, кое-где они были сложены штабелями, чаще они просто утопали в сугробах вдоль улиц. Из-за холода, обилия снега, отсутствия сил успевали убирать далеко не всех. Разбитые бомбежкой и обстрелами дома, грязный тающий снег, неубранные трупы – всё грозило новой волной вымирания жителей города. Теперь уже не от голода, а от страшной антисанитарии. Надо отдать должное и низко поклониться людям, которые тогда возглавляли город и его хозяйство.

Был отдан строжайший приказ об обязательном участии всех горожан, начиная с 12 лет, в уборке города и расчистке завалов. Работать должны были ежедневно по 4-5 часов. Казалось невероятным выполнение этого приказа. Люди-тени, едва державшиеся на ногах, и физическая работа по пять часов в день. Везде, повсеместно, силами всех оставшихся

в живых. Наказание за уклонение от исполнения приказа – лишение продовольственных карточек. Жестоко? Да! Безусловно! Но если бы жители не вышли на уборку, они погибли бы. Другой людской силы в осажденном Ленинграде не было. Вышли, начали работать. Лом с трудом можно было поднять вверх, но ударить уже не было сил. Он просто скользил вниз, падал и делал свое дело. Метлы, ведра, лопаты, тележки постепенно сроднились с нами, стали нашими помощниками. И, сначала медленно, потом всё быстрее шла каждодневная работа. Город поддавался своим работникам с видимым удовольствием. Весна стояла яркая, добрая. Солнце помогло растапливать ледяные наросты и снег. Мы и сами не заметили, как нас уже окружал чистый, похорошевший город. Были разобраны разрушенные дома, обрушенные частично затянуты холстом или защиты фанерой, выкрашены под цвет фасадов. На холсте и фанере нарисованы окна. Город снова приобретал свой прежний вид. Уже с апреля пошли трамваи. Вот так-то, господа-захватчики! А вы так надеялись на тотальную гибель жителей Ленинграда. Защитникам увеличивали нормы выдачи продуктов питания. Распределяли земельные участки под огороды. Повсюду, включая Летний сад, копошились огородники. Им раздавали пакетики с семенами. Особенным спросом

пользовался турнепс. Наиболее неприхотливое, быстро созревающее и крупноплодное растение. Появились плакаты «Все на огороды». У нас с мамой тоже был небольшой участок земли. Огородники мы были еще те, но всё же что-то выросло. Собирали по окраинам города крапиву, щавель и другие съедобные травы. Варили из них щи. Витамины! А зимой витаминный настой делали из хвои ели. В нашей семье произошли изменения. 5 мая 1942 года умерла моя бабушка. Ее похоронили на семейном участке Охтинского кладбища. Гроб ей сколотили ее сыновья из платяного шкафа. Они же сами вырыли могилу. Пришли на похороны все родственники. Был приглашен священник (бабушка моя была верующим человеком). Бабушкин муж, мой дед, Хазов Михаил Иванович, умер в 1915 году от сердечного приступа. 43-х лет от роду он был личным почетным гражданином г. Санкт-Петербурга.

Ушли на фронт мой крестный и его сын Миша. Вернулся из экспедиции муж моей двоюродной сестры Григорий Петрович Мазуров. Моя мама легла в стационар (сказалась уборка города). Гришенька привез целую канистру топленого масла, и все мы вспомнили восхитительный вкус этого лакомства. После возвращения мамы из больницы мы переехали на Смольный проспект. Через 3 месяца можно было снова идти учиться

в свою 156-ю школу. К июню еще увеличились нормы выдачи продуктов питания. Выдавали даже шоколад кусковой и меланж (консервированные куриные желтки). Это присылали нам из Америки. Был заключен договор о взаимопомощи между СССР, Англией и США. Открытие второго фронта всё откладывалось, но поставлялись вооружение и продукты питания. Так наши союзники платили нам за огромные людские потери. Здесь, по справедливости, нужно сказать, что гибли и британские суда, на которых перевозили материальную помощь.

Я пишу и сама удивляюсь тому, как ясно и четко всплывают воспоминания о той поре. Есть мнение, что дети, с одной стороны, легче воспринимают чрезмерное горе и бедствия, обрушиваемые на них – это как бы защитная реакция неокрепшей психики, а с другой стороны, они хорошо помнят все события этого времени, даже лучше, чем старшее поколение.

Наступило 1 сентября, и мы пошли в нашу школу. В школе было чисто, достаточно тепло. Классы были маленькими – 15-20 человек. У нас остался только один пятый класс. Интересно снова быть вместе, хотя состав класса сильно изменился. Учились мы не блестяще, больше шалили. Учителя нас не очень нагружали и не отчитывали, видимо, понимали, что неосознанно броди-

ВОСПОМИНАНИЯ ЖИТЕЛЕЙ БЛОКАДНОГО ЛЕНИНГРАДА

ли в наших умах и душах счастье и радость. Мы выжили и снова сидим за партами. Быстро пробежал учебный год.

Мама работала, получала рабочую карточку и небольшую зарплату. Папа писал нам письма и высылал деньги. Весь наш женский состав семьи работал. Росла племянка Милочка. Жили дружно и счастливо. Еще бы! Выжили!

В конце мая в школе объявили, что нас всех, кому исполнилось 12 лет, посылают на 4 месяца в Невский лесопарк на сельхозработы. Моя мама заявила наотрез, что она меня никуда не пустит: «Ты ведь чуть не умерла, а теперь у тебя и сил-то нет работать». Распоряжение было обязательным для всех учеников, и мама пошла на прием к директору школы. Вернулась она скоро, явно обескураженная. На все ее речи директор школы сказал только одно: «Она у вас едва не умерла, но не умерла. Жива! А вы знаете, сколько умерло детей из нашей школы? Приказ есть приказ, и никто освобожден не будет. Идите и собирайте свою дочь. Отъезд послезавтра».

Послезавтра уехали только наши вещи, а все мы, построившись отрядами по классам, вместе с учителями и пионервожатыми (учениками старших классов) пешком отправились от Охтинского моста по берегу Невы в Невский лесопарк. Шли мы долго, если не ошибаюсь, часа четыре. Пришли, наконец. Нас ждали палатки

и бараки с лежанками, умывальниками на улице и расчищенная площадка. На ней два раза в день ежедневно проходило построение отрядов: утром, после завтрака, старшим по отрядам (командирам) раздавали задание на день. Если место назначения находилось рядом, шли пешком, если подальше – отвозили на автобусе. Работали мы по 6 часов: с 9.00 до 13.00, затем у нас был час на обед и перерыв на отдых. С 14.30 до 16.30 – продолжение работы. В 16.30 мы возвращались в лагерь, мылись, переодевались, приводили себя в порядок и шли на ужин. В 19.00 – вечерняя линейка, на которой каждый командир отряда докладывал о выполнении задания. Назывались фамилии и имена передовиков. Это было очень важно. Тот, кто перевыполнял план, имел право пойти в субботу вечером домой и еще получал стакан натурального молока. Да и чувство гордости за себя было не последним.

Домой мы уходили в субботу с пионервожатой, приходили во второй половине дня, а уже на другой день к четырем часам должны были быть у школы, где нас ждала наша пионервожатая. Мы вместе направлялись в лагерь. Вся организация лагерной жизни была продумана и проведена прекрасно. Вначале нам трудно было привыкать к ежедневной физической работе: кружилась голова, болели руки и ноги, видимо, от слабости, даже лучи солнца каза-

лись голубоватыми. Но постепенно всё это стало проходить, мы были всё время на воздухе. Лето было прекрасное, теплое и солнечное. Рядом текла Нева. Нам разрешали под присмотром старших купаться. Мы играли в мяч, шалили, дружили и были очень добры друг к другу. Кормили нас кашами, хлебом, мясными супами, чаем с сахаром, свежими овощами, которые уже начали созревать. Мы постепенно крепили, набирались сил. Да и пользы от нас становилось всё больше и больше. План по уборке овощей был выполнен и перевыполнен.

Во второй половине сентября мы вернулись в город. На сборе в школе нам объявили, что по результатам выполнения сельскохозяйственных работ наша школа получила переходящее Красное знамя, а все участники сельхозработ, учителя и ученики, получают медали «За оборону Ленинграда». Конечно, мы были горды и счастливы. Единственное, что омрачало мое настроение, – это известие о том, что нам надо покидать Смольный проспект. Здание Смольного окончательно стало административным центром города, все окрестные дома расселялись, чтобы освободить площадь под жилье работникам Смольного. Маме дали ордер на квартиру в доме по улице Маяковского, дом 1. Мы снова вернулись в дом, где она родилась. Жаль только, что квар-

тира была коммунальная. Но зато мы обрели возможность ежедневных контактов с нашими родными, у которых прожили блокадную зиму. Учебный год шестого класса мне пришлось начинать в новой школе. Шел сентябрь 1943 года. Позади (18.01.1943) был прорыв блокады. Впереди предстояло освобождение пригородов Ленинграда (24.01.1944) и окончательное снятие блокады 27 января 1944 года.

Что было дальше? Другой разговор, другие воспоминания. Из двух семей моих родственников, переживших блокаду, в живых осталось только трое: это я, Дыгина Маргарита Сергеевна, мой брат Хазов Дмитрий Борисович (работает и сейчас, такой же умелец, как и его отец) и наш блокадный ребенок Милочка (кандидат наук, работает в НИИ). Мы все трое низко кланяемся нашим родным, уже ушедшим из жизни, и благодарим их за то, что они были. Для нас свята память о них. Я сознательно написала имена, отчества и фамилии своих близких. Мне хотелось, чтобы они ожили хотя бы в этом очерке и их имена сохранились бы не только на могильных крестах.

По просьбе студентов и сотрудников нашего университета попытаюсь зафиксировать свои воспоминания о войне, о блокаде.

ТРОФИМОВ ВЛАДИМИР АНАТОЛЬЕВИЧ

Родился я 28 апреля 1937 года в доме по улице Глинки, дом 1. Этот дом – единственный гражданский дом рядом с Поцелуевым мостом, потому что со стороны площади Труда – Военный Экипаж, а со стороны Театральной площади – военное училище и единственно гражданский дом, в котором, собственно, я и родился. Так что, если идти со стороны площади Труда в сторону Театральной площади, то вторая парадная – это место, где находится моя Родина, и колыбель моя, и 40 лет моей жизни посвящены этой моей Малой Родине. Это так называемая Ленинградская Венеция. Там, с одной стороны, – река Мойка, с другой стороны – Крюков канал, тут же рядом прекрасная Новая Голландия. Это район очень дорогой мне Коломны.

Мои воспоминания, по понятным причинам, не носят какой-то систематический характер, ведь в 1941-ом, когда началась война, мне было 4 года, да и длилась она еще четыре года.

Я помню, как отец уходил на фронт. Помню, как мы с матерью ходили к нему в казарму. Было непривычно видеть его в военной форме. Помню его подарок, там, в казарме, это маленькая синяя машинка с белой полосой на борту.

Пытаюсь систематизировать воспоминания в своем сознании, в своей памяти: они делятся на лето и на зиму.

В конце улицы Глинки находится красивейший Никольский морской собор, рядом с ним садик. В этом садике были огороды – вся земля была перепахана в виде грядок, на которых росло что-то съедобное. Весь город был таким. Я весь

город не помню, а этот садик помню отчетливо – сто процентов, там вся земля была под огородами. И еще помню, что там стоял грузовик, а в кузове грузовика стояла лебедка, к этой лебедке был привязан аэростат, который поднимали вечером, а днем его опускали. Лебедкой управляли женщины. Они вращали ее с большим трудом.

Помню, как военные по улице Глинки носили эти аэростаты. Иной раз такие эпизоды узнаю в кинохронике того времени.

Отец на фронте водил автомашины, работал на Дороге Жизни. На Ладоге был ранен, но тем не менее остался в строю и прошел всю войну до победы. Я оставался с матерью. Она была призвана в отряд противовоздушной обороны (ПВО), и состояла бойцом этого отряда, и охраняла Мариинский театр, наш Большой театр, рядом с которым мы и жили. Я помню эпизоды, когда мы с ней ходили по чердаку здания Маринки. Там есть такие круглые башенки, и мы через эти башенки смотрели на небо. Задача была – увидеть, не упала ли зажигательная бомба, чтобы быстро её погасить, чтобы не позволить разгореться пожару. Я помню эту самую крышу, этот чердак, помню эти башни, с которых мы смотрели на город. Это один эпизод, связанный с театром.

Второй эпизод связан с театром следующим образом. В левом крыле театра находятся репетиционные залы, я их помню изнутри – там вдоль стен большого зала, с высоким потолком, стояли кровати. В этом помещении круглосуточно жили бойцы отряда ПВО. Мать меня взяла к себе, видимо, на выходной день. Я помню, что я очень переживал вот по какому поводу: матери выдали молоко, но молоко не настоящее, а соевое, белого цвета в бутылке. И я очень переживал, как бы это молоко не пропало, а оно стояло на окне рядом с койкой, на которой я спал. Мать сказала, что сразу нельзя его пить, надо дождаться утра, «утром ты попьешь». И вот всю ночь я просыпался и смотрел, стоит ли это самое молоко на этом самом высоченном окне. Это один из эпизодов, связанных с голодом и с таким желанным молоком.

На Театральной площади была известная булочная «Крина», я её и после войны помню, там была очень интересная внутренняя отделка красивой керамической плиткой, очень красивые рисунки с пухлыми младенцами в стиле Брюллова. Во время блокады мы с матерью туда ходили получать по карточкам хлеб. В очереди стояли изможденные тени. А какие чувства испытываешь, когда взвешивают именно твой кусочек. Это невозможно выразить словами. Это надо было видеть и прочувствовать именно тогда, в эти труднейшие дни.

Поскольку мать у меня был в отряде ПВО, меня определили в 41-й детский сад. Представляете? 1941-й год и 41-й детский сад Октябрьского района,

круглосуточно. И только на какие-то выходные дни, я даже не знаю, были они или не были выходные, очень редко, меня мать брала к себе. Когда меня вели в детский садик, я, конечно, не хотел туда идти, и очень плакал – хотел остаться дома с матерью. Помню те сцены, как мне было тяжело, но это надо было делать.

Ну что такое блокада? Как мне потом мать рассказывала, директором этого садика была женщина, у которой муж служил офицером где-то у нас, то ли в Кронштадте, то ли на флоте. Надо сказать, что офицерам и морякам давали усиленные пайки. Он эти пайки передавал жене, а она отдавала нам. Я помню такие редкие моменты, когда нам давали белую булку – кусочек такой тоненький-тоненький – намазанную сливочным маслом. Но это масло было настолько незаметным! Что мы делали? Мы брали этот бутерброд в рот и верхними зубами этот слой масла, такой тонкий, что его незаметно было, сдвигали всё время как бы к краю булки, откусывая просто булку, а масло оставляя всё дальше и дальше. Получалось так, что последняя корочка оставалась, и там уже был более-менее валик этого масла. И мы его ели как самое сладкое, самое вкусное пирожное. Вот это было очень большим впечатлением, очень большой радостью для нас. Вот такая технология была, то есть масло мы ели вот таким образом. Ну, зубы у нас были свои, и верхние резцы зубов позволяли отодвигать это масло в конец бутерброда. Я думаю, что этот эпизод остался в памяти потому, что радость, связанная с бутербродом, была большой редкостью.

Память о таком человеке как директор 41-го детского сада должна быть вечной. В то трудное время все взрослые вокруг нас были такими. Все пытались нас спасти. Дети мы были.

Я не помню все адреса, где находились помещения детского сада, а их было немало. Помню первый адрес – детский сад располагался во дворце Труда, в подвале. Это я отлично помню. Второй – это я точно знаю – садик был где-то в районе канала Грибоедова, в районе Гражданской улицы, это совсем рядом с нашим университетом. С этим адресом у меня связаны такие воспоминания: мы ночью спали в комнате, окно которой выходит на канал Грибоедова. Комната длинная, справа и слева от окна две длинные стены, перпендикулярно которым стоят койки по 6-8 кроватей в ряд. Напротив окна – дверь. Мы спим. И вдруг прямо в стенку канала Грибоедова попадает снаряд. Хорошо, что не в нас, а совсем рядом! И взрывной волной выбило окно, и дверь слетела – плашмя рухнула прямо на пол. Нас всех осыпало стеклами. Был большой переполох среди персонала нянечек, но, к счастью, никого из нас не задело. Так сказать, серьезных травм не было. Это ночью случилось, и нас на ночь пере-

вели через коридор глубже в здание, в группу, где спали малыши. Я помню, что меня поместили в кровать с малышом с деревянной решеткой для малышей. Я помню, что в этой кровати не помещался, мои ноги торчали из неё. Но, тем не менее, я заснул и этой ночью, несмотря ни на что, выспался.

Помню еще один эпизод, связанный с детским садиком. Это был день, когда сообщили о прорыве блокады. Большая комната с высоким потолком, окрашенная в какие-то холодные тона, такого серо-голубого или грязно-зеленоватого цвета. В этой комнате стоят шкафчики, на каждом что-то нарисовано: яблоко, груша и так далее, чтобы каждый мог найти свой шкафчик. В конце этой комнаты – дверь. Ко мне подходит какой-то пацан, приятель, и говорит: «О, пойдём. Я нашел, чё поесть! Пойдём!» Я говорю: «Пошли!». Приходим. Открываем шкафчик, а там лежат газеты. И вот он отрывает кусок газеты зубами и ест её: «На, – говорит, – ешь!» Я пытаюсь тоже жевать эту газету и думаю: «Как он может есть её? Мне не проглотить ничего. Никак!» И в этот момент вдруг открывается дверь и наша воспитательница говорит: «Дети! Дети! Идите скорее сюда! Скорее сюда!» И все радостно попрыгивают. Мы не понимаем, в чем дело. Тут нам сообщают, что прорыв блокады. А нам непонятно, что такое «прорыв блокады». Что это такое? Но все радуются, и мы там прыгаем и тоже изображаем радость. Хотя во рту газета, которую никак не разжевать и никак не проглотить...

Времена очень тяжелые. Зимой снег не убирался с улиц, и город выглядел очень белым, чистым. В больших сугробах узкие тропинки. Однажды мать взяла меня к себе, мы шли с ней от Поцелуева моста в сторону Театральной площади. Я бегу вперед и вдруг вижу: о, господи! Такой белый снежок, такой утоптаный, а в этом снегу зеленый горошек. Кто-то выронил, разлил. И я с радостью начинаю пальцем выковыривать и есть этот горошек. Мать бросилась ко мне изо всех своих малых сил: «Быстро выплюни!» Откуда появился этот горошек? Это, скорее всего, значит, что кого-то вытошнило... Я-то мальчишка, я-то этого не знаю. А мать очень переживала, как бы это не вышло мне боком.

Помню, что наш детский сад был переведен в Удельное, то есть в сельскую местность. Там уже в округе лесочки, пригорочки, деревянные заборчики. Помню, как мы идем вдоль этих заборчиков, за руки держимся, как это обычно на прогулке детский сад делает до сих пор – парами. Вдруг видим, у заборчика очистки картофельные, брюквенные или от репы лежат. Мы всей группой расхватываем это всё, и в руках у нас эти букетики из очисток. Сейчас дети несут цветочки, букетики, игрушки. А у нас – букетики из очисток. И вот мы

ВОСПОМИНАНИЯ ЖИТЕЛЕЙ БЛОКАДНОГО ЛЕНИНГРАДА

идем и их выгрызаем до тонкой корочки, а саму корочку выбрасываем. Эта картина была очень типичной. Я удивляюсь, что нигде, ни в каких хрониках этого не показывают. Это же просто сама жизнь была такая. Но это было в районе Удельной, потому что в самом городе никаких очисток и быть не могло, наверное. А здесь, все-таки, сельский район, и местные жители могли себе позволить такое.

Там же, в Удельной, помню еще один эпизод. Мы ходили гулять с очень молодой воспитательницей в окрестный редкий лесок. За этим лесом открывалась широкая зеленая долина в желтых весенних цветах.

Я пытаюсь теперь найти это место. Никак не могу найти, где это было. Сейчас там уже все застроилось – не узнать места. Но я помню, в глазах стоят эти картины – долина и узенькая речка, ручеек, луг. Мы вышли на этот луг, цветочки собираем... И вдруг летит самолет вдоль этого луга, довольно-таки низко и стреляет... Понимаете, в чем дело? Я помню, как огонь вырывался из стволов, пламя, которое во время выстрелов вырывается. Мы не понимали всей опасности. Я помню ужас нашей воспитательницы, ее испуг за жизнь детей. Её реакцию. Она носилась, как курица, пыталась нас всех закрыть своим телом и быстро нас в лесочек спрятать (отвести). А стреляли прямо по нам. Представляете, этот самолет, пилот-сволочь, ну видел же – дети же гуляют. Куда там! Но вот стрелял по нам! Слава богу, не попал! Эту сцену очень хорошо помню. Я был так глуп, что не испугался, но хорошо помню ужас в глазах воспитательницы.

Ещё одну сцену помню. Дело в том, что этот отряд противовоздушной обороны, в котором мать при театре служила, находился на Большой Подъяческой. Там был такой узкий двор, в котором хранились декорации, занавесы длинные такие – они сворачивались длинными рулонами и вставлялись прямо в стену этого узкого двора. Я давно там не был, но, по-моему, сейчас там сделали второй концертный зал. Надо посмотреть.

Вход во двор, и сразу налево была дверь в комнатку, в которой находились бойцы ПВО. Ну какие бойцы? Женщины! Они сидели там, дежурили, ждали тревогу... Вот забили тревогу, и кто-то говорит: «О! Смотрите, бомба упала!». Там, в этот дворик, открывается дверь, и прямо перед этой дверью была куча песка (машина песка высыпана). И прямо в эту кучу попала зажигательная бомба. Переполох! Ну, и все выскочили, руками забрасывают ее песком. И все забыли про меня. Ну, а я что? Все выскочили. И я тоже с ними. Я тоже руками забрасываю. Вдруг они оглядываются: «О! Смотри! И он здесь! Смотри, помогает бороться!» И меня, как героя, все громко хвалили... Очень яркое

воспоминание в памяти осталось. Причем не столько бомба, сколько реакция взрослых людей, как они восприняли мой поступок!

Теперь еще один эпизод. Мы с матерью летом. Солнечный день. Идем от площади Труда к Поцелуеву мосту, причем улица разделена тенью от здания Экипажа пополам, то есть прямо вдоль улицы идет такая тень от этого здания. А здание сегодняшнего ЛИАПа освещено ярким солнцем. Вдоль этой тени идет трамвайная линия. И мы идем от площади Труда, уже почти подходим к мосту. Вдруг начинается воздушная тревога, и мы прячемся с мамой под арку со стороны Морского Экипажа и ждем, когда эта тревога кончится. И вдруг такая сцена: резко обрывается трамвайный провод, тот, который питает трамвайную линию, электрический провод, и этот провод с таким металлическим, звенящим звуком скручивается в сторону площади Труда, убегает туда – падает на землю и убегает, сворачиваясь кольцами. Момент такой незабываемый: граница тени и солнца, арка, мы, как на картине, видим всю эту сцену, и тут этот провод с таким ужасным звуком обрывается и по трамвайным путям движется в сторону площади Труда.

Зима... Зима запомнилась особенно. Перед глазами стоит перекресток улиц Глинки и Декабристов. Сейчас справа там магазинчик в подвальчике есть. Он и тогда там был... Номинально считался – магазин, а практически там ничего не было – торговать нечем было. Этот угол, он какой-то памятный был. Дело в том, что снег не убирали с этой стороны и были сугробы в рост человека. И вот я помню, что там лежали мертвые люди, на этом снегу. Я помню этот перекресток, этот угол запал мне в память тем, что там были большие сугробы, чистый-чистый снег, белый-белый такой... И люди просто лежат на этих сугробах, два или три человека.

...Помню, в Удельной нас, детей, готовили к эвакуации, и мне на рукав была пришита белая тряпка величиной с почтовый конверт, на которой было тушью написано, кто я, мой адрес... Я помню, что нас уже сажают в автобус, и я уже в автобусе, и тут прибегает моя мать и меня оттуда забирает: «Не отдам!..» И начинает обнимать меня, и забрала меня домой. Таким образом, я не был эвакуирован. Остался в городе. И, собственно, все 900 дней блокады я прожил в городе.

Ещё один эпизод довольно типичной картины. Наша квартира, квартира номер 7, находилась на четвертом этаже. Когда объявляли воздушную тревогу, мы бежали с четвертого этажа вниз, во двор и там в бомбоубежище, в котором находились деревянные скамейки. Отчетливо помню запах плесени сырости или чего-то такого. Я запомнил его на всю жизнь. Помнится атмосфера

такая: все говорят полусшепотом, двигаются медленно, то ли гнет страха, то ли гнет вообще беды на каждом, на лицах, на поведении, на всем, что присутствует в этом бомбоубежище. Что мне запомнилось? Когда мы бежим через двор, то есть это обычный колодец ленинградского двора, я помню, мы бежим где-то ночью или вечером, по крайней мере. Темно. А время было накануне Нового года или близко к нему. Вижу: в небе висят игрушки, такие блестящие, золотые расцвеченные игрушки. А оказывается, это самолеты вражеские попали в лучи наших прожекторов. И там я вижу взрывы вокруг них, мне так хочется посмотреть, а мать меня за руку тащит: «Да ты что?! Скорее бежим!». Она-то понимает опасность, а я-то воспринимаю это как ёлочные игрушки.

С бомбоубежищами много воспоминаний связано, но в памяти живет суммарная картинка.

Вот еще одно интересное воспоминание. Я говорил про перекресток улицы Глинки и Театральной площади. Там, кстати, на этом углу была маленькая барахолочка: люди продавали с рук что-то – кто вещи, кто продукты, у кого что было на продажу. Но обычно продавали вещи с тем, чтобы купить продукты. Надо сказать, что таких барахолочек, таких маленьких рынков по всему городу было очень много, практически у каждого магазина. Они были и после войны. Потом их запретили. Но в то время это была типичная картина и для блокадного города в том числе.

У моей матери была подруга, которая жила на Подъяческой, – Мария Александровна – у неё было два сына: один старше меня, другой – младше. Я помню, что мы приходили к ним и жили одной семьей. Там мы варили столярный клей, ели дуранду (это не передать что такое, жмых такой коричневый). Но больше всего мне в память врезалось, когда старший сын – Володя, тезка мой – учил меня жарить картошку без масла на сковороде. В комнате стояла буржуйка, буржуйка топилась, на ней стояла сковорода, такая чугунная. И он учил меня... Технология очень простая: он берет, нарезает картошку очень тоненьким слоем, как лист бумаги, кладет её на сковороду, она тут же быстро прогревается, румянится, он её переворачивает – и эта картошка уже готова, её можно уже есть. Поскольку картошка очень тонкая, она быстро прогревается, быстро варится и быстро жарится. У него эта технология была отлажена очень четко. Но это были времена, когда была картошка. Это были очень редкие времена. Но если она – картошка – была, мы позволяли себе такое. Это была особо вкусная еда.

Вот еще один эпизод. У каждого в жилой комнате была своя буржуйка – надо было жить как-то. И эту буржуйку надо было чем-то топить, а топить

было нечем. Ломали мебель, стулья. Когда всё кончалось, то приходилось идти и что-то искать. И я помню один такой поход с матерью. Дело в том, что квартал, в котором я родился, – это дом 1 и дом 3 по улице Глинки или по Крюкову каналу – дом 4 и дом 6. В ту часть квартала, которая выходит на Театральную площадь, попала бомба, и мы с матерью ходили в разрушенную квартиру с тем, чтобы найти что-нибудь, чем можно было топить печку. Я помню громадную дыру от бомбы, проходившую через всё здание – от чердака и до самого подвала. И мы в одной из комнат со стен обрывали обои, несли домой и топили печку. Эти обои свисали со стен (лохмотьями), видимо, от сырости отклеивались. Там можно было брать всё, что хочешь, но у нас даже мысли в голове не было, чтобы что-то брать. У нас никакого мародерства, в принципе, даже в мыслях не было. По крайней мере, ни у меня, ни у матери. Квартиры были полностью оставлены. Как люди уехали, так всё и оставили. Убегали. Брали с собой только то, что можно с собой унести. Но нас с матерью интересовало только топливо. И то! Мы ходили только в те квартиры, которые были разрушены. Там было опасно – можно было сорваться в эту пробоину.

Еще один эпизод, который очень ярко присутствует в моей памяти. Помню свое участие в концерте для раненых в госпитале. Комната – метров сорок, вытянутый прямоугольник. На дальней короткой стороне в углу помост – сцена. Левый край сцены, примыкающий к углу, закрыт занавеской. К нашей большой радости нам выдали реквизит – гимнастерки, галифе, сапоги и деревянные винтовки. Но вот беда, мне не хватило сапог, а они такие красивые, так похожи на настоящие, в которых ходят военные. Плакал я горько, но всё-таки вместе со всеми, без сапог, выходил на сцену и участвовал в инсценировке песни «Возьмем винтовки новые, на штык флажки...» Перед глазами картина со сцены. Переполненный «зал». Переполненный ранеными в бинтах мужчинами. Они сидели даже прямо на полу у самой сцены. А как они принимали нас – как самых настоящих артистов. Видимо, наше присутствие напоминало им свой дом, свою семью.. Я был так увлечен происходящим, что совершенно забыл о своей «беде» с сапогами.

* * *

Это мой первый опыт. Я никогда не пытался записать свои воспоминания. Надо было, конечно, раньше это сделать, память стирает очень интересные эпизоды. Когда я возвращаюсь к воспоминаниям, у меня перед глазами проплывают картины того трудного времени. Я вспоминаю и мать, которая болела водянкой, опухшая была. Как мы выжили?! Я даже не знаю! Трудное время было. Очень трудное.

СОБОЛЕВА ГАЛИНА АЛЕКСАНДРОВНА

Выпускница ЛИТМО (1951). Кандидат технических наук, доцент кафедры физики.

Житель блокадного Ленинграда, награждена медалью «За оборону Ленинграда».

Г.А. СОБОЛЕВА

ВОСПОМИНАНИЯ О БЛОКАДНОЙ ПОРЕ

В июне 1941 года я окончила 6 класс и всю блокаду жила в Ленинграде.

Большая часть тяжелого блокадного быта приходилась на подростков: добыча воды, дров, отоваривание продовольственных карточек. Всё это при постоянных обстрелах, бомбежках, лютom морозе зимы 1941-42 годах, голоде...

В блокаду работало несколько школ. Преподаватели и ученики составляли отряд, который был на учете в районо. Нас было очень мало.

Зимой занимались в холодном бомбоубежище при лучине. Работали там, где это было необходимо. Во время тревоги дежурили на чердаке и в бомбоубежище, по месту жительства. Со всеми ленинградцами убирали улицы города, дворы. Весной эпидемии в городе не было.

В 1942 и 1943 годах были рабочими совхоза в поселке Кузьмолowo.

Ночами работали санитарями в эвакогоспитале.

В 1945 году я стала студенткой ЛИТМО.

Е. АЛЕКСАНДРОВА
доцент кафедры философии

ВЫСТОЯЛИ

В 1941 году я работаю в Кораблестроительном институте. Ещё полностью не закончились экзамены, как всё изменилось в нашей жизни – началась война. Большая часть студентов в первые же дни добровольно ушла на фронт – вступала в армию народного ополчения. Оставшимся в институте вместе с преподавателями, рабочими и служащими – отряд в 300 человек – выехали на строительство оборонных рубежей в пригороды Ленинграда. С этим отрядом была и я.

В районе станции Котлы мы ставили надолбы – огромные железобетонные глыбы, в разных районах – Ораниенбауме, Петергофе и других рыли противотанковые рвы. Возле станции Веймар не успели приступить к работе, как там уже появились немецкие отряды, и нам пришлось более 100 км пройти пешком, чтобы выйти из этого района. Большую часть дороги мы проделали ночью, а днем отсиживались в лесах, так как отряды «окопщиков», как нас тогда называли, немецкие самолеты преследовали, и бомбили с воздуха, обстреливали с бреющего полета, низко пролетая над колонной людей.

Не пришлось студентам начать занятия с нового учебного года: институт вскоре эвакуировался. Из оставшихся в городе рабочих,

служащих и части профессорско-преподавательского состава была сформирована команда объекта МПВО. Все мы находились на казарменном положении, строили баррикады, проходили обучение в кружках санитарной обороны, выполняли много других различных работ, а сигналом воздушной тревоги каждый занимал свой пост на объекте.

Много пришлось провести мне и моим товарищам бессонных ночей на крышах зданий во время воздушных налётов противника. Я тогда была в команде управления связи и наблюдения. Немало зажигательных бомб было сброшено нами со здания института.

С болью в сердце смотрели мы в бинокль, как враг бомбил корабли, находившиеся в море в районе Кронштадта, и с ликованием в душе, радуясь, словно дети, наблюдали, как наши зенитчики сбивали вражеский самолет, и он, загоревшись, рассыпался в воздухе.

Много тяжелых дней выпало на нашу долю. Не успеешь спуститься с крыши вниз, устроиться «поуютнее» в нетопленной, с окнами, заткнутыми матрацами, аудитории, отведённой для команды объекта, как опять сигнал воздушной тревоги, опять бежишь на свой наблюдательный пост....

ВОСПОМИНАНИЯ ЖИТЕЛЕЙ БЛОКАДНОГО ЛЕНИНГРАДА

А сколько труда было вложено весной 1942 года в очистку города! Нелегко был труд для истощенных от голода людей: скалывать ломом глыбы льда на дорогах города и вывозить его. Каждый клочок земли был использован под доброе дело. Даже «пятачок», как называли тогда скверик на Исаакиевской площади, был выкопан под индивидуальные огороды – по грядке на семью. Был и у меня такой «огород», но на нем, кроме салата, почему-то больше ничего не росло.

Но ни угрозы врага, ни суровые испытания, ни голод, ни холод не смогли ослабить боевого духа стойкости и мужества трудящихся Ленинграда.

Жители осажденного города были верны своей клятве: «Не видать Гитлеру Ленинграда! Не видать фашистам наших улиц и проспектов, парков и дворцов! Клянемся быть беспощадными! Клянемся встретить врага так, чтобы он навсегда забыл дорогу в наш город!»

Ушедшие в армию комсомольцы института и оказавшиеся вдали от Ленинграда писали мне:

«...Нас здесь большинство – ленинградцы, и все мы болеем за свой город. Каждое утро осведомляемся о том, что происходит у Ленинграда. Каждый из нас сейчас бы пошёл на защиту Ленинграда, но нам говорят, что мы пойдём в своё время. И мы знаем, что на защиту Ленинграда

вышли все, и не бывать проклятым варварам в городе. И тот, кто любит наш город, иначе думать не может.... Как хочется быть в Ленинграде и вместе со всеми его защищать!»

С июня 1942 года вплоть до 1946 года я работала в Октябрьском райкоме комсомола. Много можно рассказать о героических делах комсомола нашего района. С энергией работали юноши и девушки, оставшиеся на заводах, фабриках и в учреждениях района.

«Работать за троих!» – таков был девиз каждого комсомольца.

Самоотверженность в труде стала чем-то будничным, обычным. Преодолевая усталость, холод и голод, порой не прекращая работать даже при артобстрелах, сутками не выходили комсомольцы из цехов, выполняя государственные задания.

Кроме работы на предприятиях, мы занимались заготовкой топлива для города: ломали деревянные дома в Невском районе, выезжали на лесоразработки.

И вот наступило время, когда война отступилась от стен Ленинграда, война закончилась. Невозможно сейчас описать то чувство, которое испытал каждый ленинградец в день 27 января 1944 года, он закончился торжественным салютом на Марсовом поле.

*Впервые опубликовано в газете
«Кадры приборостроению» №3 (430)
21 января 1964 года*

ЭТО БЫЛИ БУДНИ ВОЙНЫ

Мы сдавали последние экзамены в Ленинградском финансово-экономическом институте, когда началась Великая Отечественная война. Ребята-выпускники сразу ушли на фронт, на некоторых из них мы через месяц получили похоронные извещения.

Война – это страшно. Но когда одновременно, на одном участке земли, в одном и том же городе сосредоточиваются все ее ужасы – артобстрелы, бомбежки, смертельный голод и лютый холод (до 30 градусов мороза), то это совсем плохо. Воздушные тревоги с артобстрелами повторялись долгие дни и ночи блокады, по 12 и более раз в сутки, иногда они чередовались через 15 – 20 минут.

Осенью 1941 года враг особенно лютовал. С наступлением темноты прилетало множество бомбардировщиков. Небо, изрезанное прожекторами, гудело ревушим и все нарастающим гулом. Сыпались зажигалки. С крыш домов били наши пулеметы. Какая была радость, когда мы видели подбитым, падающим вражеский самолет! Каждый раз были убитые, раненые, погребенные под разрушенными домами.

Бойцы МПВО, как городской команды, так и нашего Ленгорфинотдела, сразу приступали к расчистке завалов, откапывали людей, убирали убитых, расчищали улицы. И так было

много ночей. Каждый раз наутро мы с Катюшей (Екатериной Николаевной Фадеевой, ставшей после войны главным ревизором Ленинграда), усталые и голодные, такие же дистрофики как и все, садились за столы работать.

Запомнилось, как весной 1942 года мы с Катюшей шли обедать: в столовой городского Дворца пионеров выдавали дурандовый суп. Вдруг тревога! И уже слышен свист падающей бомбы. «Ложись», – кричит Катя, а кругом грязь и лужи. Я мешкаю: страшно и единственную одежду жалко портить. Бомбы огромные, фугасные упали в Фонтанку напротив нас. Видно, летели в Куйбышевский райком КПСС.

Или вот дом на Невском проспекте, где сейчас Куйбышевский райсовет. Летом 1942 года он рухнул от фугасной бомбы, а я минуту назад была там по служебным делам. Смерть ходила за нами по пятам. Вот другой случай. Фашисты старались бить по перекресткам улиц. Однажды на углу Литейного и Невского снаряд попал в трамвай, было много убитых и раненых, а я вышла из этого трамвая на одну остановку раньше обстрела.

Страшен был блокадный голод. Сгорели Бадаевские склады с мукой. Над городом нависла угроза голодной смерти. Все меньше и меньше норма хлеба по карточкам, вот уже 250, 125 граммов в день. Ленинградцы начали

ВОСПОМИНАНИЯ ЖИТЕЛЕЙ БЛОКАДНОГО ЛЕНИНГРАДА

умирать от голода. На предприятиях и в организациях выдавали супы из дуранды (жмыха, который добавляют в рацион животных). И большое счастье, если кому доставалась дурандовая лепешка. Голод заставлял людей поедать животных, варить супы из ремней.

Летом 1942 года я заболела цингой, стала волочить ногу. Мне назначили переливание крови, ходила на эту процедуру в поликлинику на углу Лиговки и Невского. Затем нам всем дали рабочую категорию продовольственных карточек, а в скорее и дополнительный паек назначили. Дистрофия отступила, но голод остался.

Несмотря на тяжелые условия, город жил, защищался. Работали все предприятия, организации, оставшиеся в городе. Работа в городском контрольно-ревизионном управлении Министерства финансов РСФСР шла полным ходом. Весной 1942-го быстро были набраны резервы.

Квалификацию повышали на ходу. Мне запомнилась ревизия колпинского районного бюджета. Осенью 1943-го бригада в составе Б.Н. Файнблюд, Е.А. Потягова и меня выехала в Колпино. Там в это время проходил передний край обороны. Уже подъезжая, мы слышали выстрелы, а потом мы просто попали на передовую. Заведующий райфинотделом показал нам рабочее место в домике, зава-

ленном всякой рухлядью, и заодно яму, которую можно использовать как убежище.

Колпинцы и рабочие Ижорского завода вырыли огромный оборонительный ров. Весь этот ров был полон трупов. Позднее я узнала, что там погиб каждый четвертый рабочий Ижорского завода. Когда начинались бои за город, все кругом стонало, грохотали пулеметы, рвались снаряды, бомбы, гудели самолеты, взлетали осветительные ракеты, прожектора освещали город, слепя летчиков, здесь проходило огненное кольцо блокады.

В столовую надо было идти через дорогу, которая простреливалась немцами. Было страшно, но мы шли по одному, в самое темное время суток. Окончив ревизию, приехали в Ленинград, сдали материалы, рассказали обо всем, что видели и пережили. В ответ – никакого особенного сочувствия. Это были будни войны.

В заключение хотелось бы ответить на вопрос: зачем нам помнить о войне? Помнить все - это наш долг перед погибшими защитниками города. Помнить надо действенной памятью, это значит, из поколения в поколение передавать ее. Долг неоплаченный перед погибшими переоценить нельзя, как нельзя вернуть их жизни.

*Впервые опубликовано в газете
«Кадры приборостроению» №3(1318),
6 февраля 1987 года*

М. БУРМИСТРОВА
кандидат исторических наук,
доцент кафедры истории

ДЕТИ ОСАЖДЕННОГО ГОРОДА

Всю блокаду я находилась в Ленинграде, сначала работала воспитателем во втором деском доме Дзержинского района, а затем – учителем в том же районе. События того времени живы в памяти и сегодня.

В первые дни войны партийные и советские органы Ленинграда поставили задачу эвакуировать из города детей. С 27 июля их стали вывозить в Ленинградскую, Ярославскую, Кировскую и Свердловскую области.

Эвакуации подлежало и взрослое население. За первые десять дней было вывезено более четверти миллиона человек. Эвакуация населения и промышленных предприятий была в самом разгаре, когда 30 августа фашистские войска заняли Мгу, перерезав последнюю железнодорожную линию, связывавшую Ленинград со страной. Вместе с жителями пригородных районов в блокадном кольце оказалось более 2.5 миллионов человек, из них – около 400 детей.

Советское правительство принимали все меры для оказания помощи Ленинграду. Продовольствие в город доставлялось по Ладожскому озеру и транспортными самолетами. Но запасы его быстро убывали. 2 сентября впервые снизили норму выдачи

хлеба. Затем последовало еще четыре снижения. 20 ноября была установлена самая низкая норма: рабочие получали 250 граммов, служащие, иждивенцы, дети – 125 граммов.

По эти нормам хлеб получали до 25 декабря. Транспорт остановился: не было электричества, горючего. Не работали водопровод, канализация. Распространенными стали заболевания цингой и дистрофией, катастрофически росла смертность.

В этих условиях партийные, советские и комсомольские органы проявили особую заботу о детях, потерявших родителей.

В самых трудных условиях город-фронт не забывал своих детей: к праздникам выдавали добавочно что-либо и продуктов. В связи с 24-ой годовщиной Великой октябрьской социалистической революции детям было выдано по 200 граммов сметаны и 100 граммов картофельной муки.

По решению городского комитета партии и исполкома Ленсовета были устроены новогодние елки, участники которых получали обед без вырезки талонов из продуктовой карточки и елочные подарки. На новогодней елке побывало 380 тыс. ребят в детских

ВОСПОМИНАНИЯ ЖИТЕЛЕЙ БЛОКАДНОГО ЛЕНИНГРАДА

домах, школах.

«Ленинградцы, - писал А.А.Фадеев, могут гордиться тем, что сберегли детей... И самый великий подвиг школьников Ленинграда в том, - что они учились». Занятия в младших классах начались в конце октября, а в старших – в начале ноября. К занятиям приступило свыше 90 тысяч учащихся.

В декабре 1941 года, когда наш город остался без света, топлива, воды, когда страшный голод изнурял людей, исполком Ленсовета разрешил школам прервать занятия. Однако в 39 школах в течение всего 1941/42 учебного года они продолжались.

С мая 1942 года занятия возобновились. Дети поступали в те классы, в которые они перешли весной 1941 года. За полтора месяца они должны были повторить то, что учили в прошлом году, чтобы осенью начать нормально заниматься. В школах было введено трехразовое питание.

В июне были проведены экзамены в тех классах, которые не прекращали

занятия. Из 532 человек, окончивших десятый класс, семьдесят закончили школу только на «отлично».

С первых дней войны школьники с большим энтузиазмом участвовали в организации местной противовоздушной и противохимической обороны. Вместе со взрослыми они дежурили на крышах и чердаках зданий, при налетах вражеской авиации тушили зажигательные бомбы, помогали пострадавшим. Участвовали в световой и технической маскировке города, в строительстве оборонительных сооружений. Изготавливали бутылки с зажигательной смесью, для борьбы против вражеских танков, работали в госпиталях, в парках и скверах выращивали овощи.

За активное участие в обороне Ленинграда более 15 тысяч юных ленинградцев были награждены медалью «За оборону Ленинграда».

*Впервые опубликовано в газете
«Кадры приборостроению» №4 (1169)
1 февраля 1984 года*

А. ПЕТРОВА,

ветеран Великой Отечественной войны

ЛЕПЕШКИ ИЗ ЛЕБЕДЫ

Когда началась Великая Отечественная война, мне было тринадцать лет. Впервые о войне я услышала в пионерском лагере. По возвращении домой, Ленинград поразил нас необычным видом – на окнах домов были наклеены бумажные полоски, чтобы хоть частично сохранить стекла при бомбежке.

Детей стали отправлять в эвакуацию, но я не захотела расставаться с родителями. Началась блокада, но в школах продолжались занятия. Однако вскоре из-за голода пришлось бросить учебу.

Мы, школьники, стали работать в садах, скверах, на спортплощадках – высаживали овощи, пропалывали их. Приходилось печь лепешки из лебеды и собирать крапиву. А какой вкусной была для нас гороховая каша, которую выдавали буквально по столовой ложке на день по карточкам, – этого не описать!

Эта каша была для нас куда вкуснее шоколада, который и на ум не шел. Мечтали только о том, чтобы поесть хлеба, которого в самые тяжелые дни выдавали всего 125 граммов.

В первую же блокадную зиму у меня погибли и родители, и все родные. В четырнадцать лет я поступила ученицей на фабрику «Ударник». Сил было

мало, особые мучения доставляли голод и цинга. Водопровод замерз, и ходить за водой приходилось на Неву. Пока везешь ведро на саночках, половину воды расплескаешь. Дом промерз насквозь. Только изредка удавалось вытопить «буржуйку» – маленькую спасавшую нас металлическую печурку. Топили ее книгами и мебелью.

Очень трудное было время! Особенно для нас, детей. Но в победе мы были твердо уверены.

Фабричная комсомольская организация организовала дежурство в госпитале. Мы ухаживали за ранеными фронтовиками. Ходили разбирать на топливо старые деревянные здания в районе Володарского моста. Развозили на саночках дрова ослабевшим людям. Работали на чистке ленинградских улиц в районе Театральной площади, ломали очищали от толстых наслоений льда и снега трамвайные пути, чтобы появилась возможность восстановить движение.

Вот такими были детские годы мои и моих сверстников, которым посчастливилось дожить до снятия блокады и окончания войны.

*Опубликовано впервые в газете
«Кадры приборостроению» № 4 (1169),*

1 февраля, 1984 года

ГРЯЗИН ГЕННАДИЙ НИКОЛАЕВИЧ

Выпускник ЛИТМО (1953). Работал в ЛИТМО на радиотехническом и инженерно-физическом факультетах в должностях: старший лаборант, ассистент, старший преподаватель, доцент, профессор оптико-электронных приборов и систем (1953-2012).

Автор более 90 научных работ (в том числе 2 монографий и 1 учебника, а также 13 изобретений). Подготовил 4 кандидата наук.

Защитил кандидатскую (1967) и докторскую (1983) диссертации, получил звания доцента (1969), профессора по кафедре оптико-электронных приборов (1986).

Награжден медалями «В память 250-летия Ленинграда», «300 лет Российскому флоту», «Ветеран труда», «В память 300-летия Санкт-Петербурга», а также нагрудным знаком «Почетный радист СССР».

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ УЧЕНИКА СОРОКОВЫХ ГОДОВ

Апрель 1941-го года. Третий класс. На одном из уроков учительница Надежда Андреевна объявила, что группа лучших учеников третьих классов будет в ближайшее время принята в пионеры. «Массовый» же прием должен состояться только в следующем учебном году, когда мы будем учиться уже в четвертом классе. Среди принимаемых была названа и моя фамилия. Началась подготовка к столь ответственному мероприятию. Куплен шелковый галстук и металлическая застёжка к нему с изображением языков пламени, продуман костюм (белый верх, черный низ), выучено торжественное обещание. «Вступая в ряды пионеров, я торжественно обещаю...». Что точно и в каком порядке обещалось, уже не помню, но догадаться можно без особого труда. Однако носить пионерский галстук пришлось не долго.

Август. Эвакуация в Кировскую область. Сначала в деревню, расположенную на реке Маломе, затем в город Уржум. Глухие края. Более двухсот километров до областного центра. Летом связь с областью и другими городками (Вятские поляны, Слободское и др.), в основном, – по реке Вятке, зимой – санный путь. Иногда прилетали самолеты У-2

лесной авиации. В городе две школы: Кировская и Ленинская. Меня определили в 4-й класс Кировской школы. В здании школы раньше располагалось начальное училище, в котором учился Сергей Миронович Киров (Костиков) – трибун революции. В школе было помещение, которое предоставлялось по решению педсовета лучшему по успеваемости классу на учебный год. В помещении – две старинные парты (с полностью откидывающимися крышками), обтянутые кумачом, предназначенные для лучших в текущей четверти учеников. В школе помимо ребят из Ленинграда было несколько эстонцев из репрессированных семей. Запомнились стычки между местными ребятами, которых было большинство, и эвакуированными. «Идеологическая» основа драк – быстрое ухудшение жизни, связанное с наплывом приезжих. Война – где-то далеко, а «эти» – тут рядом. Стало быть, все беды от них. Позднее, конечно, пришло сознание общей беды.

В пятом и шестом классах учился в Ленинской школе, где были сформированы группы из эвакуированных ребят, в основном интернатских. В помещениях сидели в пальто. Тетрадей нет, разрешено делать тетради самим из любого подручного материала, в том

числе из газет. В последнем случае писали между газетных строчек. Вспоминаются редкие праздничные вечера, на которых читали стихи: «Нам от тебя теперь не оторваться, куда бы нас ни занесла война, ведь мы везде и всюду ленинградцы...»

Сентябрь 1944 года. Возвращение в Ленинград. Для того чтобы поступить в школу, необходимо направление из РОНО. А там в первую очередь направляют в ремесленные училища – надо восстанавливать город. Благодаря настойчивости получаю путёвку в свою 155-ю школу. Занятия уже начались. Требования учителей значительно выше, чем в уездном Уржуме. В классе несколько ребят носят медаль «За оборону Ленинграда». Среди них Володя Ден, о котором Даниил Гранин напишет в «Блокадной книге».

На одном из уроков входит директор: «7-а класс – на погрузку дров». Выбегаем во двор. Там уже стоит старенькая полуторка. Садимся в кузов, школьный завхоз в кабину и вперед – через Старый Невский по Харьковской улице на лесной склад Московской товарной. Остальные ребята ждут в классе. Их дело – разгрузка машины и переброска дров в котельную, которая находилась в подвале, где теперь благоустроенный гардероб.

Весна 1945-го. Конец войне и... экзамены по всем основным предметам. Тем, кто уходит из школы,

выдаётся свидетельство о получении неполного среднего образования. Остальные переводятся в восьмой класс. Война закончилась, но обстановка в стране еще напряженная. В школах усиленно преподается военное дело. Винтовку Мосина изучаем в который раз. Потом она будет с нами и в институтах. В 1946 году летом восьмые и девятые классы отправляются на две недели в военный лагерь около посёлка Вырица.

В старших классах становятся определенными вкусы и склонности. Кто-то увлекается литературой, кто-то историей и другими гуманитарными науками. Однако большинство решает идти по стопам своих предшественников – реалистов. Мое «хобби» – радиолубительство: первый собранный из подручных деталей простенький радиоприемник; первые друзья по общим интересам... Трудно передать удовольствие, которое испытываешь, когда только собранный приемник начинает «дышать».

1947/48 учебный год, последний в школе. Готовимся к экзаменам на аттестат зрелости (если не ошибаюсь, их было одиннадцать). Окончательно решаем, куда поступать. Моя дорога – ЛИТМО на вновь открытый факультет электроприборостроения, названный позднее радиотехническим и просуществовавшим до 1970 года. Эта дорога оказалась длиной свыше сорока лет.

2010 год

РЫБАКОВ ФЕДОР МАКСИМОВИЧ

Родился в деревне Борок Псковской области. Окончил Радиотехнический факультет Ленинградского института точной механики и оптики в 1948 году. Кандидат технических наук (1952).

Участник Великой Отечественной войны: в период войны прервал учебу в ЛИТМО и работал на авторемонтной гарнизонной базе, затем воевал, после ранения продолжил обучение.

С 1951 года работал на заводе «Светлана»: инженер, начальник отдела, начальник лаборатории СВЧ – электроники (в настоящее время АОЗТ «Светлана–Электроприбор»).

Специалист в области СВЧ – электроники. Исследовал отражательный клистрон. Руководил формированием коллектива разработчиков генераторов СВЧ малой мощности. Под его руководством и при непосредственном участии созданы отражательные клистроны и лампы обратной волны, твердотельные генераторы на диодах Ганна различного назначения.

Руководил разработкой серийным освоением более 160 типов генераторных приборов. Одним из первых освоил диапазон миллиметровых волн. Осуществил пионерские разработки СВЧ - генераторов для диапазона миллиметровых волн и запустил в серию 22 типа таких приборов.

Им разработаны и созданы серии отражательных клистронов для диапазона частот от 16 ГГц до 43 ГГц; позднее (1960 год) – для диапазона частот 36-75 ГГц. Результаты его разработок применены в радиоспектроскопии, радиоастрономии, измерительной технике и др. Впервые исследовал возможность создания отражательных клистронов в коротковолновой части миллиметрового диапазона. Руководил разработкой и созданием высокостабильных генераторов К-132, отражательных клистронов с повышенной выходной мощностью для накачки параметрических усилителей К-98, твердотельных генераторов на диодах Ганна 8-мм диапазона. Автор многочисленных публикаций и научных работ по основным направлениям отрасли. В 1965 году был удостоен Ленинской премии.

УТЕХИН ЮРИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ

Родился в городе Ленинграде. Участник обороны Ленинграда, ветеран труда.

В годы войны, в 11–12-летнем возрасте, как и многие его ровесники, уже «понюхал пороху»: дежурил на крышах, тушил зажигательные бомбы и участвовал в строительстве противотанковых рвов.

В августе 1942 года в квартиру этажом выше попал снаряд, и детей определили в детский дом на Каменном острове. Вскоре мама Юры, врач по специальности, стала работать в детском доме № 25, вместе с которым семью эвакуировали в Алтайский край. В тех суровых местах, тем более в то время, врачей было очень мало, на всю деревню (2000 домов) всего один врач. Несмотря на то, что у Юриной мамы на руках было трое несовершеннолетних детей, она работала в госпитале.

В семье Утехиных всегда большое внимание уделялось спорту: бег, гребля, легкая атлетика. Есть даже такой факт: отец Юрия Александровича послужил моделью атлета для известного советского скульптура М.Г. Манизера. Всерьез задуматься о связи спорта и здоровья пришлось после войны: блокадные зимы не прошли бесследно, у Ю. А. Утехина начался туберкулез легких. Положение было серьезным. И тогда он начал ежедневные пробежки, которые продолжает до сих пор.

После войны Ю.А. Утехин окончил Ленинградский электротехнический институт им. Ленина и ЛИТМО (ныне Университет ИТМО). С ЛИТМО связана и его дальнейшая деятельность: аспирантура, защита кандидатской и докторской диссертаций, научная и педагогическая работа. В 1972 году он переехал в Москву, где сегодня возглавляет Центр коррекции и восстановления зрения оптико-физиологическими методами. Одновременно преподает специальные дисциплины по направлению «Медицинская оптика» на кафедре сервиса и сферы услуг Колледжа предпринимательства № 11.

31 августа 2005 года Международная академия информатизации (имеющая генеральный консультативный статус при ЭКОСОС ООН), академиком которой является Юрий Александрович Утехин, присвоила ему звание «Основоположник научного направления» с выдачей соответствующего диплома и медали. Новое научное направление получило название «Оптическая офтальмо-кибернетика».

Рабочий день академика Ю.А. Утехина расписан по минутам. Он не делает себе скидок на возраст, всегда полон энергии, новых идей и планов...

*По материалам сайта Галерея ветеранов Великой Отечественной войны и тыла:
<http://ckpom.portalspo.ru/9may/9may/index1.html>*

ТОРЖЕСТВЕННЫЙ ВЕЧЕР УНИВЕРСИТЕТА ИТМО, ПОСВЯЩЕННЫЙ 60-ЛЕТИЮ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ

Председатель Совета ветеранов Университета ИТМО
Юрий Васильевич Жданов зачитывает приказ о награждении Ветеранов
Великой Отечественной войны. Ведущий торжественного вечера –
профессор М.И. Потеев, награжденный знаком «Житель блокадного Ленинграда»

На сцене – ветераны Великой Отечественной войны, участвовавшие в боевых
действиях и много лет трудившиеся в университете. Актовый зал, 2005 год

ГЛАВА 4

ВОСПОМИНАНИЯ ТРУЖЕНИКОВ ТЫЛА

ТОРЖЕСТВЕННЫЙ ВЕЧЕР УНИВЕРСИТЕТА ИТМО, ПОСВЯЩЕННЫЙ 60-ЛЕТИЮ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ

Ветераны Великой Отечественной войны, участвовавшие в боевых действиях и много лет трудившиеся в нашем университете.
Актовый зал Университета ИТМО, 2005 год

МАЙОРОВ СЕРГЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ

Окончил Ленинградский техникум точной механики и оптики (1935), приборостроительный факультет Московского авиационного института (МАИ) (1944), экономический факультет Университета марксизма-ленинизма (1949).

Мастер цеха, начальник цеха, заместитель главного технолога Московского завода № 213 МАП (1935–49), преподаватель МАИ и Московского авиационно-технологического института (1946–53), главный инженер Московского ОКБ-12 МАП (1949–50), главный инженер ряда Ленинградских заводов авиационной промышленности (1950–54).

Заведующий кафедрой авиационных приборов и автоматов ЛИАП (1953–56), советник директора Харбинского политехнического института (КНР) по подготовке кадров для китайских ВУЗов по точному приборостроению (1956–58). Заведующий кафедрой специального приборостроения Ленинградского военно-механического института (ЛВМИ) (1958–62). Организовал лабораторию ЛВМИ по проектированию и изготовлению малогабаритных полупроводниковых цифровых управляющих машин.

Работал в ЛИТМО: заведующий кафедрой Счетно-решающих приборов и устройств (позже – кафедрой Вычислительной техники) (1962–86), проректор ЛИТМО по научной работе (1962–77), научный руководитель аспирантов и соискателей.

Основоположник научно-педагогической школы университета «Компьютерные и информационные технологии».

НАШИ ВЕТЕРАНЫ: они трудились в нашем вузе

Под его руководством защитили кандидатские диссертации 28 человек, подготовил 4 докторов технических наук. Научный руководитель отраслевой лаборатории цифровых управляющих машин.

Профессор (1965), доктор технических наук (1970).

Автор более 80 научных трудов и 9 изобретений.

Лауреат Государственной премии СССР (1969) за разработку малогабаритной электронной управляющей машины и управляющих вычислительных комплексов типа «УМ1-НХ» и внедрение их в первые цифровые управляющие системы в различных отраслях народного хозяйства.

Был награжден орденом Трудового Красного Знамени и другими наградами. Заслуженный деятель науки и техники РСФСР.

Лауреаты Государственной премии СССР (1969) за разработку малогабаритной электронной управляющей машины (слева—направо): Н.И. Бородин, П.С. Иванов, В.В. Рыбаков, Ф.Г. Старос, Ю.И. Данилин, С.А. Майоров, В.Е. Панкин, И.В. Берг

ГЛАЗОВ ГЕОРГИЙ АЛЕКСЕЕВИЧ

Крупный организатор промышленности и специалист в области технологии производства. Профессор.

Родился в городе Санкт-Петербурге в семье офицера. После окончания средней школы поступал в Ленинградский Политехнический институт, но не был принят по социальному происхождению.

Окончив курсы электромонтёров, работал электриком в Эрмитаже, который в то время преобразовывался в музей.

В 1929 году поступил в Ленинградский техникум индустриального земледелия (ЛТИЗ), по окончании которого поступил на завод «Красный Путиловец» («Кировский завод»). В 1932 году поступил на вечернее отделение ленинградского Политехнического института. С 1937 года, после окончания института, работал на заводе им. Молотова («Знамя Октября»).

В годы войны вместе с заводом, который был включён в состав Кировского завода, был эвакуирован в город Челябинск, где работал начальником технологического бюро механического цеха, а затем помощником директора по производству.

После войны вернулся в Ленинград и работал главным технологом на заводе им. Молотова («Знамя Октября»). В 1950-ые годы работал начальником Отраслевого технологического бюро (ОТБ-6), которое затем было преобразовано во Всесоюзный проектно-технологический институт (ВПТИ, затем НИИТМАШ и ВПТИ-электро), где занимал должность главного инженера.

НАШИ ВЕТЕРАНЫ:
они трудились в нашем вузе

Одновременно преподавал технологию машиностроения в ленинградском Текстильном институте.

В 1960 году перешёл на преподавательскую работу на кафедру технологии металлов Ленинградского Горного института.

В 60-ые годы работал в ЛИТМО: профессор кафедры технологии приборостроения, декан факультетов точной механики (точной механики и вычислительной техники) (1966-74) и повышения квалификации преподавателей (1976-78).

В 1962 году по совокупности трудов получил учёное звание «профессор».

В течение многих лет вёл активную общественную работу по пропаганде передовых технологий в НТО «Машпром».

Профессор Глазов Г.А. с преподавателями и сотрудниками
кафедры технологии приборостроения. ЛИТМО, 1966 год

ВОЙНА

В предвоенные годы, где-то в 1939-40 годах завод им. Молотова (сейчас «Знамя Октября») подчинили в качестве филиала Кировскому заводу. Завод решили перестроить на изготовление танков КВ (Клим Ворошилов). А цех, где я был начальником технологического бюро – основной механический цех завода, надо было полностью перепланировать на изготовление деталей ходовой части танка.

Весна 1941 года, в связи с перестройкой завода, у меня складывалась очень тяжело. Работы было так много, что уходил я с завода в 8 – 9, а иногда и 10 часов вечера, работали без выходных. Брал работу на дом.

И вот, наконец, 22 июня, воскресенье. Я впервые за несколько месяцев смог взять себе выходной. Семья была на даче, которую мы снимали уже несколько лет подряд, под Гатчиной в селе Оровке, станция Пудость. Там нам очень нравилось, дача была недорогая, и рядом – лес, речка, есть где отдохнуть. Каждый год я выравнивал на поляне около дома крокетную площадку, и мы увлекались игрой в крокет.

Так вот, приехав на дачу 21-го вечером, утром 22-го я решил привести в порядок эту площадку (исковерканную за осень и зиму). В это время

бурно цвела сирень, наш сад был весь опоясан её цветущими кустами, и где-то над ними, как в старых дворянских имениях, вырисовывался мезонин дачи.

Этой сиреневой красотой воспользовался какой-то художник из соседней дачи и тут устроился с мольбертом. А когда я подошёл к этому месту, он спросил меня:

– Вы ничего не слышали, якобы немцы напали на нас, начали войну?

– Нет, - говорю я, - ничего не слышал.

А тут я увидел, что со станции идёт наша хорошая знакомая, приятельница жены.

– Вот сейчас мы узнаем, что нового в городе, - сказал я. И верно, смотрю, она идёт явно расстроенная, а, подойдя, говорит:

– Да, война, выступил по радио Молотов, немцы без объявления напали на нас. Транзисторов тогда не было, и в деревне радиоприемников никто не имел. Тут все расстроились. Художник ушёл. Я не стал чистить площадку. Стали обсуждать, что же делать.

Я предложил план, чтобы жена с детьми осталась здесь, если война не кончится до осени, и на зиму. Город будут бомбить, а деревню не будут. Ведь думалось по наивности, что

война – на несколько месяцев, а не лет.

Утром я уже был на работе и больше на дачу не попал.

В августе завод эвакуировал семьи рабочих и служащих в Челябинск, и я отправил своих с этим поездом в теплушке с тем, что они по дороге в Ветлуге сойдут и останутся у родственников. Так всё и получилось. До родственников они добрались. Но родичи-то оказались немецкого происхождения. И их через несколько дней после приезда моих выселили куда-то на север. Хорошо, что моих не тронули и они там прожили несколько месяцев, нуждаясь, меняя одежду и какие-то вещи, которые удалось взять с собой, на хлеб, масло, картошку и т.п.

Я в цехе вскоре перешёл на казарменное положение, домой перестал ездить. Правда мама, жалея меня, рискуя попасть под обстрел или бомбёжку, которым город подвергался ежедневно, привозила мне в обед из дома горячую пищу - суп и второе, зная, что в цехе питание неважное. А у меня в то время часто болел живот, была повышенная кислотность. Мама из проходной звонила мне по телефону, когда приезжала к заводу (а иногда и пешком добиралась). Я выходил и около завода в садике съедал то, что она мне привозила. Я уговаривал её не делать этого, но разве маму уговоришь в такой обстановке?

В красном уголке цеха наставили

топчанов, закрепили их за ночующими, один из них достался мне. Мама мне привезла бельё, и я здесь и спал.

Я упомянул выше, что работал начальником технологического бюро цеха. И вот кроме деталей танка, которые производством мы освоили, нам поручили изготавливать довольно «хитрые» гильзы для снарядов «Катюши». Мы разработали на их изготовление технологию и стали осваивать обработку их из труб. Заказ разбросали на разные участки, каждому с загрузкой по одному, двум, трём токарным станкам. А так как начальники участков считали, что это дополнительная, не основная нагрузка, мало уделяли внимания их изготовлению, и пошёл брак.

Начальником цеха был хороший мужик, некто Козловский. Он ко мне относился очень хорошо. Но когда пошёл брак, разразился на меня «громом и молнией».

– Твоя технология никуда же годится.

– Дело не в технологии, она хороша, а в том, что нет над ней на участке одного хозяина. – говорю я.

– Тогда становись сам хозяином. Я тебя назначу начальником участка.

Я согласился:

– Давай!

Тут же был написан приказ. Мне было передано десятка полтора станков, правда, в разных концах цеха. Но не переставлять же станки! Я стал

инструктировать каждого токаря, и гильзы пошли. Брака не стало!

И вот как раз, когда я взял эту миссию на себя и двое суток не спал (работали станки в две смены по 12 часов), произошло следующее.

С разрешения начальника цеха вечером на вторые сутки я пошёл в красный уголок спать. Проспал я часа два и сквозь сон слышу сирену - сигнал воздушной тревоги, по которой рабочих надо было выводить из цеха в специально подготовленные для людей так называемые «щели» - вроде окопов, вырытые в земле в стороне от цехов и других построек. Я быстро поднялся, надел то, что снял, ложась спать, и стал поправлять постель, когда бомба, сброшенная немцами, угодила в склад рядом с нашим цехом. Взрывной волной выбило замаскированные окна, и я, взглянув на них, увидел, как они несутся на меня. Это был один миг. Я охватил голову руками и бросился в постель. И сразу стало тихо. В выбитые окна светит луна, а на мне обломки окон, штукатурка и др. Но я жив и цел. Только когда смотрел на окна, какой-то осколок попал мне в бровь - текла кровь. Я сбросил всё с себя, отряхнулся - жив. Никого кроме меня в красном уголке не было. А бомба разорвалась в каких-то 20-ти метрах от меня. Я к ней был ближе всех.

От взрыва нарушилась подача электроэнергии. Я вошёл в цех - тишина.

Взрывной волной кое-кого швырнуло с рабочих мест, одного моего рабочего перебросило через станок, но жертв в цехе не было. Погиб только кладовщик, находившийся в кладовой и попавший под прямое попадание.

Мама вскоре уже приезжать не могла, т.к. на проспекте Стачек в районе пересечения с железной дорогой (у виадука) построили баррикаду, и проход к нам стал по пропускам. Мы попали во фронттовую полосу. И действительно, с башни заводоуправления в бинокль уже просматривались немецкие части. Артобстрелы и бомбёжки участились. На территории завода (или около него) стали появляться ракетчики - шпионы, которые при подлёте немецких самолётов выстреливали из ракетницы, ориентируя, куда бросать бомбы.

Однажды ночью во время тревоги нас несколько человек срочно вызвали в штаб обороны завода, дали нам винтовки и поручили окружить часть дворовой территории, где хранились отливки, откуда только что взлетела ракета. Но обнаружить ракетчика не удалось.

В начале октября 1941 года ко мне обратился секретарь партийной организации нашего цеха и предложил мне вступить в партию. Сказал, что рекомендации дадут он и начальник цеха.

Я подумал и согласился. Решил, что если придётся попасть под немцев, если они захватят даже не весь

Ленинград, а окраины, в том числе наш завод, работать на них я категорически не буду, изменником Родины не стану, буду бороться до последнего беспартийным или членом партии – задачи у нас одни! Так я решил.

8 октября (или около этого) было назначено партийное собрание с приёмом в партию меня и ещё одного нашего инженера (Войтецкого). Собрание было назначено на 8 часов утра (пересменка). Помню - свежее было утро, я набросил пальто, сидим – руководства нет. Где-то около 9 часов пришли. Объявляется собрание закрытым, беспартийных просят удалиться. Вот и всё! Ушёл в цех. Через несколько часов вызывает меня начальник цеха. Оказывается, на собрании было объявлено, что наш цех в короткие сроки должен эвакуироваться в Челябинск. (Некоторые цехи были эвакуированы ещё раньше). А меня, по решению руководства цеха, назначают руководителем первой группы, вылетающей на днях самолётом через Тихвин. Я должен подобрать 35 человек (комплект на один вагон – теплушку), людей разных специальностей: рабочих-станочников, ремонтников, техников и инженеров, чтобы в том случае, если нам надо будет начинать осваивать цех до приезда основного состава, комплект людей был способен начать освоение цеха.

Кроме того, с группой технологов

мне предлагалось за ночь определить, сколько надо вагонов-теплушек для остающихся пока работать, включая их семьи и семьи вылетающих самолётом, и сколько платформ потребуется для эвакуации оборудования. Всё к утру было сделано. Вопрос о членстве в партии пока отпал - не до того.

16 октября я вылетел из Ленинграда с Комендантского аэродрома, где теперь станция метро Пионерская. Со мной - 35 человек, в том числе мои подчинённые и друзья технологи: Александр Эрнестович Шитт, Виктор Васильевич Голованов, Павел Иванович Богданов и другие. Брать с собой разрешалось до 16 кг багажа. Это, конечно, только самое необходимое. Летели мы на полупассажирском, совсем не комфортабельном самолёте, летели низко, чтобы немцу не было видно. Некоторые предыдущие самолёты этого же рейса - Ленинград - Тихвин обстреливались. Но мы прошли путь и сели в Тихвине благополучно. С аэродрома перебрались на вокзал, который после вчерашней бомбёжки ещё догорал. Погрузились в вагон-теплушку и почти сразу поехали, чтобы скорей выйти из зоны бомбёжки. Нам повезло, нас не бомбили.

Ехали мы медленно с длинными стоянками, 16 дней. Путь был очень тяжёлый, сухие пайки на остановках приходилось добывать с трудом. Столовые на станциях были очень редки. В вагоне среди рабочих нарас-

тало недовольство.

Узнав номер нашего поезда, я сразу же дал телеграмму семье в Ветлугу, чтобы оттуда они перебрались на станцию Шарья, которую мы будем проезжать. Я договорился предварительно в вагоне, что моих разместим здесь. Из Буя я дал повторную телеграмму. Но обе эти телеграммы дошли до Ветлуги на другой день после моего проезда через станцию Шарья.

Очень мне было тяжело сознавать, что где-то здесь близко мои родные, но бросить поезд, данное мне поручение и пренебречь ответственностью, возложенной на меня, — я не мог.

По прибытии в Челябинск стало ясно, что нас как организованный коллектив совсем не ждут. Сутки мы провели в каком-то общественном здании, как на бивуаке, спали не раздеваясь.

На следующий день пришёл какой-то распорядитель, и мы с ним (он и я) пошли по домам (прошли три дома) и определяли в каждой квартире, в зависимости от её заселённости, кому тут жить, куда вселить одного человека, куда двоих, а куда и больше. В зависимости от производимого на меня впечатления хозяевами квартиры, я определял по фамилиям, кого куда поселить: куда рабочих, куда инженеров, куда мужчин, куда женщин и т.п.

В одной из квартир, где оказалась свободной комната (и хозяйка посимпатичнее) поселился я с А.Э. Шиттом и

В.В. Головановым (втроём). Спали на полу. Мебель - стол и три стула. Здесь и решили дожидаться своих семей. По глупости, перед тем как идти на завод, решили сходить в действующий театр на какую-то оперетту, уж не помню теперь какую. Но, посмотрев на веселящуюся и танцующую в фойе в антракте публику, а это к тому же было 7 ноября - праздник, нам стало не по себе, и мы ушли после первого акта. Люди ещё не чувствовали войны! Глубокий тыл.

8 ноября завод работал, я явился к главному технологу завода, и меня назначили (как я и был в Ленинграде) начальником технологического бюро основного механического цеха.

Но в Ленинграде в цехе было около 100 станков, а здесь - около 1000. Да к тому же станки все стоят в поточных линиях изготовления тракторных деталей, и переставлять их было запрещено в надежде, что в скором времени можно будет вернуться к их изготовлению. Поэтому для танковых деталей использовалась лишь часть, в основном, универсальных станков. В этом «лесу» новому человеку трудно было разобраться. Хорошо, что старый местный начальник ТБ оказался очень порядочным человеком, и с его помощью я стал понемногу разбираться. А спустя 2-3 месяца приехал мой ленинградский начальник цеха Козловский. Ему поручили осваивать новый цех (пока пустую коробку), заполняя её

прибывающими по эвакуации станками, и он затребовал меня к себе в цех. Здесь мне стало гораздо легче и интереснее потому, что надо было создать новый цех, наподобие того, который я сам проектировал в Ленинграде для изготовления деталей ходовой части танка КВ. И технологов мне удалось «перетащить» своих, ленинградских - Голованова, Пинского.

В декабре приехали мои с Ветлуги, голодные, полураздетые - в мороз. Хватили в пути горя!

Мне сразу выделили 10-ти метровую комнату, вернее кухню в одной из квартир, и в ней мы впятером расположились. Два метра на человека! Но зато отдельно! Через два-три месяца нам выделили другую, 20-ти метровую комнату.

В МХ-3 работа была тоже тяжёлая, работали мои технологи, как и весь цех, по 12 часов. В 8 часов вечера работу кончали - пересменка, а я, как и весь комсостав цеха, домой уходил не раньше 10 часов, а иногда в 12 и позже. Порядок был такой, какой завёл Сталин. Он ночами не спал, и директора заводов должны были ночью быть на месте (вдруг позвонит), а директора держали в это же время на рабочем месте начальников цехов, а те – нас. Разница была в том, что Сталин и Зальцман (директор) утром приступали к работе в 11-12 часов, а мы опять в 8. Правда и им, наверное, не спалось.

Где-то в 1944 году меня вызывает

Зальцман. Я его неоднократно видел, но он меня не знал, и я был удивлён – зачем я ему нужен, в чём я провинился, занервничал!

В назначенное время прихожу к нему, он улыбается, просит сесть.

– У меня к Вам предложение. Хватит Вам в цеху торчать. Идите ко мне помощником по производственным вопросам. У меня есть помощник по общим вопросам, а теперь жизнь подсказывает, что нужно иметь помощника по производству. Мне дали Вашу характеристику – Вы мне подходите. Соглашайтесь!

Я попросил отсрочки с ответом, уж очень неожиданное для меня предложение. Он согласился ждать до завтра.

Посоветовались мы с Катюшей, и на следующий день я выставил свои просьбы, прежде чем дать согласие, а именно: разрешить мне продолжать преподавание в Политехническом Челябинском институте, где я с согласия своего старого руководства руководил дипломным проектированием; улучшить жилищные условия – дать мне двухкомнатную квартиру; считать, что я иду сюда на временное замещение этой должности, и как только будет возможность вернуться в Ленинград - отпустить меня.

Исаак Моисеевич согласился со всеми моими условиями, и я, передав в цехе дела И.Е. Пинскому, занял отведённый мне кабинет. Поручения,

которые мне давал Зальцман, я выполнял и ни разу никаких замечаний по подготавливаемым мной документам, письмам и приказам не имел. Зальцман всё подписывал без замечаний.

Потом мне рассказал Хаит, главный технолог завода, что, когда Зальцман спросил его, что я собой представляю, он сказал, что Глазов – это интеллигент, он даже ругаться не умеет. Зальцман на это ответил:

– *Такого мне и надо.*

Здесь работа пошла хорошо, в институте я бывал в рабочее время дважды в неделю. Вечером работать не оставался. С жильём – наметили мне двухкомнатную квартиру, но затянули, и квартиры я не дождался.

Помню радостный день – День Победы. Какое ликование! Как мы ждали этот день! В соседней с нами квартире жили танкисты, приезжавшие к нам за танками. Они с радости начали стрелять в воздух. Выпустили все патроны, которые больше не нужны!

Как же теперь поскорее выбраться домой, в Ленинград!

А вот и этому пришло своё время. В августе 45 года из Ленинграда пришло письмо Зальцману от Капустина – секретаря Горкома, с просьбой отпустить в Ленинград группу работников, эвакуированных с завода им. Молотова, в связи с восстановлением завода для нужд газификации города. Это нас!

Мы составили список «молотовцев», работающих на Челябинском тракторном заводе ЧТЗ и желающих вернуться в Ленинград. Одним из первых в этом списке был я. Вёл это дело мой коллега, помощник Зальцмана по общим вопросам. В списке была графа: «Согласен ли непосредственный начальник (цеха, отдела и т.д.) отпустить то или другое лицо?» Против моей фамилии должен был бы дать свою подпись Зальцман, но было нетактично требовать от него это, и графа осталась пустой. Зальцман список подписал, но я не был уверен, обратил ли он внимание, что в списке – я!

Однако раз список подписан, я стал увольняться. Мы получили от транспортного цеха хороший вагон-теплушку, чтобы в нём добраться до Ленинграда и уже назначили день отъезда, согласовав это с начальником челябинского ж/д узла. И вот, за два дня до отъезда меня вызывает Зальцман, у него совещание – полный кабинет начальников цехов, отделов и какие-то генералы. Я вошёл и он говорит: *«Вот мой помощник Глазов – поручаю ему довести дело до конца».*

А рассматриваемый вопрос, оказывается, – приведение в порядок бараков, где размещён лагерь военнопленных. Я, как говорят, «в ужасе». Сказать при всех, что я послезавтра уезжаю в Ленинград нельзя! Надо всё быстро сделать. А вдруг Зальцман

НАШИ ВЕТЕРАНЫ: они трудились в нашем вузе

и не понял, что я должен уехать? На душе беспокойно, ведь всё подготовлено к отъезду! За сутки я побывал в лагере, подготовил проект приказа, что и кому надо сделать, и получил все визы, как в лагере от генералов, так и от исполнителей на заводе. Всё – за сутки! Когда принёс проект на подпись Зальцману, он с удивлением смотрит на меня:

– Когда ты успел всё это сделать?
И вот тут должно всё решиться. Я

ни жив, ни мёртв и говорю:

– Так я же завтра, Исаак Моисеевич, уезжаю в Ленинград.

– Ох, да. А я и забыл. Ну, молодец, за сутки такой приказ подготовил, который обычно готовится неделю – две!

Он без замечаний подписал приказ, крепко пожал мне руку, и мы простились.

В Ленинград!

Публикуется впервые

Фотография выпускников кафедры приборов точной механики факультета точной механики и вычислительной техники 1975 года

АКСЕЛЬРОД ЗАХАР МАРКОВИЧ

Окончил факультет точной механики ЛИТМО (1935). До поступления в вуз учился в фабрично-заводском училище Невского машиностроительного завода им. В.И. Ленина (1925–28), работал слесарем на заводе «Красный Путиловец» и на Невском машиностроительном заводе (1928–30).

Заведующий лабораторией радиоаппаратуры завода им. Козицкого (1935–36).

Научный сотрудник НИСа ЛИТМО (1936–37), ассистент кафедры приборов времени (Точной механики) (1937–40). Аспирант ЛИТМО. Доцент (1940–42), заведующий кафедрой приборов времени (Точной механики) (1942–76).

Кандидат технических наук (1939), доцент (1940), доктор технических наук (1962), профессор (1963).

Подготовил 7 кандидатов наук. Опубликовал более 70 научных трудов (включая несколько учебников), автор нескольких изобретений.

Результаты его научной деятельности позволили организовать в СССР массовый выпуск часов на качественно новом уровне.

Был награжден медалью «За трудовую доблесть» (1953) и другими медалями СССР.

СЕКРЕТ ЧАСОВОГО ВЗРЫВАТЕЛЯ

В конце ноября 1941 года был захвачен в плен немецкий летчик. Начальник управления НКВД комиссар госбезопасности 3-го ранга П.Н. Кубаткин задавал вопросы. Пленный подробно рассказал о дислокации частей, их численности и вооружении. На вопрос, знает ли он способы обезвреживания фугасных авиабомб с часовыми механизмами, которые с недавних пор стали сбрасывать на город, летчик гордо ответил: «Эти бомбы не разряжаются, этого делать никак нельзя! Они только взрываются!».

Присутствующий на допросе начальник местной противовоздушной обороны города Е.С. Лагутин невольно улыбнулся, ибо секрет новых взрывателей был уже разгадан.

В конце ноябрьских праздников 1941 года впервые сбросили на Ленинград около 20 бомб замедленного действия. Другая фугаска пробила все перекрытия четырехэтажного дома по Коломенской улице. Обезвреживание бомбы с «сюрпризом» было поручено заместителю руководителя подрывной службы МПВО города А.Н. Ханукаеву, недавнему выпускнику горного института. Ему удалось обезвредить и извлечь противоперевозочный взрыватель, затем он рискнул достать и часовой

механизм. Начальник МПВО генерал Е.С. Лагутин горячо поздравил смельчака. Однако при детальном изучении был обнаружен дефект детонатора: заело резьбу, поскольку две нитки ее были сорваны. Так брак (или умелый саботаж на заводе – изготовителе) позволил советским подрывникам добыть часовой взрыватель.

Следующая попытка разрядить фугасную бомбу подобного типа, попавшую в глазную больницу по Моховой улице, потерпела неудачу. Начальнику подрывной службы МПВО Н.М. Лопатину удалось выпарить взрывчатку, вынуть основной взрыватель, но дополнительный взрыватель и детонатор взорвались. Часовой механизм погиб.

Вечером 10 ноября на территорию Балтийского завода упала морская магнитная мина, имеющая инерционный и два часовых взрывателя. Мина вошла более чем на метр в землю под углом 45 градусов, а, остальная, почти трехметровая ее часть, находилась на поверхности. Один из часовых механизмов работал, а второй – заглох.

Обладая уже некоторыми знаниями, Н.М. Лопатин за 6 часов разрядил этот «сюрприз», затем были извлечены еще 2 часовых взрывателя! Это свидетельствовало о высоком профессиональном мастерстве наших

пиротехников.

Нужно срочно найти надежный и быстрый способ обезвреживания подобных бомб. К разгадке тайны часового взрывателя оказались причастными и сотрудники ЛИТМО.

Изучить добытую с таким трудом и риском материальную часть поручили преподавателю кафедры приборов точной механики З.М. Аксельроду, впоследствии известному специалисту в области приборов времени. Ему удалось установить минимальное и максимальное время, в течение которого часовой механизм приводит

к взрыву.

Оказалось, что сброшенная бомба не может взорваться по истечении от 2 часов 40 минут до 69 часов 20 минут. Зная эту особенность нового взрывателя, можно было разработать методы обезвреживания фугасных бомб. Описание часового взрывателя, составленное в ЛИТМО, было разослано во все штабы МПВО страны. Оно стало руководством к действию.

*Впервые опубликовано в газете
«Кадры приборостроению» № 9 (1397),
29 марта 1989 года*

Делегация ученых из Индии на кафедре приборов времени
(стоят во втором ряду, справа-налево): З.М. Аксельрод, Г.К. Шермет, А.А. Капустин,
П.Н. Макеев, В.П. Дедюлин, Г.О. Архипов, Н.В. Ефимов. ЛИТМО, 1958 год

РОГИНСКИЙ ИОСИФ ЮРЬЕВИЧ

Родился в городе Гомеле. Закончил Профшколу точной механики и оптики в г. Ленинграде (1928 – 1931), работал механиком учебно-производственных мастерских (1931 - 1932). Окончил с отличием ЛИТМО по специальности инженер-механик в 1937 году. Преподавал в Техникуме точной механики и оптики курс «Детали приборов» (1938 – 1941).

С 1942 по 1944 год – во время Великой Отечественной войны работал на строительстве Уральского алюминиевого завода в городе Каменск-Уральский.

С 1945 года – преподаватель ЛИТМО: ассистент кафедры точной механики (1945-1951), старший преподаватель кафедр электроники (1951-1952) и автоматики и телемеханики (1952-1953).

Кандидат технических наук (1951), доцент (1954).

Доцент кафедр: № 76 (1953-56), РЛПУ (с 1968 года - конструирования и производства электронно-вычислительной аппаратуры (работал до 1978 года) и автоматики и телемеханики (до 1979 года).

Читал лекции по курсам «Детали приборов и электротехнические материалы», «Специальная технология радиотехнических устройств».

Начальник учебной части (1945). Заместитель декана радиотехнического факультета (1952-1953, 1954-1955, 1957-1970), затем – факультета оптико-электронного приборостроения (1970-1972).

Автор более 40 научных и методических работ в области приборостроения.

Награжден медалями «За доблестный труд в Великой Отечественной Войне 1941-1945 гг.», «В память 250-летия Ленинграда».

СТЕПАНОВА ЗИНАИДА КОНСТАНТИНОВНА

Долгие годы работала в ЛИТМО старшим инженером научно-исследовательской части, заведующей фотолаборатории. Благодаря плодотворной деятельности Зинаиды Константиновны мы сегодня имеем обширную базу фотодокументов, которые используются при создании печатных материалов, а также при наполнении страниц портала университета.

З. СТЕПАНОВА

ГДЕ-ТО В СИБИРИ

«Все для фронта – все для победы!» – этот лозунг сопровождал меня все мои юные годы.

Он был на улицах города, где я жила, и на территории завода, где работала. А все, кто трудились вокруг меня, были молоды – от 14 до 19 лет.

Ребята пришли на завод из ремесленных училищ, из школ. Учебу пришлось отложить до победы, а сейчас в нашей помощи нуждался фронт.

Цеха нашего завода, эвакуированного из западных районов страны,

разместились в огромных светлых аудиториях Новосибирского железнодорожного института. Нам поручили ответственную работу – сборку и юстировку перископов и точных оптических приборов для гаубиц и танков.

Работали мы по 12 часов в сутки, а бывали случаи, и по 20, без выходных дней. Питались тут же, на предприятии, по карточкам. Обеды были более чем скромными и очень похожими один на другой: как правило, соевый

суп, жидкая манная каша и подслащенная сахаром вода, сходявшая за компот. Зато хлеба нам выдавали по 800 граммов в день, ведь у нас были полноценные рабочие карточки!

Приходилось не только работать, но и учиться своей профессии – на сборщика-механика, оптика, юстировщика. Я, например, за короткое время повысила свою квалификацию до седьмого, высшего в то время, разряда.

Подгонять нас не требовалось, мы и сами понимали, что от нашего труда зависит жизнь многих бойцов, да и собственное будущее. Нередко прямо в цехе устраивались митинги. Но продолжались они не более пяти минут: время было дорого, мы его умели ценить.

Поезда за готовой продукцией приходили прямо на территорию завода, а прицелы направлялись непосредственно в действующую армию.

Как мы ни уставали, но по своей

ственной молодости тяге ко всему веселому, праздничному часто устраивали короткие, но такие радостные для нас концерты художественной самодеятельности. Свои же ребята пели задушевные песни, плясали, читали стихи на фронтовые темы. Любили мы и петь все вместе, хором. Особой популярностью у нас пользовались «Вечер на рейде» и «Синий платочек».

На работу приходилось ходить пешком, путь был не близким – клонило ко сну, всегда находились шутники, которые так развеселят, что сон как рукой снимет.

Так мы и трудились с твердой верой в окончательную победу. И мы её дождались!

Закрою глаза и вновь вижу: у станков стоят девчонки с косичками, в простеньких платьицах, и безусые ребята, совсем еще мальчики...

*Впервые опубликовано в газете
«Кадры приборостроению» №15 (1215),
7 мая 1985 года*

3. СТЕПАНОВА

ИХ ПОДВИГ БЕССМЕРТЕН

Вряд ли где еще на земном шаре есть участок земли, который был бы так щедро полит кровью воинов, как Букринский плацдарм на правом берегу Днепра. В годы Великой Отечественной здесь проходило сражение, решавшее судьбу победоносного наступления нашей армии.

Мощнейший рубеж обороны – доты, траншеи, огневые точки – казалось, был непроходимым. Но советские солдаты, проявив невиданный героизм, под бешеным огнем противника форсировали водную преграду, закрепились на правобережном плацдарме и сковали здесь огромные силы фаши-

стов. Это обеспечило успешное наступление наших войск на соседних участках фронта, завершившихся освобождением Киева.

С каждым годом время все больше отгоняет нас от событий Великой Отечественной. Но память о тех, кто отдал свою жизнь, защищая родную землю, останется на века.

Со всех концов страны съехались ветераны былых сражений и родственники погибших на многострадальную и гостеприимную Украину.

На берегу Днепра, у села Балыко-Щучинка сооружен мемориал в честь подвига советских воинов. Их имена выбиты на гранитных плитах. В списках героев – имя моего брата Виктора, который сложил здесь свою голову.

И вот я снова склоняю колени перед братской могилой. Рядом со мной пионеры – красные следопыты. Они родились гораздо позже того, как прозвучал последний орудийный залп на этих привольных днепровских берегах. Ребята живут и учатся, радуются солнцу. И все благодаря подвигу, который почти полстолетия назад совершили те, кто так и не стал ни отцами, ни дедами, а полегли в сырой земле Приднепровья...

Четыре дня длилось празднование у Букринского плацдарма. Под звуки реквиема к Вечному огню возлагались гирлянды из хвои и свежих цветов. Рядом резвились дети с разноцветны-

ми воздушными шарами и, как души погибших, взмывали к небесам белоснежные голуби.

Когда я опустила на могилу свой большой букет, ко мне приблизился мужчина со скорбным лицом. Узнав, что здесь погребен мой брат, он поцеловал мою руку.

Все, что я говорила ребятам и участникам торжеств о Викторе, воспринималось с благоговением. Но разве можно жизнь человеческую изложить в словах. Ведь надо вспомнить и о том, как он трудился на авиационном заводе, и как встретил потом «свои» самолеты на фронте, и как ушел добровольцем... И про голубей, которые долго еще дожидались его в родных местах... Слов не хватает, перехватывает дыхание...

Яркое впечатление на всех произвела имитация форсирования Днепра. На лодках, катерах сегодняшние воины повторили путь, пройденный когда-то героями. Раздавались автоматные очереди, и их заглушало громкое русское «Ура!»

В этих местах все напоминает о минувших сражениях. Люди припоминают горечь утрат близкого к сердцу, в глазах их искренне сострадание. Вот и школьники называли свою пионерскую дружину именем моего брата. В пионерской комнате у них его письма с фронта. И как прекрасно, что ребята учатся у Виктора не только преданности Родине, но и любви к родным.

**НАШИ ВЕТЕРАНЫ:
они трудились в нашем вузе**

Война пробудила в нашем народе лучшие свойства и качества. Но насколько было бы лучше, если бы не случилось этой проклятой войны! И не стало бы этих ранищих душу

обелисков на нашей многострадальной земле...

*Впервые опубликовано в газете
«Кадры приборостроению» № 29(1380),
1 ноября 1981 года*

ШИШЕЛОВ ЛАВРЕНТИЙ ПАВЛОВИЧ

Окончил 1 Кадетский корпус (Петербург, 1905) и Электротехнический институт по специальности радиотехнические измерения (1921). Декан и преподаватель Ленинградского техникума путей сообщения (1921-30), преподаватель Техникума точной механики и оптики (1926-30). Также работал в Ленинградском электротехническом институте и Ленинградском индустриальном институте (ЛИИ) (по совместительству) (1929).

Работал в ЛИТМО с 1930 года: профессор, организатор и заведующий кафедрой электроизмерительных приборов (1930), декан факультета точной механики и заведующий лабораторией электроизмерительных и механических приборов (1931), заведующий кафедрой электротехнические и электрические приборы (1933), заведующий кафедрой точной механики (1935).

Заместитель директора ЛИТМО по научно-учебной части (1936), декан факультета «А» (Точной механики) (1938-39), заведующий кафедрой навигационных приборов (1938-41), руководитель военно-производственной базы № 3 (1941-42).

Профессор (1935), доктор технических наук (1938).

Автор более 10 научных трудов.

Вместе с институтом в 1942 году был эвакуирован на Северный Кавказ. В связи с рядом трагических обстоятельств остался жить и работать на оккупированной территории и затем был вывезен в Австрию, где жил и работал до окончания войны.

После возвращения в СССР подавал ходатайства о восстановлении на работу в ЛИТМО, но ему было отказано. О дальнейшей судьбе профессора Л.П. Шишелова данных не имеется.

АВТОБИОГРАФИЯ

Я, Лаврентий Павлович Шишелов, сын казака Оренб. Каз. Войска, родился в 1888 г. 26 мая в г. Оренбурге и воспитывался сначала в Оренбургском, а затем Петербургском Кад. Корпусе. По окончании корпуса, в 1905 г., я поступил в Артиллерийское училище, но вышел оттуда в 1907 г., не окончив курса из-за болезни ноги (раздавлена орудием) и поступил в 1908 г. в Электротехнический институт в Петербурге, где я учился до 1915 г.. В 1915 г. я был вынужден поступить на завод Сименса в Петербурге для того, чтобы поддержать семью и работать на оборону. 1918-1920 г. я добровольно работаю электриком в службе связи Балт. Флота, с 1920 по 1923 г. в Главной палате Мер и Весов, 1923-1924 г. застаю меня в должности зав. лит. Станцией Первой Артилл. Школы в Ленинграде, после чего я целиком перехожу на педагогическую деятельность, которую я начал еще в 1920 году по совместительству в Ленингр. техникуме П.С. им. Дзержинского. В этом техникуме я работал до 1930 г. в должностях преподавателя и декана электротехнического отделения.

Тем не менее мой всегдашний интерес и желание работать в области точной механики направляют меня на вечерние курсы техникума Точной Механики и Оптики, и с 1925 г. по настоящее время я непрерывно работал на Демидовском переулке, дом 10, сперва на вечерних курсах, с 1926 года на дневном техникуме, а с 1930 г. в Институте Точной Механики в должностях профессора, завед. кафедрами точной механики и навигационных приборов, декана факультета ТМ и заместителя директора по научно-учебной части. В 1935г. я был утвержден профессором по кафедре «Расчет и конструкция точн. измер.приборов». Я имею свыше 10 научных трудов по моей специальности.

Начало Отечественной войны застало меня в Ленинграде, где я продолжал мою регулярную работу в ЛИТМО. 27 ноября 1941 г. моя жена Н.Я. Шишелова была убита снарядом на улице Дзержинского в Ленинграде, в результате чего я получил тяжелое нервное заболевание, сковавшее мои силы. Я лежал в постели почти до начала эвакуации института 14 марта 1942 года и выехал одновременно с институтом. На Ладожском озере силы окончательно оставили моего старшего сына Георгия, и я был вынужден оставить

его на попечение Сан.Пункта в Лаврове на берегу Ладожского озера. С этого момента я больше о нем, несмотря на все старания, ничего узнать не мог. С моим младшим сыном Владимиром я прибыл 6 апреля 1942 года в Кисловодск и жил сначала в больнице, затем в общежитии на Краснофлотской улице, а затем на частной квартире. Я не имел возможности покупать себе много продуктов питания, т.к. средства мои приходили к концу.

Я с трудом перемогался с деньгами, брал небольшие частные работы, чинил электронагревательные приборы и продавал носильные вещи.

Перед приходом немцев мне было предложено идти пешком с сотрудниками института и взять с собой минимум оставшихся вещей. Этого выполнить я не мог из-за больных ног, так как я с трудом ходил только с палкой. И там мне пришлось волей – неволей остаться в Кисловодске.

С приходом немцев я долго был без работы и не хотел работать с немцами, но нужда требовала свое, и под конец с 22 окт. 1942 года я вынужден был идти на работу в качестве технич. переводчика на Пятигорский моторемонтный завод, где я выполнял исключительно техническую работу и оставался до 1 января 1943 года. Немцы начали отступать с Кавказа, и мне было приказано отправляться в Таганрог. Мне удалось устроиться на поезде, который меня довез дальше Таганрога, до селения Хартница на Днепре, куда я прибыл в конце января 1943 г. Там было очень плохо с питанием, и я решил переехать в Киев, но сделать мне этого не удалось, и я был принудительно отправлен в Германию (точнее в Австрию) 28 февраля 1943 года.

Трудно представить себе все то грубое обращение, которому мы подвергались в пути, и все те лишения и трудности, которые пришлось преодолеть, не говоря уже о питании.

После нескольких санпропускников мы были помещены в воинский лагерь и оттуда получили направление на работу, я – механиком, а сын – вспомог. рабочим. Квартиры не дали и мы ночевали вместе с бродягами, нищими и беспризорниками в ночлежном доме.

Дальше так не могло продолжаться, и Арбейтсамт (Биржа труда – ред.) направил меня с сыном в тех же ролях в фирму Эллин, где не хотели верить ни моему образованию, ни моим дипломам, заявили мне, что мои дипломы фальшивые, и заставили выполнять самую черную работу по уборке мастерской, по пересылке служебной корреспонденции, по заполнению и опорожнению от масла больших масляных выключателей. Сын работал в чугунном складе, и врач обнаружил у него туберкулез. Через Австрийский союз инженеров и

НАШИ ВЕТЕРАНЫ:
они трудились в нашем вузе

архитекторов 15.01.44 г. мне удалось с большими трудами вырваться из ненавистного лагеря и фирмы где нас так мучили, и я поступил на должность мастера в Инженерный Техникум (школа), где я выполнял фактически должность кладовщика, выдавая в мастерские напильники, сталь и железо. В этой школе я был до

15.01.45 года. Одновременно сын поступил на работу учеником садовника в садоводство города Вены, где и пробыл до прихода русских войск.

Травля со стороны директора завода Эллин во время моей работы так и не прекращалась все время. Дело о моем «шпионстве» было переслано в Берлин, меня несколько раз приглашали в различные следств. органы и в результате всего по приказу из Берлина направили в обязательном порядке в Мизолштадт, где отборочная комиссия нашла возможность дать мне австрийское гражданство. Я никакими правами не пользовался, никаких прерогатив не имел, ни в полиции, ни в организациях партий неонацистов, СС, СД и ни в каких группировках не состоял. В армии, в войсках СС не служил. Я не признаю никакого другого гражданства, кроме Советского, и остаюсь беспартийным большевиком.

Жил я в то время в доме Авст. инженеров с сыном в чердачной комнатке пятиэтажного дома, числясь сторожем пожарной охраны. Комнату или квартиру в Вене найти было невозможно, и другого выхода не было.

Я был и остался честным советским человеком, не был ни предателем, ни палачом, я тяжело наказан судьбой, лишившей меня жены и сына, но у меня есть твердая уверенность, что привычная работа в ИТМО сделает из меня снова полноценного советского работника.

11.07.1945 Лавр. Шишелов

ГЛАВА 5

ВОСПОМИНАНИЯ ВЕТЕРАНОВ ИНСТИТУТА ХОЛОДА И БИОМЕДИЦИНСКИХ ТЕХНОЛОГИЙ

*А. МАСЛЯКОВ
заведующий лабораторией
кафедры радиоприемных и радиопередающих устройств*

НАШИМ ЮНОШАМ

В этот день, что всех праздников краше,
Поздравляя советских бойцов
Мы желаем всем юношам нашим
Быть достойными их отцов!

Мы желаем вам всем здоровья,
Счастья в жизни, успехов в труде,
В мирных буднях – душа горенья
Чтоб не быть никогда войне!

*Впервые опубликовано в газете «Кадры приборостроению»
№ 6 (583), 21 февраля 1968 года*

ПРЕДИСЛОВИЕ

Материал, собранный в данной главе, - это мнения очевидцев, в меру своих сил и возможностей, участвовавших как в великих, так и малых событиях двадцатого столетия. Самым большим событием нашего века явилась Вторая мировая война и ее составляющая, Великая Отечественная война советского народа против немецко-фашистских захватчиков.

Советский народ, поднявшийся на защиту своего отечества, выполнил вместе с тем общемировую задачу, спасение нашей планеты от фашистской чумы. Наш народ не в первый раз спасает народы мира от ненавистных захватчиков: в средние века это были татаро-монгольские орды, а в наше время — фашистские поработители.

Во время тяжелейших испытаний, выпавших на долю нашего народа, он поднимался во весь свой могучий рост и наносил сокрушающие удары по врагу. Так было в древние времена, так было в начале 17 века, когда польские захватчики заняли Москву, так было в начале 19 века во время Отечественной войны против полчищ Наполеона.

Одной из иллюстраций к сказанному, например, является известное заявление поэта В.А. Жуковского, которое он сделал в 1812 году, вступая в ряды народного ополчения: «Я записался не для чина, не для креста, а потому, что в это время всякому должно было быть военным, и даже не имея охоты». Подвигами нашего народа гордится все прогрессивное человечество. С годами подвиг героев не меркнет, и новые поколения дают достойную оценку мужеству, самопожертвованию и героизму участников войны. На героических примерах прошлого следует воспитывать настоящее. Ведь известно положение: «Тот, кто забывает прошлое, не имеет будущего».

Героическая победа советского народа в Великой Отечественной войне складывалась из великого множества ратных и трудовых дел наших людей, как на передовой линии огня, так и в тылу по ту или другую сторону от фронта.

Представленные в этой книге воспоминания ветеранов войны и тружеников

НАШИ ВЕТЕРАНЫ: они трудились в нашем вузе

тыла являются небольшими составляющими той большой картины, которая имела место в 30-ые и 40-ые годы в нашей стране. Эта картина должна все время пополняться трудами участников величайшей битвы между добром и злом, светом и тенью, любовью и ненавистью.

Известный писатель Константин Симонов, обращаясь к ветеранам, просил их написать о том, что они делали в это историческое время, чтобы то золото, которое находится в их памяти, не рассеялось по ветру, как пыль. В какой-то степени этот сборник и является ответом на призыв писателя.

В книге представлены материалы фронтовиков, бывших студентов нашего института. Одни из них до начала войны успели получить диплом, повоевали и затем, демобилизовавшись, трудились в различных организациях; другие ушли на фронт со студенческой скамьи и только после войны заканчивали учебу в институте и начинали свой трудовой путь.

В главу включены воспоминания фронтовиков, которые пришли в институт после демобилизации из вооруженных сил и активно участвуют в учебно-воспитательном процессе, готовя корпус инженеров холодильщиков, криогенщиков, специалистов по системам кондиционирования воздуха, оборудованию и технологии пищевых производств, торговли и общественного питания.

В.Н. Филаткин

*Заслуженный деятель науки и техники РСФСР,
доктор технических наук, профессор,
ректор Ленинградского технологического института
холодильной промышленности,
Академик международной академии холода.
Участник Великой Отечественной войны.*

ФИЛАТКИН ВЛАДИМИР НИКОЛАЕВИЧ

Родился в деревне Синий Колодец Мещовского района Калужской области. В 1934 году поступил в Ленинграде на рабфак, а в 1936 году в Ленинградском институте холодильной промышленности, который окончил в 1941 году.

29 июня 1941 года добровольно вступил в ряды Красной Армии и с 15 августа 1941 года до мая 1945 года находился на фронтах Великой Отечественной войны. Воевал на Северо-Западном направлении, Калининском, Юго-Западном, Степном, 2-м Украинском фронтах. С боями прошел Ленинградскую, Новгородскую, Сталинградскую, Ростовскую области, а затем Украину, Молдавию, Румынию, Венгрию, Чехословакию, Австрию. Был тяжело ранен, лечился в восьми госпиталях. В августе-сентябре 1945 года в составе войск Забайкальского фронта воевал в Японии. За выполнение боевых заданий награжден шестью орденами, пятью медалями.

В сентябре 1946 году демобилизовался и вернулся в институт, где работал ассистентом, доцентом, профессором. Был ректором института с 1960 по 1969 год. Заведовал кафедрой теоретических основ тепло- и хладотехники с 1981 по 1999 год.

В 1958 году защитил кандидатскую диссертацию, а в 1971 году – докторскую. В 1961 году ему было присвоено ученое звание доцента, а в 1973 году – профессора.

В.Н. Филаткин является крупным ученым в области теоретических основ

тепло- и хладотехники. Он сформулировал новое научное направление в теплохладотехнике, позволяющее установить общие закономерности физических процессов, протекающих в аппаратах с непосредственным контактом обменивающихся энергией сред. Одним из результатов работы являлось создание рациональных методов проектирования и эксплуатации таких аппаратов.

В 1991 году В.Н. Филаткину присвоено почетное звание «Заслуженный деятель науки и техники РСФСР». В 1993 году он избран академиком Международной академии холода.

Будучи председателем оргкомитета, проводил всесоюзные, республиканские и региональные научно-технические конференции. Два раза избирался депутатом Фрунзенского районного Совета. Работал в республиканских и общесоюзных НТО и комитетах.

За боевые и трудовые подвиги награжден орденами:

Красного Знамени, Отечественной войны I и II степеней, Красной Звезды, Трудового Красного Знамени; медалями: «Звезда Вернадского» I степени, «За заслуги перед Отечеством» II степени, «За трудовое отличие», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.», «За победу над Японией», «За освобождение Праги», «За взятие Будапешта», «За взятие Вены» и другие.

В.Н. ФИЛАТКИН

БОЕВОЙ ПУТЬ ПРОФЕССОРСКО-ПРЕПОДАВАТЕЛЬСКОГО СОСТАВА

Многие студенты, преподаватели и сотрудники Ленинградского института холодильной промышленности (ЛИХП) и Ленинградского химико-технологического института молочной промышленности (впоследствии эти вузы были объединены – ред.) с первых дней Великой Отечественной войны ушли на фронт, сражались с врагом.

Студент ЛИХП В.Н. Базовский храбро воевал на разных фронтах. После демобилизации он возвратился в институт и продолжал учёбу, был избран секретарём партийного бюро института. В 1947 г. В.Н. Базовский успешно окончил институт и с тех пор находится на партийной работе. В настоящее время он первый заместитель заведующего отделом ЦК КПСС.

На многих фронтах войны прошел боевой ратный путь, имел тяжелое ранение бывший секретарь комсомольской организации Холодильного института В.Н. Филаткин, ректор института, а в настоящее время профессор, зав. кафедрой теоретиче-

ских основ тепло- и хладотехники.

Всю войну был на фронте Г.Б. Чижов. После войны он защитил докторскую диссертацию, стал профессором кафедры общей и холодильной технологии, был проректором института по научной работе.

В рядах Советской Армии всю войну находился Н.А. Головкин. После войны – он снова в институте. С 1946 по 1979 г. заведовал кафедрой общей и холодильной технологии, профессор, заслуженный деятель науки и техники РСФСР, лауреат Государственной премии СССР.

С осени 1941 г. на Ленинградском фронте воевал аспирант ЛИХП Е.С. Курылёв, был тяжело ранен в боях под Выборгом. После демобилизации Е.С. Курылёв защитил кандидатскую, а затем докторскую диссертации, стал профессором, зав. отраслевой лаборатории кафедры холодильных установок, заслуженным деятелем науки и техники РСФСР.

Славный путь связиста артиллерийского полка 3-й дивизии народного ополчения в 7-й отдельной армии прошел студент Холодильного института Э.И. Гуйго. Только после войны он окончил институт, ныне – профессор кафедры теоретических основ тепло- и хладотехники, заслуженный деятель науки и техники РСФСР.

Студент III курса ЛИХП В.Н. Шувалов на фронте был коман-

диром отделения взвода разведки отдельного лыжного батальона. После войны окончил институт. Ныне он профессор кафедры торгово-технологического оборудования.

С момента создания ЛИХП преподавателем кафедры высшей математики работал П.П. Юшков. На фронте он командовал взводом в полковой артиллерии, имел тяжелое ранение. После войны – он снова в институте, профессор, зав. кафедрой высшей математики.

Выпускник института С.С. Будневич во время войны прошел путь от рядового до майора, помощника начальника артиллерийского полка. После демобилизации в 1946 г. непрерывно работает в институте. Сейчас – профессор кафедры криогенной техники.

Ещё до войны в институте преподавателем кафедры марксизма-ленинизма работал Д.Г. Куцентов. В качестве политработника он всю войну был на фронте. Сейчас – профессор кафедры истории КПСС.

Сотрудник института с 1935 г. Н.В. Новотельнов во время войны был начальником химической службы полка. После войны вернулся в институт и был профессором и зав. кафедрой микробиологии и биохимии.

Дорогами войны прошёл М.М. Голянд. Он в 1938 г. окончил ЛИХП и был оставлен работать в институте. После войны вернулся в

институт в звании капитана. Ныне – доцент кафедры холодильных установок.

Командовал на фронте огневым взводом артдивизиона бывший зам. декана механического факультета ЛИХП В.В. Лутковский. Он 25 июня 1941 года защитил кандидатскую диссертацию, а 26 июня добровольцем пошёл на фронт воевать. После войны – доцент кафедры холодильных установок.

Студент ЛИХП К. Стукаленко во время войны был на Ленинградском фронте, командовал артиллерийским орудием. После войны окончил институт, сейчас ст. преподаватель кафедры холодильных машин.

Выпускник Холодильного института И.Г. Алямовский на фронте сражался в качестве рядового артиллерийской части, имел ранение. Сейчас он профессор, зав. кафедрой общей и холодильной технологии пищевых продуктов.

Студент и комсомольский активист Молочного института Н.Г. Алексеев дважды прерывал учёбу в институте. В 1940 г. во время советско-финского конфликта он добровольцем ушёл в студенческий лыжный батальон, а когда началась Великая Отечественная война, он снова добровольцем идёт на фронт и сражается в народном ополчении. На фронте получает ранение. Только в 1947 г. Н.Г. Алексеев окончил институт. Сейчас он доцент кафедры

технологии молока.

До войны преподавателем химии в Молочном институте работал Б.В. Озимов. В начале войны он добровольцем вступил в 76-й истребительский батальон в Пушкине, а потом служил в минометном полку на Ленинградском фронте, был контужен. После войны вернулся в институт, был доцентом и зав. кафедрой общей, аналитической и неорганической химии, деканом технологического факультета.

Всю войну находился в Советской Армии аспирант, а потом доцент Молочного института Ф.М. Тарасов. Был командиром батальона, который в числе других армейских подразделений обеспечивал успешную работу легендарной «Дороги жизни» на Ладоге.

Преподаватель Молочного института, коммунист с 1920 г., участник гражданской войны Т.А. Боушев в конце июня 1941 г. ушёл в армию, где всю войну был на политработе. С 1946 г. он снова в институте, защитил кандидатскую диссертацию, стал доцентом ТОПП, много лет был деканом механического факультета, а затем вечернего и заочного факультетов.

В звании майора закончил Отечественную войну доцент кафедры деталей машин, член КПСС с августа 1917 г., участник Октябрьской революции и гражданской войны Н.И. Гордеев.

Всю войну был на фронте, имел тяжелое ранение, стал инвалидом войны офицер П.М. Алексеев – ныне зав. студенческими общежитиями.

В качестве командира взвода был на фронте, получил тяжелое ранение, стал инвалидом войны В.Г. Марков, доцент кафедры теоретической механики.

В учебно-производственных мастерских института с 1938 г. работает слесарем Н.А. Кисс. Он активный участник Великой Отечественной войны, на фронте был старшим сержантом отдельного инженерно-саперного батальона, имел тяжелое ранение.

В институте работает много участников Великой Отечественной войны. На различных фронтах воевали преподаватели и сотрудники института: В.И. Беляев, доцент кафедры истории КПСС; М.Д. Боголюбов, доцент кафедры иностранных языков; В.В. Гаевский, проректор института; М.Г. Демин, преподаватель кафедры высшей математики; В.Г. Дидура, руководитель производственной практики; В.С. Евтюхов, сотрудник кафедры общей холодильной технологии; И.Е. Елисеев, сотрудник кафедры физвоспитания; Н.А. Игнатов, доцент кафедры графики; Г.В. Каневец, ст. преподаватель кафедры физвоспитания; Н.Н. Клинушин, рабочий учебно-производственных мастерских; Н.В. Крылов, проректор инсти-

тута; В.В. Костылев, зав. кафедрой сопротивления материалов; В.Н. Лепилин, зав. кафедрой процессов и аппаратов пищевых производств; С.М. Максимов, столяр учебно-производственных мастерских; Л.В. Майоров, ассистент кафедры политэкономии; Г.К. Муратников, слесарь учебно-производственных мастерских; С.М. Минин, доцент кафедры философии и научного коммунизма; Н.П. Назимов, зав. отраслевой лабораторией кафедры автоматики и автоматизации производственных процессов; Н.И. Нетужилов, ст. научный сотрудник кафедры холодильных машин; В.А. Пономарёв, доцент кафедры высшей математики и вычислительной техники; С.И. Прусов, рабочий хозяйственной части; Г.М. Прохошин, сотрудник военной кафедры; А.В. Ротгольц, зав. кафедрой иностранных языков; И.С. Сазонов, доцент истории КПСС; Б.И. Сирота, доцент ФПК; М.Е. Смирнов и И.С. Страхов, доценты кафедры автоматики и автоматизации производственных процессов; В.А. Тейдер, доцент кафедры холодильных установок; М.Е. Томилов, доцент кафедры технологии металлов; Е.Л. Федотов – доцент кафедры холодильных установок, декан факультета холодильной техники; В.И. Шаробайко, зав. кафедрой органической химии и биохимии; Н.А. Штынкин, методист учебной части; В.М. Фоменко,

НАШИ ВЕТЕРАНЫ: они трудились в нашем вузе

сотрудник кафедры общей холодильной технологии; С.В. Харламов, зав. кафедрой торгово-технологического оборудования; Л.Д. Чернолуцкий, доцент ФПК; С.И. Яновский, доцент кафедры холодильных установок; Г.М. Яковлев, доцент кафедры автоматизации и автоматизации производственных процессов.

Участвовали в боях в составе Военно-воздушных сил и воздушно-десантных войск: С.А. Богатых, зав. кафедрой ТОБиТ; А.В. Балберов, доцент ФПК; А.Ф. Веприков, ст. методист учебной части; В.П. Малышев, доцент кафедры сопротивления материалов; Р.Н. Шестов, доцент кафедры технологического оборудования пищевых производств.

Из числа преподавателей и сотрудников института в период войны участвовали в боях с врагом и выполняли ответственные оборонные задания в составе Военно-морских сил: И.В. Белов, сотрудник кафедры физики; В.С. Белобородый, зав. кафедрой теоретической механики; С.М. Бунин, ст. преподаватель кафедры физики; Г.Г. Барщевский, зав. кафедрой электротехники; М.Б. Гаврилов, учебный мастер кафедры металловедения; Б.М. Гензель, доцент кафедры сопротивления материалов; Н.В. Грязнов, доцент кафедры электротехники; С.П. Дмитриев, начальник учебной части; Б.М. Курышев, доцент

кафедры философии и научного коммунизма; А.Ф. Печников, доцент кафедры деталей машин; И.Д. Понявин, доцент кафедры высшей математики; Н.В. Солнцев, профессор кафедры физики; В.Н. Языков, профессор кафедры кондиционирования воздуха.

Участвовали в боях по разгрому империалистической Японии: М.Г. Марков, зав. подготовительными курсами; И.А. Крынин, сотрудник учебной части; Г.И. Янкин, зав. кабинетом марксизма-ленинизма; Е.И. Янкина, сотрудник библиотеки и др.

Бывший зав. кафедрой истории, профессор В.П. Самухин в 1941-1944 годах воевал в тылу врага на территории Ленинградской области, был командиром партизанского отряда, а потом начальником штаба 11-ой партизанской бригады.

Ныне работающая в должности ст. преподавателя кафедры иностранных языков А.С. Сухова в 17-летнем возрасте была разведчицей партизанкой бригады. Был в партизанском отряде в годы войны В.А. Кисс – сотрудник кафедры холодильных машин.

В годы войны медицинскими сестрами госпиталей были А.А. Смолкина, зав. кафедрой истории КПСС и Н.Г. Гринберг, работница УПМ; связистом в войсках ПВО служила М.И. Борисова, зав. учебной лабораторией кафедры

Преподаватели и студенты ЛИХП. 1945 год

электротехники.

Во время войны выполняли различные задания, связанные с обороной страны: А.П. Трояновский и П.М. Федоренко, доценты кафедры истории КПСС; К.Я. Шмалько, ст. преподаватель кафедры криогенной техники; В.С. Соловьев, преподаватель кафедры философии и научного коммунизма; И.В. Гришин, препода-

ватель ФПК; В.П. Давыдов, учебный мастер кафедры технологии металлов и металловедения.

Все преподаватели и сотрудники института, активные участники Великой Отечественной войны, за мужество и отвагу, за заслуги в защите социалистического Отечества в годы войны получили правительственные награды.

1981 год

АНДРИАНОВ АЛЕКСАНДР АНДРИАНОВИЧ

Идут годы. Время все дальше и дальше отодвигает дела и события нашей молодости, участниками которых мы были. Юность наша проходила в предвоенные и в годы Отечественной войны. Прошло столько лет и многое забылось. Однако сейчас хочется вспомнить и оценить наши дела и все ли мы сделали так, как нужно. Особенно вспоминаются наши студенческие годы. Это было прекрасное студенческое время — молодость, мечты, надежды. Мы учились в сложные 1936-1941 годы. Учеба в институте нас сплотила и сдружила.

В нашей большой учебной группе в основном были уже зрелые люди, окончившие рабфак, поработавшие на производстве. К учебе относились ответственно, учились старательно. Были у нас студенты круглые отличники и активные общественники, которые являлись примером для дру-

гих. Например, Михаил Кочеровской, Михаил Прасов, стипендиат имени М.И. Калинина Владимир Филаткин, который наряду с отличной учебой являлся секретарем комитета комсомола института, выступал с докладами и лекциями.

Прекрасный был профессорско-преподавательский состав института; особенно запомнились такие профессора, как К.И. Страхович, И.А. Сдинг, Н.Н. Семенов, П.П. Козьмин, И.И. Левин, И.Т. Кароткин, Ю.Н. Ловягин и другие. У каждого профессора был свой стиль чтения лекций они старались доходчиво донести материал до студентов.

В институте была хорошо организована художественная самодеятельность — большой хор, танцевальная группа. Исполнялись песни советских композиторов, русские народные песни и пляски,

старинные романсы. Цыганские пляски прекрасно исполнял Виктор Бабин. Музыкальное сопровождение игрой на баяне полностью осуществлял автор этих строк. Наша самодеятельность выступала на всех вечерах отдыха в институте, выезжала в подшефный колхоз, расположенный в районе станции Суйда, где мы также выступали с докладами и лекциями. Нас принимали восторженно.

В институте выпускалась, пользующаяся большой популярностью стенгазета «Холодная примочка». В ней отражались все стороны жизни студентов. В зимние каникулы студенты получали путевки в дом отдыха, который находился в районе станции Русановская. С середины июня 1941 года после защиты дипломных проектов многие из нас, окончивших институт, находились в этом доме отдыха. Веселились, мечтали, строили свои планы на будущее. Здесь и застал нас, молодых специалистов, день 22 июня 1941 года.

Началась Отечественная война.

В первые дни войны я вместе с другими укреплял и оборудовал подвал здания института под бомбоубежище. В начале июля 1941 года был призван в армию и направлен на краткосрочные курсы командного состава бронетанковых войск (ЛКБТКУКС). На этих курсах учились также только что выпущенные молодые специалисты нашего института В.А. Собелов,

А.Л. Ротин, М.И. Бать. До середины августа 1941 года мы учились в Ленинграде, затем эвакуировались в Магнитогорск, где продолжили учебу. В начале марта 1942 года мы окончили курсы, и нам было присвоено офицерское звание – лейтенант. Я получил направление в Челябинск в 22-ый учебный танковый батальон, где формировались боевые танковые экипажи. Получив танк на Челябинском тракторном заводе в апреле 1942 года, я, в качестве командира тяжелого танка «КВ», прибыл в действующую армию на Брянский фронт в 80-ую отдельную танковую бригаду 13-ой Армии.

На фронте в этот весенне-летний период немцы вели наступление. Здесь пришлось участвовать в тяжелых оборонительных боях в районе городов Верховье, Ливны и станции Короташ. Днем вели бои, а ночью вытаскивали с нейтральной территории подбитые танки, зачастую в них находились люди. В боях наша танковая бригада понесла большие потери и в танках, и в людях, но боевую задачу мы выполнили: наступление немцев на этом участке фронта было остановлено.

Затем бригада была направлена на переформирование под Москву, а боеспособные танки с экипажем переданы для пополнения в 129-ую отдельную танковую бригаду той же 13 Армии. Здесь оказался и я в каче-

стве командира танкового взвода. В этой бригаде я воевал до июля 1943 года в составе 13 Армии Брянского фронта. Находился и на переднем крае в обороне, и участвовал в боях местного значения, и в крупных операциях.

Вспоминается наше наступление в январе 1943 года по окружению большой группировки войск немцев в районе города Касторное, который являлся важным узлом железнодорожных и шоссейных дорог, имел большое значение для дальнейших Действий наших войск.

Накануне дня наступления мы, танкисты, под покровом ночи скрытно были подтянуты непосредственно к переднему краю обороны. Рано утром, после мощной артподготовки по переднему краю немцев, нашими войсками была прорвана линия обороны противника. Наша танковая бригада совместно с батальоном автоматчиков вошла в этот прорыв и форсированным маршем двинулась на Касторное. Был приказ, чтобы с отдельными мелкими группами немцев в бой не вступать, время на это не терять, стараться прорваться или обойти этот населенный пункт и ускоренно двигаться дальше. Как правило, немцы, увидев наши танки, разбегались. Только в одном большом селе Быково на пути нашего движения нас встретила огнем немецкая артиллерия и танки. После короткого боя мы

обошли это село и двинулись дальше. На второй день к полудню наша бригада подошла к городу Касторное.

Вслед за танкистами стали подходить к городу и пехотные части. Нашими танками была перерезана шоссейная дорога, по которой сплошным потоком отступали немецкие автомашины с личным составом и боевой техникой. Перерезана также была и железная дорога. На железнодорожной станции Касторное были подготовлены к отправке воинские эшелоны. К этому моменту с другой стороны города подошли части Воронежского фронта. Таким образом, Брянский и Воронежские фронты замкнулись и в кольцо оказалась большая группировка немецких войск с боевой техникой. Об этой успешной наступательной операции много с восторгом писали все центральные газеты.

В первом полугодии 1943 году в результате наступления наших войск по линии фронта образовалась Орловско-Курская дуга. Фронт на этом участке в это время в основном стабилизировался. Проходили отдельные перестрелки и передвижения. Наша 129-ая танковая бригада стояла во второй линии обороны в районе большого населенного пункта — крупной железнодорожной станции Поныри. Между прочим, в то время эти Поныри славились прекрасными яблоками.

В мае-июне 1943 года наш участок

Брянского фронта стал усиленно пополняться новыми войсковыми частями. К июлю 1943 года было сосредоточено большое количество войск и боевой техники. Чувствовалось, что предстоит большое сражение. Появились сведения, что немцы готовят здесь генеральное наступление.

5 июля 1943 года рано утром после длительной мощной подготовки немцы начали наступление. Прорвали переднюю линию обороны наших войск и при поддержке танков двинулись вперед в направлении на Поныри. Танкистам к полудню 5 июля был дан приказ выйти навстречу немцам и остановить их продвижение. Выйдя на исходные позиции и построившись в боевой порядок, мы двинулись в контратаку. Нас поддерживала самоходная тяжелая артиллерия. Вслед за нами шли наши автоматчики и пехотинцы. Завязался встречный бой. Немецкая артиллерия и танки открыли по нам сплошной огонь. В этих сражениях я командовал взводом тяжелых танков «КВ».

Дальнейшее продвижение немцев на этом участке фронта в направлении станции Поныри было остановлено. Мы понесли в этих боях большие потери, но боевая задача была выполнена. Я был тяжело ранен. С наступлением ночи стрельба поутихла, и меня раненого на легком танке Т 60 отправили с поля боя в тыл. Дальше на санитарной машине пере-

везли в полевой госпиталь. На второй день на санитарном самолете был доставлен в госпиталь город Елец, дальше - Рязань, Казань.

Следует отметить, что в то время на всех участках линии Орловско-Курской дуги шли ожесточенные бои. Об этих сражениях хорошо показано в первой серии кинофильма «Освобождение» - «Огненная дуга», который был выпущен в семидесятые годы. День Победы 1945 года я встречал в Ленинграде.

В начале июня 1945 года поступил на работу в Конструкторское бюро специального машиностроения (КБСМ), где проработал 39 лет вплоть до ухода на пенсию, прошел путь по должности от инженера -конструктора до начальника большого конструкторского отдела.

За создание новых образцов спец-техники и трудовые успехи награжден орденами «Трудового Красного Знамени», «Знак почета» и медалями. Имею авторские свидетельства на изобретения в области техники. Вручен почетный знак «Изобретатель СССР». За боевые заслуги, проявленное мужество при защите Родины в Отечественную войну, награжден орденами и медалями.

То, что было, все осталось в прошлом. Однако, вспоминая нашу молодость, оценивая и подводя итоги всего сделанного, следует сказать о том, что мы и учились хорошо, и

воевали так, как это нужно было для Победы, и на работе все дела делали с любовью, добросовестно, творчески.

Нынешней молодежи хотелось бы пожелать успехов в учебе, чтобы

их труд всегда был источником вдохновения, а от сделанного оставалось чувство удовлетворения.

1991 год

АНЦЕЛЕВИЧ АЛЕКСАНДР РАФАИЛОВИЧ

Было бы непозволительным старческим брюзжанием противопоставлять довоенную молодежь нынешней. Однако, относительное социальное равенство, более скромные возможности, тогдашнее представление о жизненных идеалах и ценностях больше способствовали созданию дружного коллектива.

Институт был для большинства из нас больше, чем просто учебное заведение. Придя в 1936 году на рабфак при институте, попал я в дружески настроенную обстановку, которая ставила каждого перед необходимостью воспринять многое и от многого избавиться. Мы все были разные, нас никто не стриг под одну гребенку. Для актива тех предвоенных лет характерным была отличная учеба и каждодневная жизнь интересами коллектива. Верная и бескорыстная дружба перерастала у многих из нас в привязанность и любовь на всю жизнь. Так стали спутниками жизни Толя Савочкин и Зина Ханина, Володя Базовский и Клава Мазурова, Кирилл Петров и Женя Иванова, Таня Чистова

и Юра Демидовский, Катя Рудницкая и Женя Четверухин, Надя Волкова и автор этих строк.

Активная жизнь в коллективе, отличная учеба, чувство ответственности за происходящее, давали комсомольской организации возможность рекомендовать в партию некоторых студентов. Следует вспомнить, что авторитет комсомольской и профсоюзной организаций в предвоенные годы может быть справедливо связан с именами сначала Володи Смирнова (участника войны, крупного инженера в послевоенные годы). Надежды Тур (крупного профсоюзного деятеля в послевоенные годы), Васи Кармановского (в послевоенные годы капитана 1-го ранга) и Володи Филаткина, ныне доктора технических наук, профессора, заслуженного деятеля науки и техники РСФСР, академика международной академии холода.

Студенты института в описываемый период жили полнокровной жизнью. Была хорошая самостоятельность с признанными исполнителями

Таней Чистовой, Женей Мамаевым, Лешей Галяткиным, Кирой Пинсс. Многие студенты и педагоги принимали активное участие в физкультурно-спортивных мероприятиях, активно работали в ДСО «Буревестник», в спортивных секциях: футбольной, волейбольной, баскетбольной, легкоатлетической, зимних видах спорта. Имена студентов Валентина Янушевского, Славы Жебокрицкого, Бориса Абрамова, Славы Соболева, Ивана Степанова, Алексея Селиванова, Зины Хохулиной, Тони Кудрявцевой были широко известны не только в институте, но и среди спортивной общественности города.

Выходила сатирическая газета «Холодная примочка» и стенная газета, где широко освещалась студенческая и институтская жизнь, как положительные, так и отрицательные моменты деятельности.

Комсомольской и профсоюзной организациями велась большая и целеустремленная работа в общежитиях. Работа там, как бы являлась продолжением сплочения коллектива. Не все шло гладко. Были и срывы в поведении, ссоры и выпивки. Однако сила

коллектива была доминирующей.

Как и для всей страны, грозной и всеобъемлющей проверкой каждого, стала Великая Отечественная война. О войне написано много. Очевидно, что и дальше эта тема найдет продолжение. В этих кратких воспоминаниях о годах, которые удалены от нас на 55-60 лет, хотелось показать те предпосылки, которые и сделали моих товарищей честными тружениками фронта и тыла. Имена павших написаны золотом на стелле, установленной в вестибюле второго корпуса вуза. Долгая и крепкая дружба оставшихся в живых свидетельствует о том, что подавляющее число студентов тех далеких лет были, а живые и остаются, людьми долга и чести.

Автор этих строк ушел добровольцем в числе политбойцов. Прошел путь от красноармейца до гвардии капитана. Участвовал в боях на Северо-западном направлении, Калининском и Белорусских Фронтах. Был дважды ранен. Закончил войну под Кенигсбергом.

Награжден орденами и медалями. Одной из главнейших моих наград считаю дружбу, идущую с тех студенческих и боевых лет.

АЛЕКСЕЕВ НИКОЛАЙ ГЕОРГИЕВИЧ

Родился я в семье учителей сельской школы. В 1928 году с родителями переехал в Смоленск, оттуда, закончив

в 1938 году среднюю школу, уехал в Ленинград и поступил в наш институт. Тогда он назывался Ленинградским

химико-технологическим институтом молочной промышленности и находился в городе Пушкине.

Учеба в институте была прервана из-за начала Финской кампании. 40 студентов нашего института (лучших лыжников) по призыву ЦК ВЛКСМ и ЛВО добровольно вступили в 100-ой отдельный лыжный батальон. В их числе был и я. Наш взвод участвовал в боях на Выборгском направлении Карельского перешейка. Лыжники проявили мужество и отвагу, за что 8 человек были награждены боевыми орденами и медалями. Но были не только успехи, но и потери. За 21 день боев были выведены из строя 27 наших студентов, из них 9 пали смертью храбрых.

После окончания боевых действий мы вернулись в институт. Но учиться пришлось недолго. Через год началась Великая Отечественная война. В первые же дни войны бывшие участники боев с белофиннами снова добровольцами вступили в ряды Красной Армии. Мне и многим моим товарищам пришлось воевать в составе 2-ой дивизии народного ополчения Московского района города Ленинграда.

Утром 14 июля 1941 года 1-ый стрелковый полк этой дивизии прибыл на станцию Веймарн, и на исходе этого же дня мы вступили в бой с передовыми частями фашистов у деревни Ивановка, но добиться

успеха в наступательных действиях не удалось. Ночью противник подтянул танки, артиллерию и рано утром 15 июля начал наступление на наши позиции. У нас ощущался острый недостаток в винтовочных патронах, мало было пулеметных лент, не было противотанковых гранат и бутылок с зажигательной смесью для борьбы с танками. Слабо вооруженная и, в основном, не обученная масса не выдержала атаки превосходящих сил противника, поддержанных танками и артиллерией. Поднялась даже паника. Послышались крики: «Окружают!». И мы отступили, даже не отступили, а позорно бежали на окраину села Среднего, в 8 километрах от станции Веймарн. Здесь спешно был организован рубеж обороны, приготовили связки ручных гранат для борьбы с танками на случай прорыва.

На нашем участке создалось критическое положение. Это понимал каждый. Рано утром на броневике приехал командующий фронтом маршал К.Е. Ворошилов. На лесной полянке собрались ополченцы. С горькими и справедливыми упреками обратился к нам Климент Ефремович, крепко ругал за вчерашнее паническое отступление. Стыдно было нам за свое позорное отступление. В заключение он отдал приказ: возвратить утраченные позиции, выбить немцев из д. Ивановка и отбросить их за реку Лугу.

Быстро были проведены необхо-

димые переформирования, подтянуты танки, артиллерия и в тот же день мы выбили фашистов из с. Среднего, очистили лес и подошли почти вплотную к д. Ивановке, но взять деревню так и не смогли. Противник огнем своей противотанковой артиллерии, размещенной в деревне, подбил несколько наших танков, сильным огнем из пулеметов, автоматов и минометов заставил нас залечь в поле у деревни. Все наши попытки подняться в атаку не привели к успеху. Однако, на этот раз мы не отступили, не отступили и на другой день, отражая контратаку противника. Каждый понимал, что отступать нельзя, позади Ленинград.

В этих боях я был ранен, а после

излечения в конце августа 1941 года вместе с группой ополченцев, лечившихся после ранения в госпитале города Сарапула, возвращался в Ленинград. Трудный это был путь. Достаточно сказать, что добирались мы до Ленинграда 18 суток! Усталые и голодные, на станции Волховстрой узнали, что последняя железная дорога, связывающая Ленинград со страной, перерезана фашистскими войсками где-то в районе станции Мга. Добраться до блокированного Ленинграда помог случай. Еще ходили суда по Ладожскому каналу. Этим путем мы и воспользовались. Буксир «Курск», на который мы попали, делал последний рейс в Ленинград. Двигались по каналу в основном ночью, опасаясь бомбежки и обстрела самолетов. На рассвете 2 сентября 1941 года были уже в городе.

Ленинград стал неузнаваем. Окна домов заклеены крестообразно полосками бумаги. Витрины магазинов заложены мешками с песком. Памятники либо сняты, либо укрыты в деревянные саркофаги. Только памятник Суворову у Кировского моста не был укрыт. Бог войны! Финляндский вокзал был переполнен. Женщины, дети, старики надеялись на эвакуацию, но пути на восток уже не было. Ленинградцев как будто подменили, обычно спокойные и неторопливые, они вдруг стали серьезными, куда-то спешащими и неулыбчивыми.

На стенах домов плакаты, призывы: «Враг не пройдет», «Родина-мать зовет», «Все силы на разгром врага!» На углу Невского и Малой Садовой улицы огромный плакат — известное письмо Джамбула: «Ленинградцы — дети мои...»

Я приехал в город Пушкин в институт (бывший молочный). Мне полагалось 10 дней отпуска по прибытии к месту формирования, т.е. в военкомат. Мне выдали продовольственные карточки и стипендию. Кроме меня в институте собрались еще несколько студентов-ополченцев. Стали думать, что делать? Как попасть в свою часть? Но никто не знал и не ведал, где эта часть находится. А в Пушкине уже была слышна артиллерийская канонада. В небе над городом почти всегда летали немецкие самолеты.

Большую часть времени я проводил на крыше общежития, оттуда хорошо был виден Ленинград, воздушные бои и разрывы зенитных снарядов. Вечером над Ленинградом поднимались аэростаты заграждения, дабы защитить город от ночных бомбардировок. Но защита эта была не эффективной.

Утром 6 сентября большая группа фашистских самолетов после нескольких попыток все-таки прорвалась в Ленинград. Началась бомбежка. Весь горизонт был затянут черной пеленой дыма, были видны языки пламени.

Казалось, горел весь Ленинград. Невозможно было смотреть, слезы застилали глаза... Собственное бессилие было невыносимым. Позднее узнали, что бомбили Бадаевские склады, где были сосредоточены основные продовольственные ресурсы города. Долго еще продолжался этот страшный пожар — преддверие голода.

Не дождавшись окончания отпуска, я поехал вместе со своим другом Борей Тупиковым в Ленинград на улицу Карла Маркса, дом 65, где в старинных казармах размещалась 36-ая стрелковая бригада. Эта бригада собирала разрозненные группы солдат и офицеров, формировала маршевые роты и направляла на фронт. Через пару дней и я, вместе с Борей Тупиковым, был направлен в 12-ой танковый полк тяжелых танков, расположенный на территории Политехнического института. Началась учеба на механика-водителя танка «КВ». Я стал служить в 12-ом ОЗПТТ заместителем политрука в учебной роте механиков-водителей тяжелых танков. Потянулись трудные дни блокады Ленинграда

Полк был запасной. Норма продовольствия ополченцам в то время была почему-то установлена ниже рабочих и ниже военных. От истощения не было сил не только заниматься на танках, но и просто ходить. Когда проводили учебу, было жутко смотреть на танки-

стов, которые едва доплетались до танка, а подняться на него просто не могли, не было сил. Я тогда вел дневник, записи вел почти каждый день в 1941-42 годах. Теперь их страшно читать. Мы, бойцы, защитники города, разделили полностью судьбу жителей блокадного города.

Надо сказать, что, будучи ослабленными, бойцы с интересом воспринимали занятия, которые я проводил. Выпускали мы и боевые листки и стенгазеты, читали книги. От систематического недоедания развилось сильное истощение, началась цинга, и я попал в госпиталь 5 февраля 1942 года - дистрофия последней степени. Надежды на выздоровление не было. Спасло чудо - сыр. Кусочек сыра, съеденный мною, единственное, что принял мой безнадежный организм. Весь свой паёк менял на сыр. И я стал выздоравливать. В дальнейшем, видимо из благоговейного отношения к сыру - спасителю, я стал вести курс «Сыроделие» и с большой любовью делал это.

В госпитале, когда уже немного окреп, помогал всем, чем мог: проводил политзанятия, выпускал стенгазету, что-нибудь чинил.

После госпиталя был направлен в маленькую воинскую часть 21-ую подвижную снарядительную мастерскую (ПСМ). Часть располагалась на станции Мурино в казачьих казармах. Мастерская представляла

собой 10-ти вагонный состав, оборудованный сквозным конвейером и оборудованием для сборки боеприпасов. В блокированном Ленинграде на заводах изготавливались все составляющие для них, но не было базы для их сборки. Первую ПСМ доставили в Ленинград в сентябре 1941 года из Нежина в сопровождении obsługi: бойцов и специалистов. Бойцы постепенно ушли на фронт и их заменили в основном девушки-комсомолки, многие из них студентки химико-технологического института (здесь же готовили и специалистов-пиротехников). Они считались сначала вольнонаемными, но после того, как стали выполнять план на 200-300%, в декабре 1941 года, их сделали военными. Труд этот был чрезвычайно тяжел. Они собирали артиллерийские боеприпасы «выстрелы», как их называют артиллеристы (зенитные, танковые, противотанковые и др., а также заряды для пушек и гаубиц). Готовые «выстрелы» весили до 16 килограмм.

Голодные, плохо одетые бойцы этой части работали в вагонах мастерской по 14-16 часов в сутки, собирая по 8-12 тысяч «выстрелов». Насколько интенсивен был этот труд, говорит тот факт, что за два года войны оборудование мастерской было полностью изношено и пришлось в 1943 году в труднейших условиях блокированного Ленинграда оборудовать новую

мастерскую, насыщенную сложными механизмами для сборки боеприпасов.

Командование дало всего три дня для перевода сложного и опасного производства в новую мастерскую. Я тогда исполнял обязанности главного механика мастерских. Как нам удалось все сделать за два неполных дня?! Все понимали что фронту нужны боеприпасы и за каждый день простоя фронт не получит несколько тысяч «выстрелов». И это прибавляло силы, удесятеряло энергию. За выполнение этой важной для фронта работы в числе других товарищей и я был награжден медалью «За боевые заслуги». Значение ПСМ для Ленинградского фронта было огромно. В часть приезжал генерал Говоров. Когда увидел девушек-бойцов, работающих в столь тяжелых условиях, спросил: *«Чем наградить вас, девушки, за ваш труд?»* Одна из них, посмелее, сказала, что нужно мыло и лампочки. Просьба девушек была удовлетворена.

В части я был старшиной мужской роты. В этом звании закончил войну. После окончания войны с Германией нашу ПСМ перебросили на Дальний Восток, так как началась война с Японией. Личный состав мастерской не был демобилизован. Мастерская была доведена до станции Асино (Томский железнодорожный «ус»). Однако для работы ПСМ не разворачивалась.

К счастью, война с Японией закончилась быстро, и 4 октября 1945 года я демобилизовался для продолжения учебы на 4 курсе института. В 1946 году прошел преддипломную практику в Германии, а в 1947 году успешно закончил институт и был оставлен ассистентом на кафедре технологии молока Ленинградского технологического института холодильной промышленности. Защитил в 1966 году кандидатскую диссертацию, в 1968 году получил звание доцента. Работал в институте до 1992 года.

БАРЩЕВСКИЙ ГЕОРГИЙ ГРИГОРЬЕВИЧ

Профессор, доктор технических наук, Заслуженный деятель науки и техники Российской Федерации, известный специалист в области специального и сверхпроводникового электрооборудования. С 1977 по 1987 год заведовал кафедрой электротехники Ленинградского технологического института холодильной промышленности. Автор нескольких десятков научных трудов и изобретений.

ВОСПОМИНАНИЯ

В 1939 году я окончил рабфак при Московском рыбном институте и по рекомендации Свердловского райвоенкомата города Москвы уехал в Ленинград для поступления в ВВМИОЛУ им. Ф.Э. Дзержинского. Сдал вступительные экзамены и был зачислен курсантом электротехнического факультета. В период финской кампании проходил практику на крейсере «Коминтерн» Черноморского флота.

К 1941 году чувствовалось приближение войны с Германией. Весной 1941 года курсанты училища в ночное

время привлекались военкоматом для вручения военнообязанным повесток о призыве в армию. Говорили и писали в газетах о переброске наших войск из Сибири к западной границе, В начале июня были столкновения на острове Ханко.

В субботу 21 июня 1941 года я сдал последний экзамен за 2-ой курс и на следующий день с группой курсантов должен был уехать на главную базу Балтийского флота город Таллин для прохождения практики на линкоре «Марат». Ночь с 21 на 22 июня прошла беспокойно. Над городом периоди-

чески, особенно под утро, летали самолеты. Утром по приказанию начальника училища инженер-капитана 1-го ранга М. Крупского всем курсантам было приказано носить с собой противогазы. Объясняли это тем, что начались учения Ленинградского военного округа. И только в 12 часов дня по радио выступил В.М. Молотов. Из его выступления стало ясно, что на нашу страну напала Германия. Он сообщил, что в первую ночь бомбардировке были подвергнуты многие города страны, в том числе Рига, Вильнюс, Киев, Одесса, Севастополь и др.

В связи с началом войны я был направлен на практику не на линкор «Марат», а на учебный корабль «Комсомолец», который стоял на якоре под Кронштадтом. С борта корабля было видно, что вход в Кронштадт был перекрыт полузатопленным судном, которое шло из Ленинграда в один из портов Прибалтийских республик, и было затоплено в ночь на 22 июня. Это был диверсионный акт. Через несколько дней полузатопленное судно было отбуксировано, и вход в Кронштадт был разблокирован.

По приказу народного комиссара ВМФ адмирала Н.Г. Кузнецова курсанты ВВМИУ им. Ф.Э. Дзержинского, проходившие практику на Балтийском флоте, были сняты с кораблей. Часть их была направлена под Ленинград в истребительные батальоны для

борьбы с диверсантами, а другая часть в училище, которое срочно готовилось к эвакуации в город Горький. Таким образом, училище им. Ф.Э. Дзержинского в августе 1941 года оказалось в пос. Правдинск, вблизи города Горький. Из училища срочно были выпущены дипломники и курсанты 4-го курса. Вскоре отправили младшими командирами на сухопутный фронт часть курсантов 2-го курса.

Из оставшихся в училище курсантов и офицеров в октябре 1941 года была сформирована отдельная морская бригада. Командиром бригады был назначен начальник училища инженер-капитан 1-го ранга М. Крупский. Морская бригада была включена в состав Московской зоны обороны. Руководство ей осуществлялось командованием Московского военного округа во главе с генералом А. Артемьевым. Половину дня курсанты занимались по своей специальности, а вторую половину учились воевать на сухопутном фронте под руководством армейских офицеров, имевших опыт боевых действий.

Осенью 1941 года противник подошел к Москве, форсировал канал Москва-Волга и прорвался к Химкам. Подвергался бомбардировке и город Горький. Самолеты пролетали над Правдинском. В связи с возможностью высадки диверсионных групп училищу была определена террито-

рия, на которой в лесах, вдоль дорог и около населенных пунктов были вырыты окопы, и курсанты круглосуточно несли дежурство. Но, в начале декабря, под Москвой, враг был остановлен. Угроза захвата Москвы миновала.

По приказу наркома ВМФ адмирала Н.Г. Кузнецова в феврале 1942 года училище было перебазировано в г. Баку. В июле 1942 года началась Сталинградская битва и битва за Кавказ. В район города Моздок была отправлена рота курсантов училища. В июне 1942 года с группой курсантов я был направлен на линейный корабль «Севастополь», который базировался в Потти. Из-за упорных боев за Севастополь главные силы Черноморского флота были сосредоточены на Новороссийской, Туапсинской и Потийской военноморских базах.

Ночью 27 июня в Севастополь прорвался «Ташкент» (командир капитан 3 ранга В. Ерошенко) Это был последний надводный корабль, прорвавшийся в Севастополь. В обратный путь он взял 2300 женщин, детей и раненых бойцов. На корабль было погружено полотно панорамы «Оборона Севастополя» На пути в Новороссийск по кораблю было сброшено около 300 бомб. Корабль получил повреждения, вода поступала в помещения. Благодаря умелым действиям командира и экипажа корабль был

спасен. 4 июля 1942 года после 8-ми месячной обороны пал Севастополь.

На линкоре «Севастополь» я служил июнь-август 1942 года и поэтому был свидетелем этих событий. Линкор периодически выходил в море, участвовал в боевых действиях. Он был подчинен непосредственно ставке Верховного Главнокомандующего. На борту линкора я слушал приказ Наркома обороны СССР «Ни шагу назад», который зачитал командующий эскадрой Черноморского флота вице-адмирал Л.Владимирский. Вскоре поступило распоряжение командования о формировании заградительного батальона из матросов и офицеров линкора «Севастополь». Через несколько дней батальон был сформирован и отправлен на фронт.

В августе 1942 года сложилась тяжелая обстановка в Керченском проливе. В начале сентября 1942 года немецкие войска ворвались в Новороссийск и стали развивать наступление на городе Туапсе. Попытки прорваться к Туапсе были прерваны нашими войсками только в конце декабря 1942 года. Весь зимний период я продолжал учебу в городе Баку.

В июне-августе 1943 года я служил на крейсере «Ворошилов» Черноморского флота, на котором держал свой флаг командир отряда легких сил контр-адмирал Ф. Марков. Боевые действия на флоте

со стороны противника активизировались. Особенно усилила свои действия авиация противника. Не все курсанты возвращались с кораблей Черноморского флота для продолжения учебы. Только в одной из операций на кораблях погибло 11 курсантов нашего курса.

В сентябре 1943 года началась Смоленско-Рославльская наступательная операция, которую я ждал более двух лет, так как Смоленщина — моя родина. Первое письмо от матери получил в ноябре 1943 года. В нем она сообщала, что отец и младший брат Константин ушли на фронт, а дом при наступлении немцев в 1941 году был сожжен. Вскоре она получила письмо от старшего брата Петра и сообщила ему мой адрес.

Февраль - май 1944 года я плавал на крейсере «Красный Кавказ» Черноморского флота. Крейсером командовал капитан 2 ранга К. Ерошенко. Крейсер часто выходил в море, вел обстрел побережья Крыма. В конце мая 1944 года мы вернулись со стажировки на кораблях Черноморского флота в Баку и приступили к дипломному проектированию. За участие в обороне Кавказа на кораблях Черноморского флота был награжден медалью «За оборону Кавказа». К лету 1944 года была окончательно снята блокада Ленинграда и в училище началась подготовка к возвращению в Ленинград.

В июне 1944 года произошла у меня неожиданная встреча со старшим братом Петром, который после тяжелого ранения (ампутирована нога) находился в Баку в госпитале. Не видел я его шесть лет, и наша беседа была долгой. Он рассказал, что воевал под Сталинградом, на Курской дуге, с боями дошел до Румынии, где и был ранен, награжден орденами «Боевого Красного Знамени», «Красной Звезды» и многими медалями. Следующая наша встреча с ним состоялась лишь в 1947 года.

В июле 1944 года училище возвратилось в Ленинград. Адмиралтейский шпиль был еще зачехлен. В сентябре 1944 года я защитил диплом, получил звание инженер-лейтенант и назначение на Северный флот. Как выпускник училища я получил двухнедельный отпуск и использовал его для поездки к матери. Добирался долго. Разыскал мать, живущую у родственников, рассказал ей о Петре, она, в свою очередь, показала письма от младшего брата и отца. О ранении Петра горевала, но была уверена, что хоть один он уже останется в живых. Время отпуска пролетело быстро.

Штаб Северного флота находился в Полярном. В октябре месяце я получил назначение командиром электротехнической группы на эскадренный миноносец «Разъяренный». Наиболее тяжелым для «Разъяренного» был бой с немец-

кой подводной лодкой. Утром 20 января 1945 года эскадренные миноносцы «Разъяренный» и «Разумный» вышли на поиск подводных лодок на пути следования транспорта «Вятка» и норвежского транспорта «Идефьеорд» из Кольского залива в Лиинахамари. В 12 часов 20 минут гидроакустические приборы на борту «Разъяренного» обнаружили немецкую подводную лодку. Началось сближение с ней для атаки глубинными бомбами, но в 12 час. 55 мин «Разъяренный» был атакован акустической самонаводящей торпедой, против которых в то время не было еще эффективных средств борьбы. Торпеда попала в корабль, оторвав его кормовую часть. В кормовой части размещались жилые помещения матросов и электромеханической боевой части.

В момент взрыва я находился в каюте, так как только в 12 часов передал обязанности вахтенного инженер-механика Н.Цветкову. Выбежав из каюты, я направился в пост энергетике и живучести. Сеть освещения не работала. На верхней палубе лежали убитые и раненые. Шла стрельба из носовых башен и зенитных установок. Подводная лодка повторно пыталась атаковать корабль. От взрыва торпеды были разрушены рулевые устройства корабля и кормовая артиллерийская башня. Ее орудие было сброшено на верхнюю палубу. Повреждено несколько водонепро-

ницаемых переборок, разорваны оба гребных вала, повреждены винты. Корабль полностью потерял возможность самостоятельно двигаться и остался без освещения и электроэнергии для вооружения и техники. Запущенный аварийный дизель-генератор не удавалось включить в сеть. Кормовые помещения корабля заполнялись водой. Сброшенные взрывной волной за борт матросы и старшины, кутившие после обеда на юте (корме корабля), недолго держались в холодной воде Баренцева моря, да и не было плавсредств для их спасения. Личный состав корабля начал борьбу за его спасение. Электрикам корабля в полной темноте удалось отключить поврежденные участки сети и обеспечить корабль электроэнергией, что позволило эффективнее вести борьбу за живучесть корабля. К борту корабля подошел катер с эсминца «Разумный», на котором с корабля ушел старший конвоя. Конвой продолжал движение в Лиинахамари, а эскадренный миноносец «Разъяренный» остался один в открытом море.

Команда успешно справилась с задачей борьбы за живучесть корабля, укрепив переборки, включив все средства откачки воды, удержала его на плаву. Через несколько часов к нам подошли советский и норвежский тральщики, которые пытались взять эсминец на буксир. Долго им это не удавалось, но, наконец, завели

на тральщики якорные цепи и тросы и двинулись за конвоем в ближайший порт — Лиинахамари.

При буксировке корабля мы попали на минное поле, поэтому с носовых кубриков были удалены все матросы и старшины. Необходимо было регулярно осматривать трубопроводы и следить за затопляемостью служебных помещений. Так как в кормовой части корабля за переборками следил Н. Цветков, а Л. Розенштейн и я находились на посту энергетики, то периодически мне приходилось осматривать эти помещения. Выглядело это так. Каждые полчаса мне открывали дверь в эти помещения и сразу же ее задраивали на случай взрыва мины и предотвращения затопления других помещений корабля. Шел в одиночестве, осматривал помещения, прислушивался к каждому скрежету о борт корабля и быстро выходил. Докладывал о состоянии помещений. Утром нас прибуксировали в Лиинахамари. Там стояли все корабли конвоя. На следующий день состоялись похороны погибших.

Через несколько дней часть кораблей ушла в Североморск и другие базы, а «Разъяренный» остался в Лиинахамари. За участие в борьбе за живучесть корабля я был награжден орденом Красной звезды. День победы я встретил в Лиинахамари.

В октябре 1946 года я поступил в ВМАКВ им. А.Н. Крылова, но из-за

отсутствия жилплощади и продовольственных карточек для членов семьи вынужден был покинуть академию и уехать опять на Северный флот. Сначала служил инженером-электриком аварийно-спасательного отряда Северного флота, а в апреле 1947 году был назначен на линейный корабль «Архангельск». В декабре 1947 году был зачислен в состав специальной команды на должность командира электротехнического дивизиона крейсера. Команда должна была обеспечить перевод кораблей из Италии на Черноморский флот. В феврале 1949 года был в Италии в составе команды, которая обеспечивала переход крейсера «Керчь» в Севастополь. За выполнение задания по переходу крейсера «Керчь» был награжден орденом Отечественной войны II степени.

В 1954 году был зачислен слушателем ВМАКВ им. А.В. Крылова, которую закончил в 1957 году, и получил назначение на должность преподавателя кафедры электрооборудования корабля и электротехники 2-го Высшего военного морского училища (город Пушкин). В 1972 году стал начальником этой же кафедры. В 1976 году по возрасту уволен из рядов ВМФ в запас и принят на должность профессора кафедры электротехники Ленинградского технологического института холодильной промышленности.

БУДНЕВИЧ СЕМЕН САМОЙЛОВИЧ

Доктор технических наук, профессор Ленинградского технологического института холодильной промышленности, известный ученый в области криогенных систем.

ВОСПОМИНАНИЯ

2 октября 1941 года немцы начали наступление на Москву. Наша 107-ая мотострелковая дальневосточная дивизия, в которой я перед войной проходил срочную военную службу, в это время занимала оборонительные рубежи в районе г. Белый Смоленской области. С Дальнего Востока на запад дивизию перебросили сразу же после начала войны. В бой мы вступили 22 июня и до 2 октября были непрерывно в боях.

Враг был самоуверен и нагл. В ночь с 1 на 2 октября наше боевое охранение передавало, что немцы кричат: *«Рус, завтра будем наступать»*. Их

наступление началось с массированного налета авиации на наш передний край и тылы мощной артподготовки. Затем пошла и пехота. Нашей авиации в небе не было.

На нашем участке фронта немцы встретили решительное сопротивление и, понеся большие потери, вынуждены были прекратить наступление. В то же время на соседних участках немцы прорвали фронт. Оставив нас в своем тылу, огромное количество немецких танков и мотопехоты двинулось на Москву.

МЫ были полностью отрезаны от своих тылов. Прекратилось снабже-

ние боеприпасами и продовольствием. Звуки боя становились все глуше и глуше. Мы оказались в окружении. Наше командование решило, что держать оборону дальше бессмысленно, и надо выходить из окружения.

Единственный оставшийся нам путь шел через почти сплошные леса. Раненые, которые могли передвигаться, шли сами, а тяжелораненых на плащ-палатках, меняясь, несли четыре человека. Вооруженные легким оружием: винтовками, автоматами, ручными пулеметами, гранатами, мы пошли на восток на соединение со своими частями. В лес немцы заходить боялись, там нельзя было применять тяжелое оружие и танки. Каждую шоссеиную дорогу, по которой двигались немецкие колонны, мы переходили обычно ночью с боем. Захватывали участок дороги, уничтожая гранатами, ружейным огнем и штыками все, что сопротивлялось. В первую очередь через дорогу переносили раненых, затем шли остальные. После этого уходили солдаты и офицеры, обеспечивавшие переход боевыми средствами. При этом мы несли потери.

Становилось все холоднее. Мы были в летнем обмундировании. Начали умирать тяжело раненые, которые без движения, те буквально замерзали. Было принято нелегкое решение оставить их в деревнях, которые мы проходили, где немцы

появлялись очень редко. Мы расставались с нашими боевыми товарищами, которых вынуждены были оставить в немецком тылу, с тяжелым сердцем. Но мы надеялись скоро вернуться.

Питание нам было доставать очень трудно. Мы выкапывали картошку и другие овощи, которые оставались на полях. Крестьяне делились с нами из своих скудных запасов. Отбивали немецкие обозы с продовольствием. Шли мы днем и ночью. Связи у нас никакой не было. Мы не знали, где фронт. В деревнях мы натывались на небольшие немецкие отряды и уничтожали их. Крестьяне смотрели на нас, солдат и офицеров вооруженных, в форме со знаками отличия, как на выходцев с того света. Ведь мы проходили в местах, которые немцы заняли две-три недели назад и это был их глубокий тыл. Мы спрашивали крестьян, что говорят немцы, где фронт. Они отвечали, что немцы говорят: «Ленинград – капут, Москва – капут. Калинин и Ворошилов – Берлин. Молотов и Сталин – Америка». Мы не верили, но на душе было очень тяжело. Нас становилось все меньше и меньше.

Вышли из окружения к своим мы неожиданно на 28 день в районе реки Лама, недалеко от города Кимры. Сплошного фронта не было, и мы попали в зазор между немецкими частями. Немцы в это время приостановили наступление для подтягивания

тылов и перегруппировки сил.

Командир нашей дивизии, полковник Чанчибадзе, рапортовал в ставку, что вывел дивизию из окружения и готов выполнить любой приказ. Нас поставили в оборону и начали пополнять личным составом и вооружением.

Мы участвовали в отражении второго наступления немцев на

Москву, которое началось 17 ноября. Наконец; мы участвовали вместе со свежими сибирскими дивизиями в наступлении, которое началось 6 декабря 1941 года. Немцы были отброшены от Москвы далеко на Запад.

Это было первое крупное поражение немецких войск во Второй мировой войне.

БУРГАРТ КОНСТАНТИН АЛЕКСАНДРОВИЧ

Военную службу начал в 1943 году курсантом Бакинского военно-морского подготовительного училища и в сентябре принял присягу. С июня 1944 по октябрь 1949 года - курсант ВВМИОЛУ им. Ф.З. Дзержинского. В этот период училище находилось в резерве ГК КБФ и Ленинградского фронта. Принимал участие в патрулировании города и пригородной зоны.

26 июня 1945 года в составе сводного полка ВМФ принял участие в параде Победы на Красной площади в Москве. Войска застыли на площади в предчувствии чего-то необыкновенного. В памяти особенно четко сохранились два момента. Первый из них - встреча принимающего парад Победы прославленного русского полководца, всенародного любимца и героя маршала Г.К. Жукова. Его красавец-конь, казалось, летел над Красной площадью навстречу командующему парадом маршалу К.К. Рокоссовскому, а мы все стояли, затаив дыхание, и жадно ловили каждое слово его победного рапорта.

Второй момент, который буквально потряс всех нас, были минуты, когда знаменная группа под барабанный бой, от которого мурашки пробежали по коже, бросала к подножию мавзолея знамена и штандарты поверженного врага. На мавзолее стояли Верховный главнокомандующий И.В. Сталин и прославленные полководцы, маршалы. Даже у бывалых воинов, прошедших всю войну, перехватывало горло, и на глазах наворачивались слезы. Это были святые слезы. Ради этих мгновений стоило пройти через все адские муки войны, отдать за них свою жизнь и дожить до победы. Очевидцы, видевшие выражения лиц солдат-знаменосцев, утверждают, что на них отражалась не столько ненависть к врагу сколько гордость за себя и за свой народ-победитель.

Во время парадного прохождения по площади москвичи и многочисленные гости особенно тепло приветствовали морской полк. «Черными дьяволами» и

«черной смертью» прозвали наших моряков фашисты, сеявших всегда панику и смерть в их рядах не только на море, но и на суше. Неслучайно командир подводной лодки А. Маринеско был объявлен Гитлером своим личным врагом и врагом № 1 рейха.

За прохождение на параде в честь дня Победы морской полк получил наивысшую оценку и благодарность от И.В. Сталина и Г.К. Жукова. Как участник парада я был награжден медалью «За победу над Германией в Великой Отечественной войне». В жизни каждого из нас тот день останется незабываемым.

В 1946 году принимал участие в боевом тралении минных полей на Черноморском флоте. В 1949 году окончил с отличием училище и был назначен командиром электротехнической группы на крейсер «Фрунзе» эскадры Черноморского флота. Уже через год был повышен в должности и назначен командиром электротехнического дивизиона. В 1954 году поступил в военно-морскую академию кораблестроения и вооружения им. А.Н. Крылова, которую окончил с отличием в 1957 году. После окончания Академии с 1957 по 1964 год работал старшим научным сотрудником НИИ ВМФ.

В это время принимал непосредственное участие в разработке, создании и серийном производстве первых отечественных электронных тренажеров для обеспечения боевой подготовки экипажей атомных подводных лодок. Оригинальность этих работ подтверждена авторскими свидетельствами, одно из которых удостоено диплома 1 степени на конкурсе изобретений НИИ ВМФ в 1961 году.

С 1964 года работал на преподавательской работе в Ленинградском высшем военно-морском училище им. В.И. Ленина, где готовились высококвалифицированные инженерные кадры для отечественного военно-морского флота и для флотов дружественных государств. В 1982 году после увольнения в запас перешел на работу в Ленинградский технологический институт холодильной промышленности, где и работаю по настоящее время.

ВЕПРИКОВ АНАТОЛИЙ ФЕДОРОВИЧ

Я родился в 1925 году в городе Баку в семье моряка Каспийской военной флотилии. Отец начинал морскую службу на Балтике в 1920 году на крейсере «Петр Великий», мать работала медсестрой в госпитале в Петрограде. В 1936 году отца перевели служить в Ленинград, где я продолжил обучение в школе.

21 июня 1941 года в школе был выпускной вечер. Возвращаясь с товари-

щами домой ранним утром 22 июня, мы обратили внимание на аэростаты заграждения в небе над городом. О начале войны узнал на уроке музыки.

23 июня нас собрали в школе и объявили план мероприятий, в которые входили дежурство по школе, обучение обращению с зажигательными бомбами с целью предотвращения пожаров. По месту жительства привлекались к участию в земляных работах: рытье окопов и землянок. В августе с матерью был эвакуирован в Кировскую область, там и продолжил учебу в девятом классе средней школы. Школьники работали на колхозных полях и, когда мне исполнилось шестнадцать лет, паспорт не выдали. Жизнь сложилась так, что я получил паспорт лишь в 1972 году после демобилизации из рядов ВМФ.

В январе 1943 года после окончания десятилетки меня призвали на действительную службу. Сначала я попал в город Пензу в училище связи и после двухмесячной подготовки направили меня в 18-ую Гвардейскую воздушно-десантную бригаду (отдельный взвод связи), где я и мои товарищи обеспечивали связь в различных ситуациях. Присвоили звание гвардии-ефрейтор. Затем служил на Черноморском флоте на крейсере «Ворошилов», в артиллерийской боевой части, в зенитной батарее.

Вспоминая войну, в памяти осталась интересная вещь. Тренировочные парашютные прыжки. Во время отделения и падения до момента открытия парашюта за секунды в сознании проносится вся жизнь, как в короткометражной фильме. Конец войны застал меня курсантом Высшего военно-морского училища им. М.В.Фрунзе. После окончания войны курсанты принимали участие в тралении мин в Финском заливе.

Училище окончил в 1947 году и получил назначение на Северный флот. Исполнял различные обязанности по артиллерийской специальности: офицер воздушной обстановки, командир зенитной батареи, командир артиллерийской башни главного калибра. Служил в учебных центрах Северного флота и Ленинградской военно-морской базы, исполняя должности преподавателя, старшего преподавателя и помощника командира подводной лодки. В 1972 году был демобилизован по состоянию здоровья и пришел работать в Ленинградский технологический институт холодильной промышленности, хороший дружный коллектив которого помог мне быстро освоиться с гражданской обстановкой.

1991 год

ГЕРЦБЕРГ ГЕОРГИЙ БОРИСОВИЧ

Мне хочется поделиться воспоминаниями о радиолокации во время Великой Отечественной войны. Радиолокационные станции составляли часть противовоздушной обороны СССР. До 1943 года территория европейской части страны была поделена на северную и южную. По мере продвижения наших войск на запад деление изменилось — были определены западная и восточная части ПВО страны.

Как в первом, так и во втором случаях все крупные города были окружены сетью радиолокационных станций, которые защищали их от налета вражеской авиации.

Мне пришлось служить в Горьковском корпусном районе ПВО. Вокруг города Горького, расположенного на слиянии двух рек Оки и Волги и вследствие этого оказавшегося прекрасной мишенью для авиации противника, были расположены 15 радиолокационных станций с общим названием «Гроза». Это были английские станции, которые нами были получены по ленд-лизу в порядке помощи на время военных действий, так как отечественных станций явно не хватало.

В 1942 - 43 годах немцы на большой высоте подлетали к городу и бомбили его. Летом 1943 г. бомбометание было, к сожалению, успешным, и горьковский автозавод, снабжавший армию автотранспортом, несколько пострадал: был выведен на время главный конвейер сборки автомашин. Но благодаря экстренным правительственным мерам (были присланы строители из Средней Азии), конвейер в кратчайшие сроки был восстановлен. Автомашины («Доджи», «Шевроле» и др.) собирались из частей, которые шли по Волге из Ирана, а туда из США, Англии.

Мне пришлось работать в контрольно-ремонтной станции сначала старшим радиотехником (звание у меня было — младший техник-лейтенант), а затем начальником. Нашей задачей был ремонт и калибровка станций с помощью аэростата АСОН-60 (аэростат станции орудийной наводки). Кстати, система станций «Гроза» были станциями орудийной наводки, так как они были синхронно связаны с 76 мм зенитными орудиями, осуществлявшими как постановку заградогня для авиации противника, так и прицельную стрельбу, правда, не всегда удачную из-за того, что высота бомбометания превышала дальность стрельбы орудий. Зато заградогонь сыграл большую роль в отражении налетов. Планшеры, на которых строились траектории самолетов противника по данным станций (азимут, угол места и дальность), показывали, как самолеты отворачивали от объекта и возвращались восвояси без сбрасывания бомб.

Вспоминается один курьезный случай из моей радиолокационной службы.

Командованием корпуса мне было поручено доставить для ввода в строй радиолокационного радиопрожектора — РЛП-150 со 150-мм диаметром зеркала прожектора. Его я принял в штабе г. Саратова, и железнодорожной платформой предстояло его транспортировать в город Горький. Дело было ранней весной, платформа открытая, и вдвоем с моим помощником, старшиной, мы двинулись в это путешествие. Первым делом мы соорудили печь из бака, в котором хранят воду в вагонах, без поддувала, поэтому дрова в нем жечь не удавалось. И мы в течение всего путешествия жгли масляные тряпки, которые собирали из букс вагонов во время стоянок нашего состава. Эта система обогрева сказалась на нашем внешнем виде: мы были прокопченные, черные и шинели наши были с прожженными дырами, так как однажды мы имели несчастье вместе заснуть, хотя это строго воспрещалось. Платформу нашу прицепляли то к одному составу, то к другому. Когда на очередной станции я приходил к военному коменданту с просьбой пропустить наш вагон в дальнейший путь, то реакция коменданта сначала была настороженной и испуганной, но поняв в чем дело, он смеялся и предоставлял возможность продолжать наш путь. Когда приехали на место, то в бане пришлось отмываться несколько дней.

В строй РАП-150 был введен и работал успешно: освещение самолета происходило практически без ошибок, так как наводка прожектора осуществлялась качественно.

Пришлось мне работать также и на американской станции SCR-584, а также на английской СОНЗБ. Эти станции более совершенны, чем «Гроза» (СОН-2). Первые две уже имели одну кабину, в которой размещались передатчик и приемник, в то время как СОН-2 состояла из двух кабин: передающей и приемной. Они работали на сантиметровых волнах, СОН-2 - на метровых, имелось авто сопровождение цели, в СОН-2 — сопровождение велось оператором.

Операторами были девушки, которые работали очень аккуратно. Мужчины работали с электроагрегатами, то есть выполняли мужскую работу.

Из рассказанного мною видно, что во время войны работали станции иностранного производства. Должен сказать, что мы создали копию английской станции СОН-2. Называлась она СОН-2 отеч. Одну из таких станций нам прислали в конце войны, и установлена она была в городе Дзержинске (под городом Горький). При включении ее в работу было обнаружено около семидесяти дефектов, поэтому качественной эксплуатации у нас не получилось, но зато был приобретен богатый опыт по устранению неисправностей.

Только в 1993 году я расстался с оборонной техникой, когда пришел работать в Академию холода, но об этом не жалею, так как сейчас в возрасте 75 лет

трудно работать в разваливающейся оборонной промышленности. Нынешнему поколению необходимо восстановить вновь то, что развалено и поднять технику на новый уровень.

ГРИЩЕНКО АЛЕКСАНДР ДМИТРИЕВИЧ

Я родился 22 (9 по старому) декабря 1906 года в небольшом городе Ахтырка Харьковской губернии (ныне Сумской области) в семье парикмахера Грищенко Дмитрия Николаевича, имевшего собственную парикмахерскую, в которой работали кроме отца мастера по найму. Это была самая крупная парикмахерская, пользующаяся хорошей репутацией в городе.

Действительную военную службу не проходил. Будучи студентом Харьковского ветеринарного института, проходил летние двухмесячные военные сборы в кавалерийских частях и городе Дорогобуже на Украине в 1929 году. Я не имел воинского звания к юнюе 1941 года. Воинское звание инженера-капитана службы тыла ВУС мне было присвоено лишь в 1950 году.

В момент начала Великой Отечественной войны я работал доцентом на кафедре технологии молока и молочных продуктов в Ленинградском химико-технологическом институте молочной промышленности, расположенном в г.Пушкине, и находился в Новосибирской области, где руководил практикой студентов.

После объявления войны немедленно выехал в Ленинград. Меня поражало то, что ходили четко по графику поезда, несмотря на большую нагрузку железной дороги по перевозке мобилизованных граждан. Я видел из окна вагона прощание родных с уезжающими на фронт. Это были трагичные сцены: люди как будто уже покойников провожали на кладбище, заламывая руки, громко рыдая.

В начале августа вместе с другими сотрудниками института (Г.В. Крупин и др.) вступил добровольно в народное ополчение. Группа добровольцев из Пушкина прибыла в Ленинград в штаб обороны на Исаакиевской площади. При формировании воинских частей ряд сотрудников института был отпущен домой с предложением вернуться по месту работы. Я был в числе таких сотрудников.

По возвращении в город Пушкин 6 августа добровольно вступил в ряды бойцов 76-го истребительного батальона, так как не был призван в действующую армию, как преподаватель вуза. Батальон формировался на базе института Управления народного комиссариата государственной безопасности (НКГБ).

Истребительные батальоны создавались для обеспечения своевременной и успешной борьбы с парашютными десантами и диверсантами противника в прифронтовой полосе. Руководство этими формированиями осуществлялось НКВД СССР и его подчиненными органами, однако они ни воинскими частями, ни органами внутренних дел не являлись. Набор бойцов производился за счет рабочих, служащих, студентов, колхозников, других слоев населения, как правило, без отрыва от основной работы или учебы. Истребительные батальоны в состав действующей армии не входили. 76-ым батальоном командовал лейтенант пограничных войск Т.М. Музыченко.

Я проходил в батальоне службу в качестве бойца, а в сентябре 1941 года был назначен начальником боепитания батальона. По распоряжению штаба батальона выдавал оружие и боеприпасы (учебные английские винтовки Лиэпфильд, патроны к ним и гранаты) бойцам своего батальона перед уходом на передние позиции.

Немецкие войска обстреливали город Пушкин и парки из минометов, сбрасывали бомбы и предметы, которые при падении издавали ужасающий гул. В Александровском парке при движении батальона к позиции был убит осколками мины комиссар батальона А.И. Самуйлов - старший преподаватель кафедры марксизма-ленинизма. Он был похоронен под залп ружей бойцов батальона на территории санатория «Дружба». В шестидесятых годах прах А.Н. Самуйлова был перенесен на Казанское кладбище в городе Пушкине.

Батальон занимал оборону у пос. Александровка на одном берегу речки, а немецкие войска на противоположном. Можно было видеть позиции немецких войск невооруженным глазом. Наши бойцы были плохо снабжены оружием, и 17 августа фронт обороны был прорван, а бойцы оставили свои позиции, отступая к Ленинграду неорганизованными группами. Немецкие войска обстреливали отступающие части; часть бойцов погибла по дороге в Ленинград, а часть бойцов, в том числе и я, после расформирования батальона были направлены для прохождения службы во 2-ую отдельную истребительную роту в распоряжение управления НКГБ. Рота охраняла часть окружной железной дороги в районе Московского проспекта. Из числа преподавателей в роте был А.М. Феоктистов - кафедра экономики и организации производства. Он страдал глухотой, и мы удивлялись, как он мог выполнять караульную службу.

Пребывание в роте было кратковременным. Я был направлен в 213-ой истребительный батальон УНКВД ЛО, расположенный в одной из школ Невского района. Батальон охранял мельницу им. В.М.Ленина. Я состоял на службе в

должности связного и имел право хождения в черте Ленинграда в течение всех суток, что давало мне возможность посещать периодически 1-ый городской молочный завод, где бывшие студенты, работающие там, подкармливали меня соевым шротом. В обязанности связного входила доставка почты. Для выполнения этой обязанности я должен был в установленные дни проходить большие расстояния (пять километров и больше), будучи обессиленным и голодным, что подрывало мои последние силы, и к концу пребывания в батальоне у меня была третья стадия дистрофии. Некоторые бойцы батальона опухали, переходили в действующую армию.

Особенно тяжелое положение сложилось с наступлением зимы. Бойцы умирали от голода. Батальон размещался в неотапливаемых помещениях школы около Володарского моста. Спали на нарах, не раздеваясь, отапливались «буржуйками». Чтобы было тепло, дым поступал прямо в помещение. Мы подолгу ходили неумытые, черные от копоти. Ели суп с дрожжами, хлеб наполовину с мякиной и еще что-то. Были случаи, когда нас, обессиленных и голодных, поднимали по тревоге для облавы на ракетчиков.

Я демобилизовался из 213-го истребительного батальона 15 декабря 1941 года по запросу Всесоюзного научно-исследовательского института молочной промышленности (НИМИ) и был временно откомандирован этим же институтом в распоряжение Ленмолкомбината. Я был включен в группу специалистов из 10 человек для организации в северо-восточных районах Ленинградской области и в смежных районах Вологодской области производства и снабжения города Ленинграда концентрированными виловыми продуктами: молоком сгущенным (цельным и обезжиренным), сливками пластическими, творогом сухим и другими продуктами.

В состав бригады специалистов из числа преподавателей института, кроме меня, были включены А.И. Желтаков, Н.А. Новоселов; из числа сотрудников НИМИ — А.А. Розанов, В.А. Мепешин — автор отечественного производства масла из высокожирных сливок. В состав бригады специалистов был включен М.А. Германов, бывший работник НКВД, сотрудник «Большого дома», работавший затем в Ленмолкомбинате начальником Молснаба. Впоследствии М.А. Германов возглавил Новгородскую областную контору Главмолоко, где я работал главным инженером.

Перед бригадой специалистов стояла задача - помочь молочной промышленности Ленинградской области. В связи с военной обстановкой и блокадой города перейти от снабжения цельным молочным молоком к снабжению транспортабельными продуктами, способными выдерживать длительное хранение и

транспортировку, а также наиболее легко восстанавливаться при производстве молочных продуктов, выпускаемых гормолзаводами для госпиталей, детских и других учреждений. Это потребовало коренной перестройки работы заводов.

В последних числах декабря 1941 года бригада специалистов вылетела из Ленинграда на трех грузовых самолетах «Дуглас» с аэродрома, расположенного внутри города, и после полета над Ладожским озером через 100 минут прибыла в Кобону, откуда специалисты были направлены для работы в различных районах области. Я был направлен в поселок Хвойное, расположенный наиболее близко к месту приземления самолета, так как был очень истощен от голода. После выезда из блокадного Ленинграда я еще в течение двух месяцев испытывал чувство голода, почернели ногти рук и ног, несмотря на хорошее питание.

После короткого пребывания в поселке Хвойное я был направлен в городе Боровичи, где совместно с В.А. Мелешиным проводил работу на молзаводах по организации производства молочных концентратов (пластических сливок, сухого пищевого казеина, сухого творога, сгущенной сыворотки) для блокированного города. В зимний период вырабатывали пластические сливки в замороженном виде, в весенне-летний период их консервировали по способу, разработанному мной и В.А. Мелешиным. После войны была издана брошюра, отразившая опыт производства пластических сливок.

Производство сухого казеина и сухого творога осваивалось впервые. Под моим руководством были оборудованы казеиносушилки на заводах Боровичской, Пестовской, Мошенской районных конторах. В целях увеличения продуктов питания по моей инициативе было организовано производство альбуминного молока на заводах, вырабатывающих сгущенную сыворотку. Молочные концентраты вырабатывались по инструкциям, которые были разработаны мною и В.А. Мелешиным,

Производство пластических сливок в условиях ручных заводов осваивалось впервые в СССР в северо-восточных районах Ленинградской области. Только в 1942 году было выработано пластических сливок 1077 центнеров, сухого пищевого казеина и сухого творога — 614,8 центнеров, сгущенной сыворотки — 7 ц., альбуминного молока для местного населения — 4722 центнеров. В 1943 году производство пластических сливок увеличилось почти в 1,7 раза и составило 1780 центнеров. В результате применения пластических сливок была решена задача увеличения выпуска восстановленного коровьего молока, несмотря на полное прекращение завоза цельного молока в Ленинград извне; наладить производство лучших сортов растительного молока из соевых бобов

дня детского питания, несмотря на отсутствие сгущенного молока.

После прорыва блокады в январе 1943 года был организован первый поезд, с «Большой земли» с молоком и молочными продуктами, который прибыл в Ленинград 7 февраля 1943 года на Финляндский вокзал по железной дороге, проложенной после частичного снятия блокады города по узкой полосе берега вдоль Ладожского озера. Поезд с молоком был отправлен со станции Боровичи.

В марте 1944 года я возвратился в Ленинград на Ленмолкомбинат в связи с назначением меня на должность начальника заготовительно- производственного отдела. В августе 1944 года был переведен главным инженером Новгородской областной конторы Главмолоко Нарком- мясомолпрома СССР, а позже был назначен исполняющим обязанности управляющего. На заводах Новгородской области продолжали вырабатывать молочные концентраты: пластические сливки, сухой творог, производство которых было освоено в годы блокады Ленинграда, а также традиционные продукты (сметана, творог) для отгрузки в Ленинград. В освобожденных от немцев районах проводилась большая работа по оказанию помощи в восстановлении технической сети, организации заготовок, производства молочных продуктов.

Об окончании войны мы узнали рано утром по радио. Все работники конторы с чувством огромной радости обнимали друг друга и поздравляли с Победой.

Во время войны семья моя — жена и дочь находились в эвакуации на родине родителей в городе Иваново. В феврале 1946 года я перешел на работу в Ленинградский химико-технологический институт молочной промышленности (позже Ленинградский технологический институт холодильной промышленности).

В 1969 году в Александровском парке города Пушкина была воздвигнута стела в честь памяти погибших бойцов 76-го и 77-го истребительных батальонов. В течении многих лет в день Победы около стелы проходили митинги памяти с участием оставшихся в живых бойцов батальонов, учащихся и педагогов подшефной школы № 477. В подшефной школе № 477 организована комната Победы, где представлены экспонаты, посвященные участию батальонов в обороне г. Пушкина.

В музее истории города Пушкина (в помещении бывшего дворца Кочубея) часть экспозиции посвящена участию преподавателей института в Великой Отечественной войне. В этих экспонатах была отражена и работа, проведенная мною в неоккупированных северо-восточных районах Ленинградской области по организации производства молочных концентратов и снабжения ими блокадного Ленинграда.

ГУЙКО ЭДУАРД ИОСИФОВИЧ

Родился 20 апреля 1921 года в городе Невепь, ныне Псковской области, в семье рабочего-железнодорожника. К началу войны сдавал экзамены за третий курс Ленинградского института холодильной промышленности.

5 июля 1941 гда вступил добровольцем в Ленинградскую армию народного ополчения — 3-ая Фрунзенская дивизия, 3-ой артиллерийский полк. 15 июля полк занял боевые позиции в районе Красного Села, но через несколько дней был срочно переброшен в район города Олонец, в Карелии, для предотвращения завершения внешнего, второго кольца окружения Ленинграда. Необученные ополченцы сходу вступили в бой с наступающими финскими войсками на линии реки Тулокса. Учились воевать в бою, под огнем. Осваивал и я доставшуюся мне профессию телефониста на наблюдательном пункте артиллерийской батареи.

Несли большие потери, но держали фронт около месяца, пока не были отрезаны и окружены. При выходе из окружения пришлось уничтожить все тяжелое вооружение. В составе 3-го артполка я выходил из окружения лесами на восток около трех недель. Соединились со своими на рубеже реки Свирь в районе города Лодейное поле. Еле живые, участвовали в обороне рубежа, затем тут же остатки 3-ей Фрунзенской дивизии были переформированы в 67-ю стрелковую дивизию, в состав которой вошел и 3-ий артполк, пополненный и вооруженный почти музейными пушками на конной тяге. Оборону на Свири удержали, внешнее кольцо за Ладогой немцам и финнам замкнуть не удалось,

хотя немцы на короткое время брали город Тихвин, заходя к нам в ближайшие тылы. Затем — длительная оборона на Свири, постепенное улучшение вооружения, навыков. В окопных условиях начали освоение радиосвязи, и я обучился на радиста 1-го класса.

В 1943 году дивизию перебросили севернее, в район г. Кемь, бросили в наступление против стоявших там немецких войск — в попытке выбить Финляндию из войны. Эта попытка и наше наступление не удались, снова были большие потери.

В 1944 году дивизию перебросили в район Кандалакши. Здесь участвовал в успешном наступлении с выходом на государственную границу. Запомнился «суворовский» обходной бросок через леса, болота и горы со всей техникой, в результате которого была отрезана и уничтожена немецкая танковая колонна.

После выхода в районе Алакурти — снова погрузка в эшелоны и переброска в Мурманск для участия в ударе по немецкой Лапландской горно-егерской армии. Удар был подготовлен и успешен — он завершился выходом на Петсамо, затем к Норвежской границе с кратковременным заходом в норвежский город Киркиенес.

В ноябре 1944 года война на крайнем севере была закончена. Большую часть войск отправили на западные и будущие дальневосточные фронты, но наш 3-ой артполк был оставлен для обороны побережья. Меня произвели в инструкторы, и до демобилизации в октябре 1945 года я занимался подготовкой радистов.

Все дальше уходят от нас годы Великой Отечественной войны. Стираются из памяти героические, порой трагические, события той поры. Почти не осталось в живых очевидцев великих подвигов восемнадцати -девятнадцатилетних мальчишек-воинов, солдат и матросов Вооруженных сил СССР. Вот почему возникает потребность в рассказах очевидцев о прошедшей войне.

КОСТЫЛЕВ ВЛАДИМИР ВЛАДИМИРОВИЧ

Я родился 21 февраля 1923 городе в городе Никольске Вологодской области в семье служащего. В 1931 году семья наша оказалась в Ленинграде. В 1940 году поступил во 2-ую Военно-морскую спецшколу, так как многие мальчишки в то время стремились овладеть военным делом и готовили себя к войне с фашизмом, который не был чем-то призрачным, и угроза войны не просто витала в воздухе, а была явной.

В июне 1941 года с отличием окончил спецшколу, и без экзаменов был зачислен в ВВМИОЛУ имени Ф.Э. Дзержинского, но учиться в Ленинграде

в июне-июле не пришлось. Началась война. Курсантские батальоны направлялись на защиту Ленинграда, под Котлы, для отпора немцев, рвавшихся к городу. Все надеялись на скорый разгром врага и победоносное окончание войны с разгромом фашистов на их территории. Но не тут то было... Скоро стало ясно, что война будет затяжной, изнурительной, упорной, жестокой и кровопролитной.

Флот нужен был стране, нужны были офицерские кадры. По приказу И.В. Сталина училище было переведено из Ленинграда в городе Правдинск на Волге с целью обеспечения нормального учебного процесса остающихся в училище курсантов. Перевод училища на Волгу был сопряжен с потерями: при переходе через Ладогу многим курсантам не повезло. Из-за бомбежек часть каравана судов была фашистами потоплена. В холодных волнах Ладоги погибли мои товарищи...

Однако учеба в училище на новом месте началась. Но война шла неумолимо. Командованием училища были названы две группы дизельного факультета для отправки на сухопутный фронт. Желающих попасть в действующую армию было столько, что, казалось, взорвется училище, если просьбы курсантов не будут удовлетворены. Ведь все считали, что неудачи на фронте связаны с тем, что нас не пускают на войну, война вот-вот кончится, и мы, курсанты, не успеем повоевать. В училище был до этого показательный военный трибунал над двумя курсантами, сбежавшими на фронт, но возвращенными в училище.

Мне было 18 лет, за плечами спецшкола, хорошая военная выучка. Я был назначен старшиной команда в 51 человек, которую необходимо было доставить на формирование. 31 октября 1941 года на верхней палубе огромного речного теплохода эта команда благополучно прибыла в городе Ульяновск для формирования 67-ой морской стрелковой бригады. Далее был фронт... 2 января 1942 года при весьма необычных обстоятельствах я был уже в составе отдельной разведроты 67-ой МСБ.

Мне пришлось участвовать более чем в 70-ти боевых операциях в составе разведгрупп этой роты под командованием старшего лейтенанта Суслова, бывшего кавалериста, и лейтенанта Трофимова, бывшего диверсанта. Лейтенант Трофимов, умевший отлично воевать в условиях лесного Карельского перешейка, был ранен в самом начале войны в диверсионной операции при подрыве мостов под городом Хельсинки, а после ранения мог стрелять из пистолета ТЕ, только, нажимая на спусковой крючок двумя руками. Мы ходили в бой под руководством опытных командиров.

Но не все операции, естественно, были удачными. Очень жаль и вечная

память тем ребятам, которые погибли...

При проведении «ночного» поиска в июле 1943 года, когда начальник разведки 45 Стрелковой дивизии Карельского фронта майор Оськин поставил задачу взять «языка» прямо с переднего края, где наши и окопы немцев, разделенные проволочными заграждениями и минными полями, находились лишь в 40-60 метрах друг от друга, погиб на mine сапер Алехин. Была светлая и как день, летняя ночь с незаходящим солнцем и слышимость в 3-5 километрах от разлома любой сухой ветки...

При проведении поиска перед лесным завалом около позиции немцев погиб помкомвзвода Подлипенец, который всего на секунду поднял к глазам бинокль, и раздался один выстрел. 21 февраля в мой день рождения меня не разбудили почему-то на выполнение очередной боевой задачи. Группа ушла в составе 14 человек, и ни один не вернулся в наше расположение...

Война в Карелии, в лесу с болотами и озерами, бурными реками с незамерзающими даже в большие морозы льдом, с трясиными на болотах, расположенных на коварных сопках, в районах, близких к Полярному кругу, была тяжелой и сложной. Двенадцать месяцев зима — остальное лето, шутили старожилы. Но разведрота воевала успешно, выполнялись большинство боевых задач. На Карельском фронте рота считалась одной из лучших. Ведь в ней были Ковалев Алексей и Николай, Алексеев Василий по прозвищу «Васька-патефон», неунывающий, поющий в любых условиях, и другие матросы и старшины с погибших черноморских кораблей из-под Одессы. О них здесь нет необходимости много говорить. Стоит лишь напомнить, что они были прототипами героев фильма «Жажда», который, конечно, многие советские люди видели на экране.

Песни, которые пели о роте, писал поэт Уголек-Погосян, который также известен по послевоенной литературе.

В книгах описаны рискованные операции по захвату четырех «языков» сразу и разгрому с чисто морской лихостью радиостанции немцев на Топ-озере под руководством старшего лейтенанта Суслова.

Успешных операций было, конечно, значительно больше, чем неудачных, иначе автор этих строк не остался бы в живых и не делился бы здесь своими воспоминаниями.

Мне особенно памятны две удачные операции: первая и последняя в период моего пребывания в этой роте.

В апреле 1942 года удалось прямо из воды взять «языка», здоровенного финна из 112-го шюцкоровского полка, воевавшего против нас в районе Кестинги. Было это так. В тот период фланги противостоящих армий находи-

лись в удалении полтора-два километра друг от друга, так как оборона строилась как круговая. В районе шоссе 34 км от станции Лоухи окопы наших частей и противника утыкались друг в друга, а на флангах, в сплошном лесу, на озерах и болотах, где можно было только «пешком» пройти, они были удалены так, что можно было обойти фронт и оказаться или на фланге или в самом тылу противника. Наша группа и составе четырнадцати человек вышла в район Лох-губы около дер. Лохинваара. Была тихая погода, волны на озере еле просматривались. На воде, вблизи берега около деревни находились две лодки, которые очевидно, пришли с другого берега, занятого финнами. Из одной лодки ловил рыбу незадачливый капрал, в другой был рядовой.

Группе удалось незаметно среди трупов на берегу, которые не были убраны еще с осенних боев 1941 года, подобраться близко к берегу. Затем все было просто: когда лодки приблизились, дали огонь над головами растерянных «рыболовов», двое разведчиков (Ковалев и Ильин, который позже за другую операцию посмертно был награжден орденом Ленина) бросились в воду (моряки-же!) и выловили «языка». Другому «языку» не повезло: он оказал сопротивление ...

В конце осени 1943 года, если я не ошибаюсь, нам было приказано взять «языка» прямо с переднего края, так как данный участок фронта передавался другой части, и очень важно было иметь сведения о противнике здесь в связи с возможной его передислокацией.

Мне, а может быть не мне одному, пришла в голову мысль перебраться на берег, занятый противником, не по суше, где нужно было преодолеть минное поле и проволочные заграждения, а по тонкому, только что образовавшемуся льду озера, ширина которого в месте поиска составляла 300-400 метров. Эта идея возникла из мальчишеских походов в Ленинграде, в поселке Лесном (в то время - пригороде), на озере Серебка, когда мы, мальчишками, на коньках по прогибающемуся, только что образовавшемуся, тонкому льду с риском провалиться под лед перебирались, кто смел, с одного берега на другой.

Установили наблюдение за другим берегом, стали искать коньки, вскоре удалось обнаружить, что в период между пятью и шестью часами утра по другому берегу озера проходит регулярно патруль в два-три человека. На фланге находился, укрепленный немцами островок. Но там в утренние часы, наверное, не очень беспокоились о прикрытии озера: было тихо. Коньки, конечно, не нашли. Но выпал небольшой снежок, который покрыл скользкий лед тонким ковром. Было решено бегом в белоснежных масках перебраться на другой берег, взять в плен патруль и бегом вернуться на свой берег. Расчет был на

скорость и внезапность. Решено - сделано. В один из дней, утром, операция удалась. Только мне и украинцу, моему боевому товарищу с интересной фамилией Венец, пришлось волочить по льду пленного немца, раненного в ногу, и бежать изо всех сил на свой берег, пока немцы не открыли огонь.

Вот такие операции бывали на войне. Риск был очень большим. Но неожиданные, дерзкие решения позволяли решать и более сложные боевые задачи. Сейчас, вспоминая многие боевые эпизоды, среди которых бывали и комичные случаи, рассказывая о них современной молодежи, которая плохо представляет, что пережили люди в той страшной войне, хочется верить, что современное поколение не только не забудет, но приумножит боевые традиции, честность и самоотверженность своих отцов и дедов и вырастет настоящими патриотами великой страны, где дружба народов была неписаным законом.

Война для меня в составе пехоты на Карельском фронте закончилась в июне 1944 года. Было ясно, что окончательный разгром фашистов не за горами. По приказу И.В. Сталина курсанты военно-морских училищ, оставшиеся в живых, были отозваны с фронта и направлены для продолжения учебы.

20 июня 1944 года я был уже во ВВМИОЛУ им. Ф.Э. Дзержинского, которое находилось в то время в г.Баку. Ушел я на фронт старшиной 1-ой статьи и вернулся в училище в том же морском звании, сохранив за все эти годы тельняшку и верность военно-морскому флоту.

Непосредственно на фронте я был награжден медалью «За отвагу», остальные боевые награды были вручены позднее... Служба на флоте продолжалась.

В 1976 году в звании капитана-инженера 1-го ранга мой рапорт об отставке был удовлетворен, и началась гражданская жизнь. 12 лет этой жизни оказались связанными с работой на кафедре сопротивления материалов Ленинградского технологического института холодильной промышленности.

ЛЕПИЛИН ВИКТОР НИКОЛАЕВИЧ

Профессор Ленинградского технологического института холодильной промышленности, доктор технических наук, ученый в области процессов и аппаратов пищевых производств.

ВОСПОМИНАНИЯ

Родился я 19 ноября 1919 года в городе Волгограде (Царицыне), в семье служащих. Мой отец, Лепилин Николай Григорьевич, происхождения из мещан, работал счетным работником. Мама, Александра Ивановна, всю жизнь была домохозяйкой. Больше в семье детей не было.

В 1941 году, будучи студентом Ленинградского технологического института пятого курса, я находился в Казани на практике на одном из военных предприятий. В августе вместе с другими студентами нашего института вступил добровольцем в ряды Красной Армии. К тому време-

ни институт из Ленинграда прибыл в Казань.

Нас, всех ребят, студентов пятого курса, в количестве пятидесяти человек направили в Москву в Военную Академию химической защиты им К.И. Ворошилова. А дальше судьба сложилась по-разному. Кто проучился три, а кто шесть месяцев и был направлен в звании младшего лейтенанта, а остальные продолжали учиться.

В январе 1941 года по приказу министра обороны во всех академиях началось нормальное обучение на всех пяти курсах. И нас, как студентов пятого курса, зачислили на пятый курс

академии на инженерный факультет.

В декабре 1943 года, по окончании академии в звании старшего лейтенанта, я был направлен на Западный фронт начальником химической службы 789-го Краснознаменного артиллерийского полка 251-й стрелковой дивизии. Наша часть принимала участие в боях за города Орша и Витебск.

16 марта 1944 г. я был ранен и эвакуирован в госпиталь, где пробыл до июня 1944 года. По выходе из госпиталя был направлен в резерв Главного военного химического управления армии.

С августа 1944 года и до сентября 1946 года служил я 34-ой тяжело-минометной бригаде 30-й Венской артиллерийской дивизии РГК. Сначала в Должности начальника химической службы, а потом начальником разведки бригады. В составе бригады принимал участие в боях за Будапешт, Естергом, Секешфехервар. Из Венгрии наша бригада в составе 52-ой армии была направлена в Чехословакию. Мы принимали участие в форсировании

реки Гром, в боях за ряд городов, таких как Траава, Брно, Йеглава. Принимали участие в боях за Вену. Дивизия получила наименование «Венской».

Боевые действия у нас на участке закончились 12 мая. Мы принимали участие в уничтожении группировки власовцев, и последним городом был город Загрипка в Чехословакии. За участие в боях под Сиром в Венгрии был награжден медалью «За отвагу», а после окончания войны медалью «За боевые заслуги» и другими.

В сентябре 1945 года вернулся в составе бригады на родину, в город Яров Львовской области. В городе помимо бригады располагались артиллерийский центр и артиллерийская инструментальная разведка. Я был назначен комендантом города. Обстановка была в городе очень тяжелая.

Практически каждый день шли бои с бандами бендеровцев. В этих боях я был контужен и в августе 1946 года в чине инженер-капитана был демобилизован.

МАЛЫШЕВ ВИКТОР ПЕТРОВИЧ

Перед началом Великой Отечественной войны я закончил военную авиационную школу по специальности «авиамеханик» и был направлен в 45 ый полк скоростных бомбардировщиков (СБ), дислоцировавшийся под г. Тирасполем. Здесь я и встретил начало войны.

Самолеты полка вначале бомбили фашистские войска днем, неся большие потери. Ввиду этого нас перевели на бомбометание только ночью по объектам, находившихся в Румынии, Чехословакии и т.п. Днем же занимались подготов-

кой к полетам, тщательно маскируя места расположения.

В 1942 году, после переформирования упомянутого полка, был направлен во 2-ую отдельную авиаэскадрилью 2-ой воздушно-десантной армии, где мы занимались подготовкой и десантированием воинов в тыл врага. Летом 1942 года я был направлен в состав постоянного учебно-технического персонала Армавирской военной авиашколы пилотов (АВАШП), которая была создана в феврале 1941 года - накануне ВОВ.

В феврале 1991 года этой, бывшей АВАШП, а ныне ордена боевого Красного Знамени Армавирскому военному училищу летчиков ПВО страны (АВАУЛ) им. главного маршала авиации П.С. Катухова исполнилось 50 лет, на празднование которого я был приглашен. За прошедшие годы училище-школа подготовила многие тысячи боевых летчиков-истребителей, в основном воевавших на всех фронтах ВОВ. В настоящее время училище готовит летчиков-перехватчиков на истребителях МИГ-29, СУ-27 и даже уже на МИГ-31, имеющего скорость, превышающую скорость звука более чем в три раза. 24 выпускника училища стали Героями Советского Союза, в том числе 8 — в послевоенные годы. Среди последних: Монахов Геннадий Михайлович — летчик-космонавт СССР, Грузевич Бронислав Иванович — летчик-испытатель в КБ им. Микояна, Аубакиров Токтар Онгарбаевич — летчик, первым произведшим взлет и посадку на МИГ-29 на палубу авианосного крейсера «Тбилиси» и др.

Как на любом торжестве, состоялся парад сводных батальонов соединения, были награждения, премирования и т.п. На встречу собрались немногие, к сожалению, из постоянного состава военного времени и бывшие в то время курсантами (всего около 250 человек). Например, из 4-ой эскадрильи (а потом 4-го полка), в котором довелось защищать Кавказ, одновременно занимались подготовкой летчиков, было всего 5 человек (бывший летчик-инструктор, два бывших курсанта, два бывших механика). Были встречи и со знаменитыми людьми военного времени. Расскажу об одном из них.

15 июля 1943 года на истребителе ЛА-5 в бою в районе ст. Поныри летчику Леонову Ивану Антоновичу раздробило левый плечевой сустав. Он, истекая кровью, выбросился из неуправляемого самолета с парашютом, попал на нейтральную полосу. Пехотинцы его переправили ночью на свою сторону. В госпитале ему полностью ампутировали левую руку, комиссовав к демобилизации. С трудом ему удалось упросить взять его служить на станцию наведения. Он не оставлял мысль о боевой летной работе. Весной 1944 года судьба свела его с летчиком чкаловского времени генерал-полковником Михаилом Михайловичем Грозовым, командовавшим, 1-ой воздушной армией. Тот

сказал: *«Как командующий разрешить летать не могу, а как летчик — понимаю, попробуй!»* Техники приделали ему механические рычаги на левое плечо, позволявшее движением плеча управлять работой двигателя, а правой здоровой рукой - управлять эволюциями планера самолета ПО-2 («кукурузника»). Иван Антонович летал на связь с партизанами, обеспечивал связь между частями, выполнял другую боевую работу. Из 110 боевых вылетов за период ВОВ, он почти половину выполнил без левой руки. После демобилизации он работал в аэропортах на педагогической работе, «своими руками» построил собственный дом.

В госпитале Иван Антонович познакомился с медсестрой Ниной Васильевной, и они поженились. Было предположение врачей, что у них не будет детей. Они взяли на воспитание 7 детей из детдомов, потом был вознаграждены еще двумя собственными. Большим семейным ансамблем они выступали с самодеятельными концертами.

М.М. Громов писал в воспоминаниях: *Героическое, в моем понимании это преодоление невозможного. Таких людей я знаю ... Это настоящие советские характеры. И первый среди них - Иван Антонович Леонов, герой войны и настоящий человек. Он действительно сделал невозможное ...*

1991 год

НАЗИМОВ НИКОЛАЙ ПАВЛОВИЧ

Родился я в августе 1922 года в городе Валдае Новгородской области. В армию был призван в начале июля 1941 года, по водной Мариинской системе был вывезен в город Вологду и определен в августе в учебную полковую школу сержантского состава. В октябре окончил школу по специальности радиосвязь. В течении октября-ноября был болен крупозным воспалением легких и лежал в полковом лазарете, после которого был направлен в Архангельск на курсы повышения командного состава, которые окончил в апреле 1942 года. Мне присвоили звание младшего техника-лейтенанта и направили на Карельский фронт.

Это было время, когда формировалась 263-ая стрелковая дивизия, в состав которой входил 853-й артиллерийский полк. После формирования дивизия была направлена на Кандалакшское направление. Здесь я применил свои теоретические знания на практике, занимаясь профилактикой и ремонтом радиостанций непосредственно в дивизионах и на артбатареях. Так продолжалось до февраля 1943 года В феврале дивизия погрузилась в эшелоны и мы двинулись в сторону западного фронта.

Прибыли на 3-й Украинский фронт (города Кантемировка, Барвенково) и заняв положенный участок фронта, приступили к боевым действиям.

В конце 1943 года были переброшены на 4-й Украинский фронт под Сиваш (гнилое море). Выполняя задания командования для обеспечения радиосвязи северного берега Крыма, переходил зимой Сиваш (4 км) вброд под обстрелом и бомбежкой. Задание командования было выполнено, за что я был награжден правительственной наградой орденом Красной Звезды и повышен в звании техника-лейтенанта.

Участвовал в освобождении городов Симферополя, Бахчисарая, Севастополя. Потом мы были переброшены на 1-ый Белорусский фронт, где я участвовал в освобождении городов Тильзит и Кенигсберг. Демобилизовался в 1946 году. В 1956 году поступил на работу в Ленинградский технологический институт холодильной промышленности, в котором проработал до 1989 года.

ПЕЧНИКОВ АЛЕКСАНДР ФИЛИППОВИЧ

1941 год начался для нас, курсантов последнего года обучения ВВМИУ им. Ф.Э.Дзержинского, преддипломной практикой - стажировкой на кораблях Военно-морского флота в должности командира группы движения БЧ-5.

В довоенные годы вся работа по обучению инженеров-механиков для боевых кораблей традиционно была подчинена очевидной практической цепи: выпускник училища должен уметь не только руководить подчиненными, но прежде всего должен уметь научить их всему тому, что они обязаны знать и уметь на боевых постах как в походе, так и в бою. Поэтому наряду с хорошо поставленными курсами теоретического обучения по специальности, которые хорошо обеспечивались квалифицированными преподавателями с солидным опытом такой работы, весьма основательно был поставлен и курс практического обучения. Проводилась эта работа теми же преподавателями, которые вели теоретические курсы и которые сами имели опыт корабельной службы, а также персоналом лабораторий. Он комплектовался из флотских специалистов сверхсрочной службы или отставников, отлично знавших свое дело. Училище было оборудовано лабораториями по всем инженерным курсам, и в этих лабораториях, в порядке прохождения обучения, изучались устройства и действие, правила эксплуатации и отрабатывались навыки управления этой техникой и её ремонта. Помимо и в прибавлении к этому, после каждого курса в летнюю пору предусматривалась практика.

После первого курса в течение месяца на учебном корабле «Комсомолец»,

на котором будущие морские офицеры изучали устройство Корабля, его системы, машины и механизмы, морское дело (рангоут, такелаж, сигнальное дело и т.д.), а также распорядок дня, несение вахт. Все практиканты расписывались по боевым постам и обязанности по боевому расписанию изучались со всей тщательностью.

После второго курса тоже была месячная практика на учебном корабле «Яуза». Это был корабль с двумя гребными колесами по бортам, которые вращались от двух тихоходных компрессорных дизелей - первенцев завода Нобеля. Здесь изучались главные двигатели - дизели - с разборкой и последующей сборкой в порядке проведения профилактического ремонта. На ходу несли вахту у дизелей под наблюдением матросов и старшин из экипажа корабля. Кроме того, шла вахта у вспомогательного парового котла, от которого питалась рулевая паровая машина.

После третьего курса - две практики с месячной продолжительностью каждая: практика на боевых подводных лодках и практика на Коломенском машиностроительном заводе. На подводной лодке в первую очередь отрабатывалась так называемая, вступительная задача, которая является обязательной для подготовки всего личного состава от командира до кока включительно. Без сдачи экзамена по вступительной задаче человеку позволяет присутствовать на корабле и перемещаться по его помещениям, но категорически запрещаются любые самостоятельные действия, связанные с устройством, системами и механизмами. Вступительная задача включает в себя подробное изучение устройства корпуса корабля, всех корабельных систем и тех механизмов, которые входят в эти системы и используются в различных ситуациях. Схемы систем надо уметь изображать по памяти и знать их назначение и возможности. Например, система заборной воды — как она располагается по всему кораблю, как сообщается с забортным пространством, где располагаются приемные патрубки для удаления воды из систем и трюмов, где и какие стоят клапаны, фильтры, помпы — их устройство, действие, производительность, развиваемое давление.

После сдачи экзамена по вступительной задаче человек достаточно хорошо ориентируется в многосложном корабельном хозяйстве. Параллельно изучается энергетическое вооружение подводной лодки. Еще в училище в процессе изучения корабельной техники такой же или аналогичной той, что установлена на данном корабле, приобретались навыки и общая информация. Здесь же надо было изучать все хозяйство, связанное с этой техникой, научиться им управлять. Например, главные двигатели надводного хода дизели марки 38-К-8,

изготовленные на Коломенском машиностроительной заводе (их устройство, эксплуатационные параметры), а также навыки их обслуживания были освоены в лабораториях училища. Здесь же надо изучить системы подвода топлива, смазочного масла, охлаждающей воды и т.д.

То же и относительно электрооборудования для обеспечения подводного хода. Ядерные энергетические установки, обеспечивающие ход и в надводном и в подводном положении — это достижение недавнего прошлого. В довоенное время и во время войны подводный ход осуществлялся электродвигателем с питанием от аккумуляторных батарей. И эта техника в основных чертах изучалась в училище. На практике надо было дополнительно изучить и освоить системы обеспечения главных электродвигателей — электропитание от аккумуляторных батарей, станции управления главными электродвигателями, системы охлаждения, смазки и так далее. Все это отрабатывалось за месяц напряженной работы и при активном содействии личного состава корабля и завершалось экзаменом перед комиссией из флагманских специалистов соединения.

Практика на Коломенском машиностроительном заводе обеспечивала основательное знакомство с производством дизелей непосредственно в цехах завода и под руководством заводских специалистов. Она тоже заканчивалась экзаменом — требовалось знать технологический цикл основных деталей дизеля, сборку и испытание готовых машин на заводском стенде.

После четвертого курса тоже две месячные практики. Одна из них на боевой подводной лодке с обязательной вступительной задачей и усилением эксплуатационного уклона. Вторая практика на заводе “Русский дизель”, где в ту пору изготавливались мощные реверсивные двухтактные дизели марки ЭДКР, которые устанавливались на самых крупных из довоенных подводных лодках — крейсерских типа К.

Из всего вышеизложенного видно, что к последней преддипломной практике-стажировке мы приходили достаточно подготовленными, чтобы исполнять и некоторые командные функции в должности командира группы движения. Я проходил эту стажировку на подводной лодке Л-3 Балтийского флота, которая перед войной базировалась со всем соединением, включавшим более десятка подводных лодок разного типа, в Либаве — на базе, построенной еще при Александре III.

На Балтике таких лодок было три. Они отличались большим водоизмещением и были вооружены не только торпедным оружием, но и минами, то есть они были подводными линейными заградителями. Л-3 перед моим прибытием

на нее в качестве стажера только что вернулась с завода, где проходила капитальный ремонт с модернизацией многих систем. Поэтому личный состав был занят как раз отработкой вступительной задачи и организацией службы, так как в значительной мере был пополнен молодыми матросами, пришедшими из учебного отряда взамен отслуживших срок корабельных специалистов. Однако опытных специалистов было больше половины, что существенно упрощало выполнение задач по подготовке ПЛ к самостоятельному плаванию, для чего помимо вступительной задачи надо было отработать и специальные задачи по всем корабельным специальностям и по всем боевым частям. Вся эта большая непростая работа была проделана за месяц, и уже в феврале она стала выходить в море для отработки практических задач по погружению всплыванию: вначале пробному погружению с тщательной диферентовкой, а затем, и к отработке маневра срочного погружения - маневра весьма важного в боевой обстановке. Затем отрабатывались задачи по торпедным атакам и минным постановкам в подводном сужении.

С точки зрения обучения участие во всех этих мероприятиях было для меня в высшей степени полезным, так как в прошлом во время практики мало удавалось выполнять подобных задач, а здесь-то делалось в непрерывной последовательности. Все были заинтересованы в быстрой подготовке для выхода в первую линию, т.е. для выполнения любых боевых задач, свойственных этой лодке. Поучительно было и пребывание в среде большого коллектива людей, которые в непрерывном и напряжённом труде делали свое дело и добивались хороших результатов, начав в сущности, с нуля. Последний выход в море, в котором я участвовал, длился почти полную неделю, что в условиях Балтики явление нечастое ввиду ограниченности театра. И почти всю неделю штормило - и тем не менее все поставленные задачи были успешно выполнены.

Командовал в то время ПЛ Л-3 капитан 3 ранга Грищенко, старпомом у него был старший лейтенант Коновалов, штурманом — молодой лейтенант Петров, командиром БЧ-2-3 (артиллерия, торпеды, мины) лейтенант Дубинский, а моим непосредственным начальником и командиром БЧ-5 был ставший инженер-лейтенант Крастелев. Забегал вперед скажу, что во время Великой Отечественной войны ПЛ Л-3 отличилась успешными боевыми действиями и уцелела среди очень немногих подводных лодок на Балтийском море. Коновалов, к концу войны ставший ее командиром, был удостоен звания Героя Советского Союза, и весь личный состав был орденосным. М.А. Крастелев тоже многократно награжденный, в том числе и орденом Ленина, после войны показал себя выдающимся военным педагогом и организатором. Ему принад-

лежит заслуга в создании инженерного училища в Севастополе, и закончил он свой земной путь в звании инженер-вице-адмирала.

Моя стажировка закончилась в конце апреля 1941 года Я получил высокую оценку командования подводной лодки и ходатайство перед училищем о желательности моего назначения на ПЛ Л-3 после окончания курса обучения. С соответствующей бумагой я явился в училище. Прибыли в училище днем раньше или позже и остальные мои сокурсники, закончив стажировку, и все мы приступили к завершению дипломных проектов, начатых со стажировки. Все мы уже в середине июня свой дипломный проект в основном выполнили, оставались лишь уточнения и дополнения Между тем до Начала войны оставались считанные дни.

Либава, где базировалась Л-3, отстоит от границы Германии 1941 года на расстоянии 100 миль, что для самолета разведчика четверть часа полета, и немцы в нарушение договора 1939 года едва ли не ежедневно совершали облет нашей передовой военно-морской базы, фотографировали, что хотели и никаких помех с нашей стороны им не чинилось. В то время широкого обсуждения подобных вопросов быть не могло, и даже обсуждать эти темы в кругу близких сослуживцев было рискованно, однако такие обсуждения имели место, и не оставалось никаких сомнений в том, что война на повестке дня.

Обеспокоенность создавшимся положением проявляли и жители Либавы, все имели радиоприемники, слушали передачи из Германии и не сомневались в скором наступлении войны. И в Ленинграде ситуация была весьма тревожная. В училище по утрам вместо физзарядки мы рыли окопы по аллеям Александровского сада. Окопы давались с трудом, так как грунт представлял собой строительный мусор - обломки кирпича, камней, остатки деревянных сооружений: все это на глубину до двух метров. Окопы копали в полный рост. Начинали с лопат, вскоре однако понадобились ломы и кирки. И так мы ежедневно часами трудились в течении мая и июня - до начала войны. Увольнения в город разрешались в исключительных случаях, была объявлена готовность № 2. Часто объявлялась учебная тревога, по которой надлежало с противогазом становиться в строй и бегом перемещаться в те окопы, которые мы соорудили вокруг Адмиралтейства.

И вот наступил роковой день 22 июня, воскресенье. Мы находились в своих классах, когда выступил по радио Молотов. Никакой неясности: началась война, фашистская Германия напала на нас по широкому фронту от Баренцева до Черного моря. И нам стало ясно, что кончилось время обучения. Все. как один, подали рапорты о желании в любом качестве вступить в войну. Я в своем

рапорте напомнил о ходатайстве командования ПЛ Л-3 о направлении меня именно на эту лодку. В ответ на наши рапорты командование училища сначала рекомендовало продолжить работу над дипломным проектом и сохранять спокойствие.

Но уже 25 июня был получен приказ Народного Комиссара Военно-морского флота СССР адмирала флота Кузнецова Н.Г. о досрочном выпуске нас из училища с присвоением звания инженер-лейтенанта, а вскоре состоялось назначение. В числе 18 выпускников я получил назначение на Тихоокеанский флот. Вступать в дискуссию по назначению было не принято, и уже 27 июня мы группой из десяти человек выехали из Ленинграда во Владивосток через Москву.

Из Москвы вырвались с большим трудом. Транспорт был перегружен, мы ехали в плацкартных вагонах, но на каждое место приходилось два-три пассажира. Все осознавали трудность положения, никто не роптал, большая часть пассажиров ехала по предписанию военных комиссариатов по плану мобилизации на случай войны.

В середине июля мы явились в отдел кадров Тихоокеанского флота, где с нами сначала беседовал член военного совета ТОФ генерал Захаров. Он сообщил о мерах, которые военный совет принял в связи с началом войны с Германией, в частности об обширных минных постановках на наиболее опасных участках морской границы Приморья, поскольку в то время не было никакой уверенности в нейтральности Японии. Более того ждали с ее стороны нападения со дня на день и потому спешили как можно лучше подготовиться к такому повороту событий. К счастью, японцы решили заняться утверждением моего господства в странах Южных морей и Дальнего Востока. Министр иностранных дел Японии Мацуока как раз перед нападением Германии на СССР был в Германии, откуда возвращался домой через нашу страну и, как позже стало известно, заверил свое правительство в неминуемой победе Германии, после которой без больших затрат Япония получит возможность занять территорию СССР до Урала. Теперь мы знаем также, что об этих настроениях в японских правящих кругах Рихард Зорге сообщил нашему руководству, и в трудные дни 1942 года, когда под Сталинградом решалась судьба страны, несколько дивизий, в том числе сформированная из моряков Тихоокеанского флота, были переброшены на запад и сыграли свою роль в достижении победы.

В тот же день, когда с нами беседовал генерал Захаров, мы получили назначения. Мне досталась должность командира БЧ-5 подводной лодки X бис серии Щ-137. Это была одна из трех новых подводных лодок, которые достра-

ивались на судоремонтном заводе во Владивостоке. По корабельному уставу с закладкой нового корабля должна быть укомплектована вся команда - офицеры, старшины и матросы, но в такое время перед завершением постройки из команды было всего восемнадцать человек при штатной численности команды в сорок один человек.

Командир подводной лодки капитан-лейтенант П.П. Ветчинкин имел хороший опыт практической службы. Старший помощник командира корабля лейтенант Дербушев - из запаса, служил в торговом флоте. Командир штурманской команды и связи (БЧ-1-4) лейтенант Шашенков - выпускник Тихоокеанского военно-морского училища 1941 года. Командир артиллерии и торпедного оружия (БЧ 2-3) лейтенант Емельянов - выпускник того же Тихоокеанского училища этого же года. Заместитель командира по политчасти Драница - из запаса, кузнец с одного из уральских заводов, он в 1942 году попросился в дивизию, которую отправляли в Сталинград, а заменил его лейтенант Клименко. Корабельный врач лейтенант Тарновский и я - командир БЧ-5.

Таким образом, при закладке корабля не было ни одного офицера, ни матроса. Позже, уже в начале 1941 года была сформирована небольшая группа матросов во главе со старшиной Гомановым, которая и занялась наблюдением за достройкой и охраной корабельного оборудования. Была учреждена круглосуточная вахта.

После укомплектования офицерского состава энергичнее пошло укомплектование и рядового и старшинского состава. И с первых же дней началась систематическая учеба — отработка вступительной задачи, о значении которой сообщалось выше, а также специальная подготовка специалистов всех профилей.

Полным ходом шла достройка подводной лодки, которой руководил строитель И.И. Шалаев. В августе погрузили аккумуляторную батарею, что позволило осуществить выход на пробное погружение, при котором осуществляется окончательная вывеска, то есть определение правильности загрузки балласта в цистернах по величине и положению по длине корабля. После чего осуществляется окончательная диферентовка уже перекачкой балластной воды в системе, и подводная лодка получает возможность надежного плавания под водой.

Весь личный состав сдал вступительную задачу, и появилась возможность отрабатывать другие задачи, связанные с использованием оружия. В декабре был поднят флаг — церемония, оформляемая приказом командующего флотом и удостоверяющая готовность корабля к боевым действиям.

Бухта Золотой Рог, на берегах которой разместился город Владивосток, зимой становится несудоходной из-за льда, поэтому ПЛ Щ-127 до замерзания бухты вышла своим ходом и базировалась у кромки льда в районе бухты Находка, где размещался отдельный дивизион подводных лодок. И всю зиму здесь отрабатывались все необходимые специальные задачи, так что к весне 1942 года мы были готовы решать любые боевые задачи и мы перешли к месту приписки, войдя в состав 2-го отдельного дивизиона подводных лодок, который размещался в двухстах милях от Владивостока по побережью Японского моря.

Здесь, в сказочно красивой местности, приютилась хорошо укрытая от ветров и наблюдения с моря бухта Ракушка, на берегах которой до начала войны силами небольшого строительного батальона успели возвести несколько пирсов, складских помещений, здание зарядной станции, а также здание штаба дивизиона со столовой и матросскими кубриками в первом этаже и два деревянных двухэтажных дома для размещения семей офицеров.

С началом войны строительный батальон в полном составе был отправлен на запад и строительство базы на этом закончилось. То, что успели построить, не хватало для покрытия всех потребностей и быт людей был далеко не удовлетворителен. К тому же с началом войны резко снизилось снабжение пищевыми продуктами, в том числе и для кораблей, находящихся в море, и личный состав пребывал в постоянном недоедании. Тем не менее духом никто не падал и к службе отношение было в высокой степени ответственное. Взаимоотношения внутри коллектива отличались большой терпимостью и доброжелательностью, того, что теперь именуется “дедовщиной», не было и в помине. Напротив — на военное время были снижены условия отбора во флот по здоровью и в нашу команду, поскольку она собиралась спешно, попали несколько человек с разными дефектами здоровья, но никакой дискриминации или зубоскальства на их счет не допускалось.

По прибытии в бухту Ракушка в высшей степени инициативные моряки нашей ПЛ Щ-137 наладили рыбную ловлю и тем существенно улучшили питание всего экипажа. Этот пример оказался очень заразительным, число рыбаков начало быстро возрастать, соответственно этому уровень жизни в небольшом коллективе 2-го отдельного дивизиона заметно повысился.

Не успели мы с приходом в Ракушку как следует осмотреться и обжиться, как наш командир получил предписание подготовиться к длительному походу. Ни о маршруте, ни о пункте прибытия никаких данных сообщено не было. Назначено было время выхода, а с отходом уже в открытое море, надлежало

вскрыть пакет с дальнейшими указаниями. Времени на сборы было в обрез. Загрузились продовольствием, пресной водой, топливом, смазочным маслом, проверили оружие и боезапас, пришлось выгрузить часть постоянного балласта из бортовых систем, дабы сохранить достаточную плавучесть в подводном положении.

И в одно прекрасное утро мы отошли от пирса и направились на выход из залива, и уже на выходе из залива был вскрыт пакет с предписанием маршрута следования. Нам предписывалось средним надводным ходом (11 узлов) идти в Охотское море в бухту Нагаево, вблизи которой расположена столица Колымы - город Магадан. По пути заход в Союзгавань и Александровск-на-Сахалине без увольнений и общения с местным населением. Содержание пакета сообщалось командиром старпому, замполиту и штурману, остальные оставались в неведении до самой бухты Нагаево. Предписывалось также держать наготове торпедное оружие и в определенных случаях разрешалось его применение. В полном объеме содержимое пакета стало известно только по возвращении из похода в конце августа, а вышли мы в поход в середине мая.

Погода нам благоприятствовала. На время похода предписывалось продолжать боевую подготовку, поэтому время от времени объявлялась боевая тревога с проверкой действий всех боевых постов, делали маневр срочного погружения. Проводились и специальные занятия по боевым постам, словом, работы хватало всем, а предстоял путь в общей сложности 1200 миль - это на 120 часов непрерывного хода под двумя дизелями средним ходом. Заходили на ночь в Совгавань, где была хорошо оборудованная база подводных лодок. Здесь мы пополнили запас пресной воды и воздуха высокого давления и на другой день рано утром отправились дальше.

В Александровск-на-Сахалине заходили на час-два, обменялись флажками приветствиями и опять в путь. В Охотском море проходили мимо небольшого острова Ионы — одинокой скалы, выступающей над водой на высоту, по-видимому, метров 20, окутанной мириадами птиц, поселившихся на этой скале, и далее по штилевому морю до бухты Нагаево, куда входили во второй половине тихого безоблачного дня, встреченные катером пограничной охраны.

С катера было получено указание идти за ним вглубь относительно неширокой бухты, и в самой ее глубине был сооружен пирс для нашей стоянки. Строители еще добивали последние гвозди и скобы, кругом на настиле свежие щепки и два связанных кнехта для швартовки. Рядом с ними какие-то начальники, которые пришли явно для нашей встречи. С катера последовало указание швартоваться послабее из-за здешней разницы между приливом и отливом

доходящей до четырех метров. Пришвартовались. Наш командир по переброшенному на пирс с лодки трапу сошел с палубы на пирс навстречу двум военным, которые нас ожидали, отапортовал о прибытии, его приветствовали и представились ему: заместитель генерала Никишева, владыки края, и начальник Дальснаба - организации, на которую возлагалась обязанность узнать о наших нуждах и по возможности обеспечить их. Пригласили их на лодку в кают-компанию, угостили нашим вином, которое гостям не понравилось, и тут же начальник Дальснаба получил указание выдать нам, что положено и надлежащего качества. Командир погранкатера, который тоже спустился в кают-компанию, напротив, одобрил угощение. Визит закончился прогулкой по всей лодке от носа до кормы, во время которой гостям было рассказано в общих чертах чем мы занимаемся и как мы обитаем. Все было воспринято с большим вниманием, а соседство запасных торпед, мимо которых проходили, вызвало, по всей видимости, желание поскорее вернуться наверх.

Перед уходом командиру был вручен план мероприятий, которые были намечены к нашему приходу: экскурсия на золотые прииски и два концерта в местном театре. Приглашались все желающие. Сразу скажу, что на концерте я был, а на прииск не попал, так как проводил лечебный цикл аккумуляторной батареи.

Пока мы занимали гостей, наши моряки высыпали на новый пирс и встретились с невиданным зрелищем — бухта была заполнена абсолютно прозрачной водой и при ровном неярком освещении просматривалась до дна при глубине в середине залива метров 10-10, и видны были мельчайшие подробности как в воде, так и на дне. А в воде плавало множество разных рыб от мелюзги до довольно больших - 1,5-2 кг на вид. Наши рыболовы бросились изготавливать крючки из проволоки стального троса, и тут же открылась массовая рыбная ловля. Часа через 1,5 пока мы готовились к зарядке аккумуляторной батареи, на пирсе уже валялось множество рыбы. Часть ее тут же с разрешения охраны рабочих-заключенных была вручена этим заключенным. У них оказалось ведро, щепок было много, и вскоре на берегу запылали костер, на котором готовилась уха.

Наш корабельный кок Житков, великий мастер своего дела, тут же в самой большой кастрюле принялся тоже готовить уху для всего экипажа. Рыба ловилась настолько легко, что только ленивый мог пройти равнодушно. Среди нас таких не оказалось, все отдали дань этой охоте, особенно на другой день, когда наши гости прислали нам две коробки отличных крючков и большую катушку крепких ниток для лесок. На пирсе охрана оставалась и дальше хотя заключен-

ных уже не было. На лодке тоже был, как положено, выставлен трехсменный пост вооруженной охраны. До утра следующего дня мы закончили зарядку аккумуляторной батареи, следом шла разрядка, занимавшая тоже около 12 часов, за ней последняя зарядка с обмером плотности электролита и напряжения каждого из 110 элементов. На этом лечебный цикл заканчивался. В нем были заняты электрики и мотористы. Остальная команда работала по своим планам куда входила и экскурсия на золотой прииск. Кок Житков утром следующего дня сработал пироги с рыбой, которые получили всеобщее одобрение.

К вечеру следующего дня Дальснаб доставил нам кое-какое продовольствие в том числе и отличную муку, так что пироги с рыбой надолго вошли в меню избалованной команды и никак не приедались. А рыбы в бухте по-прежнему было видимо-невидимо, никакой убыли не замечалось. С неделю мы простояли возле гостеприимного пирса, наладили связь с местным судоремонтным заводом, на котором восстановили полуду на корабельных кастрюлях. Олово нам выдал в количестве двух килограмм Дальснаб, причем заметил, что ему легче нам выдать 2 кг золота, а не олова. Золото они добывают здесь, а олово покупают в Индокитае за валюту и втридорога, так как оно является стратегическим материалом. Здесь же на заводе нам сделали ремонт кое-какого оборудования.

Затем по плану, доступному одному командиру, мы возобновили походы по Охотскому морю, по его северному побережью с заходом в мелкие бухты. На берег сходили не часто и не более 3-4 человек — такова грузоподъемность нашего тузика — небольшой шлюпки, располагающейся под палубой надстройки. В этих богом забытых местах мы встречались с тамошними немногочисленными жителями, годами оторванными от мира и цивилизации натуральным хозяйством.

Таких походов было несколько и в последнем мы достигли г.Охотска — это уже к концу нашей экспедиции в начале августа. В то время городок этот был небольшим поселком из бревенчатых домишек. Стоял он на голом берегу, лес чернел где-то вдали, в городке ни кустика, ни деревца. Подойти к берегу нельзя — мелко. Нам помогли высадиться пограничники, которые на своем катере свозили нас на берег и вернули назад. От пограничников из Охотска мы узнали, что в нескольких местах по северному побережью моря расположены поселки японских рыбаков, что существует японская концессия на лов рыбы в Охотском море. Рыба ловится, как-то обрабатывается на длительное хранение, а раза два в год сюда заходит японское судно, принимает улов и оставляет рыбакам жизненные припасы. Пограничники же разгадали причину того, что мы не заметили японских поселков, так как мы шли довольно далеко от берега.

В обратный путь мы пошли ближе к берегу и это могло бы закончиться для нас весьма печально. Дело в том, что ближе к берегу японцы расставили свои рыболовные сети, о чем нас никто не предупредил. Пострадали, пострадали и японцы. Мы шли под вечер, неяркое солнце светало нам в корму, я вышел на мостик, а штурман, стоявший на ходовой вахте приглашает меня: «Гляди, Саша, что бы это могло быть?» Вдруг у форштевня появляются какие-то усы и тут же исчезают. Я присмотрелся. Действительно, на фоне серого моря и неба вдруг у форштевня справа и слева появляется как бы струна и тут же исчезает. Это повторялось несколько раз, как вдруг как-то странно зачихали дизеля и разом встали. Я бросился вниз выяснять что случилось. Перепуганный вахтенный моторист пытается запустить один из дизелей — не запускается. С другим дизелем то же самое. Объявили тревогу, включили соединительные шифты между дизелями и электродвигателями, попытались пустить электродвигатели — выбивает автомат от перегрузки, валы не вращаются. Попытка вращать валы вручную через кулачную муфту тоже не дала результата. И тут мелькнула догадка, что между усами перед форштевнями и заклиненными гребными валами имеется какая-то связь.

Заклинились валы скорее всего из-за того, что на них намотался стальной канатик, на котором держится рыболовная сеть. Подобные явления наблюдались при намотке на валы противолодочных сетей при форсировании подводными лодками сетевых заграждений. Мы шли как раз по тому месту, где японцы расставляли свои сети, их мы и рвали одну за другой форштевнем нашей подводной лодки. Но, по-видимому, одна из сетей прошла под килем, дошла до винтов и намоталась на них.

Положение сквернейшее: в пустынном пространстве Охотского моря, где весьма редко появляются корабли или какие-то другие плавучие средства, мы оказались без хода и помощи. Очистить винты от намотанных сетей можно либо с помощью водолаза, либо поставив корабль в док. Давать сигнал бедствия, звать на помощь какой-нибудь буксир, который дотащит нас до дока - дело безнадежное. На лодках имеются кислородные легководолазные аппараты, но проделать такую работу под водой в полной темноте — тоже дело ненадежное. К нашему счастью погода была полный штиль, не холодно и течение едва заметное вдоль берега. Глубина около 15 метров по эхолоту. Решили встать на якорь на всякий случай и искать способ выйти из капкана, в который мы угодили.

Мы разложили чертежи лодки на столе и стали изучать возможность создания такого безопасного дифферента, при котором гребные винты вышли

бы на поверхность воды. Самые приблизительные прикидки показали, что по-видимому это проделать можно, во всяком случае упускать такую возможность было никак нельзя. Наметили план действий: в центральном посту на управлении средствами погружения и всплытия становится старшина группы мичман Гомонов, с ним вместе командир, штурман и старпом. За борт спускается наш тузик, в нем размещается старшина 2-ой статьи Слободчуков - командир отделения трюмной группы и командир БЧ 5, то есть я. У нас инструменты: ломик аварийный, зубило и молоток. Все эти инструменты с помощью крепких кусков шпагата предохраняются от падения в воду. С нами два ручных электрических фонарика с питанием от аккумуляторов и тоже прибинтованы шпагатом, чтобы не утонули. Наконец, у нас телефонная трубка от аварийного буя, через который мы держали связь с центральным постом. Последовательность заполнения цистерн заранее расписала и будет неуклонно выполняться по моим командам в центральный пост.

И вот мы со Слободчуковым (до флота - шахтером из Донбасса) сидим в тузике, фонарики пока не включены, я начинаю подавать команды, на наших глазах лодка погружается в позиционное положение, но уже с дифферентом на нос, так как кингстон кормовой балластной системы закрыт и в нее вода не поступает. Затем дифферент возрастает от перекачки воды из кормовой дифферентной системы в носовую. И вот мы видим: корма поднимается и обнажаются гребные винты ровно на столько, что видно на их ступицах моток каната и обрывки сети.

Маневр заканчивается. Мы со Слободчуковым принимаемся за работу, светим одним фонариком, этого оказалось вполне достаточно. Не торопясь, я поддеваю шлаг, за шлагами канатик ломиком, а Слободчуков рубит по канатику топором. Дело пошло так скоро, что нам показалось, не прошло и четверти часа, и оба винта были полностью очищены от канатика, и нигде не осталось его следов. Покрутили за лопасть немного винты — вращаются, о чем нам доложили и из центрального поста. Сложив свои инструменты на дно тузика, мы отошли из-под кормы чтобы нас не накрыло при выравнивании лодки, и дали команду привести все в исходное положение. Страшная опасность, в которой мы оказались, миновала, радость была всеобщей. Выбрали якорь, осторожно развернулись в сторону моря, чтобы опять не угодить на сети несчастных японских рыбаков.

Операция заняла от начала и до конца 1 час и 10 минут. По такому случаю командир распорядился выдать по 150 граммов того вина, которое было получено от Дальснаба, всем участникам операции, а кок оказывается сумел-таки

сохранить хороший кусок пирога с рыбой, который он испек при подходе к Охотску и этот кусок пошел как закуска к хорошему вину. Это было 12 августа 1942 года - день хорошо запомнился, поскольку таких дней бывает не так уж и много. От Охотска путь наш лежал во Владивосток для плановой постановки в док.

Может возникнуть законный вопрос: а зачем была затеяна такая экспедиция силами одной подводной лодки, что достигалось этим?; На этот вопрос мы до сих пор не знаем официального ответа. Догадываемся, что это было сделано для доклада наверх о предпринимаемых мерах для сдерживания сильного противника, каким представлялась Япония. А может быть, исполнялось какое-нибудь нечаянно выданное указание, что надо что-то сделать - и было сделано. Но если не вдаваться в высокие сферы, а смотреть на события практически, то для боевого корабля в 1942 году, когда экономился каждый килограмм топлива и каждый час моторесурса, этот поход был хорошей школой для воспитания и объединения всего экипажа на почве, общей деятельности, общей судьбы. Такая школа помогает формированию сознания ответственности за общее дело безопасности страны.

ПОНЯВИН ИВАН ДМИТРИЕВИЧ

ВОЙНА. Она была начата без объявления. В то время я был курсантом гидрографического факультета Военно-морского училища им. М.В.Фрунзе. Курсанты 2-го курса этого факультета находились на практике по гидрографии на берегу Ладожского озера в селе Лахденпохья. Война пришла не то, что неожиданно. Нет, даже среди нас, курсантов, уже несколько месяцев чувствовалось какое-то беспокойство. То газеты сообщали о высадке немцев в Норвегии, то о высадке немцев в Финляндии, потом это опровергалось. То Германия будто-бы потребовала отделения от СССР Украины. Все это не могло пройти незамеченным. И 22 июня 1941 года случилось то, что и должно было случиться. Какова была реакция нас, молодых ребят-курсантов училища?

Прежде всего, все были патриотически настроены. Все без исключения подали заявление о желании пойти на фронт. Правда, командование охладило пыл и твердо сказало, что наше депо учиться и быстрее овладеть необходимой техникой и знаниями. Среди курсантов наблюдалось и такое явление, как «шапкозакидательство». Некоторые считали, что война будет скоротечна и немецкие солдаты повернут оружие против своих «буржуа» и вместе с нами пойдут на Берлин. Другие думали, что война будет жестокой и не такой уж короткой. События разворачивались очень быстро и не в нашу пользу.

Практика была свернута, курсантов вернули в Ленинград. Вскоре нарком ВМФ решил эвакуировать все училище в г.Астрахань. Долго тянулось путешествие к новому месту, но обошлось все хорошо и без потерь. После приезда нас срочно начали обучать элементам сухопутного боя, но продолжалось это весьма немного.

Уже в конце сентября 1941 года нас досрочно выпустили лейтенантами и направили в формируемые морские стрелковые бригады. Я получил назначение в городе Ульяновск, где формировалась 84-я морская бригада. В бригаде меня поставили на должность помощника начальника разведчасти штаба бригады. В октябре бригада была сформирована и направлена под Москву, где она должна была войти в состав 1-й ударной армии и участвовать в боях с немцами, рвавшимися к Москве.

На пути к Москве эшелоны бригады были остановлены в городе Ряжске с целью выбить немцев из города Скопино. Здесь и получили боевое крещение наши молодые лейтенанты. Это была короткая задержка и через несколько дней бригада тронулась к своему главному назначению. В начале декабря 1941 года бригада прибыла в город Загорск, откуда и начала свое наступление против немцев. Эти бои вошли в историю, как бои нашей армии при разгроме немцев под Москвой.

Перейдя канал Москва-Волга в районе Яхромы, бригада в тяжелейших боях освободила ряд населенных пунктов. Особенно упорные бои были за 220-ую высоту и селения Борисово-Глеб и Петровское. Здесь немцы понесли большие потери в живой силе и технике. В освобожденных деревнях Петровское и Павельцево по данным журнала «Морской сборник», противник потерял более 1000 человек убитыми, 250 автомашины, 30 танков, 21 орудие и много другой техники.

И наши потери были ощутимые. Погиб полковник Молев — командир бригады, лейтенанты Мякота, Мальцев, ранены были И. Мальцев, Л.Мороз и в том числе и я. После ранения был перевезен из полевого госпиталя в стационарный в г. Лукоянов Горьковской области.

После госпиталя я был направлен в наркомат военно-морского флота для прохождения дальнейшей службы по специальности, откуда получил назначение на должность гидрографа в гидрографический район Астраханской военно-морской базы действующей Каспийской военной флотилии. Это было в конце 1942 года

Весной 1943 года на Волге, да и на севере Каспия, немцы предприняли ожесточенные усилия, чтобы закрыть водную артерию, по которой

непрерывно шли стратегические грузы и особенно нефть. Волга в ее устье непрерывно бомбилась и минировалась. Было специальное решение правительства об обеспечении бесперебойной доставки грузов для фронта.

В соответствии с этим решением гидрографической службой Каспийской флотилии были созданы четыре новых гидроучастка с задачей обеспечения безопасного следования караванов судов. Участкам придавались лоцманская служба, состоящая из 14 опытных лоцманов, соответствующие плавсредства. Начальнику участка были подчинены посты ВНОС и посты бакенщиков, которые обязаны были вести наблюдения за полетами самолетов и возможным сбросом мин.

Я был назначен начальником северного участка, простиравшемся от г. Астрахани до с. Замьяны. Кроме того, на начальника возлагалась ответственность за работу всех технических средств навигационного оборудования, обеспечение траления боевыми тральщиками и проводка судов по обходным фарватерам, а также контроль работы постов противоминного наблюдения.

В заключение отмечу, что ни одного подрыва на минах хотя бы маленького суденышка за мою деятельность с 1943 года до окончания войны не было.

РОТГОЛЬЦ АНДРЕЙ ВАСИЛЬЕВИЧ

Я был призван на действительную службу в Красную Армию в октябре 1939 года с первого курса ЛИСИ. Попал в полковую школу младших командиров 128-го отдельного батальона связи 31-ой стрелковой дивизии. Полковую школу окончил в мае 1940 году и стал сержантом. Служил вначале в Сталинграде, потом в Баку, Ереване и далее на турецкой границе.

В сентябре 1941 года дивизия направилась на Юго-Западный фронт. В октябре этого же года в должности командира отделения взвода связи 177-го полка 31-ой стрелковой дивизии я был ранен под Таганрогом. Эвакуирован в госпиталь в город Баку, затем в Красноводск, потом в Ташкент. После выписки из госпиталя в декабре 1941 года попал в запасной полк (город Балашов Тамбовской обл.), а оттуда уже в январе 1942 года в город Киселевск (Алтайского края), где формировалась шесть сибирских дивизий.

237-ая стрелковая дивизия, в которой я служил в должности сержанта взвода связи, после доукомплектования под Вологдой была в апреле 1942 года направлена на Воронежский фронт, и в июле вместе с другими пятью сибирскими дивизиями вступила в бой, стремясь остановить немецкое наступление. В августе эта задача была выполнена и фронт стабилизировался. В ноябре я

стал сержантом дивизионной разведроты, главная задача, которой на протяжении всей войны была одна - брать пленных.

В январе 1943 года наша дивизия перешла в наступление, участвуя в Воронежско-Касторненской операции и на Курской дуге. Форсировала в сентябре 1943 года Днепр, участвовала в освобождении Киева, Житомира, Винницы, форсировала Днестр и Прут, перешла Карпаты, освобождала Ужгород, Мукачев, Моравска Остраву, участвовала в освобождении Польши, Венгрии, Чехословакии и закончила войну около Праги. В дивизии был 21 боец со званием Герой Советского Союза.

Первое офицерское звание - лейтенант мне было присвоено в феврале 1943 года, последнее — капитан в апреле 1944 года. С апреля 1944 года я стал начальником разведки 237 стрелковой дивизии. Из боевых операций наиболее запомнившейся была битва на Курской дуге в июле-августе 1943 года.

А.В. РОТГОЛЬЦ

В ЛОГОВЕ ВРАГА

Зима 1942/43 года выдалась злой, трескучей, вьюжной. Над полями неделями завывала, трубила пурга, яростные крещенские морозы сковывали все живое. По обочинам дорог валялись заледеневшие трупы фашистов, искореженные вьюгой и морозами. Гитлеровцы окружены нашими войсками в городах Горшечное и Касторное, что неподалеку от Воронежа. В этих городах семь немецких и две венгерские дивизии. Все они старались прорваться на запад и юго-запад к своим.

...Ранним февральским утром, еще затемно, на КП командира 237-й стрелковой дивизии раздался телефонный звонок. Звонил полковник Прокофьев:

— *Товарищ генерал, разведчики вернулись с той стороны. Да, с*

гостями. Да... да... Именитых гостей привели, знатных...

— *Выезжаю, полковник, выезжаю,* — генерал поднялся из-за стола. Адьютант снял со стены его дубленый полушубок.

Через двадцать минут генерал был в штабе дивизии. Его встретил начальник разведки 38-й армии полковник Максимов. В помещении находились офицеры штаба, дивизионные разведчики. В углу, на двух широких скамьях сидели офицеры и солдаты венгерской армии.

— *Генерал-майор, командир корпуса,* — представил переводчик лейтенант Ротгольц приземистого сутуловатого генерала с обмороженной щекой.

— *Начальник артиллерии корпу-*

са, - Ротгольц кивнул на угол скамьи, откуда поднялся, неловко улыбаясь вымученной улыбкой, высокий сухощавый человек в легкой полевой шинели.

— Офицеры штаба, охрана...

Генерал с обмороженной щекой закашлялся, прикрывая рот платком и с трудом подавляя кашель, поднялся со скамьи:

— Наша дивизия никогда не хотела воевать против русских, мы сдались в плен добровольно, - переводил Ротгольц. - Мы давно уже ищем сути к капитуляции, однако немецкое командование жесточайшим образом подавляет все наши попытки. Мы не хотим воевать, и поэтому мы здесь, я и мой штаб...

Сухой надрывный кашель прервал его речь. Генерал Дьяконов жестом приказал ему сесть, чиркнул зажигалкой, прикуривая сигарету.

— А скажите, генерал, согласились бы вы подписать письмо-обращение к вашим солдатам, оставшимся в окружении, да и к немцам тоже с призывом сложить оружие? Мы не хотим напрасного кровопролития...

— Я сделаю это, генерал...

Генерал Дьяконов подозвал офицеров, о чем-то неслышно посоветовался с ними и громко приказал:

— Накормить, оказать медицинскую помощь, выдать теплую одежду!

...Через несколько часов лейтенанта Ротгольца вызвали на КП командира

дивизии.

Прикрыв за собой тяжелую, обитую войлоком дверь, Андрей зажмурился от яркого света фонаря, висевшего над столом генерала.

— Проходи, Андрей Васильевич, проходи, - прерывая его доклад, пригласил генерал Дьяконов. Из-за стола поднялся, протягивая Андрею руку, начальник армейской разведки полковник Максимов.

— Вашу работу с пленными немцами не переоценишь, лейтенант Ротгольц, - полковник пристально, словно бы ожидая реакции на свои слова, смотрел в глаза Андрея. - А теперь настало время поговорить с мадьярами. Генерал сдержал свое слово. Его обращение к солдатам и офицерам, оставшимся в Горшечном, необходимо доставить прямо туда и вручить командирам венгерских подразделений. Таков приказ командующего армией генерал-лейтенанта Чибисова.

Ротгольц, замерев, слушал полковника.

Лошади шарахнулись в сторону. Сержант Кошелев едва не вылетел из саней, выронив на дорогу белый флаг, и тут же выхватил из-под охапки сена гранату.

— Отставить, Кошелев!

— Прорвемся, товарищ лейтенант. Я пару прихватил...

Андрей резким движением вырвал у сержанта гранату, сунул ее под

сиденье. Снова ударила автоматная очередь, теперь уже сзади.

— Влево, Закиров, влево! Под мост давай!

Сани проскочили под мостом, и Андрей сразу же увидел возле железнодорожной будки группу немцев.

«Ну, вот и приехали... Нескладно, однако, получилось с флагом. А здорово окопались гады. Ледяной вал — что кремль вырос! Конечно, им было не до окопов...»

— Хальт! Хальт!

Гитлеровцы окружили сани тесным кольцом. Кошелева и Закирова стащили с повозки, заломили им руки. Ротгольц соскочил с саней сам, поискал глазами офицера. К нему бросился огромный, словно статуя, обер-фельдфебель.

«Вот тебе и мадьяры...» — лейтенант попытался жестом остановить гиганта-фашиста. Намерения того были недвусмысленны.

— Я привез важный пакет на имя вашего командования, - громко и повелительно сказал он по-немецки. - И прошу меня проводить!

Обер-фельдфебель на мгновение оторопел, моргая белесыми ресницами, что-то про себя сообразив, протянул руку.

— Гебен зи мир! - потребовал он и добавил, что сам передаст пакет, а русские пусть подождут здесь.

— Я не могу этого сделать, у меня другие полномочия, - стараясь

быть как можно спокойнее, ответил Ротгольц. — Я должен встретиться с представителями немецкого штаба.

Обер-фельдфебель, чуть помедлив, прошел к железнодорожной будке. И Андрей услышал, как он кричал в трубку полевого телефона, докладывая о прибытии русских парламентариев.

И вот он уже приближается опять, этот детина с заиндевевшими бровями и рыжей щетиной на щеках, Андрей почувствовал, как между лопаток медленно потекла ледяная струйка, и подумал о «вальтере»: «Сейчас, конечно, обыщут...»

Обер-фельдфебель что-то негромко сказал солдатам, державшим Кошелева и Закирова, и те, подталкивая их сзади прикладами, повели в сторону от будки, к полуразрушенному помещению, напоминающему угольный или дровяной склад.

Глаза лейтенанта завязали какой-то темной тряпицей и взяли его под руки. В нос сразу же неприятно ударил запах эрзац-табака и резкого пряного одеколона. Шагать пришлось через канавы и колдобины, о которых его вежливо предупреждали спутники, однако стоило едва замедлить шаг, о спину упирался ствол автомата.

«Если “вальтер” не отберут и в дальнейшем...»

— В каком звании пребываете, господин офицер? — с ехидной усмешкой спросил грузно топающий

справа обер-фельдфебель.

Андрею пришлось ответить.

— Гут! Зер гут! — все в том же тоне ответил немец.

Андрея потянули за руку влево, и он почувствовал под ногами крутые скользкие ступени, ведущие, очевидно, в подвал. Сознание почему-то судорожно отсчитывало эти ступени. «Четыре, пять... семь...» Дальше гулкий цементный пол. «Тум-тум-тум-тум!» - стучат справа и сзади тяжелые сапоги.

Андрея втолкнули в залитое ярким светом помещение, это он почувствовал через повязку. Повязку сдернули. За широким столом сидело несколько офицеров. В стороне, возле ящиков полевых телефонов, суетились связисты. Все были в белых маскхалатах.

У торца стопа сидел полный седовласый полковник. Его погон не было видно, но Андрей легко определил его титул - к нему обращались по званию.

Полковник встретил лейтенанта долгим изучающим взглядом.

— Ну... с чем пожаловали? - наконец спросил он высоким, хорошо поставленным голосом.

Кажется, именно это и подействовало на Андрея отрезвляюще. Твердой поступью он подошел к столу и протянул немцу пакет. Тот взял его, как берут несвежий носовой платок, за уголок двумя пальцами и, увидев, что надпись на конверте сделана по-венгерски, брезгливо отбросил в

сторону.

— Сообщите содержание письма, - приказал он, снимая с переносицы пенсне в тонкой золоченой оправе.

— В нем обращение генерала к венграм и немцам, окруженным здесь, полковник. Генерал призывает капитулировать. Советское командование уполномочило меня передать вам, что русские не хотят напрасного кровопролития. Всем, сдавшимся добровольно, будет сохранена жизнь, обеспечена медицинская помощь и питание... - Андрей посмотрел на часы.

— В Вашем распоряжении около трех часов, в двенадцать ноль-ноль заговорят наши «катюши».

— Довольно! - резко остановил Андрея полковник, поднимаясь из-за стола. - Соедините с генералом! - бросил он, подойдя к связистам, и через какие-то считанные секунды уже говорил в трубку:

— Тут приехал русский с пакетом от этой венгерской собаки, сдавшейся со штабом в плен. Какие будут распоряжения?

Только бы скорее. Как противны этот свет, бьющий прямо в глаза, эти грязные маскхалаты уставившихся на него с наглой улыбкой гитлеровцев и этот голос, монотонно повторяющий: «Яволь, яволь...». И, наконец, эта фраза, ударившая прямо в виски: А что делать с этим русским?

Волна зябкой прохлады пробежала по спине лейтенанта. «Ну вот,

наконец...»

Полковник опустил трубку и медленно, будто бы нехотя, вернулся на свое место, затем достал из футляра миниатюрную пилку, стал тщательно отрабатывать ногти, словно забыв обо всем, его окружающем, в том числе и об Андрее.

Снова потекли томительные минуты. Наконец маникюрный реквизит был водворен на место, и полковник взглянул на лейтенанта, будто только что его заметил.

— Немцы никогда не капитулируют! — с пафосом, как герой на сцене перед закрытием занавеса, произнес он.

И тут Ротгольц с облегчением почувствовал второе дыхание. Как на лыжне, когда пройдена большая, главная часть пути.

— А под Сталинградом? — спросил он, пристально глядя прямо в глаза полковника.

— Что-о?! — взревел тот, медленно багровея. — Мне ничего об этом неизвестно!

«Кому-нибудь еще скажи... Неизвестно! А Паулюс уже две недели, как сдался. А впрочем... кто вас знает, что вам известно...»

В комнату вошел майор с повязкой на рукаве. Полковник жестом остановил его доклад и распахнул перед ним и вошедшим вслед за ним офицерами в форме немецких танковых войск узкую боковую дверь.

Проходя мимо Андрея, полковник покосился на него, однако ничего не сказал.

Ротгольц отступил назад и опустился на широкую скамью, обтянутую серым сукном. Трое сидящих за столом офицеров насторожились. Андрей прислонился затылком к стене и прикрыл глаза. И вот уже послушная память, как бы рассеивая дымку, приоткрывает перед ним одно видение за другим. Огненный закат над уснувшим озером и ветреное пасмурное утро. Примороженная мозаика стеклянной веранды, снежины на тугих косах и бездонная глубина карих девичьих глаз.

Андрей посмотрел на часы. Пошел одиннадцатый час — третий час из четырех, отпущенных ему на визит.

— Я прошу напомнить полковнику обо мне! — потребовал лейтенант, поднимаясь со скамьи. — Время ограничено.

Офицеры, перебирающие на столе бумаги с крупным готическим грифом, посмотрели на него, как на пустое место.

— Не шевелиться! — вяло и нехотя бросил один из них.

Андрей снова сел. И тут, будто горячим куском металла, обожгло его сквозь толстую штанину. «Вальтер! Как он мог позабыть о нем!» Мысль работала лихорадочно: «А ведь можно сейчас прикончить эту троицу. И довольно спокойно, а заодно и двух

связистов... Впрочем, что могут значить эти пять пешек? Подождем еще. Хотя... осталось всего немногим больше часа. От этой берлоги до переднего края — полчаса ходу, да на кутерьму уйдет время». И ехать полчаса. Но все это в лучшем случае. А в худшем...»

Ротголец резко поднялся, шагнул к двери. Один из офицеров выбежал из-за стола, преграждая ему путь. Но в этот момент, едва не задев его по плечу, резко распахнулась дверь.

Полковник прошел через комнату, направляясь к рации.

— Я прошу вас дать мне письменный ответ, господин полковник!

Полковник обернулся, посмотрел на Андрея, словно удивляясь, что он еще здесь и, покачав головой, коротко приказал офицерам увести его.

И снова гулкий цемент, ступени. Ледяной ветер во дворе, ударивший в лицо. Стали завязывать глаза, но лейтенант успел увидеть повозки, несколько разбитых машин с опознавательными знаками «чайка» и «дубовый лист». «Триста сороковая и шестьдесят восьмая пехотные дивизии, — отметил он про себя. — Опять эта противная повязка... А повязку-то на глаза приговоренному не наденут — им не до китайских церемоний!»

По рытвинам и колдобинам под ногами, по повороту направо он догадался, что ведут назад, к железнодорожной будке. В который раз уже

он мысленно проделывал путь правой руки до глубины кармана. «Карман-то, как на грех, длинный, до колена. И все же можно успеть, только бы не стреляли в спину... Сколько же еще прошло времени?...»

— Который час? - негромко спросил он у сопровождающих.

Ответа не последовало.

И только когда дошли, когда освободили ему глаза, он увидел, что добегал двенадцатый час. Опять пошли минуты ожидания, последние минуты последнего часа.

Наконец привели Закирова и Кошелева, сняли с них повязки.

Закиров начал подтягивать постромки, поправлять упряжь.

— Шнель, шнель! — поторапливал рыжий фельдфебель, угрожающе помахивая автоматом.

«Да, по живой-то мишени...» — подумал Ротголец, опускаясь в розвальни. Он сел, стараясь находиться вполоборота к немцам. Едва окинув еще раз взглядом небольшой участок переднего края, он услышал вой снарядов.

— Началось, ребята! Трогай помалу ...

Лошади дернули. Лейтенант успел увидеть, как заметались гитлеровцы, еще раз услышать заполошный крик фельдфебеля и упряжка нырнула под мост. Путь вдоль дороги оказался свободным, но и снаряды рвались едва ли не у самого полотна. Лошади

мчались навстречу залпам. Канонада усиливалась.

— Стоп, Закиров! Тормози!

Кошелев, перегнувшись через борт, выхватил из сугроба белый флаг.

— Молодец, сержант! - похвалил Андрей. - Имущество – казенное, подлежит возврату.

...Капитан Филатов, в который раз уже курсирующий от НП командира дивизии к штабной землянке, увидел упряжку первым. Бросился навстречу.

Андрей соскочил с розвальней и, махнув оставшимся в санях Кошелеву и Закирову рукой, пошел в сторону.

— Стой, Андрей! Куда же ты? Стой! — капитан Филатов бежал ему наперерез.

А Ротголец остановился у обожженной, задетой снарядом сосны и прислонился щекой к шершавой смолистой коре.

— Ты что, Андрюша? Что с тобой?.. — Филатов протянул ему флягу со спиртом.

Андрея била мелкая дрожь. Он не мог унять ее и все крепче прижимался к сосне, заледеневшей, пораненной, но пахнувшей ничем не заменимым запахом России.

— ...И не давал я тебе никакого спирта. Путаешь ты что-то, Андрей, — возразил полковник Филатов.

— Ну да — кому скажи! Что-что, а спиртыга у тебя всегда бывал. На пожарный случай, конечно...

Я сижу рядом, слушаю ту шутильную перебранку двух бывалых людей, нашедших друг друга через тридцать с лишним лет, и пытаюсь хоть на мгновение представить себе все то, что довелось мне от них услышать.

— Андрей Васильевич, а что же было дальше?

— Дальше... Дальше порядок. Немцев мы, конечно, выбили, освободили и Горшечное и Касторное. Венгры полностью капитулировали. Часть фашистов, правда, прорвались на запад - к своим. Что же касается нашего задания, то командование посчитало, что свою задачу мы выполнили: ультиматум с предложением и условиями капитуляции был передан вовремя. Все участники операции были награждены.

— Андрей первым в нашей дивизии награжден орденом Отечественной войны, - с гордостью сообщает полковник Филатов.

ТОРЖЕСТВЕННЫЙ ВЕЧЕР УНИВЕРСИТЕТА ИТМО, ПОСВЯЩЕННЫЙ 60-ЛЕТИЮ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ

Ветераны Вооруженных сил Российской Федерации. Актовый зал, 2005 год

Фотография на память (слева-направо): капитаны 1-го ранга Б.П. Павлов и С.А. Березовский, капитан 1-го ранга в запасе В.С. Кулагин, начальник института комплексного военного образования, капитан 1-го ранга Г.П. Жигулин

ВETERАНЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ, РАБОТАВШИХ В ЛИТМО–УНИВЕРСИТЕТЕ ИТМО В ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ

	АВДЕЕВ Сергей Павлович – доктор технических наук, профессор кафедры оптико-электронных приборов, в годы войны старший техник-испытатель военной техники
	АГЛИНЦЕВ Константин Константинович – доктор технических наук, профессор заведующий кафедрой физики, работал в эвакуации в городе Черепаново
	АКСЕЛЬРОД Захар Маркович – доктор технических наук, профессор, заведующий кафедрой, работал в эвакуации в городе Черепаново
	АЛЕКСАНДРОВ Виктор Валентинович – рабочий, слесарь ОГМ, старший матрос, участник боевых действий на Волховском фронте
АЛЕКСЕЕВ Виктор Валентинович – кандидат технических наук, доцент военной кафедры, начальник цикла гражданской обороны, участник обороны Ленинграда	
	АЛЕКСЕЕВ Анатолий Васильевич - кандидат технических наук, доцент военно-морской кафедры, участник обороны Ленинграда
	АНАНОВ Георгий Давидович – доктор технических наук, профессор, заведующий кафедрой начертательной геометрии и черчения, начал войну в Западной Белоруссии в районе г. Барановичи, с января 1942 года до конца 1943 года воевал на Украинском фронте.
	АНТОНОВ Николай Андреевич – сторож, воевал на Ленинградском фронте, старший сержант

НАШИ ВЕТЕРАНЫ:
они трудились в нашем вузе

	АНТОНОВ Аркадий Александрович – сотрудник бухгалтерии, воевал в составе 3-его Украинского фронта, старший сержант
	АРХИПОВ Геннадий Осипович – начальник цеха, директор учебно-производственных мастерских (1937-39). Ассистент кафедры метрологии (1940-41, 1946-49), кандидат технических наук, доцент, декан факультетов электроприборостроения (позже радиотехнического) и вечернего. В 1941-42 годах воевал на Ленинградском фронте, командир взвода, в бою под Невской Дубровкой был тяжело ранен.
АСТАФЬЕВА Анна Герасимовна – участница боев за Кавказ, награждена медалью «За оборону Кавказа»	
	БАЛОБЕЙ Феликс Павлович – кандидат технических наук, доцент кафедр радиотехники и электроники, житель блокадного Ленинграда
БАТУНОВА Евгения Тимофеевна – участник боевых действий Великой Отечественной войны, ефрейтор	
	БАРУН Владимир Абрамович – кандидат технических наук, доцент, заместитель директора по научной работе, заведующий кафедрой технологии приборостроения, декан факультета точной механики, работал в эвакуации в городе Черепаново
	БАХРАК Арон Михайлович – кандидат экономических наук, будучи командированным с завода №1169 с 01.01.43, стал доцентом кафедры экономики производства, заместитель директора по научно-производственной части в Черепаново
БЕЛОВ В. – в годы Великой Отечественной войны – комиссар полка Московской дивизии Народного ополчения	

**ВETERАНЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ, РАБОТАВШИХ В
ЛИТМО – УНИВЕРСИТЕТЕ ИТМО В ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ**

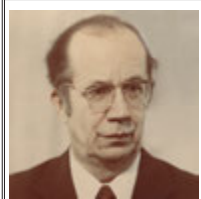
БЕЛЯЕВ Николай Михайлович – заведующий лабораторией, сотрудник Военно-ремонтной базы Ленинградского фронта, работавшей в ЛИТМО в годы войны, старший лейтенант, воевал на Ленинградском фронте

БЕЛЯКОВА Нина Васильевна –
библиотекарь, во время войны - вольнонаёмная

БЕРЕЗНИКОВСКИЙ Сергей Федорович - кандидат технических наук, доцент, заведующий кафедрой общей и специальной электротехники, работал в эвакуации в городе Черепаново

БИНДЛЕР –
ассистент кафедры сопротивления материалов в городе Черепаново

БЛОКОВ Павел Константинович – старший преподаватель кафедры технологии приборостроения, участник обороны Ленинграда, воевал на Ленинградском фронте, лейтенант-инженер

БОГДАНОВ Аркадий Михайлович –
учебный мастер кафедры теории механизмов и деталей приборов. Ему довелось воевать и на Дальнем Востоке против империалистической Японии, был ранен в кровопролитных боях за Петсамо и Киркинес, сержант

БОГДАНОВИЧ Михаил Митрофанович – доктор технических наук, доцент кафедры навигационных приборов, в 1941-42 годах – боец добровольца 52-ой дивизии действующей армии, был ранен

БОЖЕНКОВ Леонид Михайлович – участник боев на Сталинградском фронте, полковник

БОЛТУНОВ Иван Павлович – кандидат технических наук, доцент кафедры автоматики и телемеханики, заместитель декана факультета точной механики и вычислительной техники

НАШИ ВЕТЕРАНЫ:
они трудились в нашем вузе

	БОНДАРЕНКО Алексей Михайлович – начальник отдела капитального ремонта, младший лейтенант интендантской службы Южного фронта
БОЧКОВСКИЙ Владимир Григорьевич – рабочий кафедры электротехники	
БУДНИКОВ Иван Григорьевич – мастер экспериментально-опытного завода, служил на Ленинградском фронте в должности старшего сержанта.	
	БЫСТРОВ Алексей Михайлович - преподаватель кафедры физического воспитания и спорта, рядовой пулеметчик, четырежды ранен в боях, форсировал Неву и прорывал блокаду
БАВИЛОВ Василий Дмитриевич – преподаватель факультета среднего профессионального обучения, во время войны – участник боевых действий, старшина	
	ВАСИЛЬЕВ Лев Иванович – кандидат технических наук, доцент, заведующий кафедрой материаловедения (1975-85 годы), председатель Методического совета ЛИТМО (1978-82)
	ВАСИНЕВ Евгений Сергеевич – начальник первого отдела, участник обороны Ленинграда
	ВЕЙНГЕРОВ Марк Леонидович - доктор технических наук, профессор кафедр общей физики (1945-48 годы), инфракрасной техники (1948-54 годы), физической оптики и спектроскопии (1956-65 годы), профессор кафедры физической оптики и спектроскопии (1954-56, 1965-67 годы)

**ВETERAНЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ, РАБОТАВШИХ В
ЛИТМО – УНИВЕРСИТЕТЕ ИТМО В ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ**

ВЕЛИЧКО Анатолий Яковлевич – сотрудник отдела кадров, начальник отдела производственной практики студентов, в 1941 году - курсант, позже участвовал в боевых операциях на Каспийском флоте. Проводил минные постановки в Северной Корее.

ВЕРЖБИТСКИЙ А.Г. –

директор техникума точной механики и оптики в Черепаново, ассистент кафедры физики

ВЕТВИНСКИЙ В.В. –

старший преподаватель кафедры метрологии в Черепаново

ВИНОГРАДОВА Лидия Михайловна –

кандидат технических наук, доцент кафедры физики

ВЕСЕЛОВ Александр Васильевич –

рабочий экспериментально-опытного завода принимал участие в войне против империалистической Японии на Тихом океане

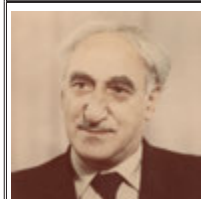
ВЕСЕЛОВ Андрей Власович – начальник отдела капитального строительства, во время блокады возглавлял восстановительно-ремонтную бригаду ЛИТМО

ВИНОГРАДОВ Михаил Николаевич – учебный мастер военной кафедры, оборонял Ленинград в частях Балтийского флота, мичман Черноморского фронта – участник обороны Севастополя

ВОРОНИН С.В. –

кандидат технических наук, доцент, воевал на Ленинградском фронте

ВЫСОКОДВОРСКИЙ Илья Абрамович – кандидат технических наук, доцент кафедры технологии приборостроения, сражался на Западном и Белорусском фронтах, освобождал Варшаву и брал Берлин

ВЯТСКИЙ Алтер Яковлевич – доктор технических наук, профессор, доцент кафедр теоретической физики, физической оптики и спектроскопии (1951-54), заведующий кафедр электровакуумных приборов (1954-57), физики (1957-73), профессор кафедры физики (1973-77)

НАШИ ВЕТЕРАНЫ:
они трудились в нашем вузе

	ГАВАЛЛАС Лев Аристидович – старший преподаватель кафедры физики, участник обороны и прорыва блокады Ленинграда, был ранен
	ГАЛКИН Федосий Яковлевич – кандидат технических наук, доцент кафедры вычислительной техники, в 1941-45 годах - воентехник Советской Армии, награжден медалью «За победу над Германией»
ГАЛКИНА Ирина Михайловна – библиотечкарь, во время Великой Отечественной войны – вольнонаемная	
	ГАНТУ Юрий Борисович - старший преподаватель кафедры автоматики и телемеханики, командовал отделениями Ленинградского фронта и получил два ранения
	ГАРИНА-ДОМЧЕНКО Ариадна Николаевна – кандидат технических наук, доцент кафедры радиолокационных приборов и устройств; летом 1941 года ушла добровольцем на фронт, работала медсестрой в Ленинградском военном госпитале
	ГАРФУНКЕЛЬ Семен Львович - кандидат экономических наук, доцент кафедры организации производства (1946-47), заведующий кафедрой организации производства (с 1958 года - экономики промышленности и организации производства) (1953-68). В ЛИТМО работал до 1976 года
	ГЛАЗОВ Георгий Алексеевич – доктор технических наук, профессор, декан факультетов точной механики (точной механики и вычислительной техники) (1966-74) и повышения квалификации преподавателей (1976-78), ветеран войны труда
	ГЛЫБИН Олег Федорович - преподаватель кафедры электротехники, воевал на Ленинградском фронте, лейтенант

**ВETERАНЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ, РАБОТАВШИХ В
ЛИТМО – УНИВЕРСИТЕТЕ ИТМО В ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ**

	ГОБЕРМАН Пальтиель Ноевич - доктор технических наук, профессор, заведующий кафедрой метрологии в эвакуации в Черепаново (1941-45), доцент ЛИТМО (1945-56), профессор кафедр тепловых и контрольно-измерительных приборов (1966-68) и приборов времени (приборов точной механики) (1968-73)
	ГОЛУБЕВ Василий Павлович – рабочий административно-хозяйственной части, инвалид ВОВ, сражался на разных фронтах и в составе Военно-Воздушных сил
	ГОЛЬДБЕРГ Георгий Рафаилович – ведущий конструктор ОК бюро, будучи студентом 2 курса, в годы войны работал в городе Пушкин в мастерских по ремонту военной и гражданской техники, воевал на Ленинградском фронте (с октября 1941 по февраль 1943 года), капитан-лейтенант-инженер, учился в Черепаново
	ГОЛЬДИС Клара Львовна – студентка и старший препаратор кафедры сопротивления материалов в городе Черепаново
ГОЛЯКОВ В.А. – старший преподаватель кафедры начертательной геометрии и черчения, воевал, был трижды ранен	
	ГОРЛУШКИН Николай Анатольевич командир отделения артиллерийской разведки, участник боевых операций по прорыву блокады Ленинграда, освобождению Украины, Венгрии, Австрии, Румынии
	ГОРОДИНСКИЙ Григорий Михайлович – аспирант (1940-41 годы), кандидат технических наук, доцент, профессор кафедры физической оптики и спектроскопии до 1980 года. Воевал на Ленинградском фронте, военком первого отдельно дивизиона 871-го истребительного противотанкового полка

НАШИ ВЕТЕРАНЫ:
они трудились в нашем вузе

	ГОРШКОВА Антонина Александровна – сотрудница охраны, рядовая участница обороны Ленинграда
ГРИГОРЬЕВ Федор Григорьевич – рабочий кафедры технологии приборостроения, участник обороны Ленинграда	
ГРИГОРЬЕВ Григорий Васильевич – кандидат технических наук, доцент кафедры технологии приборостроения, командир истребительного противотанкового дивизиона Ленинградского фронта, участвовал в освобождении Выборга, Кингисеппа, Нарвы, Таллинна и др. городов. За освобождение острова Хийум (Даго) награжден орденом Александра Невского	
	ГУСЕВ Петр Федорович – рабочий ОГЭ (лифтер), воевал на Ленинградском фронте, рядовой
	ГУРЕВИЧ Роза Семеновна – старший лаборант кафедры физики, ставшая связной партизанского отряда в 11 детских лет, была награждена медалью «Партизану Великой Отечественной войны»
ГЯЧ В.В. – преподаватель, командовал отделениями Ленинградского фронта и получил и 2 ранения	
	ДЕДЮЛИН Василий Павлович – аспирант (1939-1941), доцент кафедры специальных оптических приборов, главный инженер военно-ремонтной базы Ленфронта в блокадном Ленинграде.
	ДЕМИЧЕВ Михаил Павлович – сотрудник административно хозяйственной части, участник гражданской войны, воевал на Ленинградском фронте, оборонял Ленинград, сержант

**ВETERАНЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ, РАБОТАВШИХ В
ЛИТМО – УНИВЕРСИТЕТЕ ИТМО В ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ**

ДЕРГАЧЕВА Маргарита Сергеевна –

сотрудник учебного отдела, житель блокадного Ленинграда, награждена медалью «За оборону Ленинграда»

ДИБЦЕВ Николай Яковлевич – кандидат технических наук, доцент, воевал на Ленинградском фронте

ДИВЕЕВ А.В. -

кандидат технических наук, доцент, заведующий кафедрой марксизма-ленинизма в Черепаново

ДОГАДКИН Александр Александрович – рабочий экспериментально-опытного завода, командир минометной роты, воевал на юге за Сталинград, Кавказ, Украину, на Курской дуге, позже он штурмовал Будапешт и брал Вену

ДОЛМАТОВ Николай Григорьевич – швейцар охраны, Ленинградский фронт, сержант

ДРОЗДОВ Александр Александрович – заведующий лабораторией кафедры технологии приборостроения, сражался за оборону Москву, участник боев за освобождение Белоруссии и Восточной Пруссии, Кенигсберга, был ранен, награжден орденами Славы, Отечественной войны I-ой степени, медалями «За оборону Москвы», «За взятие Кенигсберга», сержант

ДУБНЯК Валентина Михайловна – кандидат филологических наук, заведующая кафедрой иностранных языков, сержант, участница обороны Кавказа

НАШИ ВЕТЕРАНЫ:
они трудились в нашем вузе

ДУБОВИК Александр Матвеевич – маляр, ушел на фронт из ЛИТМО, участвовал в сражениях на Волховском и Ленинградском фронтах, сражался под Мгой, Выборгом, Красным Селом, старший лейтенант. Награжден орденами Отечественной войны 2 степени и Красной Звезды, медалями	
	ДУБРОВСКИЙ Виктор Сергеевич – преподаватель кафедры охраны труда и окружающей среды, участвовал в боях за оборону Москвы и на Белорусском фронте, гвардии-майор
	ДУЛЬНЕВ Геннадий Николаевич – доктор технических наук, профессор, ректор ЛИТМО, зав. кафедрой теплофизики; во время эвакуации - студент в Черепаново
	ДЫГИНА Маргарита Сергеевна – заведующая кафедрой иностранных языков, житель блокадного Ленинграда, награждена медалью «За оборону Ленинграда»
ДЮКОВА Мария Леонтьевна – контролер охраны 18 отряда, участница обороны Ленинграда	
	ЕФИМОВ Николай Владимирович – кандидат технических наук, доцент кафедры радиотехники, декан вечернего факультета, начальник учебной части; оборонял Кавказ, штурмовал Кёнигсберг и закончил войну в Берлине
	ЖАРОВ Анатолий Федорович – первый председатель совета ветеранов войны и труда вуза, участник боевых действий Великой Отечественной войны, капитан 1-го ранга
	ЖДАНОВ Юрий Васильевич – заведующий лабораторией кафедры физики, председатель совета ветеранов Университета ИТМО до 2009 года

**ВETERАНЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ, РАБОТАВШИХ В
ЛИТМО – УНИВЕРСИТЕТЕ ИТМО В ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ**

ЖУРКИНА Екатерина Михайловна –

инспектор отдела кадров, участница военных действий, награждена 6 медалями

ЗАЗЕРСКИЙ Георгий Дмитриевич – кандидат философских наук, доцент, заведующий кафедрой марксистско-ленинской философии, заведующий кафедрой философии и научного коммунизма (до 1977 года). Ветеран Великой Отечественной Войны

ЗАЙЦЕВА Галина Ивановна

лаборант кафедры начертательной геометрии и черчения, житель блокадного Ленинграда, награждена медалью «За оборону Ленинграда»

ЗАКРЕВСКИЙ Михаил Игнатьевич – старший преподаватель, участник обороны Кавказа, сражавшийся в составе Дунайской военной флотилии Черноморского флота, капитан

ЗАХАРОВ Иван Захарович – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории партии, воевал на 1-ом Белорусском фронте, полковник

ЗИЛИТИНКЕВИЧ Сергей Илларионович – доктор технических наук, профессор, зав. кафедрой радиотехники, заместитель директора ЛИТМО по научной и учебной работе (1946-50). Во время войны по заданию Ленфронта был откомандирован в главную геодезическую обсерваторию в качестве профессора-консультанта (1942-45), создал ряд универсальных приборов для аэрометеорологических измерений

ЗИМИН Иван Иванович – заведующий лабораторией кафедры бортовых приборов управления, участник обороны Ленинграда

НАШИ ВЕТЕРАНЫ:
они трудились в нашем вузе

	ЗОЛОТОВ Евгений Сергеевич – рабочий отдела капитального ремонта, участник Великой Отечественной войны
	ИВАНИНА Павел Сергеевич – старший преподаватель, воевал на Ленинградском фронте, капитан-лейтенант
	ИВАНОВ Александр Николаевич – кандидат технических наук, доцент, заведующий кафедрой радиотехнических приборов и устройств, доцент кафедры теоретических основ электротехники, радиолокационных приборов и устройств, воевал в частях противовоздушной обороны (ПВО)
ИВАНОВ В.И. – слесарь-сантехник ОГМ, получил восемь ранений в боях Великой Отечественной войны	
	ИВАНОВ Игорь Васильевич – кандидат технических наук, доцент, заведующий кафедрой Радиотехнических приборов (1957-62), проректор по учебной работе (1962-63); командир батареи (1941–43), начальник цеха (1943–45).
ИВАНОВ Александр Александрович – начальник цикла военно-морской кафедры, с начала войны воевал на Кавказе в противовоздушных войсках в составе 122-го артиллерийского зенитно-ракетного полка	
	ИВАНОВА Валентина Вячеславовна – кандидат технических наук, доцент кафедры теории механизмов и деталей приборов, инвалид Великой Отечественной войны, кавалер ордена Отечественной войны первой степени, член Совета ветеранов 690-го истребительного артиллерийского противотанкового полка, служила на Ленинградском фронте, сержант

**ВETERАНЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ, РАБОТАВШИХ В
ЛИТМО – УНИВЕРСИТЕТЕ ИТМО В ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ**

ИДЕЛЬСОН Наум Ильич – исполняющий директора ЛИТМО в городе Черепаново Новосибирской области с 21 ноября 1942 года по 25 января 1943 года, директор техникума точной механики и оптики

ИЛЬИН Виктор Иванович –

доцент кафедры истории, воевал на Ленинградском и других фронтах, имеет 4 боевых награды

ИЛЬИН Иван Ильич – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, полковник; комиссар полка, отдельного артиллерийского пулеметного батальона, инструктор политотдела армии до парторга штаба армии

ИЛЬИН Петр Алексеевич – доцент кафедры гироскопических и навигационных приборов ЛИТМО (1946-63), заведующий аспирантурой (1953-54); декан факультета точной механики (1962-66), профессор кафедры гироскопических и навигационных приборов, воевал на Ленинградском фронте, капитан-инженер

ИЛЬЧИШИН Иван Андреевич – учебный мастер военной кафедры, старший механик, воевал на Ленинградском фронте, старший лейтенант

КАДЫКОВ Владимир Иосифович – кандидат технических наук, доцент, заведующий кафедрой сопротивления материалов во время эвакуации в Черепаново, декан факультета точной механики (1944-62), доцент кафедры технической механики, награжден орденом Трудового Красного Знамени

КАПУСТИН Александр Александрович – кандидат исторических наук, доцент, директор ЛИТМО (1953-1970), депутат Ленинградского городского Совета депутатов (1961-65), в 1941 ушел добровольцем на фронт и до 1945 года воевал

КАРАВАЕВА Елена Савельевна –

библиотекарь, житель блокадного Ленинграда, награждена медалью «Житель блокадного Ленинграда»

НАШИ ВЕТЕРАНЫ:
они трудились в нашем вузе

	КАРАСЕВ Алексей Александрович – доцент кафедры истории партии, Ленинградский фронт, полковник
	КАРЛОВ Василий Иванович – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории партии, участник Сталинградской битвы
	КИРИКОВ Михаил Константинович – учебный мастер кафедры технологии приборостроения, сражался за Ленинград на Карельском перешейке, громил курляндскую группировку фашистов, воевал в составе IV Украинского фронта, закончил войну в Праге, старший лейтенант-техник
КИРСТ Михаил Андреевич – доцент кафедры бортовых приборов управления, дважды ранен в боях, участник трёх величайших сражений войны – Московской, Сталинградской и Курской битв	
КИСЕЛЁВ Август Николаевич – старший лаборант военно-морской кафедры, сражался в частях и на кораблях дважды Краснознамённого Балтийского флота, участвовал в боях за оборону Ленинграда	
	КЛИМОВ Юрий Алексеевич – старший научный сотрудник кафедры электротехники, заместитель декана инженерно-физического факультета, воевал в нашем доблестном военно-морском флоте: участник боев на Кольском полуострове, участник разведывательных действий в акватории Белого, Карского, Баренцева морей и Новой Земли, старший сержант.
	КЛЮЧЕВ Андрей Евгеньевич – профессор, старший лейтенант, воевал в составе III-его Белорусского фронта, участник обороны Ленинграда

**ВETERАНЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ, РАБОТАВШИХ В
ЛИТМО – УНИВЕРСИТЕТЕ ИТМО В ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ**

	КОБУШКИН Виктор Кириллович – доцент кафедры физики, сражался в составе 3-его Украинского фронта и на Дальнем Востоке с империалистической Японией, старшина
	КОВАЛЕВ Павел Данилович – оператор котельной отдела главного механика, летчик-штурмовик, воевал на Ленинградском фронте, неоднократно был ранен в боях, а будучи сбитым над территорией, занятой противником, сражался в партизанском отряде, майор
	КОВАЛЕНОК Мария Федоровна – главный бухгалтер института до дня эвакуации в 1942 году и с 1951 по 1963 год, житель блокадного Ленинграда, была донором, безвозмездно сдавала кровь, находясь в блокадном Ленинграде
	КОВРОВ Борис Владимирович – студент ЛИТМО с 1946 по 1952 год, воевал в составе 7-го истребительного авиационного корпуса противовоздушной обороны Ленинградского фронта, награжден медалью «За оборону Ленинграда»
КОЛОБАНОВ Иван Алексеевич – инженер отдела снабжения, участник обороны Ленинграда	
КОЛОБОВА А. – заведующая канцелярией ЛИТМО, студентка ЛИТМО в Черепаново	
	КОЛОСКОВ Тимофей Михайлович – доцент кафедры философии, воевал в составе II-го Белорусского фронта, полковник
	КОНОНОВА Прасковья Павловна – работница административно-хозяйственной части, участница обороны Ленинграда, ефрейтор

НАШИ ВЕТЕРАНЫ:
они трудились в нашем вузе

	КОРНЮШКИН Юрий Дмитриевич – кандидат технических наук, доцент кафедры физики, принимал участие в битве за Кавказ, в боях за Новороссийск, Ростов, Одессу, воевал в составе Отдельной Приморской армии, рядовой автоматчик
	КОРОБКИН Виктор Иванович – старший преподаватель кафедры философии, Центральный фронт, младший лейтенант
	КОРСУН Степан Ануфриевич – доцент военно-морской кафедры, воевал на Ленинградском и Третьем Прибалтийском фронтах
	КОСМИН Павел Леонидович – воевал на Ленинградском фронте, гвардии старший сержант
	КОТОВ Михаил Матвеевич – механик кафедры физического воспитания и спорта, ветеран Великой Отечественной войны
	КОТОВ Николай Васильевич – техник, воевал на I-ом Украинском фронте, старший техник-лейтенант
КОТОЧИГОВ Н.П. – мастер столярного участка, участник боев Великой Отечественной войны, старший техник-лейтенант	
Кочерин Павел Васильевич – кровельщик и слесарь механосборочных работ 6 разряда экспериментально-опытного завода, ушел на фронт из ЛИТМО, воевал на Ленинградском фронте, участник обороны Ленинграда	

**ВETERАНЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ, РАБОТАВШИХ В
ЛИТМО – УНИВЕРСИТЕТЕ ИТМО В ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ**

КОЧУГУРОВА Анна Васильевна – инженер 1-го отдела, во время Великой Отечественной войны служащая Советской Армии

КРЕСТЬЯНИНОВ Яков Владимирович – учебный мастер кафедры технологии приборостроения, воевал на Ленинградском и 1-м Украинском фронтах, капитан

КРИЦКАЯ Мария Ивановна –
библиотекарь, во время войны – вольнонаёмная

КУЗНЕЦОВ Федор Васильевич – кандидат технических наук, организатор и первый заведующий военно-морской кафедрой (1944-1947). Участник Великой Отечественной войны. Награжден орденами Ленина, Красного знамени и рядом медалей

КУЗЬМИН Владимир Григорьевич –
в ЛИТМО с 1947 года, депутат Ленинградского городского Совета депутатов (1961-65)

КУЗЬМИН Михаил Иванович – шофер экспериментально-опытного завода, водил одну из машин с продуктами по льду Ладожской дороги в Ленинград с Большой земли, участник обороны Ленинграда

КУРИЛОВ Н.П. –
старший преподаватель, участвовал в боях Ленинградского фронта

КУРКОВСКИЙ Георгий Евгеньевич –
учебный мастер ОТСО, с сентября 1942 года по февраль 1944 года воевал на Ленинградском фронте, в составе военно-морского флота

ЛАЗАРЕВ Александр Иванович – выпускник ЛИТМО 1952 года, кандидат технических наук, доцент, участник боевых действий во время Великой Отечественной войны

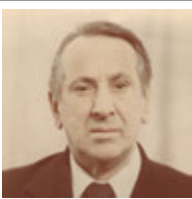
НАШИ ВЕТЕРАНЫ:
они трудились в нашем вузе

	ЛАКУНИН Владислав Михайлович – заведующий лабораторией кафедры КИПЭВА, участник боев на Дальнем Востоке, участвовал в высадке десанта на острове Шуму, капитан-лейтенант
	ЛАПИН Алексей Иванович – начальник участка множительной техники, участник боев в составе военно-воздушных сил Черноморского флота с июня 1941 по май 1945 года, обороны Севастополя и боев на Кавказе, подполковник
	ЛАПШИН Борис Федорович – доктор технических наук, профессор, заведующий кафедрой металловедения (1942-1960), работал в Черепаново
ЛАПШИНА Н.Я. – преподаватель кафедры военной подготовки в Черепаново	
ЛЕБЕДЕВ Б. – токарь экспериментально-опытного завода, моторист торпедного катера Балтийского флота, защищал полуостров Ханко, держал оборону на «Ораниенбаумском пятачке», участник боев под Выборгом, Кенигсбергом и на Дальнем Востоке, награжден орденом Красного Знамени	
ЛЕСАКОВ Михаил Федорович маляр отдела капитального ремонта, дважды сражался в частях и на кораблях Краснознаменного Балтийского флота, участвовал в боях за оборону Ленинграда, награжден медалями «За оборону Ленинграда», «За боевые заслуги», «За победу над Германией»	
	ЛЕВАШОВ Виктор Васильевич - главный инженер института, сражался на разных фронтах и в составе Военно-воздушных сил
	ЛЕШЕВ Геннадий Иванович – доцент кафедры оптико-электронных приборов, принимал участие в заключительной стадии войны в составе авиации Тихоокеанского флота, сражался и на Дальнем Востоке с империалистической Японией, штурман

**ВETERАНЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ, РАБОТАВШИХ В
ЛИТМО – УНИВЕРСИТЕТЕ ИТМО В ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ**

	ЛИТВИН Феодосий Львович – доктор технических наук, профессор, воевал на Ленинградском фронте и сконструировал прибор, который позволил сбивать на 25 – 30% самолётов врага больше, чем прежде
	ЛОГАЧЕВА Валентина Александровна – гардеробщица, во время Великой Отечественной войны - вольнонаемная
	ЛОРГУС Эдуард Владимирович – старший преподаватель кафедры физвоспитания и спорта, старший лейтенант, участник боев за освобождение Украины, стран Европы и взятия Берлина, освобождения Праги в составе 1-го Украинского фронта, старший лейтенант
	МАЙОРОВ Сергей Александрович – доктор технических наук, профессор, проректор по научной работе, заведующий кафедрой вычислительной техники, в 1941-45 годах - заместитель главного технолога Московского завода № 213 Министерства авиационной промышленности
МАЛЬКОВ П. – слесарь-сборщик экспериментально-производственных мастерских, воевал в 21-ой гвардейской дивизии Ленинградского фронта	
	МАКЕЕВ Петр Николаевич – старший научный сотрудник кафедры теории оптических приборов, начальник научно-исследовательского сектора, инвалид Великой Отечественной войны, воевал на Ленинградском фронте, старший лейтенант
МАТАЕВ Михаил Александрович – выпускник Профшколы точной механики и оптики с квалификацией механик (1931), механик экспериментально-опытного завода, защищал Ленинград, был ранен, после госпиталя вернулся в мастерские ЛИТМО	
	МАШОШИН Андрей Федорович – сотрудник кафедры физического воспитания и спорта, участник I-ой Мировой войны, в 1941-45 годах командир 10-ой дивизии Ленинградского фронта сражалась на подступах к городу-герою Ленинграду, участник обороны Ленинграда

НАШИ ВЕТЕРАНЫ:
они трудились в нашем вузе

	МЕДВЕДЕВ Георгий Иванович – кандидат экономических наук, доцент, заведующий кафедрой экономики предприятия и организации производства, воевал на Ленинградском фронте, сержант
	МЕДВЕДЕВ Сергей Павлович – кандидат технических наук, доцент, воевал на 1-ом Белорусском фронте, старший лейтенант-инженер
МИРОНОВИЧ А.А. сражался на знаменитом Нарвском «пяточке»	
	МИРОШНИЧЕНКО Иван Николаевич – кандидат технических наук, доцент военной кафедры, воевал на III-ем Прибалтийском фронте, участник Сталинградской битвы и обороны Кавказа, полковник
	МИТРОФАНОВ Сергей Петрович – доктор технических наук, профессор, ректор института (1961–74), заведующий кафедрой технологии приборостроения (1961–89), депутат Ленинградского городского Совета депутатов. Житель блокадного Ленинграда
МИХАЙЛОВ Иван Осипович – столяр отдела капитального ремонта, ушел на фронт из ЛИТМО, участник обороны Ленинграда, награжден медалью «За отвагу»	
	МОКИН Борис Константинович – начальник учебной части, нес службу в доблестном Военно-Морском Флоте на Балтике, капитан 2 ранга
МОСКАЛЕНКО Б. В. – начальник охраны, работала в Черепаново	
МОТОВ Владимир Григорьевич – старший юрист, председатель Совета блокадников, житель блокадного Ленинграда	

**ВETERАНЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ, РАБОТАВШИХ В
ЛИТМО – УНИВЕРСИТЕТЕ ИТМО В ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ**

	МОТОВА Нина Михайловна – старший преподаватель кафедры технологии приборостроения, воевала рядовой на Ленинградском фронте
МОРОЗОВ Николай Николаевич – штукатур отдела капитального ремонта, ушел на фронт из ЛИТМО, защищал Москву, участник обороны Москвы	
МОРОЗОВА В. – старший библиотекарь, во время Великой Отечественной войны была медсестрой военного санитарного поезда	
	НАГИБИНА Ирина Михайловна – профессор, заведующий кафедрой спектральных и оптико-физических приборов, сотрудница Ремонтной базы Ленинградского фронта, житель блокадного Ленинграда
	НАЛИВАЙКО Василий Филиппович – начальник 2-го отдела, начал войну на границе СССР, воевал в составе 1-го Украинского фронта, закончил её в Силезии, был ранен, полковник командир стрелкового взвода.
	НИКИФОРОВА Лидия Тимофеевна – старший преподаватель кафедры автоматики и телемеханики, житель блокадного Ленинграда, награждена медалью «За оборону Ленинграда»
	НОВОСЕЛОВ Алексей Ионович – кандидат технических наук, доцент кафедры автоматики и телемеханики, заместитель декана радиотехнического факультета, полковник, воевал в должности заместителя начальника связи 19-ой Армии на Севере России, получил сильнейшую контузию в 1944 году, попал в госпиталь
	НОДЕЛЬМАН Арон Яковлевич – декан общеобразовательного факультета, кандидат педагогических наук, доцент кафедры высшей математики, депутат Куйбышевского райсовета 1939-1947, политработник Ленинградского фронта

НАШИ ВЕТЕРАНЫ:
они трудились в нашем вузе

	ОСИПОВ А.С. – работник отдела снабжения, ветеран Великой Отечественной войны, был четырежды ранен
	ОЛЕЙНИКОВ А. П. – кандидат технических наук, доцент, воевал на Ленинградском фронте
	ПАВЛОВ Николай Георгиевич – сотрудник охраны, на тысячи верст протянулись его военные дороги, получил два ранения, шофер
	ПАНАГУШИН Константин Панфилович – инженер кафедры физического воспитания и спорта, участник обороны Кавказа
	ПАНКРАТЬЕВА Агафья Федоровна – работница административно-хозяйственной части, участница обороны Ленинграда, рядовая
	ПЕТРОВ Александр Григорьевич – заведующий лабораторией, начальник штаба гражданской обороны; воевал на Юго-Западном фронте, участник боев за освобождение Украины, стран Европы, участвовал во взятии Берлина, в освобождении Праги, был ранен в боях за освобождение Донбасса
	ПЕРЕВОЗЧИКОВ Николай Михайлович – старший преподаватель кафедры автоматики и телемеханики, участвовал в Сталинградской битве, сражался за Одессу, штурмовал Будапешт и Вену, а закончил войну в Белграде
	ПЕРЕПЕЛКИН Николай Петрович – мастер экспериментально-опытного завода, сражался за Украину, а затем принимал участие в освобождении стран Европы
	ПИМАНЕНКОВА Наталья Петровна – старший преподаватель кафедры иностранных языков, заместитель декана вечернего факультета, участник обороны Ленинграда, ефрейтор, связистка
	ПОРОХОВА Татьяна Григорьевна кандидат технических наук, доцент кафедры оптических приборов, во время эвакуации института - студентка 2-3 курсов в городе Черепаново

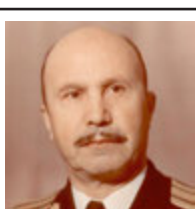
**ВETERAНЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ, РАБОТАВШИХ В
ЛИТМО – УНИВЕРСИТЕТЕ ИТМО В ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ**

	ПОРФИРЬЕВ Леонид Федорович – доктор технических наук, профессор, проректор, заведующий кафедрой оптико-электронных приборов, полковник, участник боев в составе Военно-воздушных сил 4-го Украинского фронта, участник обороны Киева, Сталинграда, участник боев за освобождение Крыма, Украины, Чехословакии, полковник
	ПОШЕХОНОВ Борис Леонидович – кандидат технических наук, заведующий кафедрой начертательной геометрии и черчения. Житель блокадного Ленинграда
	ПУТИНЦЕВ Леонид Иванович – кандидат экономических наук, доцент, заведующий кафедрой экономики предприятия и организации производства, сражался и на Дальнем Востоке с империалистической Японией, лейтенант
	РЕШЕТКИН Василий Иванович – кандидат технических наук, доцент, заведующий кафедрой оптических приборов, участник обороны Ленинграда, боев за освобождение Прибалтики, по ликвидации Курляндского котла, лейтенант
	РИФТИН Лев Павлович – кандидат технических наук, доцент, заместитель директора по учебной и научно-исследовательской работе, исполнял обязанности директора института в эвакуации до января 1943 года
	РОГИНСКИЙ Иосиф Юрьевич – кандидат технических наук, доцент кафедр радиолокационных приборов и автоматики и телемеханики. Заместитель декана радиотехнического факультета и факультета оптико-электронного приборостроения. Работал на строительстве Уральского алюминиевого завода (1942-44)
	РОЗЕНБЕРГ Макс Хаимович – старший преподаватель кафедры технологии приборостроения, директор учебно-производственных мастерских, участник военных действий (1943-45), награжден медалями «За отвагу», «За оборону Ленинграда», «За победу над Германией»

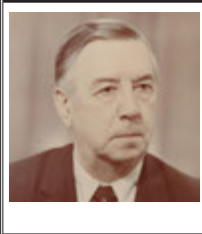
НАШИ ВЕТЕРАНЫ:
они трудились в нашем вузе

	РОМАНОВ Александр Иванович – рабочий (штукатур) отдела капитального ремонта, сержант (ефрейтор), участник боев на Калининском и Прибалтийском фронтах
	РУБАШКО Вячеслав Яковлевич – старший преподаватель кафедры теории механизмов и деталей приборов, капитан-инженер, воевал на 3-ем Белорусском фронте
РУДИН Леонид Ефимович – доцент кафедры материаловедения, во время Великой Отечественной войны мастер литейного цеха Кировского завода	
	РУДНОВ Анатолий Петрович – капитан 1-го ранга, воевал на Южном фронте и на кораблях Северного флота, участник боев под Новороссийском, за освобождение Ростова, в прорыве Миусских укреплений, был ранен.
	САВЕЛЬЕВ Юрий Михайлович – ведущий инженер отраслевой лаборатории кафедры оптико-электронных приборов, ветеран Великой Отечественной войны
	САПЕТИН Анатолий Иванович – кандидат технических наук, доцент, старший преподаватель кафедр радиолокационных приборов (1945-51), радиотехнических приборов и устройств (1951-53), доцент кафедр радиотехнических устройств (1954-56), теоретических основы электротехники (1957-59), радиолокационных приборов и устройств (1959-86), воевал на Ленинградском фронте в пехоте
	САЖИН Василий Дмитриевич – рабочий экспериментально-опытного завода, воевал на Ленинградском фронте

**ВETERАНЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ, РАБОТАВШИХ В
ЛИТМО – УНИВЕРСИТЕТЕ ИТМО В ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ**

	САМИНИН Алексей Петрович – доктор технических наук, профессор, доцент кафедры радиотехники, председатель Государственной экзаменационной комиссии радиотехнического факультета, сражался на Ленинградском фронте в бригаде морской пехоты, контр-адмирал-инженер
САФРОНОВА Антонина Васильевна – сторож охраны, ветеран Великой Отечественной войны, старший сержант	
СЕНАТОРОВ Петр Павлович – старший инженер учебного отдела, сражался в Заполярье и в Северной Норвегии дважды раненный в боях, пограничник	
СЕРГЕЕВ Евгений Владимирович – старший инженер экспериментально опытного завода, оборонял Ленинград в частях Балтийского флота	
	СЕРГЕЕВ Марк Анатольевич – доктор технических наук, профессор, заведующий кафедрой бортовых приборов управления, участвовал в боях на Ленинградском фронте в 195-ом истребительном авиационном полку в должности авиамеханика, старший лейтенант
	СЕРОВ Анатолий Константинович – преподаватель кафедры военно-морской подготовки, воевал на Северном флоте командиром батареи ЭМ «Грозный», участник обороны Ленинграда в районе Ивановских порогов и боев на Северном флоте, капитан 1-го ранга
СЕРОГОРОДСКИЙ А.И. – участник боев на море в составе Балтийского флота, обороны острова Ханко, подводник	
	СЕЧКАРЕВ Алексей Владимирович – доктор технических наук, профессор кафедры физики, житель блокадного Ленинграда, награжден медалью «За оборону Ленинграда»

НАШИ ВЕТЕРАНЫ:
они трудились в нашем вузе

	СИГОВ Ивглаф Иванович - доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой политэкономии (1962-69), декан общеобразовательного факультета (1962-63); курсант 2-го Ленинградского артиллерийского училища (1943-45).
	СИМОВСКИЙ Руф Анатольевич - ассистент кафедры охраны труда и охраны окружающей среды, воевал командиром отделения в бригаде морской пехоты в Заполярье и Северной Норвегии, на Ленинградском фронте, капитан 1 ранга – инженер
СИНЯКОВ Н.А. – старший преподаватель кафедры физического воспитания и спорта, участвовал в боях на самых трудных участках Ленинградского фронта под Ям-Ижорой и в Красном Бору, в Синявских болотах и под стенами Выборга, имел четыре ранения	
СКВОРЦОВА Зинаида Алексеевна – инженер конструкторского бюро, во время войны – вольнонаёмная	
	СЛИВ Эля Израилевич – доктор технических наук, профессор, заведующий кафедрой технической механики, с октября 1941 года и до конца войны участвовал в боевых действиях, в том числе в Польше и Германии, на 2-ом Белорусском фронте, гвардии капитан
СЛИЗОВСКАЯ Александра Константиновна – оптик экспериментально-опытного завода, работала с 1935 года в ЛИТМО, включая годы войны	
	СМИРНОВА Лилия Сергеевна – заведующая аспирантурой, начальник отдела кадров, житель блокадного Ленинграда, работала в военно-ремонтной базе Ленинградского фронта, награждена медалью «За оборону Ленинграда»
СМИРНОВА Мария Венедиктовна – инспектор отдела кадров; работала в эвакуогоспитале, участник обороны Сталинграда, вместе с воинской частью, в которой служила, прошла Польшу, Чехословакию и закончила войну в самом центре Германии	

**ВETERAНЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ, РАБОТАВШИХ В
ЛИТМО – УНИВЕРСИТЕТЕ ИТМО В ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ**

	СОБОЛЕВА Галина Александровна – кандидат технических наук, доцент кафедры физики, житель блокадного Ленинграда, награждена медалью «За оборону Ленинграда»
	СОГОМОНЯН Аветик Голустович – кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой; комиссар отряда на Ленинградском фронте (1941-42), преподаватель военных училищ; лектор фронтового Дома офицеров (1943-44) и агитатор политотдела зенитно-артиллерийской дивизии 1-ого Украинского фронта (1943-46)
	СОКОЛОВ Борис Александрович – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой философии, воевал на Ленинградском фронте, подполковник
СОКОЛОВ Игорь Николаевич – рабочий кафедры теплофизики, старший лейтенант, участник боев на Карельском фронте, по освобождению Чехословакии и Венгрии	
СОЛОВЬЁВ Николай Иванович – заведующий лабораторией кафедры физического воспитания и спорта, заместитель декана оптико-механического факультета, сражался за Синявинские рабочие посёлки в прославленной морской пехоте и был трижды ранен	
	СПЕРАНСКИЙ Сергей Витальевич – заведующий лабораторией кафедры теплофизики, в звании сержанта оборонял остров Ханко и Ленинград, сражался в Прибалтике, штурмовал Будапешт и Вену, освобождал Прагу
СТЕПАНОВ Борис Иванович – кандидат технических наук, доцент, профессор кафедры теоретической физики (1946-51), во время войны (1941-43) – партизан, боец Рабоче-крестьянской красной армии	
СТЕПАНОВА Мария Яковлевна – участник боевых действий Великой Отечественной войны, ефрейтор	

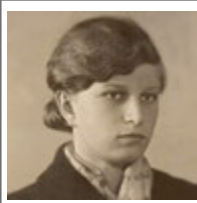
НАШИ ВЕТЕРАНЫ:
они трудились в нашем вузе

	ТАНСКИЙ Евфимий Апполонович – кандидат технических наук, доцент, заведующий кафедрой автоматики и телемеханики, ветеран Великой Отечественной войны
ТАРАСОВ Борис Константинович – оптик-механик экспериментально-опытного завода, оборонял Ленинград в частях Балтийского флота	
	ТАРХОВ Борис Федорович – доцент кафедры электроники, участник боев на Ленинградском и 2-м Украинском фронтах, капитан-инженер
	ТЕМИЧЕВ Алексей Семенович - начальник военной кафедры, капитан 1-го ранга, участвовал в боях на Черноморском флоте командиром отделения, на Северном флоте - командиром батареи морской пехоты
УСАНОВ Константин Федорович – рабочий экспериментально-опытного завода, участник боев на Ленинградском фронте	
	УСТИНОВ Николай Георгиевич – техник-конструктор 1 категории, участник обороны Ленинграда, в составе 3-его Прибалтийского фронта, старший сержант
	ФЕДОРИН Константин Михайлович – учебный мастер военно-морской кафедры, участник обороны Ленинграда
ФЕДОТОВА Антонина Ивановна – участник боевых действий, вольнонаемная	
	ФЕДОРЧЕНКО Фока Фаддеевич – начальник штаба гражданской обороны ЛИТМО, участник боев за оборону Сталинграда

**ВETERАНЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ, РАБОТАВШИХ В
ЛИТМО – УНИВЕРСИТЕТЕ ИТМО В ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ**

	ФЕДОРОВА Елена Марковна – старший инженер кафедры квантовой электроники, награждена «Орденом Отечественной войны 1941-1945 гг.», Медалью «За Победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.», труженик и защитник блокадного города Ленинграда, награждена Медалью «За оборону Ленинграда» и еще 10-ю медалями
	ФЕЛЬДМАН Яков Соломонович – старший преподаватель кафедры высшей математики, ефрейтор, участник обороны Ленинграда, а также боев в Заполярье и Северной Норвегии
	ФИЛИППОВ Владимир Дмитриевич – старший научный сотрудник кафедры экономики промышленности и организации производства, оборонял Ленинград в частях Балтийского флота, участник обороны Севастополя
	ФИЛИППОВИЧ А.П. – преподаватель, воевал на Ленинградском фронте
	ФУНТОВ Николай Михайлович – кандидат технических наук, доцент, заведующий кафедрой Теоретических основ электротехники (ТОЭ) (1958-68). Доцент кафедры Квантовой электроники, участник Великой Отечественной войны, служил в зенитных частях
	ХАРИН Юрий Петрович – электромонтер, в 1942 году 15-летним пареньком вступил добровольцем в ряды Советской армии и прошел дорогами войны до 1945 года
	ХВАЛОВСКИЙ Владимир Васильевич – кандидат технических наук, доцент кафедры теории оптических приборов, участник обороны Ленинграда, прорыва блокады, боев под Нарвой, участник освобождения Прибалтики и ликвидации Курляндской группировки, старший лейтенант
	ХУДЯКОВА Нина Дмитриевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, жительница блокадного Ленинграда, награждена медалью «За оборону Ленинграда»

НАШИ ВЕТЕРАНЫ:
они трудились в нашем вузе

	ХУХРОВА София Федоровна – студентка в Черепаново
ЦВЕТКОВ Николай Николаевич – сотрудник охраны, сражался за Украину, а затем принимал участие в освобождении народов Европы от гитлеровской тирании	
ЦВИБЕЛЬ В.Н. – доктор технических наук, профессор, Заслуженный деятель науки и техники, заведующий кафедрой, работал в эвакуации в городе Черепаново	
	ЦЕЙТЛИН Я.М. – доктор технических наук, профессор, участник обороны Ленинграда
	ЦЕЛИЩЕВ Виктор Иванович – кандидат технических наук, доцент кафедры теории оптических приборов, капитан-лейтенант, начал войну с приграничных сражений, познал горечь отступления и радость грядущих побед, был трижды ранен в боях, участвовал в битве за Москву, командиром танковой роты штурмовал Кенигсберг и закончил войну в Праге
	ЦИРУХИН Борис Иванович – рабочий отдела снабжения, политбоец, дважды был ранен в ходе десантных операций на «Невском пятачке», форсировал Неву в самое трудное время
	ЦУККЕРМАН Семен Тобиасович – доктор технических наук, профессор, заведующий кафедрой военных оптических приборов, профессор кафедры оптико-электронных приборов, в 1941-42 году работал в Ленинграде, в 1943-47 годах заведовал кафедрой в Московском высшем техническом училище им. Баумана
ЦУНСКИЙ Владимир Иванович – сотрудник охраны, командир танкового взвода на Западном и Белорусском фронтах, был ранен	

**ВETERАНЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ, РАБОТАВШИХ В
ЛИТМО – УНИВЕРСИТЕТЕ ИТМО В ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ**

ЧЕЛНОКОВ Иван Александрович –

сотрудник охраны, участвовал в боях за Сталинград, был ранен

ЧУРИЛОВСКАЯ Анна Яковлевна –

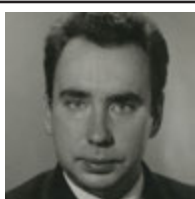
старшая лаборантка кафедры точных механизмов в Черепаново

ШАЛИН Виктор Михайлович – кандидат технических наук, доцент кафедры электротехники, старший лейтенант воевал на Ленинградском фронте

ШАРАПОВ Сергей Ефимович –

сотрудник охраны, оборонял Ленинград в частях Балтийского флота

ШАРЛАЙ Сергей Федорович – кандидат технических наук, доцент кафедры квантовой электроники, житель блокадного Ленинграда

ШАРОНОВ Николай Николаевич –

слесарь-ремонтник, ушел на фронт из ЛИТМО, прошел путь до столицы Германии и был удостоен медали «За взятие Берлина»

ШЕЛИНСКИЙ Георгий Иванович – доктор химических наук, профессор кафедры химии, участник обороны Ленинграда, боев под Нарвой, по освобождению Западной Украины, Венгрии

ШЕРЕМЕТ Георгий Кузьмич – проректор по финансово-хозяйственной деятельности, воевал на Ленинградском фронте, лейтенант-техник, студент ЛИТМО в Черепаново

ШИБАЕВ Григорий Федорович – рабочий отдела капитального ремонта,

пулеметчик, защищал Ленинград и был ранен в боях

НАШИ ВЕТЕРАНЫ:
они трудились в нашем вузе

	ШИШЕЛОВ Лаврентий Павлович – доктор технических наук, профессор, заведующий кафедрой точной механики, заместитель директора ЛИТМО по научно-учебной части (1936), декан факультета (точной механики) (1938-39), заведующий кафедрой навигационных приборов (1938-41), руководитель Военно-производственной базы № 3 (1941-42), в период эвакуации на Кавказ работал в Минеральных Водах и в Германии
	ШИШКОВ Иван Семенович – рабочий экспериментально-опытного завода, сражался на Западном и Белорусском фронтах
	ШУГАЛЕЙ Мария Максимовна – работница АХЧ, рядовая, участница обороны Ленинграда
	ШУХМАН Семен Абрамович – рабочий кафедры физического воспитания и спорта, рядовой, участник обороны Ленинграда, воевал на Ленинградском фронте

**СПИСОК ЖИТЕЛЕЙ БЛОКАДНОГО ЛЕНИНГРАДА,
НАГРАЖДЕННЫХ МЕДАЛЬЮ «ЗА ОБОРОНУ ЛЕНИНГРАДА»**

1. Зайцева Галина Ивановна
2. Кочугурова Анна Васильевна
3. Никифорова Лидия Тимофеевна
4. Соболева Галина Александровна
5. Федорова Елена Марковна
6. Худякова Нина Дмитриевна
7. Дергачева Лидия Алексеевна
8. Дыгина Маргарита Сергеевна

**СПИСОК ЖИТЕЛЕЙ БЛОКАДНОГО ЛЕНИНГРАДА,
РАБОТАЮЩИХ В УНИВЕРСИТЕТЕ ИТМО В 2015 ГОДУ**

1. Балошин Юрий Александрович
2. Богданова Маргарита Георгиевна
3. Горемышев Виктор Николаевич
4. Егоров Геннадий Васильевич
5. Колосов Юрий Владимирович
6. Красавцев Валерий Михайлович
7. Кудрявцева Ольга Борисовна
8. Кузьмин Юрий Петрович
9. Кулагин Вячеслав Сергеевич
10. Лапин Иван Александрович
11. Лисицына Галина Михайловна
12. Лоргус Эдуард Владимирович
13. Митрофанов Андрей Сергеевич
14. Проценко Алексей Николаевич
15. Разумова Татьяна Константиновна
16. Ратафьева Лариса Семеновна
17. Скорубский Владимир Иванович
18. Смирнов Вячеслав Павлович
19. Сокуренок Юрий Андреевич
20. Терехин Юрий Иванович
21. Томасов Валентин Сергеевич
22. Трофимов Владимир Анатольевич
23. Чиков Константин Никитич

ИХиБТ

24. Алексиков Юрий Петрович
25. Андреев Анатолий Николаевич
26. Верещагин Виктор Александрович
27. Дзино Анатолий Аполлонович
28. Диденко Ракса Алексеевна
29. Конфедератовой Нине Алексеевне
30. Крайнев Александр Андреевич
31. Куцакова Валентина Еремеевна
32. Силантьева Людмила Александровна
33. Уварова Нина Архиповна
34. Цветков Олег Борисович

**СПИСОК ЖИТЕЛЕЙ БЛОКАДНОГО ЛЕНИНГРАДА,
работавших в Университете ИТМО**

Аверьянов Николай Ефимович
Андреев Юрий Сергеевич
Баранов Геннадий Алексеевич
Березицкая Галина Евгеньевна
Воронцова Галина Михайловна
Германова Надежда Михайловна
Гусарова Нина Михайловна
Демина Маргарита Вениаминовна
Добровольская Ольга Федоровна
Елкин Владимир Владимирович
Зайцева Рита Ивановна
Иванова Инна Петровна
Кириллов Владимир Васильевич
Киселева Мария Александровна
Комаров Геннадий Павлович
Коршунов Владимир Николаевич
Макарова Зоя Владимировна
Милосердов Владимир Алексеевич
Миляев Олег Николаевич
Миронов Сергей Александрович
Михайлов Юрий Васильевич
Нежелский Валентин Александрович
Павлов Борис Владимирович
Петров Евгений Алексеевич
Петрова Аделя Михайловна
Питиримов Борис Захарович
Попков Олег Степанович
Потеев Михаил Иванович
Проценко Алексей Николаевич
Рубахина Татьяна Васильевна
Салищева Лариса Георгиевна
Седова Валентина Сергеевна
Серегин Валерий Васильевич
Склифосовская Лариса Алексеевна

Александрова Антонина Михайловна
Анисимов Юрий Николаевич
Белозерова Галина Косьминична
Белякова Нина Васильевна
Богданова Ирина Александровна
Большакова Маргарита Александровна
Брацук Тамара Ивановна
Бургонский Анатолий Семенович
Бурмистрова Мария Александровна
Гаврилюк Софья Ивановна
Грамматин Александр Пантелеймонович
Гуд Владимир Владимирович
Дивановская Анастасия Алексеевна
Дудина Лидия Ивановна
Ермков Дмитрий Васильевич
Земский Владимир Иванович
Зимаков Владимир Иванович
Иванов Виктор Владимирович
Кашищин Борис Николаевич
Кетов Николай Иванович
Коваленок Мария Яковлевна
Копылов Вениамин Иванович
Кузнецов Юрий Васильевич
Лебедева Георгина Александровна
Лившиц Эммануил Маркович
Логинов Геннадий Петрович
Марутто Эдвард Геннадьевич
Митрофанов Сергей Петрович
Морозова Людмила Ивановна
Мотов Владимир Григорьевич
Нагибина Ирина Михайловна
Некрасова Валентина Николаевна
Николаев Павел Викторович

**ВETERАНЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ, РАБОТАВШИХ В
ЛИТМО – УНИВЕРСИТЕТЕ ИТМО В ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ**

Смирнова Алевтина Васильевна
Соболева Галина Александровна
Ячменцев Олег Владимирович

Павлюченко Екатерина Федоровна
Плахтюрина Надежда Михайловна
Пожарова Тамара Павловна
Романов Вячеслав Геннадьевич
Рудин Вадим Леонидович
Русинов Михаил Михайлович
Сабинин Юрий Алексеевич
Савельев Юрий Михайлович
Савельева Людмила Петровна
Сечкарев Алексей Владимирович
Синяков Николай Антонович
Скалецкий Евгений Кириллович
Смирнов Дмитрий Михайлович
Смирнова Лилия Сергеевна
Соловьева Мария Дмитриевна
Страшников Юрий Дмитриевич
Сухопаров Серафим Александрович
Терентьев Олег Иванович
Титова Нина Михайловна
Тогатов Вячеслав Вячеславович
Трунев Владимир Викторович

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Прочитав эту книгу, Вы, уважаемые читатели, из воспоминаний очевидцев получили представление о тех трагических и, одновременно, героических событиях истории нашей страны, которые вот уже 70 лет не дают забыть об ужасах войны, не зависимо от того, происходили ли они на полях сражений, в лесах в партизанских отрядах, в блокадном Ленинграде или на фабриках и заводах, где производилась продукция для фронта.

Большинство авторов опубликованных здесь статей уже не встретят 70-летний юбилей Великой Победы, но они оставили нам, своим потомкам, эти строки своих воспоминаний, пронизанные в первую очередь основной идеей – оставить своё завещание в нескольких словах: «БЕРЕГИТЕ МИР! НЕТ НИЧЕГО СТРАШНЕЕ И БЕСЧЕЛОВЕЧНЕЕ, ЧЕМ ВОЙНА».

По-разному сложилась послевоенная судьба участников Великой Отечественной, пришедших учиться или работать в наш вуз: кто-то остался кадровым военным и стал преподавать на военной кафедре, кто-то стал рабочим, мастером экспериментально-опытного завода, большинство же посвятили себя научной и преподавательской деятельности. В приведенных в книге кратких описаниях судеб ветеранов войны отражены лишь самые значительные вехи их биографий, настолько, насколько позволяет объем издания.

В данную монографию не вошли истории и биографии абсолютно всех, кто, пережив войну, работал в Университете ИТМО в разные годы, и, отдавая память всем остальным сотрудникам вуза, в заключении опубликованы общие списки участников военных действий, тружеников тыла, жителей блокадного Ленинграда времен Великой Отечественной войны.

Электронная версия данной книги располагается на сайте Университета ИТМО (<http://www.ifmo.ru>). Настоящее издание содержит фотографии из семейных альбомов ветеранов войны, а также документы и фотографии из архива научно-образовательного центра «Музей истории Университета ИТМО».

Редакционная коллегия выражает глубокую благодарность всем, кто оказал помощь в подборе материалов о ветеранах Великой Отечественной войны для этой книги.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО РЕКТОРА	5
ПРЕДИСЛОВИЕ	7
Борин Олег Портрет (стихи).....	9
Шевелев А. На поле славы (стихи).....	10
ГЛАВА 1. СОВЕТЫ ВЕТЕРАНОВ В ЛИТМО -	
УНИВЕРСИТЕТЕ ИТМО.....	11
Совет ветеранов. Ветераны Великой Отечественной.....	13
Жаров А.Ф. Осмысля пройденный путь.....	19
Мотов В.Г. Блокадное братство.....	22
Шевелев А. На Пискаревском кладбище (стихи).....	26
ГЛАВА 2. ВОСПОМИНАНИЯ УЧАСТНИКОВ БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ	
ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ.....	27
Сергей Шарлай. Боль прошедшей войны (стихи).....	28
ЛОРГУС Эдуард Владимирович.....	29
Лоргус Э.В. В конце апреля 1945 года.....	31
РЕШЕТКИН Василий Иванович.....	33
Решеткин В.И. Страницы моей жизни.....	34
МОКИН Борис Константинович.....	39
Мокин Б.К. Торпедная атака.....	40
ПОРФИРЬЕВ Леонид Федорович.....	41
Порфирьев Л.Ф. Мой путь на отечественной войне.....	43
АВДЕЕВ Сергей Павлович.....	47
Тимофеев О.П. На передовых рубежах.....	49
ЗАХАРОВ Иван Захарович.....	51
Свиридов И. Так решались судьбы сражений.....	53
Захаров И.З. Все 1418 дней на фронте.....	55
Захаров И.З. Победа братской дружбы народов.....	56
МИТРОФАНОВ Сергей Петрович.....	59
Митрофанов С.П. Выстояли, победили.....	62
Митрофанов С.П. 900 дней и ночей.....	64

СПЕРАНСКИЙ Сергей Витальевич.....	71
Сперанский С.С. Дорогами солдатской славы.....	72
Корнюшкин Ю.Д. «Охота» на Ладого.....	74
РУДНОВ Анатолий Петрович.....	75
Фурменков А. Дыхание войны.....	76
ТЕМИЧЕВ Алексей Семенович.....	77
Темичев А.С. В начале войны.....	78
МОТОВА Нина Михайловна.....	81
И вечный бой.....	81
ЛАКУНИН Владислав Михайлович.....	83
Лакунин В.М. В августе 45-го.....	84
НАЛИВАЙКО Василий Филиппович.....	87
Наливайко В.Ф. 30 лет в строю.....	88
Наливайко В.Ф. Экзамен на мужество.....	90
Наливайко В.Ф. Последний удар.....	91
Наливайко В.Ф. Что мы знаем об этом?.....	93
Наливайко В.Ф. На длинных дорогах войны (беседа с внуком).....	96
Скворцова З. Тост (стихи).....	116
ИВАНОВА Валентина Вячеславововна.....	117
Наливайко В.Ф. Сестра милосердия.....	119
Иванова В.В. Игра со смертью.....	120
Иванова В.В. Девушки в серых шинелях.....	125
Иванова В.В. Цена хлеба.....	128
Иванова В.В. С днем победы, сынок!.....	133
Иванова В.В. Они были солдатами.....	139
Иванова В.В. Шестая симфония.....	147
Иванова В.В. Юность в 42-м.....	153
КОВАЛЕВ Павел Данилович.....	157
Ковалев П.Д. В лесах Белоруссии.....	158
ДОГАДКИН Александр Александрович.....	161
Янушанец Л. Воевал, как все.....	162
Семиенко О. Победители (стихи).....	164
КАРАСЕВ Алексей Александрович.....	165
Карасев А.А. Испытания выдержали.....	165
СОКОЛОВ Игорь Николаевич.....	167
Соколов И. Долго будет Карелия сниться.....	167
Авсюкевич А. Медаль (стихи).....	170

КОРСУН Степан Онуфриевич.....	171
Алексеев А. Кавалер четырех орденов.....	171
СОГОМОНЯН Аветик Голустович.....	173
Память ветерану.....	174
Согомонян А. Две встречи.....	175
ВЫСОКОДВОРСКИЙ Илья Абрамович.....	179
Коллектив кафедры технологии приборостроения. Творчество педагога.....	179
ДРОЗДОВ Александр Андреевич.....	181
Лесина Н. Спасибо за Вашу жизнь!.....	181
ФУНТОВ Николай Михайлович.....	187
Фунтов Н.М. Широкий кругозор, глубокие знания.....	188
Янушанец Л. Враг не прошел.....	191
ЕФИМОВ Николай Васильевич.....	193
ИЛЬИН Иван Ильич.....	194
Ильин И.И. 50-летие со дня победы.....	194
НОВОСЕЛОВ Алексей Ионович.....	195
Коллектив кафедры автоматике и телемеханики. Памяти ветерана.....	196
МАШОШИН Андрей Федорович.....	197
Всегда в строю.....	198
ЗИМИН Иван Иванович.....	199
Зимин И. И. Мои воспоминания о ВОВ.....	199
ИВАНОВ И.	202
Иванов И. Ни шагу назад!.....	202
ЦЕЛИЩЕВ Виктор Иванович.....	203
Целищев В. Освобождение Златой Праги.....	204
ЛИВШИЦ Анатолий Львович.....	208
Шалобаев Е., Шальников В. От службы на Флоте до службы в «ЛИМТУ».....	208
ЛАПИН Алексей Иванович.....	209
Лاپин А. Слово ветерану. Боевая молодость.....	209
СЕРОВ Анатолий Константинович.....	211
Серов А. Служим родине.....	211
СМИРНОВА Мария Венедиктовна.....	213
Мокин Б. От Волги до Эльбы.....	213
БУДНИКОВ Иван Григорьевич.....	214
ФЕДОРОВА Елена Марковна.....	215
Федорова Е.М. Моя блокада.....	215
ДИБЦЕВ Николай Яковлевич.....	217

Дибцев Н.Я. Ораниенбаумский «пяточок».....	217
СИГОВ Ивглаф Иванович.....	219
ИВАНОВ Александр Николаевич.....	221
САПЕТИН Анатолий Иванович.....	223
ГАРИНА-ДОМЧЕНКО Ариадна Николаевна.....	225
Гарина-Домченко А.Н. В пору послевоенной перестройки.....	227
ТАНСКИЙ Евфимий Аполлонович.....	231
КОРНЮШКИН Юрий Дмитриевич.....	232
ЕФИМОВ Николай Васильевич.....	233
МАКЕЕВ Петр Николаевич.....	234
Макеев П.Н. Научная работа ЛИТМО в годы войны.....	234
КУРКОВСКИЙ Георгий Евгеньевич.....	236
КОВРОВ Борис Владимирович.....	237
Ковров Б.В. Воспоминания военных лет: 1939-1952 годы в моей жизни.....	237
Заварова А. Если бы не было таких мальчишек (стихи).....	240

ГЛАВА 3. ВОСПОМИНАНИЯ ЖИТЕЛЕЙ БЛОКАДНОГО ЛЕНИНГРАДА.....

241

ШАРЛАЙ С. Воспоминания о блокадной зиме (стихи).....	242
СМИРНОВА Лилия Сергеевна.....	243
Смирнова Л. Будни фронтового города.....	243
ВЕСЕЛОВ Андрей Власович.....	249
МОТОВ Владимир Григорьевич.....	251
Мотов В.Г. Воспоминание о блокадном пайке.....	251
Мотов В.Г. Это время навсегда ушло от нас, и навсегда осталось с нами.....	254
Мотов В.Г. Весной сорок пятого.....	258
Скворцова З. Жертвами блокады (стихи).....	260
САБИНИН Юрий Алексеевич.....	261
Сабинин Ю. А. Энергетика Ленинграда в период блокады города.....	263
СМИРНОВ Дмитрий Михайлович.....	265
Прежде всего – учитель.....	266
ШАРЛАЙ Сергей Федорович.....	267
Шарлай С. Ф. Был в Ленинграде «Ленинград».....	267
Шарлай С. Ф. Я обретаю силы в памяти своей (стихи).....	271
Шарлай С. Ф. День победы порохов пропах (стихи).....	272
ХУДЯКОВА Нина Дмитриевна.....	273

Худякова Н.Д. Это не должно повториться!	275
НИКИФОРОВА Лидия Тимофеевна	277
Никифорова Л.Т. Память блокадных лет	278
ДЫГИНА Маргарита Сергеевна	283
Дыгина М.С. Моя блокада	284
ТРОФИМОВ Владимир Анатольевич	295
СОБОЛЕВА Галина Александровна	303
Соболева Г.А. Воспоминания о блокадной поре	303
АЛЕКСАНДРОВА Е. Выстояли	304
Третьякова М. Это были будни войны	306
Бурмистрова М. Дети осажденного города	308
Петрова А. Лепешки из лебеды	310
ГРЯЗИН Геннадий Николаевич	311
Грязин Г.Н. Из воспоминаний ученика сороковых годов	312
РЫБАКОВ Федор Максимович	314
УТЕХИН Юрий Александрович	315

ГЛАВА 4. ВОСПОМИНАНИЯ ТРУЖЕНИКОВ ТЫЛА.....317

МАЙОРОВ Сергей Александрович	319
ГЛАЗОВ Георгий Алексеевич	321
Глазов Г.А. Война	323
АКСЕЛЬРОД Захар Маркович	331
Шалобаев Е. Секрет часового взрывателя	332
РОГИНСКИЙ Иосиф Юрьевич	335
СТЕПАНОВА Зинаида Константиновна	335
Степанова З. К. Где-то в Сибири	335
Степанова З. К. Их подвиг бессмертен	336
ШИШЕЛОВ Лаврентий Павлович	339

ГЛАВА 5. ВОСПОМИНАНИЯ ВЕТЕРАНОВ ИНСТИТУТА ХОЛОДА И БИОМЕДИЦИНСКИХ ТЕХНОЛОГИЙ.....343

МАСЛЯКОВ А. Нашим юношам (стихи)	344
----------------------------------	-----

ПРЕДИСЛОВИЕ	345
--------------------	-----

ФИЛАТКИН Владимир Николаевич	347
------------------------------	-----

Филаткин В.Н. Боевой путь профессорско-преподавательского состава.....	348
АНДРИАНОВ Александр Андрианович.....	354
АНЦЕЛЕВИЧ Александр Рафаилович.....	358
АЛЕКСЕЕВ Николай Георгиевич.....	359
БАРИЦЕВСКИЙ Георгий Григорьевич.....	365
Воспоминания.....	365
БУДНЕВИЧ Семен Самойлович.....	371
Воспоминания.....	371
БУРГАРДТ Константин Александрович.....	373
ВЕПРИКОВ Анатолий Федорович.....	374
ГЕРЦБЕРГ Георгий Борисович.....	376
ГРИЦЕНКО Александр Дмитриевич.....	378
ГУЙКО Эдуард Иосифович.....	383
КОСТЫЛЕВ Владимир Владимирович.....	384
ЛЕПИЛИН Виктор Николаевич.....	389
Воспоминания.....	389
МАЛЫШЕВ Виктор Петрович.....	390
НАЗИМОВ Николай Павлович.....	392
ПЕЧНИКОВ Александр Филиппович.....	393
ПОНЯВИН Иван Дмитриевич.....	406
РОТГОЛЬЦ Андрей Васильевич.....	408
Ротгольц А.В. В логове врага.....	409
 Ветераны Великой Отечественной войны, работавшие в Университете ИТМО в послевоенные годы.....	 417
 Список жителей блокадного Ленинграда, награжденный медалью «За оборо- ну Ленинграда».....	 448
 Список жителей блокадного Ленинграда, работающих в Университете ИТМО в 2015 году.....	 449
 Список жителей блокадного Ленинграда, работавших в Университете ИТМО в 2015 году.....	 450
 ЗАКЛЮЧЕНИЕ	 452

УНИВЕРСИТЕТ ИТМО: ГОДЫ И ЛЮДИ

Наименование предыдущих книг серии:

1. Университет ИТМО: Годы и люди. Часть 1. / Составитель М.И. Потеев. – СПб.: Ива, 2000. – 284 с.
2. Университет ИТМО: Годы и люди. Часть вторая. / Под общей ред. проф. М.И. Потеева. – СПб.: СПбГУ ИТМО, 2006. – 164 с.
3. Русинов. / Под общей ред. проф. М.И. Потеева. – СПб.: СПбГУ ИТМО, 2009. – 168 с. – Серия «Университет ИТМО: Годы и люди». Часть 3.
4. Война и блокада. / Под редакцией Н.К. Мальцевой. – СПб.: СПбГУ ИТМО, 2010. – 260 с. – Серия «Национальный исследовательский университет ИТМО: Годы и люди». Часть четвертая.
5. Университет XXI века. / Под редакцией профессора Ю.Л. Колесникова и доцента Н.К. Мальцевой. – СПб.: СПбГУ ИТМО, 2011. – 278 с. – Серия «Национальный исследовательский университет ИТМО: Годы и люди». Часть пятая.
6. 75 лет кафедре информационно-навигационных систем. / Под редакцией Действительного члена РАН В.Г. Пешехонова. – СПб.: НИУ ИТМО, 2012. – 298 с. – Серия «Национальный исследовательский университет ИТМО: Годы и люди». Часть шестая.
7. Парамонов П.П., Колесников Ю.Л., Гатчин Ю.А., Алиев Т.И., Немолочнов О.Ф., Жаринов И.О., Сабо Ю.И. Вехи истории базовой кафедры Машинного проектирования бортовой электронно-вычислительной аппаратуры НИУ ИТМО при ОКБ «Электроавтоматика». – СПб.: НИУ ИТМО, 2012. – 158 с. – Серия «Национальный исследовательский университет ИТМО: Годы и люди». Часть седьмая.

Университет ИТМО: ГОДЫ И ЛЮДИ

Серия книг по истории создания и развития
Санкт-Петербургского национального исследовательского университета ин-
формационных технологий, механики и оптики
(бывшего Ленинградского института точной механики и оптики)
Авторы проекта Ю.Л. Колесников и Н.К. Мальцева

Наши ветераны: они трудились в нашем вузе (под редакцией доцента Н.К. Мальцева)

Часть 8

Технический редактор Н.К. Мальцева
Подготовка иллюстраций – Е.С. Лукин
Дизайн – Т.В. Афанасьева

Санкт-Петербургский
Национальный исследовательский университет
информационных технологий,
механики оптики
197101, СПб., Кронверкский пр., 49

Подписано в печать 19.04.15. Заказ: 2369. Тираж 300 экз.

Печать цифровая.

Центр распределенных издательских систем
Университета ИТМО

199034, СПб, В.О., Биржевая линия, д. 14-16
тел: +7(812) 2334669, e-mail: zakaz@tibir.ru, www.tibir.ru

Издание посвящено
ветеранам Великой
Отечественной войны,
учившимся и работавшим в
ЛИТМО - Университете
ИТМО в послевоенное время
после 1945 года.

Настоящая книга составлена
на основании воспоминаний
очевидцев событий военных
лет, а также статей
сотрудников нашего
университета об этих
ветеранах.

СВЕТОЙ
ПАМЯТИ
ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ
СОТРУДНИКОВ
И СТУДЕНТОВ
ЛИТМО
ОТДАВШИХ ЖИЗНЬ
ЗА НАШУ
РОДИНУ
В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
ВОЙНЫ
1941-1945 ГОДОВ
СЛАВА
ИХ БЕССМЕРТНОГО
ПОДВИГА ВО ИМЯ
ОТЧИЗНЫ
БУДЕТ
ЖИТЬ
В ВЕКАХ

